

1 р. 50 к., переплет 35 к.

Д. РОЗЕНБЕРГ

**КОММЕНТАРИИ
К ПЕРВОМУ ТОМУ «КАПИТАЛА»
КАРЛА МАРКСА**

В ПОМОЩЬ

САМООБРАЗОВАНИЮ

ОГИЗ «МОСКОВСКИЙ РАБОЧНИЙ» 1931

Д. РОЗЕНБЕРГ

33'

Р 64

**КОММЕНТАРИИ
К ПЕРВОМУ ТОМУ
„КАПИТАЛА“ КАРЛА МАРКСА**

**ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ**

**ОГНЗ — „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД**

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i> 9
Предисловие	
ВВЕДЕНИЕ.	
Предварительные замечания. Как читать «Капитал». Предмет исследования I тома «Капитала». Порядок исследования I тома «Капитала». Политическая экономия в широком и узком смысле. Метод. Критика буржуазной политической экономии.	12
ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.	
ТОВАР И ДЕНЬГИ.	
Предмет исследования. Порядок исследования.	
Глава первая. Товар	65
Предмет исследования. Порядок исследования.	
I. Два фактора товара: потребительная стоимость и стоимость	66
Видимость явления. От видимости к сущности. Абстрактный труд и стоимость. Величина стоимости и общественно-необходимый труд. Стоимость и производительность труда. Заключение. Общий итог	
II. Двойкий характер заключающегося в товарах труда	71
Значение анализа двойственной природы труда. Конкретный труд. Абстрактный труд. Простой и квалифицированный труд. Количество абстрактного труда. Резюме	
III. Форма стоимости или меновая стоимость	80
A. Простая, единичная или случайная форма стоимости	83
1) Два полюса выражения стоимости: относительная форма стоимости и эквивалентная	84
2) Относительная форма стоимости	85
a) Содержание относительной формы стоимости. b) Количественная определенность относительной формы стоимости.	
3) Эквивалентная форма	89
Иллюзии, возникающие в связи с этой формой.	
4) Простая форма стоимости в целом	92
B. Полная или развернутая форма стоимости	94
C. Всеобщая форма стоимости	95
D. Денежная форма	96
ОБЩЕЕ РЕЗЮМЕ	
IV. Товарный фетишизм и его тайна	99
Значение теории товарного фетишизма. Обусловленность товарным производством товарного фетишизма. Товарный фетишизм и форма стоимости. Товарный и религиозный фетишизмы. Другие общественные формации. Теория стоимости у классиков.	
Примечания к первой главе	106
Глава вторая. Процесс обмена	107
Предмет исследования. Порядок исследования. 1) Анализ обмена. и его противоречия. 2) Разрешение противоречий в развитии обмена. Критика взглядов на природу и происхождение денег.	
Примечания ко второй главе	111

	<i>Стр.</i>
Глава третья. Деньги или обращение товаров	112
Предмет исследования. Порядок исследования.	
I. Мера стоимости	114
Цена и масштаб цен. Всеобщее повышение или всеобщее понижение цен. Количественное несовпадение и качественное несоответствие цен со стоимостью.	
II. Средство обращения	116
а) Метаморфоз товаров	—
Кругооборот товара Т—Д—Т. Первая фаза: Т—Д. Вторая фаза: Д—Т. Метаморфоз товара в целом.	
б) Обращение денег	118
Качественная характеристика. Количественная характеристика.	
в) Монета. Знак стоимости	119
Монета и слитки. Знак стоимости. Бумажные деньги.	
III. Деньги	121
а) Средство накопления	—
Связь с функцией средств обращения. Разные формы накопления и их значение. Влияние накопления денег на развитие товарного производства.	
б) Платежное средство	123
Обусловленность кредита. Сущность кредита. Особенность функции платежного средства. Влияние кредита на количество денег в обращении.	
в) Мировые деньги	125
Примечание к третьей главе	126

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ.

Предмет исследования. Порядок исследования.	
Глава четвертая. Превращение денег в капитал	130
I. Общая формула капитала	—
Деньги в новой роли. Сходство и различие двух форм обращения. Новая загадка денег.	
II. Противоречие общей формулы	132 ^{ff}
Сущность противоречия. Ход доказательств.	
III. Купля и продажа рабочей силы	135
Рынок товарный и рынок труда. «Свободный» рабочий. Рабочая сила. Стоимость рабочей силы. Рабочий — кредитер капиталиста.	
Примечания к четвертой главе	141

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ ПРИВАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Предмет исследования. Порядок исследования	
Глава пятая. Процесс труда и процесс увеличения стоимости	147
Предмет исследования. Порядок исследования.	
I. Процесс труда или производство потребительных стоимостей	149
Человеческий труд. Основные моменты процесса труда. Средства производства. Производительное потребление.	
II. Процесс увеличения стоимости	151
Наемный рабочий за работой. Потребление рабочей силы капиталистом. Процесс образования стоимости. Воспроизводство стоимости рабочей силы. Еще раз критика других теорий прибыли. Настоящий источник прибавочной стоимости. Общественно-необходимый и квалифицированный труд.	
Примечания к пятой главе	155

Стр.

Глава шестая. Постоянный капитал и переменный капитал	156
Предмет исследования. Порядок исследования. Процесс перенесения стоимости. Перенесение стоимости и производительность труда. Перенесение стоимости разных частей средств производства. Распадение капитала на постоянный и переменный.	
Примечания к шестой главе	159
Глава седьмая. Норма прибавочной стоимости	160
Предмет исследования. Порядок исследования.	
I. Степень эксплуатации рабочей силы	161
Обозначения разных частей стоимости продукта. Отношение m к c . Норма прибавочной стоимости и норма эксплуатации.	
II. Выражение стоимости продукта в относительных долях продукта	163
Единый «вещный носитель» разных частей стоимости.	
III. «Последний час» Сениора	—
Ошибки двойного рода.	
IV. Прибавочный продукт	164
Примечания к седьмой главе	165
Глава восьмая. Рабочий день	—
Предмет исследования. Порядок исследования.	
I. Пределы рабочего дня	168
II. Ненасытная жажда прибавочного труда	169
Фабрикант и боярин.	
III. Отрасли английской промышленности без законных границ эксплуатации	170
Значение этого исследования.	
IV. Дневной и ночной труд. Система смен	171
Что капиталист понимает под рабочим днем.	
V. Борьба за нормирование рабочего дня	172
Резюме.	
Примечания к восьмой главе	175
Глава девятая. Норма и масса прибавочной стоимости	176
Предмет исследования. Порядок исследования. Первый закон. Второй закон. Третий закон. Размер капитала. Миссия капитала.	

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Предмет исследования. Порядок исследования.	
Глава десятая. Понятие относительной прибавочной стоимости	183
Предмет исследования. Порядок исследования. Две части рабочего дня. Относительная прибавочная стоимость. Избыточная прибавочная стоимость.	
Примечания к десятой главе	186
Глава одиннадцатая. Кооперация	—
Предмет исследования. Порядок исследования. Общая характеристика кооперации. Преимущества кооперированного труда. Кооперация как форма капиталистического производства.	
Примечания к одиннадцатой главе	190
Глава двенадцатая. Разделение труда в мануфактуре	191
Предмет исследования. Порядок исследования.	
I. Двойное происхождение мануфактуры	192
II. Частичный рабочий и его орудие	193
Отличие мануфактуры от кооперации. Причины повышения производительности труда при мануфактуре.	
III. Две основные формы мануфактуры	—
Органическая мануфактура. Техника и экономика. Образование «иерархии» рабочих.	

IV. Разделение труда в мануфактуре и разделение труда в обществе . .	195
Разделение труда с точки зрения самого процесса труда. Основные различия между ними. Анархия и организованность в буржуазном обществе.	
V. Капиталистический характер мануфактуры	197
Закон, определяющий необходимый размер капитала. Власть капитала над трудом. Техническое закрепление рабочего за капиталом. Обособление физического труда от умственного. Недостаточность мануфактуры.	
Примечания к двенадцатой главе	198
Глава тринадцатая. Машины и крупная промышленность	199
Предмет исследования. Порядок исследования	
I. Развитие машин	201
Машина с экономической точки зрения. Путь победы новой техники.	
II. Стоимость, отдаваемая машиной продукту	203
Экономические границы применения машин. Машина и противоречия капиталистических отношений.	
III. Ближайшие действия машинного производства на рабочего	204
Детский и женский труд. Машина и удлинение рабочего дня. Машина и интенсификация труда.	
IV. Фабрика	206
Два определения фабрики. Сущность капиталистической фабрики.	
V. Борьба между рабочим и машиной	208
VI. Теория компенсации	209
В чем ошибочность этой теории? Что происходит в действительности? Рост абсолютного числа рабочих и уменьшение относительного.	
VII. Отталкивание и притяжение рабочих в связи с развитием машинного производства	2 0
VIII. Революционизирование мануфактуры, ремесла и домашнего производства крупной промышленностью	211
IX. Фабричное законодательство	213
Различие анализа в VIII главе и в настоящей. Крупная промышленность и политехническое образование. Разрушение старых семейных отношений. Борьба за фабричное законодательство.	
X. Крупная промышленность и земледелие	215
Действие машины в земледелии. Единство пути развития промышленности и земледелия.	
Примечания к тринадцатой главе	217

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Предмет исследования. Порядок исследования.	
Глава четырнадцатая. Абсолютная и относительная прибавочная стоимость	219
Предмет исследования. Порядок исследования. Производительный труд в капиталистической системе. Сходство и различие между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью. Естественнo-исторические предпосылки возникновения капитала. Критика школы Рикардо.	
Примечания к четырнадцатой главе	229
Глава пятнадцатая. Соотношение между ценами рабочей силы и величиной прибавочной стоимости	230
Предмет исследования. Порядок исследования. Первый случай. Второй случай. Третий случай. Четвертый случай.	
Примечания к пятнадцатой главе	234

Стр.

Глава шестнадцатая. Различные формулы нормы прибавочной стоимости.	235
Несколько замечаний.	

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

Предмет исследования. Порядок исследования.	
Глава семнадцатая. Превращение стоимости соответственно цене рабочей силы в заработную плату	238
Предмет исследования. Порядок исследования. Продастся рабочая сила, а не труд. Трактовка вопроса у классиков. Заработная плата как превращенная форма стоимости и цены рабочей силы. Объективная обусловленность превращения стоимости соответственно цены рабочей силы в заработную плату.	
Примечания к семнадцатой главе	241
Глава восемнадцатая. Повременная плата	—
Предмет исследования. Порядок исследования. Основная форма заработной платы. «Цена труда». Зависимость заработной платы от цены труда и количества. Часовая оплата. Длина рабочего дня и цена труда.	
Глава девятнадцатая. Полштучная плата	244
Предмет исследования. Порядок исследования. Полштучная плата, как превращенная форма повременной. Особенности полштучной платы.	
Примечания к восемнадцатой и девятнадцатой главам	246
Глава двадцатая. Национальные различия в заработной плате	—
Несколько замечаний.	

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.

ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА.

Предмет исследования. Порядок исследования.	
Глава двадцать первая. Простое воспроизводство	251
Предмет исследования. Порядок исследования. Предварительные замечания. Воспроизводство переменного капитала. Воспроизводство капитала в целом. Воспроизводство капиталистических отношений.	
Примечания к двадцать первой главе	255
Глава двадцать вторая. Превращение прибавочной стоимости в капитал	256
Предмет исследования. Порядок исследования.	
I. Капиталистический процесс производства в расширенном масштабе	258
II. Ошибочное понимание воспроизводства в расширенном масштабе	259
III. Разделение прибавочной стоимости на капитал и доход	260
IV. Факторы, влияющие на накопление	262
Степень эксплуатации. Производительная сила труда. Рост потребляемого капитала по сравнению с потребляемым. Величина авансированного капитала.	
V. Так называемый рабочий фонд	264
Примечания к двадцать второй главе	266
Глава двадцать третья. Всеобщий закон капиталистического накопления	267
Предмет исследования. Порядок исследования. О составе капитала.	
I. Увеличение спроса на труд параллельно накоплению при неизменяющемся составе капитала	269
Возможность роста заработной платы. Предел роста заработной платы. Видимость и сущность явления.	

II. Относительное уменьшение переменной части капитала с прогрессом накопления и сопровождающей ее концентрацией	271
Повышение органического состава капитала. Количественный рост и качественное изменение состава капитала. Концентрация и централизация. Противоположность и единство концентрации и централизации.	
III. Возрастающее производство относительного перенаселения или промышленной резервной армии	275
Избыточное рабочее население — необходимый продукт накопления. Избыточное рабочее население — необходимое условие накопления. Накопление, промышленные циклы и заработная плата. Критика учения о «железном законе заработной платы» и теории компенсации.	
IV. Разные формы существования относительного перенаселения. Общий закон капиталистического накопления	280
Текущая, скрытая и застойные формы. Абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления. Закон народонаселения Мальтуса.	
V. Иллюстрация всеобщего закона капиталистического накопления . . .	284
Абстрактное и конкретное. Значение «иллюстраций» в настоящем отделе.	
Примечания к двадцать третьей главе	286
Глава двадцать четвертая. Так называемое первоначальное накопление	287
Предмет исследования. Порядок исследования.	
I. Тайна первоначального накопления	289
II. Экспроприация земли у сельского населения	290
III. Кровавое законодательство против эксплуатируемых	291
IV. Возникновение капиталистических фермеров	292
V. Обратное влияние сельскохозяйственной революции на промышленность . .	293
VI. Возникновение промышленного капитала	294
VII. Историческая тенденция капиталистического накопления	296
Глава двадцать пятая. Современная теория колонизации	297
Значение этой главы.	
Именной указатель	299

Предисловие к четвертому изданию.

Значительно дополнено и отчасти переработано «Введение»: 1) внесен особый пункт о политической экономии в широком и узком смысле (более подробно этот вопрос мною освещен в журнале «Проблемы экономики № 6 за 1931 г.); 2) более детально изложена часть, касающаяся метода.

В первой главе выделен пункт о механистических и идеалистических извращениях по вопросу об абстрактном труде. В примечаниях к третьей главе показана связь гильфердинговской теории денег с его теорией организованного капитализма.

В остальные отделы и главы книги изменения и дополнения внесены менее существенные.

Автор.

Предисловие ко второму изданию.

В настоящем издании нами значительно расширено «Введение» в части, относящейся 1) к предмету исследования, 2) к методу, 3) к критике буржуазной политической экономии.

Мы гораздо полнее стараемся осветить вопрос о производительных силах и производственных отношениях, их месте в «Капитале», следовательно, и в марксистской политической экономии. *По вопросу* же о методе включен пункт об анализе и синтезе—как они применяются Марксом в «Капитале». Что же касается критики буржуазной политической экономии, то мы даем более полную характеристику меркантилистов, физиократов, Смита, Рикардо и вульгарных экономистов.

В остальные отделы не внесены сколько-нибудь значительные дополнения за исключением более полного изложения критикуемых Марксом теорий. Более полно изложены только: 1) теория стоимости у предшественников Маркса, 2) теория прибыли, 3) теория заработной платы. Но все эти теории изложены постольку, поскольку они облегчают понимание критики, которой они подвергнуты Марксом. Других задач автор не ставил.

Внесены также и некоторые изменения и исправления, но почти исключительно формального и редакционного характера.

Предисловие к первому изданию.

Задача, которую ставит себе автор настоящей работы, состоит не в том, чтобы дать новое изложение I тома «Капитала» (в этом никакой необходимости нет), а в том, чтобы помочь серьезно работать над «Капиталом», т. е. работать согласно тем требованиям, которые сформулированы во «Введении».

I том «Капитала» состоит из 7 отделов и 25 глав. Мы стараемся помочь читателю прежде всего уяснить себе предмет и порядок исследования как каждого отдела, так и каждой главы. Это дает *нить*, которой можно держаться при прохождении отдела и главы. Из-за отдельных мыслей, особенно глубоких и оригинальных, которыми так богата любая глава «Капитала» и которые увлекают читателя и полностью поглощают все его внимание,— часто теряется связь и единство целого. Из-за деревьев, особенно ярко и пышно цветущих, не видно леса. Выяснение же предмета и порядка исследования с самого начала ориентирует на целое, на связь частей, на их единство.

При изложении текста мы тоже ставим задачу—не пересказать Маркса, а помочь следить за развитием его мысли, за ее обоснованием, за выводами, которые делаются из тех или иных положений. Маркс свой анализ начинает с товара как с «экономической клеточки буржуазного общества», и мы должны следить, как из этой клеточки постепенно вырастает сложнейшая ткань и не менее сложный скелет всей буржуазной экономики.

При изучении «Капитала» под указанным углом зрения следует особо обратить внимание на заголовки и подзаголовки отделов, глав, параграфов. Они должны служить своего рода *вехами*, облегчающими ориентировку в направлении и пути исследования. Мы повсюду даем марксовы заголовки и стараемся по возможности объяснить их смысл и значение как кратких формулировок основных проблем изучаемых частей «Капитала».

Надо сказать прямо: чтение «Капитала»—дело нелегкое. Но оно вполне посильное для тех, у которых есть знакомство с курсом политической экономии (марксистской) и—что особенно важно—некоторые навыки к работе над серьезной книгой. Приходится преодолевать трудности двойного—объективного и субъективного—порядка, которые в значительной мере друг друга обуславливают. «Капитал»—книга не легкая и по содержанию и по форме изложения, а это требует медленного, кропотливого чтения, частого повторения уже прочитанного. Но такое чтение в свою очередь требует терпения, которое обычно отсутствует у молодого читателя: он горит нетерпением, ему хочется поскорее преодолеть, понять, усвоить. Он начинает нервничать, т. е. приходит в состояние, меньше всего благоприятствующее серьезному чтению. И к объективным трудностям присоединяются субъективные—уже нужно преодолеть не только трудный текст, но и собственное нетерпение.

Поэтому, прежде чем начать читать «Капитал», мы советуем крепко запомнить цитируемые Каутским в конце его предисловия слова Маркса: «К науке ведет не широкая военная дорога, и только тот может рассчитывать достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась трудов, карабкается по ее каменистым тропам». (Подчеркнуто мной.—Р.)

Так как мы не ставим задачей дать курс или часть курса политической экономии по «Капиталу», а хотим помочь усвоить именно «Капитал», то предлагаемая работа должна читаться вместе с «Капиталом»: глава за главой, параграф за параграфом. Мы не советуем предлагаемую работу читать отдельно, независимо от «Капитала», в особенности читателю, еще незнакому с «Капиталом». Во-первых, такое чтение не даст желаемого результата—оно не поможет усвоить ни метод, ни ход мыслей

Маркса,—во-вторых, при таком чтении наша работа будет недоступна и малопонятна. Поэтому необходимо одновременно читать и «Капитал» и предлагаемую работу. Прежде чем начать читать главу «Капитала», нужно познакомиться по нашей работе с предметом и порядком исследования данной главы, а затем читать текст «Капитала», пользуясь нашими комментариями и отчасти изложением. По окончании главы необходимо вновь вернуться к предмету и порядку исследования, а также критически продумать наши комментарии. По окончании отдела нужно вернуться к предмету и порядку исследования всего отдела. Вообще, прежде чем начать новый отдел, необходимо еще и еще раз продумать и выяснить предмет исследования предыдущего отдела. Каутский в предисловии к I тому «Капитала» (стр. XXVIII) пишет: «Как действительность, которой хочет овладеть книга, невозможно вполне понять, пока не увидишь в ней кругооборота,—так не овладеешь книгой, если, дочитав ее до конца, опять не начнешь с начала». Но мы думаем, что это верно не только в отношении «Капитала» в целом, но и в отношении отдельных его глав и отделов. По окончании чтения отдела всегда необходимо вернуться к его началу. Например первая глава I тома «Капитала» становится гораздо яснее и понятнее по прочтении второй и третьей главы. И по мере продвижения дальше все лучше и глубже начинаешь понимать предыдущее. А потому необходимо взять за правило: всегда оглядываться назад, почаще возвращаться к уже пройденному.

Почти каждая глава снабжена примечаниями, в которых либо указывается дополнительная литература, либо рассматривается дискуссионный вопрос, либо указывается значение главы.

В конце книги дан именной указатель экономистов, имена которых встречаются в I томе «Капитала». Об этих экономистах и их учениях даются краткие сведения. (Именной указатель составлен т. Чернухиным, ассистентом Кабинета общественных наук при Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской.)

В заключение считаем нужным подчеркнуть, что предлагаемая работа рассчитана на читателя, который будет читать «Капитал» систематически—от начала до конца.

ВВЕДЕНИЕ.

В «Капитале», в котором даны теория и история капитализма, точнее—дана теория капитализма в его возникновении, развитии и исчезновении, современники Маркса прежде всего увидели «кровавую историю капитализма». Теоретические же проблемы «Капитала» им в значительной мере оказались недоступными тогда.

В предисловии к первому изданию «Капитала» Маркс пишет: «Всякое начало трудно,—это истина, справедливая для каждой науки. И в данном случае наибольшие трудности представляет понимание первой главы,—в особенности того отдела ее, который включает в себе анализ товара». Именно потому, что «наибольшие трудности представляет понимание первой главы», уже давно выдвинут был вопрос о порядке чтения «Капитала». С этим вопросом обратился еще к самому Марксу его друг Кугельман, сообщивший ему, что его жена хотела бы прочитать «Капитал», но с трудом разбирается при чтении первых его глав. Маркс на это ответил: «Укажите вашей супруге, что прежде всего можно прочитать отделы «Рабочий день», «Кооперация», «Разделение труда» и «Машины», наконец «Первоначальное накопление».

Перечисленные главы—описательного и исторического характера. Понимание их никаких трудностей не представляет. И некоторые методисты, подражая Марксу, т. е. ссылаясь на его совет супруге Кугельмана, советуют и сейчас начинать чтение «Капитала» с указанных глав. В настоящее время такое «подражание» Марксу совершенно неуместно—ожидается оно на большом, как говорится, недоразумении. Упускается из виду такая «мелочь», что со времени появления «Капитала» очень многое и многое изменилось.—Поэтому то, что было правильным для того времени, совершенно не применимо в наше время.

На читателя, знакомого с ужасами империализма, живущего в эпоху империалистических войн, пролетарских и колониальных революций,—«Капитал» как историческая книга уже не может производить того впечатления, которое он произвел на современников Маркса. Для последних такие главы, как «Рабочий день», «Машины и крупная промышленность» рисовали картину современной им капиталистической действительности. Вообще подавляющая часть описательного материала «Капитала» для тогдашнего читателя дышала, что называется, злобой дня и даже без надлежащего теоретического освещения служила также прекрасным агитационным и пропагандистским материалом. Точно так же те страницы великого труда Маркса, которые рисуют колоссальную мощь капитализма, его гигантские успехи, овладение им наукой и техникой, уже бледнеют перед другими страницами, которые вписаны железом и кровью последующих десятилетий развития капитализма, перехода его от сво-

бодной конкуренции к монополиям, от господства промышленного капитала к господству финансового капитала и финансовой олигархии.

Вот почему в наше время при изучении «Капитала» нецелесообразно даже по чисто методическим соображениям идти от так называемых исторических глав к теоретическим. Только усвоение исходных моментов исследований «Капитала», его метода «восхождения от абстрактного к конкретному», диалектического развертывания как отдельных категорий, так и перерастания одних в другие,—ставит конкретный материал на надлежащее место и придает ему глубоко теоретическое значение. Словом, к историческим главам нужно подойти уже вполне теоретически и методологически вооруженным.

С другой стороны, современный читатель подходит к «Капиталу» уже не с голыми руками: к его услугам обширная литература, ставящая своей задачей излагать, популяризировать, комментировать идеи «Капитала». Современный читатель, приступая к чтению «Капитала», уже знаком с теоретическим содержанием последнего,—он знаком с теорией стоимости, прибавочной стоимости, заработной платы, накопления и т. д. (Если такого элементарного знакомства паче чаяния у читателя еще нет, то чтение «Капитала» безусловно преждевременно.)

Итак, если для современников Маркса «Капитал» казался прежде всего историческим сочинением, то для нас он в первую очередь—гениальное теоретическое и методологическое произведение.

Все течет, все изменяется,—меняются и требования, предъявляемые к чтению «Капитала». Во-первых, наш читатель нуждается не в общем и первичном ознакомлении с идеями «Капитала», а в более глубоком, более основательном им усвоении. Во-вторых, чтение этого великого произведения должно освободить от некоторых, если можно так выразиться, налетов упрощенства и вульгаризации, которые неизбежны при ознакомлении с учением Маркса из вторых рук, по популярной литературе. Мы должны гордиться тем, что марксистская политическая экономия стала у нас, в СССР, нашей официальной наукой, что она преподается во всевозможных наших учебных заведениях. Но не надо скрывать от себя и таящейся в таком положении вещей серьезной опасности. Мы говорим об опасности шаблонизирования идей «Капитала», превращения их в ходкие монеты, которые, как известно, стираются и теряют в своем весе. Единственный способ борьбы с этой опасностью—это чтение самого «Капитала», притом не отрывочное, не «лоскутное» чтение, а систематическое, кропотливое и—что особенно подчеркиваем—от начала до конца.

На последнем пункте необходимо немного задержаться. Нет сомнения, что у нас «Капитал» читается; об этом свидетельствует хотя бы массовое его распространение. Его читает учащаяся молодежь, особенно студенты комвузов и социально-экономических вузов; его читают и в порядке самообразования. Но читают «Капитал» обычно «лоскутно», по отдельным главам, а то и по отдельным страницам и отрывкам. Если бы удалось провести анкету среди читателей «Капитала», то с уверенностью можно сказать, что процент читавших и читающих его от начала до конца оказался бы невысоким. Хуже всего еще то, что молчаливо начинают соглашаться с тем, будто в таком чтении и необходимости нет.

Особенно отрицается (тоже большей частью молчаливо)—или по меньшей мере не ощущается—необходимость чтения конкретного материала «Капитала». А между тем выхолащивание конкретной части, оставление одной только абстрактной части «Капитала» вредит в первую голову правильному пониманию последней. Но больше всего это мешает пониманию метода исследования и изложения «Капитала».

Такое отношение к историческим главам, как к ненужным для понимания экономической теории Маркса, тоже имеет свое историческое объяснение. Как мы видели, современники Маркса нуждались в популяризации именно абстрактно-теоретической части «Капитала». Это и было сделано в ряде популярных изложений «Капитала». В этой популярной литературе «Капитал» представлен был односторонне—только своей теоретическо-абстрактной частью. Историческо-описательная часть, не нуждавшаяся в особой популяризации, совершенно ушла из поля зрения. Экономическая система Маркса стала усваиваться исключительно в логическом разрезе.

«Метод восхождения от абстрактного к конкретному, — говорит Маркс, — есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное» («Введение к критике политической экономии»). Следовательно абстрактное и конкретное не противопоставляются друг другу, а друг друга обуславливают. Процесс усвоения конкретного начинается с абстракции, а заканчивается он лишь тогда, когда конкретное духовно воспроизведено как конкретное.

Возьмем для примера одну из перечисленных историко-описательных глав «Капитала»—главу о «Рабочем дне». Взятая сама по себе, т. е. вне связи с теорией прибавочной стоимости, глава эта представляет лишь изложение истории борьбы между английским пролетариатом и английской буржуазией за рабочий день, борьба за который началась с зарождения капитализма. Вырванная из общего контекста эта глава о «Рабочем дне» превращается в специальный исторический очерк, не имеющий теоретического значения для политической экономии. Но в «Капитале» глава эта помещена в отделе, озаглавленном «Производство абсолютной прибавочной стоимости». В таком контексте, в такой связи история борьбы за рабочий день выступает уже в ином свете.

«Производство абсолютной прибавочной стоимости, — пишет Маркс, — образует общую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости» («Капитал», т. I, стр. 395, изд. 1928 г.). Капиталистический способ производства возникает на основе ручного труда, ремесленной техники. Увеличить прибавочную стоимость и накопление капитала на этой основе возможно было лишь путем удлинения рабочего дня. Всякий лишний час прибавочного труда укреплял и расширял «общую основу капиталистической системы». Следовательно история борьбы за рабочий день в таком разрезе есть не что иное, как увязка исторического с логическим. Это и есть применение диалектического метода. На следующее замечание Ге-

теля: «То, что есть первое в науке должно было казаться исторически первым»—Ленин замечает: «звучит весьма материалистически»¹.

Прибавочная стоимость исследуется в ее возникновении и развитии, а также в связи с классовой борьбой между рабочими и капиталистами. Прибавочная стоимость, взятая абстрактно, есть капиталистическое выражение присвоения прибавочного труда, абстрагированное от методов этого присвоения. Прибавочная стоимость, взятая конкретно, есть выражение присвоения прибавочного труда при определенном методе и определенной форме классовой борьбы.

Увязывая анализ прибавочной стоимости в наиболее общем ее виде с проблемой рабочего дня, мы увязываем абстрактное с конкретным. Таким образом глава о «Рабочем дне» в том контексте, в котором она находится в «Капитале», не является просто историческим очерком, а есть, так сказать, элемент самой теории прибавочной стоимости. Борьба за рабочий день есть факт, который никем не оспаривается и оспариваться не может. Но великая заслуга Маркса в том, что он этот факт увязал с самими основами капиталистической системы. А это он мог делать только при помощи теории прибавочной стоимости.

Сказанное о главе «Рабочий день» полностью применимо и к остальным историко-описательным главам. Во всех указанных главах мышление усваивает себе конкретное, воспроизводя его духовно как конкретное». Кооперацию, мануфактуру, машинное производство мышление усваивает не как организационно-технические процессы, а как особые способы производства относительной прибавочной стоимости. И это возможно только благодаря общему—наиболее абстрактному—анализу капиталистического способа производства. Следовательно и здесь историко-описательные главы представляют увязку абстрактного с конкретным—общего анализа капиталистического способа производства с анализом конкретных проявлений этого способа производства в кооперации, мануфактуре, машинном производстве.

Вывод: в «Капитале» абстрактные главы и историко-описательные совершенно равноценны—они органически слиты воедино и в своей совокупности воспроизводят капитализм во всем его многообразии и в его единстве. «Конкретное,—говорит Маркс в цитированном выше «Введении»,—потому есть конкретное, что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии». Тот, кто хочет понять и усвоить капитализм как конкретную, исторически обусловленную экономическую систему, как «единство в многообразии»,—должен читать «Капитал» целиком, от начала до конца и в том же порядке, в каком великий автор сам его строил.

Тут мы подходим к третьему требованию, которое должно быть предъявлено к читающему «Капитал». Это чтение должно открыть метод Маркса, применяемый им в исследовании экономических явлений, в изложении полученных результатов, в построении своей теоретической системы в целом. Литературы по методологии марксистской политической экономии мало, еще меньше популярных очерков и пособий по данному вопросу. Самым лучшим способом усвоить метод Маркса является систематическая работа над

¹ Ленинский сборник IX, стр. 63.

«Капиталом», чтение страницы за страницей, главы за главой, без всяких пропусков, что дает возможность следить за ходом мысли автора, за исходными моментами исследований и дальнейшим их развитием, за переходами от одного «узлового» пункта к другому. «Лоскутное» чтение, выдергивание отдельных страниц и даже целых глав, разьединение абстрактно-аналитических исследований от исследований конкретно-описательного порядка, систематически и методологически слитых у Маркса в единое целое, — не только не открывают перед читателем метод Маркса, но и часто представляют его в совершенно искаженном виде. Дискуссия среди наших экономистов по целому ряду вопросов политической экономии, в том числе и по вопросу о предмете ее, длившаяся около двух лет, обнаружила целый ряд извращений, в первую очередь марксистской методологии.

«Объективно и та и другая сторона, и авторы сб. «Рубинщина или марксизм» и авторы сб. «Против механистических тенденций в политической экономии», невольно следовали меньшевистски очерченному Рубиным кругу теоретических вопросов. В частности борьба на весенней дискуссии в ИКП большей частью шла под нелепым в устах коммунистов лозунгом: «за или против Рубина». См. декларацию 9-ти на весеннем диспуте, признающую работы Рубина «марксистскими, развивающими и углубляющими наше понимание марксовской политической экономии»¹.

Действительно, одни стали извращенно понимать Маркса только по Рубину, а другие, тоже не выходя за круг, «очерченный» последним, начали впадать в механистические извращения. И обе стороны получили достойную, отповедь от т. Сталина, который заявил:

«а) ни одна из сторон не сумела применить как следует метод «борьбы на два фронта, как против «рубинизма», так и против «механизма»;

б) обе стороны отвлеклись от основных вопросов советской экономики и мирового империализма в область талмудизированных абстракций, убив таким образом два года работы на отвлеченные темы, конечно в угоду и к выгоде наших врагов».

Систематическая работа над «Капиталом» и усвоение того, что Марксом абстрактное всегда увязано с конкретным, в значительной мере может предохранить от указанных извращений.

Систематическое чтение «Капитала» имеет глубокое воспитательное значение. Оно не только открывает метод Маркса, но постепенно приучает и к пользованию им; отучает от «пристрастия» к абстрактным абсолютным истинам, заставляя искать исторической обусловленности даже таких положений, которые на первый взгляд кажутся применимыми во все времена и при всех условиях; научает «подозрительно» относиться к видимости явлений, требуя проникновения в их сущность, — словом, дает верное орудие и для плодотворной теоретической работы и для не менее плодотворной революционной практики.

И наконец при чтении «Капитала» серьезнейшее внимание необходимо обратить на форму и характер изложения, на стиль, на слог. Недаром говорят, что стиль — это человек. В слоге, в стиле отражается характер писателя, его темперамент, его отношение к развиваемым и высказываемым положениям.

¹ «Правда» от 17 февраля 1930 г.

При внимательном отношении к стилю «Капитала» перед нами автор его выступает не только как гениальный мыслитель, но и как величайший революционер. Изложения абстрактнейших положений сменяются дышащими революционной страстью сарказмами, едким юмором, уничтожающими противника шутками. Целый ряд описаний, составленных с большим мастерством, представляет первоклассные образцы использования конкретного материала для теоретических и революционно-практических целей. Кроме того, изучая стиль Маркса, мы открываем в Марксе мощного художника слова, словарь которого чрезвычайно велик и богат. Редко кому из экономистов удавалось изложить так блестяще и литературно с внешней стороны свое учение, как Марксу. Здесь не место подробно об этом говорить, но надо сказать, что эта сторона «Капитала» заслуживает внимательнейшего изучения.

Предмет исследования I тома «Капитала». Хотя предмет исследования I тома «Капитала» выясняется нами на протяжении всей предлагаемой работы, — все же несколько слов об этом скажем уже здесь. Прежде всего остановимся несколько на са-

мом заголовке I тома «Капитала» — «Процесс производства капитала». Маркс этот заголовок расшифровывает так: «В первой книге (I том «Капитала». — P.) были исследованы те явления, которые представляет капиталистический процесс производства (подчеркнуто Марксом), взятый сам по себе как непосредственный процесс производства, причем оставались в стороне все вторичные воздействия чуждых ему обстоятельств» («Капитал», т. III, ч. I, стр. I). Что это за «вторичные воздействия», которые «оставлялись в стороне» — видно из следующих дальнейших слов Маркса: «Но этим непосредственным процессом производства еще не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется процессом обращения (подчеркнуто Марксом), который составляет предмет исследования второй книги» (II том «Капитала». — P.).

Таким образом Маркс поясняет, что в I томе «Капитала» им изучается только капиталистический процесс производства, абстрагированный от процесса обращения. «А первый отдел I тома «Капитала» — «Товар и деньги»? — спросит недоумевающий читатель. — Ведь весь этот отдел как раз и изучает явления обращения, особенно глава III — «Деньги или обращение товаров». Но на самом деле в указанном отделе изучается не капиталистический процесс обращения, а обращение товаров, на основе которого вообще возможен капиталистический процесс производства.

Товар и деньги и исторически и логически предшествуют капиталистическому производству. Последнее возникает и развивается лишь после того, как превращение продуктов труда в товары достигает значительной степени развития. «Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Он появляется только там, где товарное производство и развитое товарное обращение, торговля, достигли известного уровня развития. Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии историю жизнедеятельности современного капитала»¹.

Но и логически капитал включает в себя и товар, и деньги; без них он не мыслим. Товар есть «форма экономической клеточки буржуазного

¹ «Капитал», т. I, стр. 93.

общества»—и без анализа этой клеточки и анализа разделения товарного мира на товар и деньги невозможно понять капитал как форму выражения основного классового отношения этого общества.

Буржуазные экономисты делят курс политической экономии на три отдела: 1) производство, 2) обращение, 3) распределение. В первом отделе трактуется производство вообще, т. е. производство материальных благ независимо от общественной формы. А затем переходят к обращению и распределению. На первый взгляд может показаться, что такой подход единственно правильный, что он обусловлен даже, так сказать, самой природой вещей. Ведь производство является основой существования всякого общества, а потому следует начать с изучения этой основы. Но, во-первых, именно потому, что производство материальных благ является основой существования всякого общества, оно, как таковое, как производство вообще, есть абстракция. Маркс по этому поводу говорит следующее: «Производство вообще—это абстракция, но абстракция, имеющая смысл, поскольку она действительно выдвигает общее, фиксирует его и тем избавляет нас от повторений»¹.

Буржуазные экономисты не ограничиваются «фиксированием общего». Они производство вообще смешивают с капиталистическим производством, вследствие чего последнее теряет—в изображении буржуазных экономистов—свою специфичность, свою историческую обусловленность. А это есть не что иное, как апологетика буржуазного строя. «И, например, вся мудрость,—продолжает Маркс дальше,—современных экономистов, доказывающих вечность и гармонию существующих социальных отношений, заключается в том, что они забывают об этих различиях, доказывая, например, что никакое производство невозможно без орудий производства, хотя бы этим орудием была только рука, и что никакое производство невозможно без предшествующего накопления труда, хотя бы этот труд представлял собою всего лишь сноровку, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся упражнений» (там же).

Маркс же, озаглавив I том «Капитала»: «Процесс производства капитала», подчеркнул, что им исследуется не производственный процесс вообще, а процесс производства капитала, который выступает и как процесс труда, и как процесс увеличения стоимости (см. об этом дальше).

В отделе же обращения буржуазными экономистами, правда, рассматривается обращение товаров, торговля, кредит, т. е. то, что имеет место только в товарно-капиталистической системе. Но, во-первых, и здесь у них внимание сосредоточено на технических моментах, на торговых, кредитных и всяких иных операциях. При такой постановке вопроса обращение принципиально не отличается от производства, а является некоей разновидностью его. Отсюда также—и это во-вторых—обращение не обуславливается производством, не предопределяется способом производства. Этим методологически смертельным грехом страдает и изучение буржуазными экономистами распределения—распределения национального дохода между разными группами населения. И здесь многие умудряются трактовать явления распределения как есте-

¹ К критике политической экономии, Введение, стр. 53, изд. 1933 г.

ственные, а не социально-исторические, обусловленные опять-таки определенным способом производства: источником заработной платы считают труд, как таковой, как естественно-технический процесс; источником прибыли—капитал (а под последним понимают средства производства), а источником ренты—землю.

Если и не все буржуазные экономисты так вульгаризируют явления распределения (классики, как мы это увидим, меньше всего повинны в такой вульгаризации), то все они, в том числе и классики, распределение отрывают от способа производства.

Совсем иначе понимает предмет политической экономии и следовательно предмет «Капитала» Маркс. Для него прежде всего производство, обращение, распределение суть единое целое, притом и обращение и распределение предопределяются способом производства, хотя и они в свою очередь обратно влияют на последний.

В «Капитале» Маркс изучает: 1) капиталистический процесс производства, 2) капиталистический процесс обращения и 3) «процесс капиталистического производства, взятый в целом», где изучается и распределение *прибавочной стоимости*. Все эти группы проблем являются предметами исследования соответствующих трех томов «Капитала».

На путь отрыва обращения от производства стала и современная социал-демократия. Начало этому положил Гильфердинг в своей книге «Финансовый капитал». Он империализм, финансовый капитал в сущности выводит из явлений обращения.

Каутский в свое время пытался оправдать Гильфердинга следующим образом: «Изображенный Гильфердингом процесс развития представляет продукт воздействия не только процесса обращения. Нет сомнения, что мощное воздействие в этом направлении оказал и процесс производства, прогресс техники, но не справедливо упрекать Гильфердинга в том, что он не заметил этих факторов. В план его сочинения не входило подробное их рассмотрение. Он не недооценивает их, но его задача заключалась прежде всего в изучении факторов, протекающих из процесса обращения,—факторов, значение которых для указанного развития было до сих пор слишком мало оценено и совершенно не подвергалось систематическому исследованию»¹.

Каутский, защищая Гильфердинга, выдает и себя. Производство для него—только техника; процесс производства и прогресс техники ставятся им, что называется, на одну доску. Отождествление производства с техникой у Каутского встречается и в других его работах. А раз производство и техника отождествляются, то отрыв обращения от производства уже неизбежен. Между производством как техническим процессом и обращением ничего общего нет. Это, во-первых. Во-вторых, Каутский или не понял или не хотел понять сущности вопроса. Дело вовсе не в том, что факторы обращения, как мало еще освещенные, должны быть наиболее выпукло выделены, подчеркнуты и исследованы, а в том, что обращение, если оставаться верным методу Маркса, нельзя брать изолированно от производства. Конечно, обращение имеет свои особенности, которые должны подвергаться исследованию; никто лучше Маркса не осветил роли обращения, но он нигде

¹ Основные проблемы политической экономии «Финансовый капитал и кризисы», стр. 430—431, изд. 2-е, подчеркнуто мною. — P.

не отрывает обращения от производства, как и обратно—производство от обращения.

Еще дальше пошел другой столп II Интернационала, Реннер. Он уже не только отрывает обращение от производства, но выдвигает обращение на первый план, по существу признает примат обращения над производством; теория обращения у него превратилась в «теорию капиталистического хозяйства». Все своеобразие капиталистического способа производства он видит в обращении; к последнему он решительно сводит все, за исключением технического процесса, к которому им приравнивается производство. Реннер пишет: «...обратимся к исследованию капиталистического обращения и для того, чтобы его изучить, изучить, другими словами, хозяйственный процесс,—направимся на рынок»¹. Тут ясно сказано, что изучить обращение значит изучить хозяйственный процесс, а для этого нужно отправиться на рынок.

Реннер, конечно, не забывает и про производство, не забывает, что у Маркса есть и I том «Капитала», но заявляет: «Результаты исследования Маркса в области производства были неоднократно популяризированы и стали достоянием рабочего класса. Не так обстоит дело с процессом обращения. Ему мы уделяем наше особенное внимание, причем мы касаемся основ учения Маркса о производстве постольку, поскольку это необходимо для нашей главной цели»². Кажется бы, против этого возражать не приходится: 1) верно то, что процесс обращения в марксистской литературе меньше изучен, 2) правильно и то, что его нужно изучать. Но несколькими строками ниже наш автор поет уже совсем иное: «При этом процесс обращения,—безапелляционно провозглашает он,—является для капиталистического ведения хозяйства не только характерным, но и решающим моментом, ибо он накладывает свою печать не только на вещи, но и на людей, как на рабочую силу: и человек становится, в качестве рабочей силы,—товаром; у него—свой рынок, рынок рабочей силы». Здесь полная мешанина: нагромождены в одну кучу верные соображения с неверными,—и общий смысл всей этой мешанины не оставляет ни малейшего сомнения, что наш автор полагает, что как вещи, так и люди становятся товарами только в обращении: лишь последнее накладывает на них печать товарности. А по Марксу верно как раз противоположное: «Характерное,—говорит он,—заключается не в том, что товар—рабочая сила—может быть куплен, а в том, что рабочая сила является товаром»³.

И дальше: «Рассматриваемый акт представляет куплю и продажу рабочей силы, денежное отношение, но такую куплю и продажу, где покупателем предполагается капиталист, а продавцом—наемный рабочий; следовательно данное отношение вытекает из того, что условия для реализации рабочей силы—средства существования и средства производства—отделены как чужая собственность от владельца рабочей силы»⁴.

¹ Карл Реннер. Теория капиталистического хозяйства, стр. 3, изд. 1926 г.

² Там же, стр. 12. Подчеркнуто автором. — Р.

³ «Капитал», т. II, стр. 7, изд. 1918 г.

⁴ Там же.

Реннер полностью извратил учение Маркса о единстве производства и обращения, их противоположности, противоречии и взаимном их проникновении. По стопам Гильфердинга пошел и Рубин, который еще более тонко и более искусно искажал и фальсифицировал Маркса. И для Рубина производство также лишь технический процесс, а социальную «форму» он видит в обращении (об этом дальше более подробно). Отрыв обращения от производства у него полный. Фактически утверждается им примат обращения над производством.

Порядок исследования I тома «Капитала».

Весь I том «Капитала» состоит из 7 отделов и 25 глав. В первом отделе, как уже сказано, исследуется «исходный пункт капитала». Товарное обращение является исходным, как сказано, пунктом ка-

питала не только исторически, но и логически (теоретически).

«Исследование производственных отношений,—говорит Ленин,—данного исторически определенного общества в их возникновении, развитии и упадке—такое содержание экономического учения Маркса. В капиталистическом обществе господствует производство товаров, и анализ Маркса поэтому начинается с анализа товара»¹.

В первом отделе исследуются товар и деньги и раскрываются выраженные в них производственные отношения товаропроизводителей. Однако центральной проблемой I тома «Капитала» является прибавочная стоимость: исследуются сущность ее, условия ее возникновения, методы производства прибавочной стоимости и превращение ее в капитал; исследование прибавочной стоимости начинается во втором отделе и кончается в седьмом. Но прибавочная стоимость проявляется и может проявляться только в прибыли, как стоимость проявляется только в меновой стоимости. Без прибавочной стоимости нет прибыли, но и без капиталистического обращения, выражающегося формулой $D—T—D^1$, нет и прибавочной стоимости как капиталистической формы эксплуатации. Без капиталистического обращения возможно присвоение чужого неоплаченного труда лишь прямым непосредственным принуждением, что имело место в рабском или феодальном хозяйстве. Только на базе свободного товарообращения, на основе которого возникает и обращение такого товара, как рабочая сила, присвоение прибавочного труда становится прибавочной стоимостью и последняя принимает форму прибыли.

Поэтому исследование производства прибавочной стоимости Маркс начинает с анализа обращения капитала, с $D—T—D^1$. Этому посвящается второй отдел—«Превращение денег в капитал», где исследуются условия, при которых на основе товарообращения стоимость превращается в стоимость, приносящую прибавочную стоимость.

Третий, четвертый, пятый отделы вводят нас уже в капиталистическое производство (в тесном смысле слова) и изучают производство прибавочной стоимости—абсолютной и относительной. Шестой отдел имеет своим предметом исследования заработную плату. Часто вызывает недоумение, почему эта проблема ставится в I томе «Капитала»; мы дальше покажем, что теория заработной платы, как она дана в названном отделе, завершает теорию прибавочной стоимости и есть продолжение последней. Лишь в седьмом отделе ставится проблема производства самого капитала. Если товар—«форма экономической эле-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 56.

точка буржуазного общества», то учение о стоимости (как оно изложено в первых двух параграфах первой главы)—«клеточка» всего экономического учения Маркса, которое «духовно воспроизводит» буржуазный способ производства. Теория стоимости через учение о формах стоимости переходит в теорию денег, а затем в теорию прибавочной стоимости, капитала, накопления и т. д.

Перечисленные теории, с одной стороны, составляют единое целое, воспроизводя то конкретное, про которое Маркс говорит: «Конкретное потому есть конкретное, что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии». С другой стороны, каждая теория, взятая в отдельности, в свою очередь представляет комплекс понятий, выражающих сложное явление реальной действительности со множеством его сторон и соответствующих им определений. Ведь например теория стоимости уже на первых стадиях анализа включает в себя такие понятия, как «абстрактный труд», «общественно-необходимый труд», «редукция сложного труда к простому» и т. д. Если например теория стоимости в отношении к теории производства капитала и накопления является элементом, чем-то «простейшим», то по отношению к понятию абстрактного, общественно-необходимого труда и т. д. она уже является единством во многообразии. Вот почему мы и пытаемся при изложении текста «Капитала» обн а ж а т ь, во-первых, «узлы», связывающие одну теорию с другой, во-вторых, пункты увязки элементов каждой из них в отдельности.

Каутский в своей книге «Экономическое учение К. Маркса», фактически излагающей только учение I тома «Капитала» (есть только одна IV глава, трактующая вопросы, выходящие за пределы последнего—«Прибавочная ценность и прибыль»), совершенно неправильно делит содержание последнего на такие три отдела: 1) «Товар, деньги, капитал» (под заголовком «Капитал» он трактует лишь превращение денег в капитал), 2) «Прибавочная ценность», 3) «Заработная плата и доход с капитала». В первом отделе он объединяет разнородные экономические явления, точнее—разные типы производственных отношений: с одной стороны, товар и деньги, а с другой—капитал. Повидимому, в основу этого «объединения» Каутский кладет чисто внешний признак: процесс обращения. Под капиталом, как сказано, он в данном отделе рассматривает лишь превращение денег в капитал. Но тем хуже: марксисту не подобает исходить из внешних признаков. Если уж делить I том «Капитала» на три отдела, то превращение денег в капитал должно быть отнесено к прибавочной стоимости. Второй отдел возражений не вызывает, но почему-то туда не включены проблемы пятого отдела I тома «Капитала»—«Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости». Зато методологически не выдерживает никакой критики принцип составления третьего отдела. Назвать процесс накопления капитала доходом и соединить в один отдел с заработной платой (потому что последняя тоже есть доход)—уже совсем никуда не годится.

Девиль в своей книжке «Изложение I тома «Капитала» (есть и отдельное издание, и имеется в сборнике «Капитал Карла Маркса»—изложение четырех томов, изд. «Буревестник», 1924 г.) в общем придерживается разбивки на отделы, имеющиеся в «Капитале», только прибавляет восьмой отдел, куда выделяет «Первоначальное накопление»,

который почему-то разбивает на целых четыре главы. Мы в дальнейшем покажем, что нет надобности в этом возмозм отделе, что первоначальное накопление методологически вполне возможно рассмотреть вместе с процессом накопления капитала.

Но полнейшую беззаботность проявляет Ю. Борхардт в своем изложении всех трех томов «Капитала». Тут совсем невозможно говорить о каком-либо методе изложения и классификации изучаемых явлений. Начинает он сразу с товара, цены и прибыли, Деньги рассматривает после «Исторических тенденций капиталистического накопления». И таких «скачков» и «движений туда и обратно» у него немало. Автор преследовал задачу исключительно педагогического характера: дать возможность кратчайшим и наиболее легким путем усвоить содержание всех трех томов «Капитала». Но и эта задача Борхардтом не разрешена: учащиеся обычно жалуются, что борхардтовский «Капитал» менее доступен, чем «Капитал» Маркса.

Исследование в «Капитале» все время ведется по методу «восхождения от абстрактного к конкретному» (далее об этом более подробно).

Капиталистическое общество, производящее стоимость и прибавочную стоимость, товар или капитал, берется в начале, в первом отделе, как общество, производящее только стоимость, только товар, а потому оно теоретически имеет вид общества простых товаропроизводителей. Но этому теоретическому построению соответствует историческое движение: капиталу и исторически предшествовали товар, деньги. Но об этом мы уже достаточно говорили.

Стержень остальных отделов—это производственные отношения между владельцами рабочей силы и владельцами средств производства. «Восхождение» начинается с выяснения особенности специфического товара—рабочей силы—и его стоимости. И это дает возможность разрешить проблему, как капитал—стоимость, приносящая прибавочную стоимость—возникает «в обращении и в то же время не в обращении».

«Каковы бы ни были,—говорит Маркс,—общественные формы производства, рабочие и средства производства остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одних от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличают отдельные экономические эпохи социальной структуры»¹ $D - T < \frac{P}{Cn}$ является тем способом соединения рабочих и средств производства для производственного процесса, который (способ соединения) характерен для капитализма и который отличает последний от других «экономических эпох социальной структуры».

Деньги становятся капиталом потому, что они превращаются в особый товар—в рабочую силу, которая соединяется с средствами производства. На этом исследование сферы обращения заканчивается, и Маркс переходит к исследованию сферы производства, без которого капитал не может возникнуть и в обращении. А производство прибавочной стоимости прежде всего исследуется в наиболее абстрактной форме как производство абсолютной прибавочной стоимости, которое является и

¹ «Капитал», т. II, стр. 13, изд. 1918 г.

логическим и историческим исходным пунктом производства относительной прибавочной стоимости. Последнему посвящается IV отдел, а в V отделе рассматривается единство и различие обоих способов производства прибавочной стоимости. В VI отделе—«Заработная плата»—показывается, как капиталистические отношения маскируются, т. е. как они выступают в конкретной капиталистической действительности. Заканчивается I том «Капитала» исследованием того, как производится сам капитал и как он исторически возник.

Маркс подводит итоги всего I тома «Капитала». Итоги эти гласят: «Капиталистический способ присвоения вытекает из капиталистического способа производства, а потому капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство с неизбежностью процесса природы порождает отрицание самого себя. Это отрицание отрицания»¹. На смену капиталистической собственности идет коллективная собственность. Вновь соединяются средства производства с производителями, но не на докапиталистической основе, а «на основании завоеваний капиталистической эры, т. е. на основе кооперации и общего владения землей и другими средствами производства, которые произведены самим же трудом».

**Политическая
экономика
в широком смысле
и узком смысле.**

В «Капитале» изучаются производственные отношения капиталистической системы. Но производственные отношения образуют экономическую структуру любого общества. Вот что пишет об этом Маркс:

«В общественном отравлении своей жизни,—говорит Маркс,—люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения—производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка... И дальше: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречия с существующими производственными отношениями, или употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения становятся их оковами» (Предисловие «К критике»).

В приведенных цитатах дана всесторонняя характеристика производственных отношений. Во-первых, они непосредственно возникают в процессе производства—люди в них вступают «в общественном отравлении своей жизни». Из контекста видно, что Маркс под последним понимает процесс производства материальных благ. Во-вторых, возникают они объективно, это—«независящие от воли отношения». В-третьих,—производственные отношения в своей совокупности образуют «экономическую структуру общества, реальное основание его». И, наконец, в-четвертых, они являются формами развития производительных сил, когда соответствуют последним, и становятся их оковами, как только это соответствие уничтожено вследствие дальнейшего развития производительных сил.

¹ «Капитал», т. I, стр. 613, изд. 1920 г.

А это ведь относится к производственным отношениям любой общественной формации. И они тоже должны быть теоретически изучены. Но долгое время у нас господствовал взгляд, что предметом теоретической экономии могут быть только производственные отношения капиталистической системы. Этот взгляд защищался теоретиками разных направлений, с одной стороны, меньшевиком Рубиным, с другой — т. Бухариным, а за ним шла подавляющая масса экономистов-марксистов. Совершенно игнорировалось — это нужно прежде отметить — указание Энгельса на этот счет.

Энгельс в «Анти-Дюринге» пишет: «Политическая экономия как наука об условиях и формах производства и обмена в различных человеческих обществах и о соответствующих способах распределения этих продуктов, — такая политическая экономия в широком смысле этого слова еще должна быть создана. То, что дает нам в настоящее время экономическая наука, ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства: она начинается с критики остатков феодальных форм производства и обмена ... Затем развивает законы капиталистического способа производства и соответствующих ему форм обмена с положительной стороны ... и заканчивает социалистической критикой капиталистического способа производства, т. е. изложением его законов с отрицательной стороны, указанием на то, что этот способ производства путем собственного своего развития стремится к той точке, где он сам становится невозможным»¹.

Пытались также «отвести» приведенную цитату на том основании, что в ней все еще говорится об обмене — Энгельс, мол, говорит «об условиях и формах производства и обмена». А потому там, где нет обмена, нет якобы места для политической экономии. Но иначе понимает Энгельса Ленин. Он считает неправильным определение, которое дает т. Бухарин и которое гласит: «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т. е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве» (подчеркнуто везде Бухариным. — *P.*). Ленин тут же замечает: «...Определение шаг назад от Энгельса»... И дальше: «Таким образом, — заключает Бухарин, — конец капиталистического товарного производства будет концом и политической экономии». А Ленин к этому делает замечание: «неверно». Даже в чистом ком(муни)зме хотя бы отношение $lv + m$ и $Pe?$ и накопление?»².

Ленин ясно говорит, что и в чистом коммунизме политическая экономия не упраздняется. Но какие аргументы выдвигались в пользу того, что политическая экономия изучает только капиталистическую систему? Прежде всего указывали на то, что капиталистический способ производства имеет свои, присущие только ему, закономерности. Ссылались при этом на Маркса, который вполне соглашается со своим рецензентом (на I том «Капитала»). А последний писал: «Иному читателю может при этом прийти на мысль и такой вопрос... Ведь общие законы экономической жизни одни и те же, — все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно это Маркс и не признает. Таких абстрактных законов для него не суще-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 138—139, Гиз, 1928 г.

² «Ленинский сборник» XI, стр. 349.

ствуется. По его мнению, напротив, каждый исторический период имеет свои законы... но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться другими законами». ¹

Присмотримся ближе к этому аргументу. Из него вытекает лишь то, что товарно-капиталистическая система должна изучаться особо и особыми приемами. Этот аргумент имеет силу лишь постольку, поскольку он направлен против буржуазных экономистов, которые не понимают и не видят принципиального отличия капиталистического производства от других способов производства. В «Введении к критике политической экономии» Маркс, полемизируя по данному вопросу с буржуазной политической экономией, заявляет: «Таким образом, если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной общественной ступени развития (подчеркнуто мною.—Р.)—о производстве индивидов, живущих в обществе». Но Маркс не делает тот вывод, который делает например т. Бухарни, а продолжает (несколькими строками дальше): «Однако всем эпохам производства свойственны общие признаки, некоторые общие определения. Производство вообще—это абстракция, но абстракция, имеющая смысл, поскольку она действительно выдвигает общее, фиксирует его и тем самым избавляет нас от повторения. Кроме того, это общее и сходное, выделенное путем сравнения, само является многократно-расчлененным и содержащим в себе различные определения». И дальше: «Определения, которые приложены к производству вообще, должны быть выделены, чтобы за единством не было забыто существенное различие, которое обусловлено уже тем, что как субъект—человечество, так и объект—природа остаются одни и те же. И, например, вся мудрость современных экономистов, доказывающих вечность и гармонию существующих социальных отношений, заключается в том, что они забывают об этих различиях, доказывая, например, что никакое производство невозможно без орудий производства, хотя бы этим орудием была только рука»...

Маркс совершенно не отрицает, что между разными «эпохами производства» есть общее, но он критикует буржуазную политическую экономию за то, что она из-за общего не видит существующих различий. Политическая экономия этого общего как такового—вне особенного—не изучает; она не изучает производство вообще, а изучает производство «на определенной общественной ступени развития». Но в то же время она особенного—исторически обусловленного например капиталистического производства—не отрывает от общего. Это та единая основа, на которой развивается политическая экономия в широком смысле. Она состоит из отдельных экономических теорий, изучающих отдельные способы производства.

Бесспорно, что «Главный труд Маркса «Капитал» посвящен изучению экономического строя современного, т. е. капиталистического, общества» (Ленин). Но своим экономическим учением Маркс заложил основы для построения теорий и других экономических формаций. Маркс «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации как совокупности

¹ «Капитал», т. I, послесловие, стр. I—II.

данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»¹.

Отдельные общественно-экономические формации изучаются отдельно; но из созданных таким путем отдельных экономических теорий складывается общая экономическая теория. Конечно, отдельные экономические теории строятся сообразно тем особенностям, которые присущи изучаемым экономическим структурам отдельных общественных формаций. Но все они—эти разные теории разных экономических формаций—имеют дело с материальным производством, с «индивидами, производящими в обществе». Маркс в неоднократно уже цитированном «Введении» пишет: «Предмет исследования—это прежде всего материальное производство». И дальше: «Индивиды, производящие в обществе, следовательно общественно-обусловленное производство—вот очевидно отправной пункт». И это есть отправной пункт для всех экономических теорий всех общественных формаций.

Также единство этих разных экономических теорий заключается в том, что ими изучаются «совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс». Но говорят: политическая экономия — существующая политическая экономия—имеет своей основой закон стоимости, а стоимость есть категория товарно-капиталистического хозяйства. Следовательно и вся политическая экономия есть наука лишь о товарно-капиталистическом хозяйстве. Полемизируя с т. Степановым, т. Бухарин говорит: «Вот я вас попрошу в заключительном слове назвать хотя бы 5 штук проблем, увязанных друг с другом, однако в которых бы не оперировали категориями ценности, заработной платы, прибыли, капитала, основного, оборотного и всяких других, ренты и прочих вещей. Это все—категории менового хозяйства. Вы хотите построить другую политическую экономию. Вот вы, пожалуйста, и постройте такую науку без этих категорий»².

На вопрос, поставленный Бухариным, можно ответить словами Ленина: «Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение $I V + m$ и $II c?$ и накопление?» Конечно указанное отношение и накопление при коммунизме будут иными—не только по форме, но и по содержанию,—однако они будут; следовательно они и будут объектом теоретического изучения. Но тут мы подходим еще к одному—третьему по счету—аргументу в пользу того, что политическая экономия изучает только капиталистическую систему.

Этот аргумент строится примерно так: 1) Маркс говорит: «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня», 2) только в капиталистическом хозяйстве отношения людей принимают форму отношения вещей, в других экономических формациях отношения людей выступают открыто, 3) следовательно другие экономические формации, т. е. другие совокупности производственных отношений, не могут быть объектом науки. Поэтому производственные отношения при коммунизме, связанные с воспроизводством как предметов индивидуального потребления, так и средств про-

¹ Ленин, Что такое «друзья народа», т. I, стр. 73.

² «Вестник Комкадемии» XI за 1925 г. В этом номере помещены и доклад и прения на тему «Что такое политическая экономия».

изводства, а также—накоплением, выступают открыто, прозрачно. Их достаточно будет описать, но их не нужно будет изучать теоретически.

В этом силлогизме, выражаясь языком формальной логики, не только не доказана, но прямо-таки не верна средняя посылка; неверно, что в некапиталистических системах хозяйства форма и сущность явления совпадают. Правда, при феодализме например эксплуатация, присвоение прибавочного труда, выступает более открыто, чем при капитализме¹; но это еще не значит, что при феодальной системе мы имеем полное совпадение формы с сущностью. Без анализа феодального способа производства нельзя понять и феодальные отношения; нельзя понять особенности феодальной эксплуатации, хотя бы отличие ее от рабской эксплуатации. И отношения людей в бесклассовом обществе—в коммунистическом—нельзя будет понять без анализа коммунистического способа производства. Коммунистическое производство, коммунистические производственные отношения тоже не будут раз навсегда даными, неподвижными; и они будут в постоянном движении.

По поводу заявления Бухарина, что «капитализм есть антагонистическая, противоречивая система»,—Ленин замечает: «архипретошно: антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме»². Противоречие останется; и оно, выражаясь по Гегелю, будет двигать социализм вперед. Изучение этого движения, его особенностей, его закономерностей—дело, повторяем, теоретической экономии.

Роза Люксембург, тоже утверждающая, что политическая экономия изучает только товарно-капиталистическое производство, приводит еще такой аргумент. Политическая экономия с самого ее возникновения является орудием классовой борьбы; вначале она (политическая экономия) была орудием классовой борьбы в руках буржуазии против феодального строя, а затем становится орудием классовой борьбы в руках пролетариата против самой буржуазии. И Роза Люксембург приходит к следующему выводу: «Победа современного рабочего класса и осуществление социализма означают таким образом конец политической экономии как науки. Тут обнаруживается особая связь между политической экономией и классовой борьбой современного пролетариата»³.

Что политическая экономия есть орудие классовой борьбы,—совершенно бесспорная для всякого марксиста истина. Но отсюда также совершенно не следует, что «победа современного рабочего класса... означает конец политической экономии как науки». Ведь с таким же успехом можно утверждать, что победа пролетариата и осуществление социализма означают конец всех наук, в первую очередь всех общественных наук. Ведь все науки в классовом обществе являются орудием классовой борьбы. Следовательно вывод нужно делать совсем другой: в буржуазном обществе политическая экономия, как и другие науки, является орудием классовой борьбы; при социализме политическая экономия—опять-таки как и другие науки—станет орудием развития социализма, его непрерывного движения вперед.

¹ Марксом это рассматривается при анализе рабочего дня.

² «Ленинский сборник» XI, стр. 357.

³ Люксембург Введение в политическую экономию, стр. 66—67. изд. 5-е.

Итак нет никаких оснований для того, чтобы делать, как выражается Ленин, «шаг назад от Энгельса». С защитой энгелевской точки зрения несколько лет назад—задолго до появления XI «Ленинского сборника»—выступил Степанов¹, но защищал ее неправильно. И нам нужно на ней остановиться; точнее, необходимо от этой защиты отмежеваться.

Фактически Степанов защищал то определение политической экономии не Энгельса, а Богданова, которое гласит: «Политическую экономию можно по-этому с полным правом назвать наукой об основном строении общества»². Или—«специальным предметом нашей экономической науки или политической экономии является область общественно-трудовых отношений между людьми»³.

В этом определении отсутствует самое главное и решающее—отсутствует указание на то, что политическая экономия изучает «производственные отношения данного, исторически определенного общества в его «возникновении, развитии и упадке». И это отсутствие объясняется общей, так сказать, установкой Богданова, общей его методологией. Согласно последней политическая экономия изучает не то, что специфично для данного способа производства, а то, что обще всем способам производства. И это подчеркивается в только что приведенных определениях политической экономии. Любопытно в этом отношении заявление Богданова, тоже участвовавшего в названной дискуссии в Комкадемии. «Я сказал,—заявил Богданов,—что марксизм (я не сказал—политическая экономия) преодолевает фетишизм менового общества; и раз это сделано, непрозрачности нет, меновые отношения так и рассматриваются как отношения людей...» Но как раз в этом пункте и начинается марксистская политическая экономия, потому что самое раскрытие затемняющих познание форм мышления еще не относится к политической экономии. Оно относится к учению об идеологиях, и раскрытие производится методом исторического материализма вообще... «Марксист-экономист может работать лишь после того, как выполнена предварительная работа раскрытия фетишизма и когда перед ним действительно прозрачные отношения»⁴.

Производственные отношения товарно-капиталистической системы проявляются как отношения вещей. В этом один из характернейших признаков этой экономической структуры. А по Богданову выходит, что это лишь форма мышления, затемняющая познание, а потому раскрытие этой формы относится к учению об идеологиях. Но сейчас—в данной связи—важно не это, а то, что, абстрагируя производственные отношения менового общества от форм их проявления, Богданов действительно получает прозрачные «общественно-трудовые отношения между людьми», т. е. получает то, что присуще любой общественной формации.

Производственные отношения капиталистической системы характеризуются еще тем, что они овеществлены, «сращены» с вещами, с вещественным содержанием материального богатства. Из своеобразия производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства нель-

¹ Им был зачитан в 1925 г. в Комкадемии доклад на тему «Что такое политическая экономия».

² А. Богданов, Краткий курс экономической науки, стр. 3, изд. 10-е. Подчеркнуто Богдановым.

³ Там же, стр. 1—2. Подчеркнуто Богдановым.

⁴ Уже цит. «Вестник Комкадемии», стр. 303.

зя исключить их овеществленности, так как это в свою очередь обусловлено капиталистическим способом производства. Общественное производство при этой системе, с одной стороны, распылено между отдельными, частными хозяйствами, а с другой—зигзует на отделении средств производства от непосредственных производителей. И то и другое придает общественным отношениям производства вещный характер—характер отношений вещей.

Политическая экономия, изучающая производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства, изучает их в их вещном выражении. Точнее, ее задача—двусторонняя: она от вещей идет к скрывающимся за ними отношениям людей, и обратно—от отношений людей идет к отношениям вещей как формам проявления первых. Чтобы «напасть на след» производственных отношений товаропроизводителей, Маркс идет от меновой стоимости, т. е. от отношения вещей, к создающему стоимость труду—абстрактному труду. А затем вновь возвращается к меновой стоимости, к форме проявления товарных отношений людей. Точно так же и анализ капиталистических отношений мы начинаем с рассматривания внешнего движения капитала. Д—Т—Д¹. Этот анализ открывает присвоение капиталистом прибавочного труда рабочего—открывает отношения эксплуатации. Но этим анализ не заканчивается: предстоит еще показать, как эксплуатация, выражаясь в прибавочной стоимости, маскируется в форме прибыли, выступающей как отношение одной суммы стоимости к другой: т. е. опять-таки анализ ведет от отношения вещей к отношению людей, и обратно.

Между производственными отношениями и вещами, выражающими их, существует известное соответствие. Отношения между товаропроизводителями выражаются в отношении товаров в меновой их стоимости. Вещи, выражающие этот тип производственных отношений, должны быть полезными вещами, потребительными стоимостями, — характер, качество, конкретная их полезность никакого значения здесь не имеют. Все потребительные стоимости, созданные человеческим трудом, могут быть товарами и следовательно носителями отношений товаровладельцев. Основой же этих отношений является, как сказано, расщепление производства и производительных сил общества между отдельными частными производителями, действующими на свой риск и страх и осуществляющими обусловленные самим способом производства отношения через обмен. Производственные отношения товаропроизводителей являются наиболее общими; наиболее общим является, если можно так выразиться, и их вещное выражение. Они выражаются в вещах, которые, как сказано, должны быть только потребительными стоимостями. А последние «образуют, — говорит Маркс, —вещественное содержание материального богатства, какова бы ни была его общественная форма». Но дело меняется, как только, «восходя от абстрактного к конкретному», мы начинаем анализировать капиталистические отношения. Эти отношения выражены уже не в отношениях потребительных стоимостей вообще, а в отношениях потребительных стоимостей особых качеств, особых полезностей.

Отношения же между рабочими и капиталистами овеществляются уже иначе, так как они являются пиними и покоятся на иной основе. Точнее, общая основа товарного производства модифицирована, осложнена тем, что средства производства отчуждаются от непосредственных произ-

водителей. И отношения между рабочими и капиталистами овеществляются, во-первых, тем, что средства производства становятся капиталом, т. е. силой, господствующей над рабочим и враждебной ему; не рабочий применяет орудия труда, но, наоборот, орудия труда применяют рабочего. Во-вторых, присвоение прибавочного труда, прибавочная стоимость, выступает как прибыль, т. е. как «порождение» авансированного капитала.

Таким образом, новый тип производственных отношений находит свое выражение не в отношении потребительных стоимостей вообще, а в отношении рабочей силы и орудий, средств труда. Но и орудия труда и сама рабочая сила относятся к производительным силам. Следовательно капиталистические отношения непосредственно выражаются и овеществляются в производительных силах капиталистического общества. И обратно: производительные силы капиталистического общества являются носителями и выразителями капиталистических отношений. Процесс труда не отделен от процесса увеличения стоимости, а средства производства не отделены от средств производства прибавочной стоимости. «Машина,—говорит Маркс,—средство производства прибавочной стоимости»¹.

Однако следует помнить, что овещественность производственных отношений—явление производное, обусловленное товарно-капиталистическим производством. Иначе на это смотрит Рубин и в этом вопросе, как и в других вопросах, полностью искажает Маркса.

Если для Богданова товарный фетишизм не есть выражение объективного факта, не есть выражение того, что производственные отношения товарно-капиталистической системы выступают и должны выступать как отношения вещей, то для Рубина товарный фетишизм, фетишизация производственных отношений представляет то специфическое и особенное, что вообще характеризует товарно-капиталистические отношения. «Исходя,—говорит Рубин,—из определенной социологической предпосылки, а именно из определенной социальной структуры хозяйства, политическая экономия должна прежде всего дать нам характеристику этой социальной формы хозяйства и свойственных ей производственных отношений людей. Маркс дает нам такую общую характеристику в своей «теории товарного фетишизма», которую правильнее было бы назвать общей теорией производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства»².

Основное в производственных отношениях товарно-капиталистического производства—это их классовая сущность, которая в своем проявлении маскируется, выступая как свойство и отношение вещей. Для Рубина основное—в форме проявления производственных отношений, и этим самым он смазывает классовую их сущность.

И Рубин удивляется, почему Маркс параграф «Тайна товарного фетишизма» помещает к концу первой главы, т. е. после анализа товара, стоимости, форм стоимости, а не с раскрытия этой «тайны» начинает главу, т. е. не начинает с «общей теории производственных отношений

¹ «Капитал», т. I, стр. 361, изд. 1920 г.

² И. Рубин, Очерки по теории стоимости Маркса, стр. 12, изд. 3-е (подчеркнуто мной. — Г.).

товарно-капиталистического хозяйства». Об этом более подробно будем говорить дальше, сейчас же важно отметить, что Рубин вполне последователен, заявляя, что «теоретическая политическая экономия изучает определенную экономическую формацию общества, а именно товарно-капиталистическое хозяйство»¹. Тут же отметим, что у Рубина свой, так сказать, аргумент в пользу такого определения политической экономии. Раз центр тяжести переносится на товарный фетишизм, на фетишизацию производственных отношений людей или на «социальные, — как Рубин любит выражаться, — формы вещи» (на то, что вещь получает свойство выражать отношения людей), то те экономические формации, в которых вещи таких свойств не имеют, объектом политической экономии быть не могут. Это — во-первых. Во-вторых, нет смысла в делении политической экономии на «широкую» и «узкую» еще потому, что между разными экономическими теориями (если таковые и существовали бы), изучающими разные экономические формации, нет ничего общего. Отправным пунктом всех экономических теорий, как мы уже говорили, является материальное производство, «общественно-обусловленное производство индивидов». Но ведь это только по Марксу, а не по Рубину, искажающему Маркса.

По Рубину исходным пунктом политической экономии является товарный фетишизм, «социальная форма вещи». Материальное производство Рубин всячески изгоняет из политической экономии. Материальное производство и производительные силы им приравняются к технике, а потому они должны изучаться особой наукой. «Наука об общественной технике, находящаяся еще в зародышевом состоянии, должна сделать предметом своего изучения, — уверяет Рубин, — производительные силы общества в их взаимодействии с производственными отношениями»².

Теперь вернемся к т. Степанову. Мы сказали, что фактически им защищается богдановское определение политической экономии, а не энгельсовское. Но аргументация у него иная, и это дало ему возможность отмежеваться от Богданова. Но зато у Степанова гораздо меньше последовательности и даже смещение разных вопросов.

Его аргументы в основном следующие. Политическая экономия изучает не абстрактный капитализм, а конкретный капитализм; первый — лишь ключ к пониманию последнего. В конкретном капитализме имеются остатки разных общественных докапиталистических формаций. Следовательно, изучая конкретный капитализм, мы тем самым изучаем разные экономические структуры. Далее: капитализм вышел из недр феодализма, а из недр капитализма выйдет социализм. Поэтому, изучая капитализм в его возникновении, развитии и исчезновении, мы вовлекаем в круг изучения и эпохи, предшествовавшие капитализму, и эпохи, следующие за ним. «Значит, — заключает Степанов, — расширение поля зрения и в ту и в другую сторону: и вперед, и назад, и к социализму, и к феодализму»³.

Наконец Маркс в «Капитале» изучает не только капитализм, но и другие общественные формации. Им например изучаются разные формы стоимости и возникновение денег, а это предшествовало капиталисти-

¹ И. Рубин, Очерки по теории стоимости Маркса, стр. 9.

² Там же, стр. 10.

³ Цит. «Вестник Академии», стр. 273.

ческому способу производства. Более того. «Выходит таким образом,—поясняет Степанов,—что, оставаясь в пределах капиталистических отношений, мы не можем разгадать денежной формы, что за ее объяснением нам приходится спуститься к экономике дикарей, что без истории денег нет их понимания»¹. Степанов также ссылается на главы в III томе «Капитала», где Марксом изучается и докапиталистический торговый капитал, ростовщический капитал, докапиталистические формы ренты.

Первородный, так сказать, грех аргументации покойного т. Степанова заключается в том, что он не понимает, что разные экономические формации должны иметь разные экономические теории, что таким путем создаются в пределах единой политической экономии в широком смысле отдельные экономические теории, изучающие каждый раз производственные отношения только данного, исторически определенного общества, что наконец «Главный труд,—как говорит Ленин,—Маркса—«Капитал»—посвящен изучению экономического строя современного, т. е. капиталистического общества». Не поняв этого, Степанов ввнес величайшую путаницу в определение предмета политической экономии и метода ее. Конечно в конкретном капитализме есть много остатков разных других формаций, но они—остатки эти—подчинены закономерностям капитализма. Изучая их, мы изучаем тот же капитализм в его воздействии на остатки предшествовавших ему хозяйственных укладов. Также изучая капитализм в его возникновении, развитии и исчезновении, мы теоретически не выходим за рамки капитализма. Простая форма стоимости например нас интересует не как категория полуменового хозяйства, а как зародышевая форма категории капиталистического хозяйства. Маркс анализ начинает с товара не потому, что товар существовал в незапамятные времена, а потому, что товар есть «форма экономической клеточки буржуазного общества». Верно, что в «Капитале» имеется много экскурсов «и назад,—как выражается Степанов,—и вперед: и в феодализм, и в социализм». Но эти экскурсии Марксом делаются для того, чтобы лучше оттенить и понять категории капитализма. Само собой разумеется, что этим самым Маркс бросает яркий свет и на докапиталистические отношения и на послекapиталистические отношения. Также само собою понятно, что для этого требуется знание некапиталистических формаций. Однако экономическая теория капитализма есть только теория капитализма, как экономические теории других формаций суть только теории этих формаций.

В заключение приходится еще отметить, что Степанов совершенно неправильно понимает значение абстрактного капитализма. «Но экономические категории абстрактного капитализма послужили для них (Маркса и Ленина.—Р.) только ключом необходимым для расшифрования фактических отношений»². Материалист Степанов скатывается здесь на идеалистическую трактовку абстрактных категорий. Выходит, что абстрактные категории будто бы не выражают фактических отношений, а нужны только исследователю в качестве орудия «для расшифрования» этих отношений. Наоборот, в абстрактном капитализме Марксом дано наиболее общее, но в то же время наиболее характерное и специфическое для капиталистического способа производства, следовательно и наиболее

¹ Цит. «Вестник Комкадамии». стр. 283.

² «Ленинский сборник» IX, стр. 183 (подчеркнуто Лениным).

3 Д. Бюкенберг. Комментарии к I тому «Капитала» Карла Маркса.

действительное для последнего. «Научные (правильные, а не вздорные) абстракции,—говорит Ленин,—отражают природу глубже, вернее, полнее»¹.

Конкретный капитализм есть дальнейшее развертывание абстрактного капитализма. Правда, без последнего нельзя понять первый,—и в этом смысле абстрактный капитализм есть ключ, но только в этом смысле.

Аргументация Степанова, развитая им в цитированном нами его докладе в Комкадемии в 1925 г., была неверная; она фактически также скатывалась к позиции Богданова. Но протест его против узкого понимания политической экономии, безраздельно тогда господствовавшего и продолжавшего господствовать до недавнего времени, были вполне обоснованным. К сожалению, протест этот прошел бесследно. И лишь после появления IX «Ленинского сборника» начался пересмотр прежних неверных установок.

Политическая экономия не умрет и со смертью капитализма, а превратится из «узкой» в «широкую» экономическую науку: предмет ее изменится, но метод в основном останется. Впрочем у нас в СССР уже заложено по крайней мере начало политической экономии в широком смысле. Для этого необходимо серьезно взяться за теоретическое исследование нашей экономики.

Раньше, при полном господстве капитализма, политическая экономия изучала «капиталистический способ производства и соответственные ему отношения производства и отношения обмена» (Маркс). При коммунизме ею будет изучаться коммунистический способ производства, а сейчас политическая экономия должна изучать обе борющиеся системы—и капиталистическую и нашу.

Вообще политическая экономия постоянно развивается даже внутри капиталистической системы. Предмет политэкономии дан не в готовом виде, а постепенно развивается, усложняется, начинает видоизменяться, и соответственно этому развивается и сама политическая экономия.

На заре капитализма, когда этот способ производства начинает прокладывать себе первые, что называется, пути и сильно еще нуждается в помощи со стороны складывающегося под влиянием же развития капитализма централизованного государства,—появляется первая школа экономистов, известная в истории под именем меркантилистов. Для них задача политэкономии сводилась к обоснованию необходимости защиты вновь возникающего строя, содействия целой системой мероприятий, ведущих к накоплению денежного капитала, так как деньги, по выражению Маркса, логически и исторически являются первой формой капитала. Предметом же исследования для меркантилистов было обращение, точнее—торговля, и преимущественно—внешняя торговля. Именно ее они считали источником богатства, и она, как сказано, была для них предметом исследования.

У меркантилистов политическая экономия не является еще настоящей наукой, такой она становится «лишь с того времени, когда теоретические исследования переносятся от процесса обращения в процесс производства» (Маркс). Но начало уже закладывается—накапливается значительный материал, и делают первые попытки к приведению его в порядок и к объяснению его.

¹ «Ленинский сборник» IX тт. 267.

Капитализм крепнет, становится, так сказать, на собственные ноги, опека и покровительство со стороны государственной власти ему уже мешают, стесняют его инициативу, и на смену выступает классическая школа с ее проповедью экономической свободы—экономическим либерализмом. Чтобы это обосновать, ей нужно было доказать, что экономическая система капитализма имеет свои собственные законы, естественные, как она выражалась, законы. И она ставит своей задачей установить и формулировать эти законы.

Но предметом ее изучения является уже производство. И это обуславливалось развитием производительных сил и соответствующим изменением производственных отношений. В эпоху меркантилистов господствует торговый капитал, а его сферой деятельности является ведь только обращение. Производство осталось еще старое, кустарно-ремесленное. В эпоху классиков начинается победоносное шествие промышленного капитала, вначале в форме мануфактурного, а затем и фабричного. Торговля же начинает преобразовываться из докапиталистической в капиталистическую. Неудивительно, что и предмет политической экономии «передвигается» из обращения в производство.

И политическая экономия достигает своего расцвета, своего классицизма.

Развитие капитализма раскрывает все его противоречия, появляется современный пролетариат, складывающийся в определенный класс, противостоящий всему буржуазному обществу, и задача политической экономии—теоретически осмыслить эти противоречия, дать им научную формулировку и показать их дальнейшее диалектическое развитие. Но это уже оказывается не под силу идеологам буржуазии, ее теоретикам-экономистам, ибо это означало бы—предсказать смерть буржуазии. Научная мысль буржуазии останавливается на полпути, ее политическая экономия вульгаризируется, превращается в открытую апологетику существующего строя. Продолжение научной работы политической экономии переходит к пролетариату и осуществляется величайшим его вождем—К. Марксом. Подхватывая и продолжая политическую экономию классиков, Маркс вместе с тем ее радикально преобразовывает. Из науки об «естественных» законах, вытекающих якобы из природы человека, она превращается в науку о законах, обусловленных определенным способом производства. Она также становится учением об отношениях людей, отношениях классов, овеществленных при капитализме в вещах.

Капитализм развивается дальше, но это означает, что развиваются, углубляются и обостряются его противоречия.

Капитализм клонится к упадку, вступает в новейшую и последнюю фазу своего развития, начинается период «паразитизма» и «загнивания». Перед политической экономией ставятся новые задачи, которые требуют своего разрешения. Эта работа выполнялась и выполняется революционными последователями Маркса, гениальнейшим представителем которых является В. И. Ленин.

Если классический капитализм мыслится как система, регулирующаяся стихийно, изнутри, присущими ей имманентными законами, то при монополистическом капитализме рядом со стихийными регуляторами начинает играть роль известного рода планмерность, так сказать, плановые регуляторы, как со стороны капиталистических промышлен-

ных объединений и финансовых центров, так и со стороны государства. Политическая экономия не может ограничиться лишь констатированием этих фактов, а должна их теоретически анализировать, и проблема регуляторов новейшей фазы капитализма значительно осложняется. «Еще в 1891 г.,—говорит Ленин,—27 лет тому назад, когда немцы приняли Эрфуртскую программу, Энгельс говорил, что нельзя попрежнему толковать капитализм как отсутствие плахомерности. Это устарело; если есть тресты, то отсутствия плахомерности уже нет. В особенности в XIX в. развитие капитализма гигантскими шагами пошло вперед, а война сделала то, что не было сделано за 25 лет. Отосударствление промышленности шло не только в Германии, но и в Англии. От монополии вообще перешли к государственной монополии. Объективное положение дел показало, что война ускорила развитие капитализма, и оно шло вперед от капитализма к империализму, от монополии к отосударствлению»¹.

А это в свою очередь усложняет и остальные проблемы политической экономии: рабочему теперь противостоит не отдельный капиталист, а объединенный капитал, тесно спаянный с государственной властью, да и сам рабочий организован, организованно объединен в большой коллестив. Стоимость рабочей силы, форма эксплуатации, зарплата, накопление не могут изучаться без учета этих моментов.

Политическая экономия наших дней обогащена ленинизмом. И изучение современного капитализма невозможно без изучения эксплуатации колониальных и полуколониальных народов и той борьбы, которая на этой почве происходит. К этому следует добавить что если Маркс сосредоточил свое внимание исключительно на эксплуатации рабочего, то теперь важно также изучение эксплуатации крестьянина ввиду той роли, какую играет в революции союз рабочего класса с крестьянством.

Перед экономистами-партияцами—необходимо заметить—стоит актуальнейшая задача: выяснить ленинский этап в политической экономии, разработать богатейшее наследство Ленина в политической экономии. До сих пор разрабатывалась его теория империализма, но не ею исчерпывается наследие Ленина. Им много внесено в общую теорию капитализма, разработано не мало отдельных самостоятельных проблем.

Загнивающий капитализм дал трещину, его фронт прорвался, совершилась Октябрьская революция. Возникла новая оригинальнейшая экономическая система: экономика переходного времени, которую раньше лишь теоретически представляли как этап в развитии от капитализма к социализму, приняла теперь конкретные и реальные очертания. Если раньше об экономике переходного времени писалось в отдельных брошюрах и манифестах («Коммунистический манифест»), то теперь она стала подлинной реальностью, являющейся объектом новой экономической теории.

Взгляд, что политическая экономия есть только наука о товарно-капиталистическом производстве, безусловно мешал разработке теории советской экономики. Предполагали, что наша экономика теоретически может изучаться лишь в той мере, в какой в ней имеются еще элементы стихии, т. е. товарно-капиталистические элементы. Все это конечно должно быть сдано в архив. Изучаться в первую очередь должно то

новое, решающее, что присуще нашей экономике и что составляет ее сущность. Изучаться должно строительство социализма, его могучее движение вперед, завершение фундамента социалистической экономики, развитие социалистических форм труда и т. д. и т. д.

Метод Маркса.

В «Послесловии» к второму изданию «Капитала» Маркс приводит выдержки из рецензии в журнале «Вестник Европы» на «Капитал» и пишет; «Автор, очертив так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым очертил диалектический метод»¹. Но диалектический метод Маркс применяет и в истории и в философии. Наша задача—показать, как этот метод применяется им в политической экономии, как этим методом он строит свое экономическое учение.

Диалектика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна». Применяя это положение к политической экономии, Маркс совершенно преобразовал ее: он стал требовать конкретности предъявлять ко всем категориям и законам политической экономии, т. е. стал исследовать, при каких исторически определенных предпосылках эти категории и законы имеют силу и значение. Этим самым Маркс открыл исторический характер политической экономии, но не в том смысле, что она является описательной наукой, или, как иногда выражаются, идиографической. Нет, исторический характер политической экономии выражается, во-первых, в том, что предмет ее—изучаемая ею экономическая формация—исторически обусловлен, и, во-вторых, в том, что исторически обусловлены все ее категории и законы, т. е. применимы только к данному способу производства.

Стоимость для Маркса—категория историческая. «Один из основных недостатков классической политической экономии,—пишет он,—состоит в том, что ей никогда не удавалось из анализа товара и в частности товарной стоимости вывести форму стоимости, которая именно и придает ей характер меновой стоимости... Причина эта лежит глубже. Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время самая всеобщая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный вид общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следовательно—товарной формы, а при дальнейшем ходе исследования—денежной реформы, формы капитала и т. д.»².

Из этой цитаты видно, как нужно понимать конкретность и историчность категорий политической экономии: поскольку они применимы только к данному способу производства и им обусловлены, постольку они историчны и конкретны, но в пределах этого способа производства они, выражая наиболее общие и характерные его черты, абстрактны. Поэтому даже наиболее абстрактная категория—форма стоимости—в то же время «характеризуется исторически», т. е. является исторически конкретной.

¹ Эти выдержки нами цитированы выше.

² «Капитал», т. I, стр. 38, прим. 32 (подчеркнуто мною. — P.).

Диалектика требует рассмотрения явлений не изолированно и не в покое, а во всеобщей их связности и движении. Но движение—как говорит Энгельс—«само есть противоречие». Он иллюстрирует это на простом механическом передвижении тел и заканчивает так: «Постоянное возникновение такого противоречия и одновременно его разрешение именно и образует движение»¹.

Маркс в «Капитале» так и изучает экономические явления: во взаимной связи и движении, т. е. в постоянном возникновении и разрешении противоречий. Товар с самого начала берется как «форма экономической ячейки буржуазного общества», т. е. не изолированно, а как исходный пункт целого,—и исследуется в его противоречии, противоречии между потребительной стоимостью и стоимостью, которая в обмене превращается из внутреннего противоречия во внешнее, в противоречие между эквивалентной и относительной формой стоимости. Противоречие это находит свое разрешение, т. е. форму своего движения, в деньгах. Но этим самым товар и деньги выступают не как изолированные вещи, а как два полюса выражения стоимости. Следовательно мы имеем рассмотрение явлений и в их взаимной обусловленности и в их движении.

Так исследуются и другие явления, например превращение денег в капитал. Взятые сами по себе и вне движения деньги капиталом стать не могут, они им становятся лишь: 1) в противопоставлении их рабочей силе как товару и 2) в их превращении в рабочую силу и в средство производства. А это формальное движение дополняется реальным производственным процессом.

«Капитал,—говорит Маркс,—охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающем из того что труд существует как наемный труд. Капитал есть кроме того, движение, процесс кругооборота, проходящий различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое»².

И как движение Марксом капитал изучается. В дальнейшем мы еще будем иметь случаи показать, как в области экономических явлений происходит переход количества в качество и отрицание отрицания, т. е. как в своих исследованиях Маркс применяет эти принципы диалектики. Но Маркс был не только диалектиком, но и материалистом—его метод есть метод диалектического материализма. Точнее—только у Маркса диалектика получает рациональный смысл, поскольку она становится материалистической.

Исторический материализм.

Отмежевываясь от Гегеля, Маркс в «Послесловии» к «Капиталу» пишет:

«Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мысли, который он под названием идеи, превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург (творец) действительности, представляющий лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, иде-

¹ «Анти-Дюринг», стр. 139, изд. 1924 г.

² «Капитал», т. II, стр. 21

альное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное».

Материальное, которое переведено и переработано Марксом в «Капитале», есть капиталистический способ производства. И последний переведен и переработан так, как он происходит в действительности, т. е. диалектически, в его возникновении, развитии и тенденциях, ведущих к его противоположности, к его отрицанию.

В области социально-исторических явлений метод диалектического материализма принимает форму метода исторического материализма. Мы уже раньше цитировали следующее основное положение исторического материализма. «В общественном отравлении своей жизни люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения—производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил». Из этого положения Маркс исходит в своих исследованиях буржуазного способа производства: он за отношениями вещей ищет отношения людей, «от их воли не зависящие», но соответствующие определенной ступени развития материальных производительных сил. Стоимость, прибавочная стоимость и все другие категории политической экономии выражают вполне объективные производственные отношения. Анализируя процесс обмена, Маркс пишет: «Лица существуют здесь одни для другого лишь как представители товаров, т. е. товаровладельцев. В дальнейшем ходе исследования мы увидим, что характерные экономические маски лиц являются вообще лишь олицетворением экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу»¹. Отношения людей не только не зависят от их свободной воли, но, наоборот: «Содержание этого юридического или волевого отношения (речь идет о воле при обмене.—*P.*) дано самим экономическим отношением»². Известно, что капиталисты Марксом рассматриваются как олицетворение—«персонификация»—капитала, а капитал—вещное производственное отношение между владельцами средств производства и обращения,—с одной стороны, и владельцами рабочей силы—с другой.

Весь «Капитал» построен еще на одном важнейшем тезисе исторического материализма, гласящем: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции»³. Этим положением, повторяем, пронизан весь «Капитал». Всюду Марксом исследуются противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Вначале, до определенной ступени развития производительных сил, противоречия находят свое разрешение, т. е. свое движение еще в пределах данных отношений. «Противоречие,—как выражается Гегель,—ведет вперед». Но затем движение сковывается, и выход возможен только во взрыве—в социальной революции. Как производственные отношения капитали-

¹ «Капитал», т. I, стр. 42. Подчеркнуто везде мною. — *P.*

² Там же, стр. 41.

³ И это положение нами цитировалось раньше в иной связи.

стического общества становятся «оковами» для развития производительных сил, Марксом доказано в главе XIII—«Машина и крупная промышленность», но особенно это исследуется в главе XXIII—«Всеобщий закон капиталистического накопления». По существу этот закон не что иное, как выражение того факта, что противоречия между производительными силами и производственными отношениями все более расширяются и углубляются (расширению воспроизводятся), в результате чего сковывается развитие производительных сил—и противоречие это разрешается в социальной революции.

Взгляд, что производительным силам в «Капитале» уделяется всего несколько страниц, базируется, с одной стороны, на том, что производительные силы будто только технический фактор. Технике действительно в «Капитале» уделяется немного страниц. А с другой стороны,—на отрыве производственных отношений от производительных сил. И то и другое—киты, на которых держится рубинщина. В «Очерках» читаем: «Техника производства или производительные силы входят в область исследования экономической теории Маркса только как предпосылка, как исходный пункт, который привлекается постольку, поскольку он необходим для объяснения подлинного предмета нашего изучения, а именно производственных отношений людей»¹.

Здесь Рубиным производительные силы прямо приравниваются к технике.

Сведение производительных сил только к технике делает невозможным объяснение развития производственных отношений развитием производительных сил. Теоретически это ведет к отказу от исторического материализма: ведет к идеализму в «социологии» (в кавычках). Практически—к оппортунизму, к меньшевизму. Международная социал-демократия на этот путь уже давно стала.

Но к не менее гибельным последствиям ведет и отождествление производительных сил с производственными отношениями. И это находится в полнейшем противоречии с марксизмом, который исходит из диалектического единства производительных сил и производственных отношений, но отнюдь не отрицает их различие.

В «Капитале» производственные отношения капиталистической системы изучаются и как формы развития производительных сил и как оковы их; следовательно они изучаются не изолированно от производительных сил. Отрыв производственных отношений от производительных сил и сведение последних к технике завершается, так сказать, в отрыве обращения от производства и даже фактического провозглашения примата первого над вторым, т. е. в меновой концепции теоретиков II Интернационала.

Отношения производства не отделимы от самого процесса производства. Все производители суть «индивидуумы, производящие в обществе». А «единичный и обособленный охотник и рыбак, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишним фантазиям химерам восемнадцатого века»². Отношения производства делают производство «общественно-обусловленным». Хотя каждый, скажем, товаропроизводитель работает обособленно, независимо от другого, все же его производство

¹ «Очерки», изд. 3-е, стр. 11.

² Введение к «Критике политической экономии»

является общественно-обусловленным. И сырье, над которым он работает, и орудия труда, при помощи которых он работает, и средства существования, которые его поддерживают во время работы,—все это им получено от других товаропроизводителей. Даже умение и определенные навыки в работе—результат общественного развития.

«Субстанция стоимости товаров,—говорит Маркс,—тем отличается от двоицы Квикли, подруги Фальстафа, что неизвестно, где она находится... Вы можете ощупывать, разглядывать каждый отдельный товар, как вам угодно,—его стоимость остается для вас неуловимой»¹. Но этим самым отличается всякое отношение производства: можно ощупывать и разглядывать сырье, инструменты, вспомогательные материалы, да и самого производителя как угодно,—отношение производства, делающее производство нашего товаропроизводителя общественно-обусловленным, останется неуловимым. Уловимым оно становится лишь в обмене, что резко отличает отношение обмена от отношения производства, но это не должно вводить в заблуждение, будто бы и само отношение между товаропроизводителем возникает только в обмене. На самом деле отношение обмена предопределено отношением производства: общественно-обусловленный характер производства товаропроизводителей, неуловимый еще в самом процессе производства, осязательно может проявляться и проявляться только в обмене.

Так обстоит дело не только с производством простых товаропроизводителей, но и с капиталистическим производством. Как ни ощупывать и ни разглядывать непосредственный процесс производства на фабрике,—отношения между капиталистами и рабочими останутся незаметными. Правда, на фабрике господствует капиталист, а рабочие ему подчинены, но ведь своеобразие капиталистического способа производства не исчерпывается отношением господства и подчинения; отношения господства и подчинения имели место и в античном способе производства и в феодальном. Свообразие капиталистического производства выявляется, когда оно берется как фаза в кругообороте капитала: $D—T... C... T—D$. Предшествующий обмен, в котором рабочая сила продана была как товар, и последующий обмен, в котором продукт рабочего выступает как товар не его, а капиталиста (как товарная форма капитала),—делают уловимыми капиталистические отношения.

Отношения людей как отношения вещей наиболее наглядно, наиболее осязательно выступают в сфере обмена. Это создает иллюзию, будто сами эти отношения и возникают в обмене, будто обмен и придает общественную форму производству. В действительности же производственные отношения расщепляются на отношения производства и отношения обмена. Единые производственные отношения, соответствующие определенному уровню развития производительных сил и образующие в своей совокупности экономическую структуру общества, конкретизируются и проявляются как отношения производства и отношения обмена. Это те же производственные отношения, но уже выраженные в особых формах, в форме отношений производства и отношений обмена.

Производственные отношения Маркс еще называет, «юридически выражаясь», имущественными отношениями. Вот эти имущественные отно-

¹ «Капитал», т. I, стр. 15.

шения в наиболее общей экономической форме (экономической структуре) выступают как производственные отношения вообще, а в своих особых формах—как отношения производства и отношения обмена. С этой точки зрения становится понятным следующее заявление Маркса в предисловии к первому изданию «Капитала»: «Предметом исследования,—пишет он,—в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена». Под капиталистическим способом производства Маркс понимает «сочетание общественных связей и технических приемов»; следовательно в понятие «капиталистический способ производства» уже входит понятие «производственные отношения». Спрашивается, зачем же Марксу понадобилось еще прибавлять: «и соответствующие ему отношения производства и обмена»? Ясно, что здесь Маркс различает производственные отношения в их наиболее общей форме как «сочетание общественных связей», образующее вместе с «сочетанием технических приемов» капиталистический способ производства, и производственные отношения в их особых формах как отношения производства и отношения обмена.

Меновая концепция продиктована определенной политической задачей, а не является только результатом указанной иллюзии. И этого не скрывает другой теоретик II Интернационала, Реннер. «Всякое вмешательство,—пишет он,—в экономический совокупный процесс, которое этот процесс тормозит, либо разрушает, поражает прежде всего рабочий класс, повергая его в бедствия, связанные с безработицей, и может отбросить хозяйство на многие годы, даже на десятки лет назад. Ибо такое вмешательство поражает столь тонкий механизм, каковым является система обращения—это изумительнейшее создание человеческого ума... Здесь имеет силу удачное выражение Коля—легко разрушить капиталистическое хозяйство, но заменить его другой системой очень трудно»¹.

Уверять рабочих, что современное производство еще не созрело для социализации (терминология Реннера),—дело безнадежное. И Реннер пугает их... неприступностью обращения. Но послушаем его дальше:

«Достаточно бросить ретроспективный взгляд на все предшествующее изложение, чтобы прийти к выводу, что мы никогда не находили оправданных пунктов для изменения или уничтожения товарного способа производства, тенденция к самоупразднению товарного характера продуктов и тем самым к уничтожению денег нигде не проявлялась. Соответственно этому, несмотря на все изменения в капиталистическом хозяйстве, его элементы не созрели еще до такой степени, чтобы можно было начинать процесс социализации с устранения его товарного характера и с уничтожения денег. Поэтому на первых порах надо было бы считаться с необходимостью поддержания или сохранения товарного производства».

Реннер зовет не только к преклонению перед «изумительнейшим созданием человеческого ума», но и перед изумительнейшей движательной силой капиталистического хозяйства.

«При освещении всей хозяйственной системы,—повествует он,—мы

¹ Реннер, Теория капиталистического хозяйства, стр. 349. Подчеркнуто мною. — Р.

не нашли ни одного пункта внутри нее, который давал бы нам предпосылку для уничтожения прибавочной стоимости и для перевода производства на другие рельсы под знаком другой цели. Поэтому, если бы социализирование было поставлено в порядок дня и поставило себе задачу уничтожения прибавочной стоимости, то мы бы не нашли нигде такого места, где издание подобного декрета не было бы равносильным тому, что производство и обращение одним ударом лишились бы своего единственного в наше время стимула, если бы даже на его место поставили другой всеобщий стимул. Откуда должен притти этот другой стимул, еще пока не очевидно. Капитализм сделал интерес к прибыли до такой степени исключительно укоренившимся господствующим принципом, что всякий другой конкурирующий с ним организационный принцип хозяйства вряд ли мог бы быть проведен в жизнь. Поэтому по крайней мере для переходного периода нужно было бы считаться с производством прибавочной стоимости»¹.

Комментарии, полагаем, не нужны.

Абстрактное и конкретное в диалектическом понимании.

«Казалось бы, — говорит Маркс, — наиболее правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, например в политической экономии с населения, которое образует собою основу и субъект всего производства. Но при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Если бы я таким образом начал с населения, то я дал бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подошел бы к все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, к более и более точным абстракциям, пока не достиг бы простейших определений. И тогда я должен был бы пуститься в обратный путь, пока снова не дошел бы к населению, но уже не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности с многочисленными определениями и отношениями. По этому пути, — объясняет Маркс дальше, — шли первые экономисты, экономисты XVII века, т. е. тогда, когда политическая экономия как наука не существовала. Затем экономические системы начали восходить от простейшего, как труд, к государству, международному обмену, мировому рынку. Последний метод, — подчеркивает Маркс, — является правильным в научном отношении» («Введение к критике политической экономии»).

А значение абстракции Маркс определяет так:

«...При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. И то и другое должна заменить сила абстракции» (предисловие к первому изданию «Капитала»).

¹ Реннер, Теория капиталистического хозяйства, стр. 287. Подчеркнуто мною. — Р.

Но абстракциями пользуется не только Маркс,—ими пользовались классики, предшественники Маркса, ими пользуется и австрийская школа, стоящая во всем остальном на совершенно противоположном полюсе. Сущность метода Маркса не в «замене микроскопа и химических реактивов силой абстракции» вообще, а в особенностях применения этого метода, в том, как и к чему он применяется. При пользовании абстракциями необходимо предварительно решить основной вопрос о пределах абстракций: от чего можно и нужно абстрагироваться и от чего абстрагироваться нельзя. С одной стороны, абстракция должна быть проведена последовательно до конца; с другой стороны... не дальше известного предела. «Но товарная форма продукта труда,—говорит Маркс в предисловии к I тому «Капитала»,—или форма стоимости товара есть форма экономической клеточки буржуазного общества». Вот эта «экономическая клеточка буржуазного общества» и есть тот предел, до которого абстракция должна дойти, но дальше которого идти не может. Австрийская школа в своих абстракциях переходит за этот предел—исходным пунктом ее исследования является не «экономическая клеточка буржуазного общества», а индивидуальное хозяйство и индивидуальные оценки. Таким методом абстрагирования австрийцы уничтожили предмет политической экономии, ибо именно от него они абстрагируются. При таком пользовании абстракциями невозможно «восхождение» к исторически конкретному, так как к последнему невозможно восходить от индивидуального и субъективного, т. е. антиисторического и антиобъективного.

Классики, правда, исходным моментом делали труд, производство, но они, как уже было указано, брали производство вообще, а не исторически обусловленное производство. Поэтому и они не могли построить свободное от противоречий экономическое учение о буржуазном производстве. Марксовы абстракции суть отображения исторически данного. Поэтому они, во-первых, материальны.

Под «абстрактным» идеалисты понимают априорное, нечто от разума, но не от опыта, а конкретное отождествляют с действительным, данным в опыте. Конечно при таком понимании этих понятий требование «восхождения от абстрактного к конкретному» противоречило бы методологии и сущности марксизма. Противопоставление разума действительности—это из совершенно чуждой нам «оперы». Во-вторых, марксовы абстракции конкретны; конкретны в том смысле, что они относятся к определенной, исторически обусловленной экономической формации. В-третьих, они не произвольны (это впрочем уже вытекает из предыдущего). Только например раскрытие производственных отношений, скрывающихся за товаром и товарообращением, подготавливает предпосылки и возможности анализировать производственные отношения, овеященные в капитале, прибыли, заработной плате. Производственные отношения капиталистической системы—предмет политической экономии в узком смысле—располагаются как бы ступенчато: одни возвышаются над другими, опираясь на них. В этом и сущность «восхождения», про которое говорит Маркс.

В реальной действительности материал—объект изучения—«расположен» конечно не так: все особенности, составляющие сущность его, неотделимы друг от друга, они выступают и проявляются совокупно, как единое целое. Товар, который движется из одного капиталистического

предприятия в другое—скажем, машина или промыслы—«овеществляет» собою все производственные отношения капиталистической системы. Мы имеем здесь и отношения товаропроизводителей—продавца и покупателя, и отношения между трудом и капиталом, так как указанный товар не есть только продукт труда, организованного на началах обмена, но он еще и продукт наемного труда, он имеет не только стоимость, но и прибавочную стоимость. Последняя, реализуясь в акте обмена и превращаясь в прибыль, распадается в то же время на прибыль промышленную, торговую, процент на капитал, ренту. Словом, все фетишизированные производственные отношения проявляются, как сказано, совокупно, как единое целое—они стигд не расположены ступенчато. Но в целях теоретического охвата мы их стараемся разглядеть при помощи особого «микроскопа», при помощи силы абстракции, которая сводится к расчленению и особому расположению отдельных сторон изучаемой системы производственных отношений.

Но и этот теоретический охват в основном отображает историческое возникновение и развитие изучаемого способа производства. Но об этом дальше, сейчас отметим, что все это построено на принципах исторического материализма. Учение о базисе и надстройке, о производительных силах и производственных отношениях, об их диалектическом развитии и о противоречиях, в которые они вступают на известной ступени развития,—определило для Маркса: как, в какую сторону направить свой «микроскоп», силу абстракции, чтобы правильно обозреть и осознать капиталистическую систему. Исторический материализм подсказал необходимость абстрагирования базиса от надстройки при анализе буржуазного общества, т. е. абстрагирования от буржуазного государства и его экономической политики, ее воздействия на экономику, а в анализе последней разграничить производственные отношения от отношений вещей, форму от содержания, «общественные функции вещей» от самих вещей. Этим диктовалось и ступенчатое «расположение» типов производственных отношений. Отличая производственные отношения от выражающих их вещей, Маркс увидел в капиталистической системе систему фетишизированных производственных отношений. А раз это так, то необходимо было выделить прежде всего—опять-таки силой абстракции—наиболее общие отношения, трудовые отношения, принимающие форму отношений товаров и находящие свое выражение в стоимости. И стоимость при таком рассмотрении товарно-капиталистической системы оказывается наиболее общим ее началом. Распространяясь на владельцев рабочей силы и владельцев средств производства, при наличии определенных условий (экспроприации и пролетаризации трудящихся масс), они, товарные отношения, тем самым преобразуются, превращаясь в капиталистические отношения, в отношения эксплуатации. Основа—стоимость—с одной стороны, остается той же,—ведь и рабочая сила продается по закону стоимости,—но, с другой стороны, она—эта основа—уже не та: капиталист в результате этой сделки получает прибавочную стоимость, продукт неоплаченного труда. Это диалектическое противоречие, являющееся основой всех противоречий капитализма и так классически изображенное Марксом в XXII главе «Капитала»,—является ключом к пониманию остальных производственных отношений.

Таким образом применение Марксом принципов диалектического материализма к изучению капитализма приняло, и не могло не принять,

форму «восхождения от абстрактного к конкретному». И в этом принципиальное отличие абстрактного метода Маркса от абстрактного метода буржуазных теоретиков политической экономии.

Логическое и историческое.

Энгельс в своей рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» пишет: «Критика политической экономии и после выбора метода могла быть построена двояким образом: исторически или логически». Показывая дальше на неудобство чисто исторического построения, Энгельс приходит к выводу: «Логический метод исследования является поэтому единственно подходящим». Но тут же продолжает: «но в сущности оно (логическое.—*Р.*) мало отличается от исторического, только являясь лишней исторической формы и нарушающих случайностей. Чем начинается история, тем же должен начинаться и ход мыслей, и дальнейший его ход будет не чем иным, как зеркальным отражением, только исправленным по законам, которые подсказывает сам действительный ход исторического развития, так как каждую минуту можно обращать внимание на ступень его полной зрелости, его классичности»¹.

Конечно это указание Энгельса не следует понимать слишком упрощенно, будто категории политической экономии теоретически всегда следуют одна за другой в том же порядке, в каком они исторически возникли. Это было бы искажением не только теории, но и истории: исследователь находился бы во власти «исторической формы и нарушающих случайностей». Другими словами, он не воспроизвел бы изучаемую им систему в ее внутреннем историческом развитии, он дал бы ее только внешнее описание. Торговый капитал напр. возник раньше промышленного, однако решающую, определяющую роль в капиталистической системе играет не торговый капитал, а промышленный, который ставит в зависимость от себя и торговый капитал, отводя ему определенное место. Следовательно и теоретически первый должен быть выведен из второго, а не наоборот, что Марксом и делается. Таким образом иная расстановка, если можно так выразиться, категории (в нашем примере—категории торговли капитал и промышленный) не означает отрыв логического от исторического, а напротив—более глубокое понимание как исторического процесса, так и его теоретического воспроизведения.

В первом например разделе I тома «Капитала»—«Товар и деньги»—мы имеем еще картину «упрощенную», притом в двух отсечениях. Во-первых, Маркс абстрагируется от всех остатков натурального хозяйства, во-вторых, абстрагируется от всех специфических капиталистических отношений: в этом разделе мы еще не знаем ни капиталистов, ни наемных рабочих, ни крупных земельных собственников и т. д. Такая абстракция диктуется необходимостью исследовать изучаемое явление—товар и деньги—в наиболее чистом виде, рассматривать их как категории, выражающие отношения только товарные. Но эта «теоретическая модель» есть в то же время и отображение истории. Простое товарное производство как законченная система хозяйства не существовало, по

¹ «Исторический материализм», сост. В. В. Адоратским и А. Д. Удальцовым, изд. 1924 г., стр. 129.

простые товаропроизводители—лица вполне реальные: они существовали и существуют поныне. К ним относятся ремесленники, мелкие кустари, крестьяне (середняки), не пользующиеся наемным трудом.

Говоря о стоимости и цене производства, Маркс пишет: «Таким образом независимо от господства закона стоимости над ценами и движением цен вполне соответствует обстоятельствам рассматривать стоимость товаров не только как теоретическое, но и как историческое *«prix»* по отношению к ценам производства. Это относится к таким экономическим отношениям, когда средства производства принадлежат самому работнику, а такое положение свойственно и в древние и в новейшие времена хозяйству крестьянина, обрабатывающего собственным трудом принадлежащую ему землю, и ремеслу»¹.

Для Маркса простое товарное производство и стоимость не логические только категории, но и исторические. Иначе на дело смотрит Рубин. Он представляет дело так: «Первая схема (схема простого товарного производства.—*P.*) представляет собою более абстрактную, упрощенную модель явления, но модель, необходимую для понимания более сложной формы явления, как оно происходит в капиталистическом обществе»².

Яснее ясного! Маркс, скажем, в первом отделе I тома «Капитала»—«Товар и деньги»—рисует лишь упрощенную модель, необходимую для понимания более сложной формы явления. Простое товарное производство—это лишь теоретическая фикция. Еще в большей мере теоретическими фикциями, моделями является конечно простая форма стоимости, развернутая, всеобщая.

Исключение составляют разве деньги, но и это не совсем так. Деньги в капиталистической системе являются денежной формой капитала; следовательно деньги, как они исследуются в указанном отделе I тома «Капитала», по Рубину, тоже должны быть только необходимой моделью.

Более того, можно идти еще дальше и объявить весь «Капитал» только моделью, необходимой для понимания конкретного капитализма со всеми его некапиталистическими укладами, который в самом «Капитале» не представлен.

Что Маркс восходит от абстрактного к конкретному, что Маркс упрощает изучаемое им явление, что Маркс абстрагируется от всего, что не нужно на данной стадии теоретического анализа,—это бесспорно. Но это следует понимать по-марксистски так, как это объяснил Энгельс в приведенной цитате,—а не по-рубински. Формально-логическое, оторванное от исторического, есть «категория мышления идеалистов»; диалектика же есть принцип бытия, и мышления. А потому теоретическая модель, если только она построена по законам диалектики, есть зеркало, отражающее действительность.

Изучать капитализм в его возникновении, развитии и исчезновении,—а это диктуется диалектикой,—значит начать его исследование именно с того, с чего начинается и его история, т. е. с простого товарного производства и даже с возникновения последнего,—с возникновения

¹ «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 152, изд. 1929 г.

² Цит. «Очерки», стр. 274. Но это положение Рубин повторяет на все лады почти на каждой странице главы «Стоимость и цены производства». Подчеркнуто везде мною. — *P.*

товарной формы продукта, с возникновения противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью, в котором уже заложены, как учит Ленин, все противоречия капиталистического способа производства.

Следовательно и стоимость как один из «факторов товара» развивается вместе с последним. На стадии простого товарного производства она еще не имеет и иметь не может своей презращенной формы, т. е. цены производства; на стадии же капиталистического производства она уже эту форму приобретает и то не сразу.

Но отрыв логического от исторического получается тогда, когда логическое не есть «зеркальное отражение» действительности, т. е. исторического процесса, а является «моделью», созданной «творческой» мыслью для того, чтобы «оформить» действительность, привести существующий якобы вне нашего мышления хаос в порядок. Такое понимание теоретического есть кантизм, но ничего общего не имеет с марксизмом.

Индукция и дедукция.

«Как покой есть частный случай движения, так и мышление по правилам формальной логики (согласно «основным законам» мысли) есть частный случай диалектического мышления»¹.

Формальная логика противопоставляет индукцию дедукции и анализу синтезу. Под индукцией понимают умозаключение от отдельных случаев к общим выводам. Применение индукции как определенного приема исследования называется индуктивным методом. Исходным пунктом последнего являются точное наблюдение и описание отдельных фактов и явлений. Дедукция уже представляет обратный прием: применение общих положений, общих принципов к отдельным фактам и явлениям. Исходным пунктом здесь является общее, от него исследователь двигается к отдельным конкретным случаям, стараясь объяснить их на основе общих принципов.

В буржуазной политической экономии долго спорили о пригодности того или иного метода. Этот спор иногда переносится и в марксистский лагерь, в частности спорят: какой метод применяет в своих экономических исследованиях Маркс—абстрактно-дедуктивный или индуктивно-описательный? Но прежде всего следует подчеркнуть, что по отношению к Марксу и к марксистской политической экономии вопрос о дедукции и индукции приобретает совсем другой смысл и значение: раз формальная логика—только частный случай диалектики, то приемы формальной логики соподчинены диалектике, могут употребляться лишь согласно требованиям последней. Пользуясь например абстрактно-дедуктивным методом, нельзя абстрагироваться от исторической обусловленности и, как было показано раньше, исторической конкретности объекта политической экономии. Ее предметом даже в порядке упрощения и абстракции не может быть производство Робинзонов, как это делают классики,—ее изучается только производство «общественно-обусловленное». Ее предметом не могут также стать субъективные оценки отношения людей к вещам, как это делает употребляющая дедуктивно-абстрактный метод австрийская школа,—марксистская политичес-

¹ Плеханов, Предисловие к книге «Фейербах» Энгельса.

кая экономия изучает только объективные факты, а лица рассматриваются ею лишь как олицетворение этих фактов. Точно так же и в отношении индуктивно-описательного метода: факты не могут браться из исторически разных общественных формаций и обобщаться,—такие обобщения ничего не дают и ничего не объясняют, так как они построены на разнородных по своему социально-историческому смыслу и значению явлениях. Например торговля и обмен существовали в разные эпохи; по найму люди работали в разные времена, но значение этих фактов было в докапиталистическую эпоху совершенно иное—они не составляли тогда основы общественного производства; основой они являются только в капиталистическом способе производства.

Дедукцией пользовались и классики, а поэтому весьма интересно в применении дедуктивного метода провести параллель между Марксом и А. Смитом.

Адам Смит исходит из «экономического человека», «homo economicus». Под этим человеком он понимал человека, который рационально преследует свои интересы, который всегда и везде исходит из правильно понятого хозяйственного интереса. Смит полагал, что поскольку такими хозяйствующими субъектами (преследующими свои интересы) являются все «экономические люди», постольку в результате борьбы их интересов получится нечто похожее на общую гармонию. (Настоящим певцом гармонии общих интересов Смит еще не был, это выпало на долю вульгарных экономистов.) И вот, исходя из этого «экономического человека», он строит свою экономическую систему. Адам Смит видел, что общественный строй, в котором он живет, зиждется на обмене, и он поставил себе вопрос, откуда возник этот обмен? И отвечает, что обмен свойственен человеческой природе. Человек по своей природе склонен всегда к тому, чтобы обмениваться с другими, и он даже делает ссылку на ребят: уже ребята в школе обычно стараются обмениваться игрушками, подарками и пр. Таким образом обмен вложен в человеческую природу. Из обмена он потом выводит разделение труда. Поскольку у людей есть склонность к обмену, постольку они должны иметь нечто такое, чего нет у других, а это возможно только при разделении труда. Значит разделение труда у него выводится из обмена. Таким же путем он выводит потом и деньги. Люди не могут обходиться без денег, так как без денег затруднен обмен. Он иллюстрирует это на целом ряде примеров.

Как же мы можем характеризовать такой метод? Формально этот метод является дедуктивным методом, потому что все явления экономического строя Смит выводит из общих свойств человеческой природы, из этих общих свойств он выводит отдельные конкретные факты и явления. По существу же этот метод, с одной стороны, является индивидуалистическим методом, потому что исходным моментом для Смита является отдельный индивидуум, его склонности, его свойства; а с другой стороны, метод Смита является и рационалистическим, так как он апеллирует к рассудку, он в хозяйственных поступках людей ищет рациональную основу. Но основное и решающее в методологии классиков,—это то, что метод их является метафизическим.

Классики исходят из неизменного, раз навсегда данного. Их «homo economicus»—фигура надисторическая. И они пытались открыть за-

коны естественные, неизменные, присущие неизменной человеческой природе. Маркс же исходит, как мы знаем, из исторически обусловленного. По Марксу, исходным моментом является не человек и его свойства, а способ производства и уровень развития производительных сил. Почему? Потому что сам человек является как раз продуктом определенного способа производства.

Буржуа действительно живет в сфере обмана, т. е. где все живет на обмане. И у него есть непобедимая склонность к обману. Классическому «homo economicus» Маркс противопоставляет капиталиста как персонифицированный капитал. Это тоже «экономический человек», но экономический человек определенной эпохи, определенного способа производства.

А это значит, что Маркс дедукцию применяет диалектически, как диалектически им применяется вся формальная логика. Плеханов в цитируемой выше работе пишет: «Обычная логика держится формулы: «да-да и нет-нет», а диалектика превращает ее в прямую противоположность: «да-нет и нет-да». Плеханов, иллюстрируя это на движении тел, продолжает: «Движущееся тело находится в данном месте и в то же время не находится в нем. О нем нельзя судить иначе, как по формуле: «да-нет и нет-да». А мы уже знаем, что и экономические явления должны рассматриваться в движении, т. е. в постоянном возникновении и разрешении присущих им имманентно противоречий. Это значит, что результаты, полученные приемами формальной логики, должны быть дополнены и переработаны диалектически. Ответы: «да-да, нет-нет» должны быть дополнены ответами: «да-нет, нет-да». На основании формальной логики нельзя утверждать например, что в стоимости, с одной стороны, нет ни атома потребительной стоимости, а с другой—без потребительной стоимости нет и стоимости. Или другой пример: методами формальной логики невозможно исследовать «превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения» (см. гл. XXII) — превращение, совершаемое на основе этих же законов товарообращения, т. е. без нарушения основ законов собственности товарного производства.

Но в пределах, отведенных формальной логике, вопрос о применимости дедукции или индукции вполне уместен. Хотя метод «Капитала» является одновременно и дедукцией и индукцией, но с формальной стороны, в зависимости от исследуемых проблем, преобладает то один, то другой прием. О применении Марксом дедукции и абстракции говорить много не придется, это споры не вызывает. Но «Капитал» есть результат не только применения правильного метода, но и проработки громаднейшего фактического материала. «Исследование,—говорит Маркс,—должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение». Само собою разумеется, что «детально освоиться с материалом» невозможно без тщательного наблюдения и фактического изучения, т. е. невозможно без применения индуктивного метода.

Помимо того есть ряд проблем, которые могут быть исследованы только индуктивным методом. Возьмем для примера рабочий день (при изложении главы под этим названием мы этот вопрос рассмотрим подроб-

нее). Абстрактно-дедуктивным путем возможно лишь установить, что рабочий день должен быть больше необходимого рабочего времени, так как в противном случае капиталистический способ производства немислим. Но насколько больше, чем определяется длина прибавочного времени, может быть установлено лишь индуктивно—и Маркс так поступает: вся глава, за исключением первого и отчасти второго параграфа, построена по методу индукции. А вытеснение например машинной рабочих исследуется и дедуктивным и индуктивным путем. Таких примеров много.

Анализ и синтез.

«Классическая экономия,—говорит Маркс,—старается свести путем анализа различные, чуждые друг другу формы богатства к их внутреннему единству и спять с них форму, в которой они равнодушно стоят друг возле друга. Она хочет понять внутреннюю связь в отличие от многообразия форм проявления. Она сводит поэтому ренту к сверхприбыли, вследствие этого рента перестает быть особой, самостоятельной формой и отделяется от своего источника, земли. Она срывает также с процента его самостоятельную форму и доказывает, что он является частью прибыли. Таким образом она свела все формы дохода и все самостоятельные формы, титулы, под которыми не-рабочий получает ценности товаров, к одной форме прибыли. Но последняя сводится к прибавочной ценности, так как ценность всего товара сводится к труду... Классическая экономия в этом анализе иногда впадает в противоречие; часто она пытается непосредственно, без посредствующих звеньев все это свести к единству и доказать тождество источников различных форм. Она не заинтересована в том, чтобы генетически развить различные формы, а в том, чтобы путем анализа свести их к единству, так как она исходит из них, как из данных предпосылок. Но анализ является необходимой предпосылкой генетического изложения, понимания действительного процесса развития в его разных фазах»¹.

Процент, предпринимательская прибыль, рента выступают как «чуждые друг другу» формы. При этом каждая из этих форм прикреплена к особому источнику—процент к «капиталу—собственности», предпринимательская прибыль к «капиталу—функции», рента к земле». Первая задача науки—это открыть их внутреннюю связь, обнаружить за внешней их отчужденностью внутреннее родство их. А это достигается тем, что они—равнодушно стоящие друг возле друга формы—сводятся к более общей форме, т. е. к прибыли. Как части прибыли они перестают быть чуждыми друг другу, их внутренняя связь, их родство уже обнаружены. Но они являются еще загадочными, так как сама прибыль загадочна; и вторая задача науки заключается в том, чтобы разрешить эту загадочность. Загадочность прибыли разрешается сведением ее к прибавочной стоимости и прибавочному труду. Прибавочный труд есть единая внутренняя основа—субстанция—всех видов нетрудового дохода. Но прибавочный труд создает прибавочную стоимость; следовательно основа всех основ есть стоимость, определяющаяся рабочим временем.

В основном указанные две задачи уже пыталась разрешать,—как

¹ «Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 388, изд. 1924 г., «Прибой».

Маркс указывает в приведенной цитате,—классическая политическая экономия, которая исходит из определения ценности рабочим временем. Но классики пользуются только аналитическим методом, при помощи него они «срывают» с процента и ренты их самостоятельные формы; путем анализа они в особых формах находят их общность, их единство, их основу. При помощи анализа можно найти единую основу этих разных форм, но при помощи анализа нельзя вывести из единой основы разные формы. Это можно лишь генетическим методом, рассматривающим единую основу в ее развитии, следовательно в образовании ею разных форм.

Метафизика отрывает анализ от генетического рассмотрения явления, для нее это—два различных метода. Диалектика рассматривает их в единстве, т. е. как разные стороны единого диалектического метода. Поэтому Маркс, применяя диалектический метод, сводит не только разные формы к их единству, но и выводит первые из второго.

Конечный пункт анализа есть исходный пункт синтеза. При помощи синтеза мы «восходим от абстрактного к конкретному». В «Капитале» воспроизводится капиталистический способ производства во всей его конкретности и многогранности. Начинает же Маркс свои исследования с товара.

Это конечно не значит, что в «Капитале» Маркс пользуется только синтезом. На каждой ступени «восхождения от абстрактного к конкретному» Маркс применяет и анализ, и синтез. Товар например прежде всего подвергается анализу, выделяются его потребительная стоимость и меновая стоимость, а сведением последней к скрывающейся за ней общей ее основе, к абстрактному труду, получаем стоимость как вещное выражение последнего. Этим анализ здесь закончен, но в результате получилась абстрактная (выражение Маркса) стоимость. От этой абстрактной стоимости Маркс идет обратно: уже путем синтеза, к меновой стоимости, в которой стоимость получает свою форму. Результатом синтеза является стоимость, выраженная в наиболее развитой ее форме, в денежной. Деньги тоже подвергаются прежде всего анализу, они как бы разлагаются на отдельные функции, но последние рассматриваются все время в порядке «восхождения от абстрактного к конкретному»: каждая следующая функция является более усложненной, включающей в себя предыдущую функцию. Анализ сливается с синтезом и деньги воспроизводятся во всей их конкретности на данной стадии теоретического исследования.

Так Маркс переходит от одной категории к другой; анализ чередуется синтезом и обратно. Структура же «Капитала» в целом носит синтетический характер, она представляет «восхождение от абстрактного к конкретному».

Критика буржуазной политической экономии.

«Капитал» имеет еще один заголовок—«Критика политической экономии». Маркс, следуя капиталистический способ производства, систематически развивая свою теорию, одновременно критикует своих предшественников и современников. Точнее, Маркс свою теорию строит и на анализе капиталистического производства и на критике идеологического отражения этого способа производства в головах буржуазных и мелкобуржуазных экономистов.

Критикуемых Марксом теоретиков-экономистов можно разделить на

следующие группы или школы: 1) меркантильную, 2) классическую, 3) вульгарную и 4) мелкобуржуазную.

В примечаниях к IV главе «Превращение денег в капитал» мы приводим характеристику меркантилистов, данную Марксом в III томе «Капитала». Меркантилисты были теоретиками торгового капитала и в свою очередь делились на ранних меркантилистов и на позднейших. Систему ранних меркантилистов Маркс называет монетарной. Система позднейших меркантилистов им названа меркантильной. Представителями монетарной системы производство еще совершенно игнорируется, кругооборот капитала им представлялся исключительно в форме $D—T—D^1$ (формула, типичная для торгового капитала). Представители меркантильной системы исходят уже из формулы $D—T...P...T^1—D^1$, т. е. ими включается в кругооборот капитала и производство. Но так как капиталистический способ производства ими был не понят, а других форм кругооборота капитала—производительного, товарного—они не знали, то весь процесс движения капитала представлялся меркантилистами как движение денег, порождающих деньги. Другими словами, движение капитала им представлялось так, как оно выступает на поверхности явления в приведенной развернутой формуле кругооборота денежного капитала: $D—T...P...T^1—D^1$. Характеризуя указанную формулу, Маркс пишет: «Производственный процесс является (в этом кругообороте.—P.) лишь необходимым злом, неминуемым средством для делания денег. (Поэтому все нации с капиталистическим способом производства периодически переживают манию мощенничества, при помощи которых они рассчитывают совершать делание денег без посредства производственного процесса.)»¹.

Против меркантилистов в значительной мере заострена вышеназванная IV глава I тома «Капитала».

О классиках Маркс пишет следующее: «Замечу раз навсегда, что под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, которая, начиная с В. Петти, исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства»². Тут же следует заметить, что В. Петти по своим общим экономическим воззрениям, как сам Маркс во многих местах подчеркивает, был еще меркантилистом, но меркантилистом эпохи разложения меркантильной системы, когда в недрах последней зародилась и стала развиваться классическая политическая экономия. Классическая политическая экономия в том широком смысле, в каком она здесь понимается Марксом, тоже делится в основном на две школы, следовавшие одна за другой: на школу физиократов и школу А. Смита и Д. Рикардо (под классической школой в более узком смысле обычно понимают последнюю).

Физиократы окончательно перенесли исследование экономических явлений из сферы обращения в сферу производства, и этим они превратили политическую экономию в настоящую науку. «Действительная наука современной политической экономии,—говорит Маркс,—начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства»³.

¹ «Капитал», т. II, изд. 1918 г., стр. 31.

² «Капитал», т. I, стр. 39, прим. 32.

³ «Капитал», т. III, ч. I, стр. 263, изд. 1929 г.

Но производство физиократами понимается еще слишком узко: оно ими по сути дела сводится только к сельскому хозяйству. Они выдвинули следующий тезис: прибавочный продукт создается только в сельском хозяйстве, а потому только в сельском хозяйстве они считали труд производительным. Все общество ими делалось на три основных класса: земледельцев, земельных собственников и «бесплодный» класс. К последнему они относили промышленников, торговцев и всех прочих. (У Тюрго замечается уже деление общества на пять классов: земледельцев и «бесплодный» класс он еще делит на рабочих и капиталистов.) Общество живет за счет прибавочного продукта, создаваемого в сельском хозяйстве.

Но почему прибавочный продукт создается только в земледелии? Один итальянский физиократ объясняет это так: «Промышленность никогда не приводила к увеличению материальных предметов, да это и не возможно для нее. Она дает материи только формы, она только видоизменяет ее, т. е. стало быть промышленность ничего не создает. Промышленность покупает у сельского хозяйства сырой материал для его обработки; ее труд, как уже было сказано, дает только форму сырому материалу, но ничего к нему не прибавляет». Желая еще больше популяризировать свою мысль, названный автор иллюстрирует ее на следующим примере: «Дайте, — говорит он, — повару некоторое количество гороху для приготовления обеда, он сварит его как следует и в готовом виде подаст вам на стол, но подаст то же самое количество, которое он получил; но дайте такое же количество гороху садовнику, чтобы он вверил его земле, и он, в свое время, возвратит вам по меньшей мере вчетверо больше полученного. Это и есть настоящее и единственное производство»¹.

То, что физиократы считали производительным трудом только труд, создающий прибавочный продукт, свидетельствует, что они действительно стали исследовать «внутренние зависимости буржуазных отношений производства». В буржуазном обществе только труд, создающий прибавочную стоимость, производителен (см. подробно об этом дальше в XV главе). И Маркс пишет: «Физиократы перенесли вопрос о происхождении прибавочной ценности из области обращения в область непосредственного производства и тем положили основание анализу капиталистического производства»². В другом месте Маркс называет физиократов «отцами современной политической экономии».

Но физиократы производство понимали, как мы сказали, слишком узко: их верное положение, что производительным является только тот труд, который создает прибавочный продукт, переплетается с неверным положением, будто прибавочный продукт может быть создан только в сельском хозяйстве. От физиократической ограниченности освобождают политическую экономию классики (в узком смысле слова) — Адам Смит и Давид Рикардо. Они перенесли свои исследования в сферу производства вообще, а сельское хозяйство рассматривали лишь как одну из отраслей последнего. Смит свой знаменитый труд «Исследование причины и природы богатства народов» начинает следующими словами: «Годовой труд народа есть первоначальный запас, доставляющий ему для годового

¹ Цитировано по «Теории прибавочной ценности», т. I, стр. 53, изд. 1928 г.

² Там же, стр. 36.

потребления все предметы, необходимые для существования и удобства жизни, и все эти предметы или бывают непосредственным продуктом труда или покупаются на этот продукт у других народов». Здесь значение труда, труда вообще, независимо от того, в какой отрасли хозяйства он занят,—сильно подчеркнуто и заострено против физиократов.

Все же на окончательный разрыв с специфическими идеями физиократов А. Смит не пошел: последние в его системе дают себя еще сильно чувствовать—ими проникнута например его теория ренты. Считая производительным труд любой отрасли хозяйства, Смит все же полагал, что сельское хозяйство более чем другие виды производства производительно: оно, в отличие от промышленности, дает еще ренту (промышленность доставляет только заработную плату и прибыль).

Помимо того, Смит еще не может освободиться от власти видимости явлений. Маркс, характеризуя метод Смита, пишет: «С одной стороны, он (Смит.—Р.) исследует внутреннюю связь экономических категорий—или скрытое строение буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции... Эти оба способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь, так сказать, в физиологию буржуазной системы, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешним образом обнаруживается в жизненном процессе и притом так, как оно обнаруживается и является,—эти оба способа исследования у Смита идут непринужденно не только рядом друг с другом, но и переплетаются и постоянно противоречат друг другу»¹.

Наивысшего развития классическая политическая экономия достигает у Рикардо. Он окончательно порывает с физиократами, т. е. с односторонним пониманием производства. Вместо описанных Марксом в приведенной цитате двух способов исследования у Смита, Рикардо пользуется исключительно тем способом, который «проникает во внутреннюю связь... в физиологию буржуазной системы». В основу всей своей системы Рикардо кладет теорию трудовой стоимости, предварительно освободив ее от путаницы и непоследовательности, которыми страдает смитовская теория стоимости (об этом будем говорить дальше). Но Рикардо не выводит остальных категорий политической экономии из стоимости, а лишь старается доказать, что они ей не противоречат, а только модифицируют ее. Диалектическое единство категорий—их противоречия и взаимное проникновение—отсутствует. Они—да будет позволено так выразиться—не «ссорятся» друг с другом, но и друг другу «чужды».

Теорию прибыли Рикардо строит на основе теории стоимости, и это правильно; но поскольку им прибыль не исследуется в ее наиболее общей форме—в форме выражения прибавочной стоимости,—постольку у него выпадают все промежуточные звенья, диалектически ведущие от стоимости к прибыли. И Рикардо попадает в непримиримое противоречие: прибыль пропорциональна всему капиталу, а прибавочная стоимость пропорциональна переменному капиталу. Также обмен труда на капитал происходит по закону стоимости, но, не имея теории стоимости рабочей силы, полагая, что продается труд, Рикардо и тут попа-

дает в тупик. Он не может объяснить, каким образом, без нарушения закона стоимости, может обмениваться большое количество труда (живого) на меньшее количество труда, овеществленного в переменном капитале.

К классикам Маркс относился с большим уважением. Разоблачая их ошибки и заблуждения, он подчеркивает и их достижения. Более того, он всячески старается доказать, что зачатки его теории уже имеются у классиков. Критикует Маркс классиков по двум линиям: 1) открывает у них ошибки логического и фактического порядка (например их ошибка, будто весь накопленный капитал целиком идет на заработную плату); 2) разоблачает буржуазную ограниченность классиков, заставляющую их считать буржуазный способ производства вечным, вследствие чего и категории политической экономии у них являются вечными. А так как фактически классическая политическая экономия все-таки изучала буржуазный способ производства или, как Маркс выражается, «исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства», то отсюда у классиков постоянные противоречия и непоследовательность: производственные отношения ими не различаются от производительных сил, производство и его общественная форма для них тождественны. Капитал они отождествляют со средствами производства, а потому они видят его везде, где только появляются хоть зачатки орудий труда, например у первобытного дикаря; это закрывает им путь к пониманию сущности капитала и капитализма. Однако фактически они все же исследовали не палку первобытного дикаря, а капитал, противостоящий труду в развитом буржуазном обществе. Поэтому своими исследованиями они много содействовали развитию теории трудовой стоимости и непосредственно строили ее. Рикардо положил теорию трудовой стоимости в основу всей своей системы. Но поскольку для них стоимость не была исторически обусловленной и преходящей категорией, поскольку они не видели в ней выражения производственных отношений буржуазного общества, они сущности ее не поняли.

Маркс безусловно многим обязан классикам, и в известном смысле он является их продолжателем. Роза Люксембург в своем «Введении к политической экономии»¹ пишет: «Развитые Марксом законы капиталистической анархии и грядущей гибели являются конечно лишь продолжением политической экономии в том виде, как она создана была буржуазными учеными, но таким продолжением, заключительные выводы которого резко противоположны исходным его пунктам. Учение Маркса—дитя политической экономии, но дитя, рождение которого стоило смерти матери». И это потому, что Маркс был свободен от буржуазной ограниченности и применил совершенно иной метод. Полученное от классиков наследие он преобразил и раскрыл законы развития капиталистического способа производства. Этого не могли сделать классики, т. е. лучшие из буржуазных ученых, так как раскрыть законы капиталистического способа производства—значит раскрыть историческую обусловленность этого способа производства, раскрыть силы, которые его уничтожают, являются его могильщиками. Не покидая буржуазии, стоя на ее точке зрения, открыть законы развития капитализма невозможно. Вот почему буржуазным «последователям» классиков не оста-

валось ничего другого, как топтаться на одном месте и «пережевывать материал, давно уже разработанный научной политической экономией». Этих экономистов Маркс награждает неслестным эпитетом «вульгарных».

О вульгарных экономистах Маркс пишет: «В противоположность ей (классической политической экономии.—*P.*) вульгарная экономия толчется лишь в области внешних кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью растолковать буржуазии грубейшие явления экономической жизни и, так сказать, приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она... педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства об их собственном мире—лучшем из всех миров—и объявляет эти представления вечными истинами»¹.

Здесь дана исчерпывающая характеристика вульгарной экономики как со стороны предмета и метода, так и со стороны тех задач, которые она себе ставила. Предметом ее является только видимость, явлений—«область внешних кажущихся зависимостей». Выпнуть в сущность явлений, скрывающихся за этой видимостью, она считает делом ненужным. Метод ее сводится к описанию и классификации: она педантски систематизирует банальные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства. Это как раз совпадает со «вторым способом» исследования у Смита, т. е. с тем способом, который «только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешним образом обнаруживается в жизненном процессе, и притом так, как оно... обнаруживается и проявляется...»

Если Рикардо, как сказано раньше, стремился освободить политическую экономию от указанного смитовского способа исследования, то вульгарные экономисты, наоборот, старались возводить его в ранг единственного «научного» метода политической экономии. И это вполне соответствовало тем задачам, которые они ставили, а именно—«растолковать буржуазии труднейшие явления экономической жизни и... приспособить их к домашнему обиходу буржуа».

Следует еще добавить, что вульгарная политическая экономия явилась реакцией, с одной стороны, против сильно обострившейся к тому времени классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, с другой стороны, против получивших значительное распространение социалистических учений.

Классическая политическая экономия отражала прогрессивные и отчасти даже революционные настроения буржуазии, так как она возникла и достигла расцвета в то время, когда последняя боролась с феодализмом и со всеми остатками средневековья. Зато в вульгарной политической экономии нашли себе яркое выражение реакционные устремления буржуазии, вызванные и обусловленные ее борьбой с пролетариатом.

Социалисты в своих требованиях преобразования общественного строя опирались на классиков, главным образом на Рикардо—они делали те выводы, которых последний не делал. И это в свою очередь заставило буржуазных экономистов, пришедших на смену классикам, бить отбой—

¹ «Капитал», т. I, стр. 39, прим. 32.

заставило их дополнять, исправлять, точнее, искажать полученное от классиков наследие.

К вульгарным экономистам у Маркса отношение совсем иное: он их третировал, прямо издевается над ними. Сами вульгарные экономисты делились на разные группы: первые вульгаризаторы «находят,—говорит Маркс,—материал еще необработанным, следовательно... более или менее участвуют в разрешении экономических проблем с точки зрения экономики»¹. Вульгарные экономисты более позднего периода уже сознательно ставили себе задачей защиту интересов буржуазии, замазывание классовых противоречий, выдвигая идею гармонии интересов. Такого рода экономистов Маркс называет «сикофантами», превращающими политическую экономию в служанку буржуазии. Другие, как например Джон Стюарт Милль, субъективно таких задач не ставили. Маркс о Милле пишет следующее: «Чтобы устранить недоразумения, замечу, что такие люди, как Дж. Ст. Милль и ему подобные, заслуживают конечно всякого порицания за противоречия их старомодных экономических догм с их современными тенденциями, но было бы в высшей степени несправедливо смешивать их в одну кучу с вульгарными экономистами-аллологетами»².

Классическая политическая экономия принципиально отличается от вульгарной. Классическая политическая экономия является, как правильно отмечено Лениным, одним из источников марксизма. У вульгарной экономики марксизму заимствовать нечего. Однако при всей важности и необходимости этого разграничения никоим образом не следует упускать из виду и единство указанных двух буржуазных систем политической экономики. Единство прежде всего заключается в общности... социального происхождения и положения. И та и другая система есть идеология буржуазии. Если классическая политическая экономия была выражением прогрессивных устремлений буржуазии в пору ее юности, а вульгарная экономика—делаческих и агрессивных тенденций, то не следует конечно переоценивать прогрессивность буржуазии, на которой всегда была печать ограниченности.

Выражалось это единство и в том, что сама классическая политическая экономия никогда не была свободна от элементов вульгарности. У Смита, как мы видели, «оба способа исследования (научный и вульгарный.—Р.) идут непринужденно не только рядом друг с другом, но и переплетаются и постоянно противоречат друг другу». Элементы вульгаризации в значительных дозах имеются и у Рикардо. Стоит хотя бы вспомнить вульгарнейшую теорию реализации Сэя, которая полностью поддержана была Рикардо. Поэтому вначале классическая политическая экономия и вульгарная развивались не как отдельные друг против друга стоящие системы, а как разные части одной системы, в известной мере друг друга дополнявшие. «К тому же,—как мы только что цитировали,—вульгарная экономия вначале находит материал еще не совсем обработанный, следовательно, сама еще более или менее участвует в разрешении экономических проблем с точки зрения экономики, как например Сэй»...

И если мы говорим, что вульгарная политическая экономия при-

¹ «Теории прибавочной ценности», т. III, стр. 389.

² «Капитал», т. I, стр. 484, прим. 61.

ходит на смену классической, то это следует понимать в том смысле, что постепенно—по мере развития классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией—в политической экономии (буржуазной) вульгарный элемент вытесняет научный, и первый торжествует полную победу над вторым. Победа одержана была не вследствие конечно научных достоинств... вульгарной экономии, а вследствие, как сказано, развития классовой борьбы. Классическая политическая экономия в руках буржуазии развиваться больше не могла, напротив, сама стала все больше и больше запутываться в своих внутренних противоречиях. «Классическая экономия впадает в конце концов в ошибку, заблуждается, рассматривая основную форму капитала, производство, с целью присвоения чужого труда, не как историческую форму, а как естественную форму общественного производства¹,—это такое понимание, для устранения которого она сама однако прокладывает путь своим анализом»².

Но этот путь продолжает и в то же время его радикально перестраивает уже пролетарская мысль—марксистская политическая экономия. Буржуазная мысль, окончательно освободившись от научного «балласта», становится насквозь вульгарной. «Совершенно иначе обстоит дело с вульгарной экономией³, которая торжественно выступает также тогда, когда экономия сама (классическая.—*P.*) своим анализом расшатала, разрушила свои собственные предпосылки; когда следовательно уже существует опровержение экономии в более или менее экономической, критической и революционной форме. Ибо развитие политической экономии и из нее же самой вытекающее противоречие идет параллельно реальному развитию содержащихся в капиталистическом производстве общественных противоречий и классовой борьбе. Лишь когда политическая экономия достигла значительного развития—следовательно после Адама Смита—и когда она выработала себе определенные формы, от нее отделяется тот элемент, вульгарный элемент, в особый вид экономии».

С появлением марксизма между научной политической экономией и вульгарной вырастает непроходимая пропасть. Марксизм вбирает в себя, предварительно проработав, все ценное, т. е. научное, что было у классиков. Вульгарная экономия, наоборот, либо отбрасывает научный элемент классической экономии, как якобы узкий и необоснованный, либо искажает его до неузнаваемости, т. е. преобразует его по своему образу и подобию. Известно например, какие усилия делаются для того, чтобы превратить Смита и Рикардо из теоретиков трудовой стоимости в теоретиков издержек производства.

Отсюда видно, что всякая попытка сблизить марксизм с современной буржуазной политической экономией, как это делает Рубин (в его книге «Экономисты на Западе») и Блюмин (см. его характеристику Итольдмана и других «социальников»),—является, с одной стороны, клеветой на буржуазных экономистов, заподозриванием их в том, в чем они абсолютно неповинны. А с другой стороны,—что конечно несравненно важнее,—такая попытка есть полное искажение марксизма и марк-

¹ Везде разрядка Маркса.— *P.*

² «Теория...», т. III, стр. 389.

³ Разрядка Маркса.— *P.*

системского понимания эволюции буржуазной политической экономии, пути развития которой все больше и больше расходятся и должны расходиться с марксизмом, а не сближаться с ним. Представление о сближении в той или иной форме этих классово противоположных систем есть отражение того, что классовая борьба теперь притупляется, что противоречия уменьшаются, а посему и между системами политической экономии этих двух борющихся классов тоже начинается своего рода «обмен идеями». Такого рода представление вполне в духе современной социал-демократики¹, но ничего общего не имеет с действительным марксизмом.

Что касается мелкобуржуазных экономистов, то большинство из них было в то же время и мелкобуржуазными социалистами. Они враждебно относились к капитализму, подвергали резкой критике разные стороны капиталистической системы. Некоторые из них, как например Сисмонди, внесли и кое-что ценное в политическую экономию. Но так как, не будучи в состоянии в анализе капиталистического способа производства идти дальше классиков, они звали либо назад к патриархальному и мелкотоварному способу производства, либо сочиняли всевозможные утопии, долженствовавшие уничтожить капиталистическую эксплуатацию при сохранении основ товарного хозяйства. Особенно за это достается от Маркса Прудону. Против одной из его книг «Философия нищеты» Маркс написал резко полемическую работу — «Нищета философии». В «Капитале» же Маркс задевает Прудона лишь попутно.

Впрочем таков характер марксовой критики и в отношении других экономистов: развивая и систематически излагая ту или иную из своих теорий, он останавливается на последних, подчеркивая, часто довольно бегло, либо то, что ими внесено в данную теорию, либо те заблуждения, которые ими разделяются в области явлений, интересующих Маркса. Систематический анализ и критику экономических теорий как своих предшественников, так и современников Маркс дает в своей книге «Теории прибавочной стоимости» (к сожалению не законченной). В «Капитале» он часто ограничивается как бы мимоходом брешеными замечаниями. Это последнее обстоятельство безусловно увеличивает трудность чтения «Капитала»: читателю, знакомому с критикуемыми теориями, трудно понять как последние, так и критику их.

В предлагаемой нами работе, поскольку позволяет размер ее, мы знакомим читателя с разбираемыми в марксовом тексте теориями. Также в конце книги даем краткие сведения об экономистах, имена которых часто встречаются в «Капитале».

¹ Впрочем социал-демократия уже не довольствуется таким «обменом». Она в угоду новейшим вульгарным «теориям» полностью отказывается без всякого остатка от политической экономии Маркса.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ТОВАР И ДЕНЬГИ.

Предмет исследования.

В рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» Энгельс писал: «Политическая экономия начинается с товара, с того момента, когда продукты обмениваются друг на друга—происходит ли это между отдельными людьми или между естественно возникшими обществами. Продукт, вступающий в обмен,—это товар. Но товаром он становится потому, что к вещи, к продукту¹ приурочиваются отношения между двумя личностями или обществами, отношения между производителем и потребителем, которые здесь уже не соединяются в одном и том же лице, здесь у нас имеется сейчас же пример своеобразного факта, проникающего всю экономику и порождающего в головах буржуазных экономистов крайнюю путаницу. Экономика имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в последнем счете между классами. Но отношения эти постоянно связаны с вещами и представляются в виде вещей»¹ (подчеркнуто Энгельсом).

В приведенной цитате точно определен не только предмет всей политической экономии, но и предмет интересующего нас первого отдела «Капитала». В этом отделе исследуются отношения между людьми, связанные с вещами и представленные в виде отношений вещей. Но отношения эти пока—в настоящем отделе—выступают не как отношения между классами, а лишь как отношения «между производителем и потребителем» или—что одно и то же—между товаровладельцами, из которых каждый поочередно выступает то как продавец, то как покупатель.

Товаропроизводители—как они берутся здесь—относятся друг к другу, во-первых, как равные к равным, так как, предполагается, что они находятся в равных условиях труда и следовательно в одинаковой экономической взаимозависимости. «Таким образом,—пишет Маркс,—один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно они должны признавать друг в друге частных собственников»². Во-вторых, они, отчуждая друг у друга продукты своего труда, фактически работают друг на друга, и существующие между ними трудовые отношения

¹ «Исторический материализм», сост. В. В. Адоратским и А. Д. Удальцовым, изд. «Новая Москва», 1924 г., стр. 129.

² «Капитал», т. I, стр. 41.

превращают их разрозненный индивидуальный труд в общественный. В-третьих, общественный характер труда проявляется стихийно, через рынок, через обмен, и выражается в отношении вещей: на товарном рынке противостоят друг другу не отдельные виды труда, а их продукты. Последние вследствие этого приобретают особое свойство—свойство выражать отношения товаропроизводителей.

Указанные отношения и являются основным, так сказать, стержнем всего отдела, сообщая ему полное единство.

Ленин еще в своей книге «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» дает такую краткую, но меткую характеристику капитализма: «Существенными признаками капитализма, на основании учения Маркса, являются: 1) товарное производство как общая форма производства. Продукт принимает форму товара в самых различных общественных производственных организациях, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта является общей, а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признак капитализма (2)—принятие формы товара не только продуктом труда, но и самим трудом, т. е. рабочей силой человека. Степень развития товарной формы рабочей силы характеризует степень развития капитализма»¹.

Маркс изучает товар не как «исключительную», «единичную» и «случайную» форму продукта, но как форму общую, составляющую один из основных признаков капиталистического производства. Следовательно распространенное мнение, что Маркс в первом отделе—«Товар и деньги»—изучает простое товарное хозяйство, верно лишь постольку, поскольку последнее понимается и в теоретическом смысле, а не только историческом, т. е. изучает, с одной стороны, один из признаков буржуазного производства, а именно превращение продуктов труда в товар, абстрагируясь от другого признака—превращения рабочей силы в товар. На данной стадии теоретического анализа мы имеем как бы простое товарное хозяйство, но даже и на этой стадии исследования необходимо помнить, что «субъект, т. е. общество, должен постоянно витать в нашем представлении как предпосылка»².

В применении к обсуждаемому нами вопросу это значит, что уже при изучении товара мы должны помнить, что изучаем буржуазное общество, но пока лишь в простейшей его форме.

С другой стороны, экономическая структура буржуазного общества Марксом изучается генетически: в ее возникновении и развитии. И наше противопоставление теоретического подхода историческому следует понимать лишь в том смысле, в каком его понимает Энгельс в цитированной выше рецензии³.

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 99, изд. 1923 г.

² Маркс, Введение к «К критике политической экономии», стр. 24.

³ Полнейшая увязка логического с историческим, так классически Марксом проведенная в «Капитале», предохраняет, с одной стороны, от бессодержательных абстракций, а с другой — от «ползучего эмпиризма». К сожалению, этой увязки чужды были и те, которые в дискуссии по основным проблемам политической экономии занимали Рубина, и те, которые боролись против «рубинщины». Фактически это лло воду на мельницу меньшевизма: политическая экономия, отрываясь от конкретной действительности, перестает быть орудием в руках революционного пролетариата. И действительно, занятые ненужной дискуссией, мы чрезвычайно мало занимались проблемами империализма и нашей советской экономики.

О совпадении исторического и логического мы можем говорить лишь при условии, если и то и другое понимается диалектически. Историческое в диалектическом понимании не есть только последовательный (во времени) ряд событий, а есть последовательный ряд событий, переходящих одно в другое. Каждое историческое явление противоречиво, представляя единство противоположностей. Развитие его состоит в переходе его в другое явление, отрицающее первое, но вместе с тем и включающее его в себя. Таким образом исторический процесс есть движение через противоречия, от более простого к все более сложному.

Логическое, с точки зрения материалистической диалектики, есть не что иное, «как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное»¹. Следовательно вполне прав Энгельс, заявляя, что: «Чем начинается история, тем же должен начинаться и ход мыслей». Ведь «ход мыслей» в данной связи и есть материальный исторический процесс, переведенный и переработанный в человеческой голове. Метод теоретической экономики, являющийся методом «восхождения от абстрактного к конкретному», вполне таким образом соответствует историческому развитию, идущему от простого к сложному. Более того, абстрактное, одностороннее отображающее известное отношение развитого конкретного, предшествует последнему, как предшествует сложному простое. Замечательно в этом отношении следующее заявление Маркса (в введении к «К критике политической экономики»). «Деньги,—говорит он,—могут существовать и существовали исторически раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно сказать, что простейшая категория может выражать собою господствующие отношения развившегося целого, которые (отношения) уже существовали исторически раньше, чем целое развилось в том направлении, которое выражает конкретная категория. Постольку законы абстрактного мышления, восходящего от простого к сложному, соответствуют действительному историческому процессу».

Товарные например отношения предшествовали капиталистическому способу производства; они являлись условиями, при которых последний возник и развился. Зато, возникши и развившись, капиталистический способ производства подчиняет себе товарные отношения, наполняя их новым содержанием. В том же Введении к «К критике...» Маркс говорит: «Простейшие категории суть выражения условий, в которых может реализоваться неразвившаяся конкретность, до установления более многостороннего отношения или более многосторонней связи, идеальным выражением которых служат конкретная категория, в то время как развившаяся конкретность сохраняет простейшую категорию как подчиненное отношение».

Однако теория и история не одно и то же: внутренний переход одних явлений в другие сопровождается целым рядом внешних моментов, усложняющих первый. За возникновением товара не просто следует возникновение денег, а первое диалектически переходит во второе, сопровождаясь целым рядом обстоятельств—уничтожением например замкнутости переобитых коммунистических общин, развитием торговли, добычей благородных металлов и введением их в товарооборот и т. д.

¹ Маркс, Послесловие ко 2-му изданию «Капитала».

и т. д. Но для понимания сущности денег как денежной формы стоимости и их происхождения от товара в результате раздвоения последнего (см. дальше) на товар и деньги,—указанные обстоятельства значения не имеют. Поэтому теоретиз-экономист может от них абстрагироваться: он, правда, тоже даст исторический процесс, но лишенный исторической формы, «исторических случайностей». Историк уже дает исторический процесс в исторической форме и с историческими «случайностями».

Порядок исследования.

Рассматриваемый нами первый отдел разбит на следующие три главы: 1) «Товар», 2) «Процесс обмена», 3) «Деньги, или обращение товаров». Этим и дан порядок исследования изучаемого здесь производственного отношения.

В I главе исследуется противоречие, заключающееся в товаре, между его потребительной стоимостью и стоимостью, превращающейся в меновой стоимости из внутреннего во внешнее противоречие. В меновой стоимости или форме стоимости один товар представляет потребительную стоимость, а другой—стоимость, но оба вместе образуют единство «двух полюсов выражения стоимости». В противоречии товара находит выражение противоречие труда товаропроизводителя, который (труд), с одной стороны, является частным, индивидуальным, конкретным, а с другой—общественным, всеобщим и абстрактным. С одной стороны, производятся полезные вещи, потребительные стоимости, а с другой—стоимости.

Во II главе исследуются те же противоречия, выступающие однако в новой форме, в форме противоречия процесса обмена. Анализируя акт обмена, Маркс показывает, что этот акт представляет и «чистый индивидуальный процесс» и «всеобщий общественный процесс». Помимо того указанные противоречия облекаются еще, так сказать, в форму практических затруднений. Это отмечено было Энгельсом.

«Мы заметим лишь, что эти противоречия,—пишет Энгельс в цитируемой выше рецензии,—имеют не только теоретический, отвлеченный интерес, но отражают также одновременно те затруднения, которые вытекают из самой природы непосредственного менового отношения простой меновой торговли. Разрешение этих затруднений находят в том, что свойство представлять меновую стоимость всех прочих товаров переходят на один специальный товар—деньги».

И в I и во II главе противоречия разрешаются тем, что из товарного мира выделяется один товар в роли денег. Таким образом раскрывается сущность денег и решается вопрос о происхождении их. Сущность денег в том, что они—всеобщая форма стоимости и всеобщий эквивалент. Это показывает исследование I главы. А во II главе доказывается, как в самом обмене возникают деньги, как «по мере того, как продукт труда превращается в товар, товар превращается в деньги».

В III главе Маркс уже переходит к анализу функций денег, к движению их, которое представляет движение товарного хозяйства в целом. От анализа «экономической клеточки буржуазного общества» он «восходит» к анализу движения этого общества в целом, представленного пока как общество простых товаропроизводителей. А это движение выражено в движении денег и товаров.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ТОВАР.

Предмет
исследования.

Предмет исследования этой главы точно указан Марксом в самом начале ее: «Богатство общества,—пишет он,—в котором господствует капиталистический способ производства, представляет «огромное скопление товаров», а отдельный товар—его элементарную форму (его исходную форму). Наше исследование начинается поэтому с анализа товара».

Но товар изучается не изолированно, не вне связи с производством, а лишь «как исходная форма капиталистического способа производства». «Товарная форма продукта,—говорит Маркс в предисловии к 1-му изданию «Капитала»¹,—или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества». Именно как «клеточка буржуазного общества» и исследуется здесь товар. Слово «клеточка» понимается здесь конечно не в буквальном смысле слова, а в смысле элементарной или исходной формы.

Итак предметом исследования I главы «Капитала» является капиталистический способ производства в его элементарной, исходной форме—в товарной форме продукта. Она-то и подвергается всестороннему рассмотрению.

В конкретной действительности каждый товар выражается в определенном количестве денег, имеет свою цену, о чем свидетельствует любой прейскурант любого купца. Но при помощи силы абстракции Маркс, идя сначала аналитическим путем (см. наше введение), абстрагирует товары от их денежного выражения, от их цен, и товары выступают в непосредственном отношении друг к другу, выступают как меновые стоимости. В меновой же стоимости Маркс открывает стоимость и—опять-таки при помощи силы абстракции—изучает ее отдельно от меновой стоимости. А затем он уже при помощи синтеза восходит от стоимости к меновой стоимости и от простой формы стоимости к наиболее развитой ее форме, к деньгам. Анализ и синтез считаются законченными лишь тогда, когда все стороны рассмотрены и изучаемое явление (в данном случае—товар) воспроизводится во всем его многообразии.

Часто недоумевают, почему богатством Маркс считает только «скопление товаров». А дома, мебель, одежда и прочие потребительные стоимости, не предназначенные для продажи,—спрашивается,—разве не являются и они богатством? Но эти недоумения свидетельствуют лишь о неправильном понимании метода Маркса. Марксом изучается не богатство вообще, а богатство в его буржуазной форме, или—что одно и то же—богатство в его товарной форме, т. е. богатство как «скопление товаров». Предметы потребления, либо уже изъятые из товарообращения, либо совсем не востребованные в него (при еще не развитом товарном хозяйстве), объектом политической экономии не являются.

Правда, благосостояние отдельных индивидуумов и целых классов в буржуазном обществе (т. е. уже в развитом товарном хозяйстве) за-

¹ «Капитал», стр. XXXI, изд. 1931 г.

висит от буржуазного способа распределения. Но поскольку предметы потребления уже перешли в потребительский фонд отдельных индивидуумов,—в них (этих предметах) процесс распределения уже погас, и как таковые, как элементы потребительского фонда, они уже никаких общественных отношений не выражают. Функцию выражать общественные отношения они уже выполнили, они вышли, так сказать, в «отставку» и для политической экономии больше никакого интереса не представляют.

Порядок исследования.

Глава разделена на четыре параграфа, особо озаглавленных, которыми собственно и отмечается порядок исследования товара, т. е. последовательность развития нашей темы. Первая часть названа «Два фактора товара: потребительная стоимость и стоимость». Рассмотрение «двух факторов товара» приводит к анализу двух сторон труда, находящихся свое выражение в указанных двух факторах товара. Вторая часть озаглавлена «Двойкий характер заключающегося в товарах труда». Затем Маркс вновь возвращается к меновой стоимости и объясняет это так: «В самом деле, мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости. Мы должны теперь возвратиться к форме проявления стоимости»¹.

Значит задача первой части была «напасть на след стоимости», а задача третьей—показать, как уже «открытая» стоимость проявляется. В четвертой части, названной «Товарный фетишизм», анализ товара завершается. В теории товарного фетишизма дана исчерпывающая характеристика того производственного отношения, которое находит свое вещное выражение в стоимости.

I. ДВА ФАКТОРА ТОВАРА: ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ И СТОИМОСТЬ

Видимость явления.

Маркс упрекает вульгарных экономистов в том, что они «только доктринерски истолковывают, систематизируют и оправдывают представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства». И дальше: «Если бы форма проявления и сущность вещей совпали, то всякая наука была бы излишня». Задача науки таким образом в раскрытии скрывающейся за видимостью явлений их сущности. И Маркс за видимостью товара раскрывает его сущность.

Товар выступает—такова его видимость—с одной стороны, как потребительная стоимость, с другой—как меновая стоимость. Потребительная стоимость означает свойство вещи и полностью им обуславливается. «Полезность вещи—то ее свойство, что она может удовлетворить человеческую потребность того или иного рода—делает ее потребительной стоимостью»². Меновая же стоимость представляется как количественное отношение двух вещей, притом отношения совершенно случайное, постоянно меняющееся «в зависимости от времени и места»³.

«Потребительные стоимости образуют вещественное содержание бо-

¹ «Капитал», т. I, стр. 11.

² Там же, стр. 2.

³ Там же.

гательства, какова бы ни была его общественная форма»¹. Меновая стоимость возможна лишь в товарном хозяйстве, в хозяйстве, где производят не для собственного потребления, а для обмена. Как потребительные стоимости товары разнородны. Потребительная стоимость одного товара не похожа на потребительную стоимость другого товара. Как меновые стоимости товары однородны. Маркс цитирует Барбона, который пишет: «Один сорт товара так же хорош, как и другой, если одинаковы их меновые стоимости. Между вещами, имеющими одинаковую стоимость, нет никакой разницы». А в «К критике политической экономии»² он эту мысль выражает еще рельефнее: «Как меновая ценность, одна потребительная ценность стоит столько же, сколько и другая, если только взята в соответственной пропорции. Меновая ценность дворца может быть выражена в определенном числе коробок ваксы. Наоборот, лондонские фабриканты выразили меновую ценность множества коробок ваксы в своих дворцах». Так Маркс вскрывает противоречия между потребительной стоимостью и меновой стоимостью.

**От видимости
к сущности.**

Видимость товара противоречива, один фактор исключает другой. Но потребительная стоимость ничего, во-первых, загадочного собою не представляет, во-вторых, взятая сама по себе, она не может быть предметом теоретической экономии. Она может быть предметом лишь описательной науки. «Потребительная стоимость товаров составляет предмет особой дисциплины—товароведения» (Маркс). Зато загадку представляет меновая стоимость—притом в двух отношениях. Во-первых, что означает равенство, приравнивание совершенно несравнимых между собой по своим природным свойствам вещей, что за этим равенством скрывается? Во-вторых, почему именно определенное количество одного товара обменивается на определенное количество другого товара?

Из этих двух «загадок» буржуазных экономистов занимала и занимает вторая, первая остается даже незамеченной. Маркс по этому поводу пишет: «Обыкновенно же поступают как раз обратно и видят в отношении стоимостей только пропорцию, в которой приравнивают друг к другу определенные количества двух различных сортов товара. При этом забывают, что величины различных вещей могут быть количественно сравниваемы лишь после того, как они сведены к одной и той же единице измерения».

И Маркс начинает именно с того, что другие «забывают»—он прежде всего ищет сущности загадочного равенства, а затем уже выясняет и количественную сторону этого равенства.

Подытоживая все сказанное Марксом, мы получаем следующие положения:

**Абстрактный
труд и стоимость.**

1. Меновая стоимость как количественное отношение означает равенство и следовательно однородность (сравниваться могут только однородные величины).

2. Но так как товары как вещи не равны, то обнаруженное в меновом отношении равенство относится к ним лишь как к продуктам труда. Если раньше было констатировано, что как меновая стоимость один товар похож на другой, то теперь этот факт приобретает такой смысл:

¹ «Капитал», т. I, стр. 11.

² Стр. 7, изд. 1918 г.

как меновые стоимости они являются лишь продуктами труда. «Теперь это уже не стол, не дом, не прижа или какая либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем. Он продукт труда—и только.

3. Но равенство товаров как продуктов труда означает и равенство самого труда, т. е. сведение всех видов труда «к одинаковому человеческому труду, к абстрактному человеческому труду, к человеческому труду вообще».

4. Отсюда вывод: «Все эти вещи представляют теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд.

5. И наконец последнее звено во всей этой цепи: «Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции они являются стоимостями—товарными стоимостями».

Так Маркс попал на «след» стоимости, скрывающейся за меновой стоимостью, т. е. пришел от видимости явлений к сущности их. Он идет от меновой стоимости товаров к труду и от труда к стоимости. Однородность товаров, проявляемая ими в обмене, выражает лишь их однородность как продуктов труда и следовательно однородность самого труда. И обратно, товары теперь уже представляются как продукты одинакового человеческого труда, как кристаллы общей им всем общественной субстанции и как таковые являются стоимостями.

Абстрактный труд характеризуется—нам следует пока это запомнить—и как «затрата человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты» и «как общественная субстанция», т. е. абстрактный труд означает, с одной стороны, физиологическую однородность разных видов труда. С другой стороны, абстрактный труд выражает одинаковость и единство труда всех товаропроизводителей: труд каждого из них хотя и является частным и индивидуальным, но в стоимости он выражается как частица всего общественного (в обществе товаропроизводителей) труда в целом.

Величина стоимости и общественно-необходимый труд.

«Итак,—говорит Маркс,—потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществляется, или материализуется, абстрактно-человеческий труд. Как же измерить величину ее стоимости?»¹

Ответ на этот вопрос подсказан всем предыдущим анализом: раз стоимость есть вещное выражение абстрактного труда, то она измеряется количеством этого труда, или—как Маркс выражается—«количеством содержащегося в ней труда, этой создающей стоимость субстанции».

Отсюда также понятно, что количество труда, определяющее величину стоимости, может быть взято лишь как общественно-необходимое. Ведь оно—количество труда—относится к абстрактному труду, выражающему, как сказано раньше, труд отдельных товаропроизводителей, как части всего общественного труда. Индивидуальный труд может включаться в общественный труд, считаясь частицей его лишь как общественно-необходимый труд.

Категория «общественно-необходимый труд» есть производная от категории абстрактного труда: первая содержится во второй, являясь даль-

¹ «Капитал», т. I, стр. 2.

нейшим определением (развертыванием) ее. Абстрактный труд без дальнейших определений характеризует труд лишь как всеобщий одинаковый человеческий труд, взятый в его исторической обусловленности, т. е. как буржуазный труд. Общественно-необходимый труд уже характеризует последний со стороны его величины.

Определение понятия самого общественно-необходимого труда Маркс здесь, в разбираемом нами параграфе, дает наиболее общее. «Общественно-необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»¹.

Стоимость и производительность труда.

Величина стоимости рассматривается и в динамике; ставится вопрос от чего зависят ее изменения, уменьшения или увеличения. Это есть вопрос о зависимости стоимости от производительности труда. Но уже из предыдущего вытекает подведенный Марксом к концу следующий итог; «Величина стоимости товара изменяется таким образом прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе овеществленного в нем труда»².

Раз величина стоимости единицы товара выражает собой количество овеществленного (общественно-необходимого) труда, то рост последнего вызывает соответствующее увеличение стоимости, а уменьшение количества овеществленного труда влечет за собой такое же уменьшение величины стоимости. Но количество овеществленного в товаре труда в свою очередь определяется уровнем производительной силы труда: чем выше этот уровень, тем меньше труда овеществляется в единице товара, а чем ниже указанный уровень, тем больше овеществленного труда. Следовательно величина стоимости обратно пропорциональна производительной силе труда. Именно потому, что величина стоимости прямо пропорциональна количеству овеществленного в товаре труда, — она обратно пропорциональна производительной силе труда.

Производительная сила труда определяется — как говорит Маркс — «многообразными обстоятельствами», а именно: 1) «средней степенью искусства рабочего», 2) «уровнем развития науки и ее техническими применениями», 3) «общественной организацией производственного процесса», 4) «размерами и дееспособностью средств производства», 5) «природными условиями»³. Перечисленные факторы составляют производительные силы общества, и все они за исключением последнего (природных условий) — величины переменные: они бывают разными в различные эпохи и даже в одну и ту же эпоху в разных странах находятся на разных уровнях развития. Но для нас, забегая немного вперед, важно установить следующую причинную связь: изменение производительных сил общества вызывает изменение производительности труда, а изменение производительности труда — изменение (уже в обратном порядке) величины стоимости. Или — что одно и то же — изменение величины стоимости означает изменение производительности труда, которое в свою очередь есть не что

¹ «Капитал», т. I, стр. 4.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, т. I, стр. 5.

ниие, как выражение изменения уровня производительных сил. Изменение производительных сил вызывает всегда новое перераспределение их между разными отраслями хозяйства. Например рост производительности труда в сельском хозяйстве освобождает, с одной стороны, рабочие силы для других отраслей труда, а с другой стороны, доставляет больше сырья и продовольствия для расширения последних. А так как рост производительных сил находит свое выражение в изменении величины стоимости, то и перераспределение производительных сил тоже происходит через изменение величины стоимости. Таким образом стоимость, находящаяся в причинной зависимости от развития производительных сил, является законом движений и регулятором—стихийным конечно—то рыночного хозяйства. Регулирование происходит схематически так: изменение уровня производительных сил вызывает изменение величины стоимости, выражающейся в соответствующем изменении рыночных цен (более подробно об этом дальше), а последнее уже влечет за собой перелив труда и средств производства из одной отрасли в другую.

Заключение.

Заканчивая разбираемую нами первую часть I главы, Маркс еще раз сопоставляет потребительную стоимость со стоимостью и подчеркивает—при каких условиях вещь, имея потребительную стоимость, все же не имеет стоимости. Здесь важно обратить внимание на замечание Энгельса, которое приводится в выписке 12. Это замечание в дополнение к тексту Маркса особенно отчетливо подчеркивает социальный и исторический характер стоимости. Ей нет места не только в хозяйстве Робинзона, но и в хозяйстве феодальном: продукты, идущие из хозяйства крепостного в хозяйство помещика, не являются товарами и не имеют стоимости. Стоимость—категория лишь товарного хозяйства.

Таким образом стоимость с самого начала, еще в первой части I главы, характеризуется Марксом как категория социальная и историческая. К этому Маркс возвращается еще не один раз.

Исходным пунктом нашего анализа был товар, как единство двух противоположностей: потребительной и меновой стоимости. Вначале эта противоположность представлялась как противоположность между качеством и количеством: с одной стороны, товары разнородны, отличаются друг от друга своим качеством (своей потребительной стоимостью), а с другой стороны, товары количественно в меновом отношении однородны, совершенно похожи друг на друга. Отсюда проблема: как объяснить меновую стоимость? Что является основой ее? Исследование этого вопроса привело к тому, что 1) основой менового отношения товаров является труд, 2) но, во-первых, не труд конкретный, а абстрактный, 3) во-вторых, труд в его вещной форме, т. е. овеществленный труд. Этим открыта была скрывающаяся за меновой стоимостью стоимость.

Противоречие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью товара превратилось таким образом в противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, т. е. между естественным свойством товара и его исторически обусловленным общественным качеством. Товары, с одной стороны, выступают как потребительные стоимости, т. е. как «вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма, а с другой стороны, товары как кристаллы общей им всем общественной субстанции являются стоимостью», т. е. явля-

ются формой богатства именно буржуазного общества. Двойственная природа товара отражает двойкий характер труда товаропроизводителя — труда, производящего потребительную стоимость (конкретный труд), и труда, производящего стоимость (абстрактный труд). Затем мы перешли к количественному определению стоимости, к определению ее величины, соответственно этому получила дальнейшую характеристику и субстанция стоимости, абстрактный труд, выражающийся в величине стоимости, как общественно необходимый труд. И выведен был закон стоимости как единственный закон движения и регулятор товарного хозяйства. Таков общий итог исследований настоящего параграфа.

II. ДВОЙКИЙ ХАРАКТЕР ЗАКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ В ТОВАРАХ ТРУДА.

Значение анализа двойственной природы труда.

Хотя с абстрактным трудом и отчасти с конкретным мы уже успели познакомиться в первом параграфе, все же Маркс считает нужным к ним вернуться и подвергнуть их специальному исследованию. Он мотивирует это следующим образом: «Так как этот пункт (двойственная природа заключающегося в товаре труда.—Р.) является центральным, так как к нему тяготеет понимание политической экономии, то мы осветим его здесь более обстоятельно»¹. Значение этого вопроса для политической экономии Маркс подчеркивает и в своих письмах к Энгельсу. В письме от 24 августа 1867 г. читаем: «Самое лучшее в моей книге («Капитал»): 1) в первой же главе подчеркнутая двойственная особенность труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости. На этой теории о двойственном характере труда покоится все понимание фактов»². В другом письме от 8 января 1868 г. Маркс пишет: «...что все без исключения экономисты не замечали простой вещи, а именно, что если у товара двойкий характер, если он, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны, меновая стоимость, то и труд, воплощенный в товаре, должен иметь двойкий характер. Простой же анализ труда без дальнейших различий, как например у А. Смита, Рикардо и т. д., постоянно должен наталкиваться на необъяснимые вещи. В сущности тут и заключается вся тайна критического понимания»³.

Маркс действительно здесь обстоятельно освещает вопрос, который он впервые критически рассмотрел в «К критике политической экономии» и вновь воспроизвел в первом параграфе «Капитала» в связи с анализом двух факторов товара.

Конкретный труд.

Конкретный труд характеризуется Марксом следующими признаками: во-первых он полезный труд, производит потребительную стоимость; во-вторых он производит качественно определенную потребительную стоимость и противопоставляется другим видам труда, производящим другие потребительные стоимости. Это последнее служит основанием для разделения труда, на котором и покоится товарообращение и вся система товарного хозяйства. Но тут же Маркс делает важное замечание, что разделение

¹ «Капитал», т. I, стр. 6.

² «Письма Маркса и Энгельса», изд. под ред. В. В. Адоратского, «Московский рабочий», 1922 г., стр. 144.

³ Там же, стр. 145.

труда «составляет условие существования товарного производства, хотя товарное производство, наоборот, не является условием существования общественного разделения труда»¹. В-третьих, конкретный труд не связан ни с какой исторически обусловленной организацией труда, «труд как создатель потребительных стоимостей, как полезный труд, является независимым от всяких общественных форм условием существования людей, вечной общественной необходимостью»². И наконец, в-четвертых, конкретный труд может тратиться лишь в соединении с силами природы и опираясь на них, а потому «труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, материального богатства. Труд есть отец богатства,—говорит Вильям Петти,—земля—его мать»³.

Абстрактный труд.

Труд уже был достаточно Марксом охарактеризован на фоне яркого противопоставления его конкретному. Далее оттеняется уже развитая выше специфичность труда, «созидающего» стоимость, но здесь возможно еще обратить внимание на приводимые Марксом примеры, свидетельствующие о фактическом сведении разных видов труда к их общей основе, к человеческому труду вообще. Особенно следует обратить внимание на его указание, что абстрагирование от конкретных форм труда не есть просто мыслительный процесс, совершающийся в уме кабинетного ученого, а совершается объективно самим процессом производства товаров. Это вытекает из всей трактовки вопроса как здесь, так и раньше, в связи с анализом меновой стоимости.

Это положение подчеркнуто Марксом еще в «К критике политической экономии». Мы читаем там: «Однородность труда, лишая его различия, есть прежде всего равенство труда различных индивидуумов, взаимное отношение их труда как равного благодаря фактическому сведению всякого труда к однородному»⁴.

Несколькоми страницами выше Маркс говорит еще более категорически: «Это приведение (приведение различных видов труда к однородному.—Р.) является абстракцией, которая в общественном процессе производства совершается ежедневно» (подчеркнуто мною.—Р.).

Простой и квали- фицированный труд.

Характеристика труда как труда вообще вплотную подводит нас к вопросу о простом и квалифицированном труде. Вопрос о простом труде—один из моментов качественной характеристики абстрактного труда. Действительно раз все виды труда сводятся к одинаковому однородному человеческому труду, то сразу возникают вопросы: 1) Что следует понимать под квалифицированным трудом и простым? С точки зрения конкретных видов труда ответ на этот вопрос весьма прост, но чем отличаются друг от друга эти два вида труда с точки зрения производства стоимости? 2) Как и где происходит сведение их одного к другому и к труду вообще? Маркс отвечает: 1) «Сравнительно сложный труд есть только возведенный в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большому количеству простого труда». Это есть

¹ «Капитал», т. I, стр. 7.

² Там же.

³ Там же, стр. 8.

⁴ «К критике политической экономии», стр. 11.

ответ на первый вопрос. 2) «Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда, и следовательно сама представляет лишь определенное количество простого труда»¹.

И сведение квалифицированного труда к простому—тот же объективный процесс, что и сведение всех видов труда к их общей основе, к человеческому труду вообще—и то и другое обусловлено товарным производством.

Количество абстрактного труда.

И этот вопрос был уже с достаточной полнотой выяснен в связи с выяснением величины стоимости, но он ставится еще раз для более полной характеристики абстрактного труда как противоположного конкретному. И это подчеркнуто Марксом в следующем месте: «Поэтому, если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь качество содержащегося в нем труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда... В первом случае дело идет о том, как и какой именно труд затрачивается, во втором случае—о том, сколько работы затрачивается, об ее продолжительности»².

С точки зрения количества Маркс часто слово труд заменяет словами: рабочее время. Особенно это он применяет в «К критике...»: «Как меновые ценности все товары представляют только количество затраченного рабочего времени» (подчеркнуто Марксом). Правда, в «Капитале» Маркс говорит о «сгустке безразличного человеческого труда», а не времени. Но это потому, что в данном месте «Капитала» труд еще рассматривается не с точки зрения продолжительности, а лишь с точки зрения сведения его к «затрате рабочей силы безотносительно к форме этой затраты».

Еще одна важная мысль, которой в первом параграфе нет,—это, что производительность труда относится только к конкретному труду, но не к абстрактному. «Следовательно один и тот же труд,—говорит Маркс,—в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости, как бы ни менялась его производительная сила»³.

Резюме.

Все исследования «двойного характера труда» заканчиваются Марксом следующей сжатой формулировкой, резюмирующей различия между абстрактным трудом, образующим стоимость, и конкретным трудом, создающим потребительные стоимости.

«Великий труд есть, с одной стороны, затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова, и в качестве такого одинакового, или абстрактного, человеческого труда труд образует стоимость товаров. Великий труд есть, с другой стороны, затрата человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в качестве этой конкретной полезной работы труд создает потребительные стоимости»⁴. Здесь физиологический момент в определении абстрактного труда Марксом особенно подчеркнут. Все же было бы правильным, опираясь на эту цитату, видеть в абстрактном труде только физиологическую тра-

¹ «Капитал», т. I, стр. 31.

² Там же, стр. 9—10.

³ Там же, стр. 10.

⁴ Там же.

ту рабочей силы. Нельзя упустить из виду (на это уже нами было обращено внимание выше) и другие заявления Маркса, подчеркивающие как раз общественную сторону абстрактного труда, сводящие его к общей всем товарам «общественной субстанции». Приведенная здесь цитата однако ясно говорит о том, что Маркс не исключил из абстрактного труда физиологического равенства всех видов труда.

Подводя итоги всему сказанному Марксом об абстрактном труде и исходя из методологии его и понимания им категорий политической экономии, мы приходим к следующему выводу: 1) в товарном производстве труд не может стать общественным, если его не свести к затрате рабочей силы в «физиологическом смысле этого слова», — и это делает его одинаковым человеческим трудом, трудом вообще; 2) абстрактный труд означает таким образом не только равенство всех видов труда и равенство труда всех индивидов, но и сведение труда каждого из них к части всего общественного труда; 3) сведение всех видов труда к их физиологической общей основе, к затрате рабочей силы «безотносительно к форме этой затраты», что составляет материальную основу сведения труда отдельных индивидов к их общественной основе, к однородным частям всего общественного труда, совершается объективно процессом производства товаров.

Словом, абстрактный труд как специфическую категорию товарного производства нельзя оторвать от материального процесса и следовательно материальной основы равенства всех видов труда.

**Идеалистическое
и механистиче-
ское понимания
абстрактного
труда.**

Остановимся на механических и идеалистических трактовках абстрактного труда. Рубин считает, что «физиологический труд составляет предпосылку абстрактного труда в том смысле, что ни о каком абстрактном труде не может быть речи, если не имеет места затрата людьми физиологической энергии»¹.

Если под абстрактным трудом понимать только социологический момент, форму организации труда в товарном хозяйстве, то приведенное выше выражение «количество содержащегося в ней труда» и дальнейшее марксово пояснение — совершенная бессмыслица: к форме организации труда понятие «количество» не подходит. Количество может быть отнесено лишь к затрате человеческой рабочей силы, протекающей во времени и измеряющейся этим временем.

На указанном и давно уже выдвинутом в нашей печати возражении Рубин останавливается в 3-м издании своих «Очерков». Он пишет: «Теперь мы должны ответить на следующий вопрос: может ли абстрактный труд, рассматриваемый нами как чисто «общественная субстанция», иметь количественную определенность, т. е. определенную величину? (Подчеркнуто везде Рубиным.) Очевидно, что с точки зрения марксово теории абстрактный труд имеет определенную величину, и именно благодаря этому продукт труда не только приобретает социальную форму стоимости, но имеет стоимость определенной величины. Чтобы понять возможность количественной характеристики абстрактного труда, мы опять прибегнем к сравнению его с тем социально-уравненным трудом, который встречается в социалистической общине. В социалистической общине органы учета будут конечно тоже иметь

дело и с простым трудом и с квалифицированным; последний придется приравнять к простому труду: скажем, в два раза считать его больше простого труда. Но ведь это не значит, — рассуждает Рубин, — что квалифицированный рабочий действительно в два раза больше работал; это также не значит, что им в два раза больше потрачена физиологическая энергия». Отсюда Рубин приходит к следующему выводу: «Те 20 единиц труда, которые приходится на долю работника (более квалифицированного работника. — *Р.*), представляют собой не число фактически проработанных часов и не сумму фактически затраченной физиологической энергии, а число единиц общественного труда, т. е. общественную величину (подчеркнуто Рубиным). Именно такого рода общественную величину представляет собою и абстрактный труд, выполняющий в стихийном товарном хозяйстве ту роль, которую описанный социально-уровненный труд выполняет в сознательно организованном хозяйстве»¹.

Все эти суждения и сравнения по меньшей мере излишни. Разве кто-либо спорит против того, что величина стоимости есть общественная величина? Ведь это непосредственно вытекает из понятия общественно-необходимый труд. Раз им определяется величина стоимости, то производитель, тратящий труда больше общественно-необходимого, проигрывает, а тратящий меньше — выигрывает, т. е. ему «причисляются» часы, которые он фактически не работал.

Но тезис, что величина стоимости есть общественная величина, Рубин понимает по-своему: как из абстрактного труда он изгоняет «элементы физиологии», так он их изгоняет и из величины стоимости. Но этим он только доказывает, как он искажает понятие абстрактного труда. На самом деле, если понятие абстрактного труда в рубиновском понимании не содержит по крайней мере внутреннего логического противоречия — логически можно мыслить под абстрактным трудом только своеобразие, историческую обусловленность труда товаропроизводителя, форму организации этого труда, — то этого уже никак нельзя сказать насчет величины стоимости. Правильно, что величина стоимости есть выражение не величины индивидуального, а общественного труда, точнее, выражение величины индивидуального труда, взятого как часть общественного труда, и в этом смысле (только в этом смысле) величина стоимости есть величина общественная. Но и как общественная величина она может быть выражением реального процесса, который протекает во времени, который может длиться более продолжительное время и менее продолжительное время; словом, она может быть выражением такого процесса, к которому подходит понятие количества. Сказать, что величина стоимости есть выражение величины абстрактного труда, а под последним понимать только исторически обусловленную форму труда товаропроизводителя, — значит сказать, что величина стоимости есть выражение величины... исторически обусловленной формы труда в товарном хозяйстве. А это уже есть внутреннее противоречие. Работает ли товаропроизводитель час, два, пять, — форма его труда не меняется: по отношению к ней не приложимы понятия: больше, меньше.

Как общественный труд в целом, так и отдельные его частицы, находящие свои выражения в величине стоимости отдельных товаров, есть прежде всего трата рабочей силы отдельными индивидуумами. От

¹ Там же, стр. 169—170.

этого абстрагироваться никак нельзя, если не хотят повиснуть в пустом пространстве. Объективный процесс абстрагирования состоит в том, что трата рабочей силы отдельными индивидуумами не непосредственно находит свое выражение в величине стоимости, а посредством включения их в общественный труд в качестве частей последнего. Но этим включением в общественный труд трата рабочей силы не перестает быть физиологическим процессом, она лишь приобретает новое качество, не переставая, подчеркиваем еще раз, быть физиологическим процессом; становится абстрактным трудом вследствие той своеобразной, исторически обусловленной, общественной формы, при которой этот процесс происходит в товарном хозяйстве.

Извращение и фальсификация Рубиным Маркса состоит в том, что он процесс труда искусственно отделяет от общественной его формы; их нужно различать—и Маркс это постоянно делает,—но их нельзя механически разъединить. Поэтому основной аргумент автора в «Очерках» (в главе «Абстрактный труд»), что раз стоимость есть исторически-социальная категория, то и создающий стоимость труд является тоже исторически-социальной категорией,—этот аргумент, говорим мы, направлен только против тех, которые под абстрактным трудом понимают исключительно физиологическую или даже (по терминологии автора) социальную уравненность труда. Но отсюда не следует, что абстрактный труд означает только общественную форму труда, если только механически не разъединить последнюю от материального процесса труда.

Все же, могут сказать, величина стоимости товара, произведенного при условиях выше общественно-необходимых, не соответствует полностью реальным затратам рабочей силы. Но это верно лишь с точки зрения отдельного индивидуума: величина стоимости его товара фактически не соответствует его трудовым затратам. Но это никакого значения не имеет для процесса образования стоимости. «Каждый отдельный товар функционирует,—говорит Маркс,—в данном случае лишь как средний экземпляр своего рода». Величина стоимости всей товарной массы определяется всем общественным трудом, т. е. совокупностью всех реальных затрат рабочей силы всеми товаропроизводителями; а величина стоимости отдельного товара—отдельного экземпляра—равняется величине стоимости всей данной товарной массы, деленной на количество товарных единиц.

Следовательно величина стоимости отдельного товара соответствует величине реально потраченной рабочей силы, но не данного товаропроизводителя, а общества в целом, т. е. совокупности всех товаропроизводителей.

Самой собой разумеется, что это не результат сознательных действий или сознательных арифметических вычислений, но к этому приводит стихийный процесс регулирования в товарном хозяйстве. В данной главе Маркс указанного стихийного процесса не анализирует, но его предполагает. Он «витает и должен витать в представлении как предпосылка»,—в III томе «Капитала» (в X главе) предметом исследования становится указанный процесс (в нашей работе «Комментарии к III т. Капитала», выпуск I, мы в X гл. подробно останавливаемся на категории рыночной стоимости и более полно освещаем затронутый здесь вопрос).

Но есть еще одно возражение. Мы говорим о квалифицированном

труде: квалифицированный товаропроизводитель фактически не тратит энергии больше, чем представитель простого труда, а между тем стоимость он создает большую. Рубин свое понимание величины стоимости как общественной величины обосновывает главным образом на этом факте. Поэтому в своих «Очерках» он анализ квалифицированного труда дает раньше анализа общественно-необходимого труда: первый должен дать как бы точку опоры для понимания второго. Но его трактовка квалифицированного труда аугшмарксистская; зато у него это вполне увязывается с его пониманием абстрактного труда. Мы думаем, что по Марксу квалифицированный труд «есть только возведенный в степень или, скорее, помноженный простой труд», потому что общество в целом на товары, произведенные квалифицированными работниками, фактически тратит труда больше, чем на товары, произведенные простым трудом. Учитывается—тоже конечно общим стихийным регулятором товарного хозяйства—труд обучения квалифицированного работника: его собственный труд, труд его учителей и т. д.

Рубин делает вид, что он борется с вульгарным пониманием стоимости, с представлением о ней как о веществе, механически создающемся тратой энергии. Он пишет: «Такое представление (что прибавочная стоимость может переливаться из одной сферы производства в другую.—Р.)—представление, основанное на буквальном толковании некоторых выражений Маркса и иногда проскальзывающее также у некоторых марксистов, вытекает из взгляда на стоимость как на некоторое материальное вещество, обладающее свойством текучести». И поясняет Рубин тысячу один раз на протяжении своей книги, что стоимость и прибавочная стоимость суть только общественные отношения между людьми, фиксированные, «выраженные», «представленные» (кавычки Рубина) в вещи. А потому отношение не может переливаться, перегекать и т. д. и т. д.

Рубиным отрывается форма от содержания, для него стоимость, прибавочная стоимость суть «голые» формы, оторванные от содержания. И как пустые, бессодержательные формы они конечно неподвижны; только по своей непоследовательности Рубин допускает например движение капитала, хотя капитал есть не что иное, как стоимость, приносящая прибавочную стоимость. Для Рубина стоимость не есть фактор товара, а Маркс первый параграф первой главы I тома «Капитала» озаглавил: «Два фактора товара: потребительная стоимость и стоимость». Смысл выражений «два фактора»,—что Маркс точно под ними понимает,—виден из следующего места: «Но товарами они (железо, холст, пшеница) и т. д.—Р.) становятся лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости. Следовательно они являются товарами или имеют товарную форму лишь постольку, поскольку они обладают этой двойной формой—натуральной формой и формой стоимости»¹.

Если железо, холст, пшеница и т. д. как товары обладают двойной формой—натуральной и стоимостной—и без этих форм не существуют как товары, то и обратно: стоимость как форма этих полезных вещей, ставших товарами, включает их в себя и без них немислима.

¹ «Капитал», т. I, стр. 11. Курсив мой.—Р.

Следовательно «переливание» стоимости происходит вместе с «переливанием» этих полезных вещей¹. Рубин, как сказано, делает вид, что борется с вульгарным пониманием стоимости, приписывающим последней свойство «текучести»; на самом деле он борется с Марксом. Стоимость, конечно, свойством текучести не обладает, но товар им обладает. Рубин же, отрывая первую от второго, не может представить себе движение стоимости,—ведь она не есть нечто текучее.

Понимая чисто формально стоимость, Рубин формально понимает и абстрактный труд. Одна форма у него порождает другую форму. Форма, которую труд принимает в товарном хозяйстве, порождает форму, которая принимается продуктом труда.

В заключение приведем еще следующие характерные заявления Маркса. Цитируя Франклина (стр. 48, прим. 36), Маркс пишет: «Но он (Франклин.—*P.*) не замечает, что, утверждая: стоимость всех вещей правильнее всего оценивается трудом, он тем самым отвлекается от различий обмениваемых работ и сводит их к равному человеческому труду. Иначе он должен был бы сказать: так как обмен башмаков и сапог на столы есть не что иное, как обмен башмачного труда на столярный труд, то столярным трудом с наибольшей точностью можно было бы измерять стоимость сапог! Употребляя слово «труд» вообще, он отвлекается от полезного характера и от конкретной формы различных работ».

Итак уже у Франклина Маркс находит: 1) отвлечение «от полезного характера труда и от конкретной формы различных работ», 2) и находит он это отвлечение потому, что Франклин употребляет слово «труд» вообще. Что же это за труд вообще в франклиновском понимании, мы узнаем из следующих строк, уже относящихся к характеристике позиции всей классической политической экономии по этому вопросу.

«Что касается стоимости вообще, то классическая политическая экономия,—говорит Маркс,—нигде прямо не проводит вполне отчетливого и сознательного различия между трудом, как он выражается в стоимости, и тем же самым трудом, поскольку он воплощается в потребительной стоимости продукта. Фактически конечно она с этим различием считается, так как в первом случае рассматривает труд с количественной его стороны, во втором—с качественной его стороны. Но ей и в голову не приходит, что чисто количественное различие работ предполагает их качественное единство или равенство, следовательно их сведение к абстрактно-человеческому труду».

Тут мы имеем вполне отчетливое указание со стороны Маркса, что уже в рассмотрении труда с количественной стороны—и Франклин так рассматривает труд, когда он употребляет слово «труд» вообще—дано сведение всех видов труда к абстрактно-человеческому труду. Если бы Маркс понимал абстрактный труд, как его понимает Рубин, то он бы никакого намека на него (абстрактный труд) не нашел бы ни у классиков, ни у Франклина: ведь они только количественно приравнивают разные виды труда. Но именно в количественном подходе к труду

¹ Рубин обычно слово «производит» в отношении стоимости берет в кавычках. Он, искажая Маркса, никак не понимает, что на базисе товарного производства производить полезные вещи значит производить стоимость, а на базисе капиталистических отношений производство прибавочного продукта есть производство прибавочной стоимости.

уже фактически выражено то положение, что в буржуазном обществе труд непосредственно, т. е. как конкретный труд, общественным стать не может; он им становится лишь через сведение всех видов труда к их физиологической основе. Последняя предшественникам Маркса еще чужда, но абстрагирование труда—труд как трата нервов и мускулов, поддающаяся количественному определению,—от его конкретного проявления ими уже фактически проводится.

Это Марксом в приведенных цитатах и подчеркивается.

Что касается механистической трактовки абстрактного труда и следовательно стоимости, то она воспринята почти всеми буржуазными критиками Маркса, а также целым рядом «комментаторов-марксистов». Струве например пишет: «В экономической системе Маркса переплетаются и сплетаются—как мы уже указали—два основных мотива: 1) механистически-натуралистический, под влиянием которого Маркс создал свое «объективное» учение о трудовой затрате как субстанции и мере ценности, и 2) социологический, за вещной оболочкой экономических явлений видящий—в качестве их основного содержания—исторически изменяемые отношения между людьми в процессе производства»¹. В другом месте своего предисловия Струве прямо заявляет: «Абстрактный труд Маркса есть физиологическое понятие, идеально по крайней мере подлежащее сведению к механической работе»².

Так по существу понимает абстрактный труд и Каутский. Он пишет: «С одной стороны, труд есть производительная трата рабочей силы вообще, с другой—определенная человеческая деятельность для достижения известной цели.

Первая сторона труда есть нечто общее для всякой производительной деятельности человека; вторая—различна для различных деятельностей»³.

Но Струве более последователен, чем Каутский: он считает, что «механистически-натуралистический и социологический мотивы» должны быть разъединены, а Каутский повидимому не видит в этом необходимости. Они—оба «мотива»—у него «мирно» уживаются. Маркс критикует буржуазных экономистов за их отождествление капиталистического производства с производством вообще; а «марксист» Каутский, излагая экономическое учение Маркса, сводит труд, создающий стоимость, т. е. буржуазный труд, только к «производительной трате рабочей силы вообще».

Чисто физиологически абстрактный труд определяет и Богданов. Но в отличие от предыдущих авторов он в абстрактном труде видит лишь единичное измерение. «Чтобы говорить о производительности труда,—поясняет Богданов,—как об определенной величине, для этого надо все конкретно различные виды труда представлять себе сведенными к некоторой общей единице измерения. Такой единицей измерения для теоретического анализа является «абстрактный» труд или «простой» труд»⁴.

Богданов абстрактный труд отождествляет с простым трудом,—све-

¹ «Капитал», т. I, под редакцией Струве; предисловие последнего, стр. XXX.

² Там же, стр. XXVIII.

³ Каутский, Экономическое учение Маркса, стр. 12. Изд. 1918 г.

⁴ А. Богданов и И. Степанов, Курс политической экономии, т. II, вып. IV стр. 18, изд. 1919 г. (Этот выпуск написал только Богдановым, хотя редактировался он обоими авторами.)

денежное конкретное труда к абстрактному есть для него не что иное, как сведение сложного труда к простому (в дальнейшем изложении он пытается установить и «физиологическую основу» такого сведения).

Если абстрактный или простой труд служит лишь «единицей измерения», то что же создает стоимость? Ответ может быть один: стоимость создается только конкретным трудом; но так как разные виды конкретного труда различны и, следовательно, не соизмеримы, то надо свести их к тому, что общее для них всех, т. е. к абстрактному или простому труду. Необходимо также заметить, что для Богданова сведение это—чисто субъективный процесс: оно нужно для «теоретического», как он говорит, анализа, или «надо все конкретно-различные виды труда представлять себе (подчеркнуто мною.—Р.) сведенными к некоторой единице измерения». И это вполне понятно: раз стоимость создается конкретным трудом, то абстрагирование от последнего есть лишь мыслительный процесс, необходимый для определенных теоретических задач.

Стоимость по Богданову создается конкретным трудом, который может быть сведен к простому или абстрактному труду, помноженному на некий коэффициент; последний Богданов пытается определить. Неудивительно после этого, что по Богданову «то количество трудовой энергии, которое необходимо обществу для производства определенного продукта, называется стоимостью, или просто стоимостью этого продукта»¹.

Согласно такому определению стоимости, последняя не есть историческая категория, т. е. последняя присуща не только товарно-капиталистическому производству; она присуща всякой экономической формации. Богданов этого не отрицает. Нужно отдать справедливость Богданову: он своего «свободного» отношения к Марксу не маскирует; он даже немного цеглолет своим критическим отношением к автору «Каликала» и посмеивается над ортодоксами, т. е. настоящими марксистами. Иначе поступает Рубин: он выдает себя за стопроцентного марксиста и исподтишка Маркса искажает (тоже на все 100%).

Главная его работа—«Очерки по теории стоимости Маркса»—написана как будто с целью защищать Маркса от буржуазной критики и от вульгаризации и искажения со стороны его «сторонников». Рубин не мало полемизирует и с Богдановым; все это и создало ему шумный успех и сделало его чуть ли не «властителя дум» в области теоретической экономики. Но и за уточненной марксистской фразеологией и обилием цитат из Маркса все же удалось раскрыть истинную сущность рубинщины, т. е. стопроцентное извращение марксистской политической экономики.

III. ФОРМА СТОИМОСТИ, ИЛИ МЕНОВАЯ СТОИМОСТЬ.

Третья часть I главы—«Форма стоимости, или меновая стоимость»—является непосредственным продолжением первой части—«Два фактора товара...». На самом деле в указанной первой части уже были выяснены как субстанция (содержание), так и величина стоимости. Следовало бы перейти к тому, как эта стоимость, на «след» которой Маркс

¹ А. Богданов, Краткий курс экономической науки, изд. 10-е, стр. 63.

уже канал, выражается, т. е. следовало вернуться к меновой стоимости. Но это прерывается необходимостью—как мы уже выяснили на основании заявления самого Маркса—в более обстоятельном освещении двойственной природы труда, заключенного в товаре. По окончании же этого освещения Маркс возобновляет изложение стоимости, но уже, как сказано, со стороны формы. И изложение начинается небольшой вступительной частью, в которой объясняется, почему стоимость не может быть выражена вне менового отношения. Этот момент является решающим, и на него следует обратить сугубое внимание. «Но если мы припомним,—говорит Маркс,—что товары обладают субстанцией стоимости лишь постольку, поскольку они суть выражения одной и той же общественной единицы человеческого труда, что субстанция их стоимости имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собою понятным, что она может проявляться лишь как общественное отношение одного товара к другому»¹.

Здесь формулирована внутренняя связь между стоимостью и меновой стоимостью: в понятии «стоимость» уже дано понятие «меновая стоимость»—первое предполагает второе. На самом деле, раз стоимость есть отношение людей, «скрытое,—как выражается Маркс,—под вещной оболочкой»², то форма ее, конкретное ее выражение, тоже не может быть не чем иным, как, во-первых, отношением, а во-вторых—отношением именно вещей, отношением одного товара к другому.

Товарное производство есть единство производства и обмена, единство фазы производства и фазы обращения. Так же единое производственное отношение товаропроизводителей расщеплено здесь на отношения производства (фазы производства) и отношения обмена. Уже в фазе производства товаропроизводители работают друг на друга, готовя потребительные стоимости не для себя, а друг для друга. Правда, они работают друг на друга не непосредственно, они должны еще обмениваться своими продуктами, предварительно сопоставляя и сравнивая их между собой. Но именно в силу того, что они производят для обмена, который обусловлен самим способом производства,—их продукты труда становятся товарами, стоимостями, в самой фазе производства.

За фазой производства следует фаза обращения и за отношениями производства—отношения обмена. А это значит, что товар переходит из сферы производства в сферу обращения. В сфере производства товар уже есть стоимость, «кристалл общей им всем (товарам.—Р.) общественной субстанции», хотя в самом товаре, в его товарном теле, его общественная субстанция еще ничем не выражена. И это свидетельствует лишь о том, что своеобразие товарного производства как особой формы общественного производства не исчерпывается одной сферой производства. Зато при переходе из сферы производства в сферу обращения общественная природа товара выражается в его отношении к другим товарам, и этим она получает свое завершение.

Мы говорим о сфере или фазе обращения, а не об акте обмена: в акте обмена товар уже выходит из сферы обращения. В сферу обращения товар попадает, как только он готов к обмену, т. е. как только

¹ «Капитал», т. I, стр. 11.

² См. стр. 33, прим. 27.

он произведен. Состоится ли фактически обмен или не состоится, дело от этого не меняется: раз вещь произведена для обмена (а в развитом товарном хозяйстве она всегда производится для обмена), то по окончании фазы производства она переходит в фазу обмена, т. е. вступает в определенные отношения, пока (до акта обмена) только идеально, с другими подобными вещами. Если же обмен не состоится, то это лишь значит, что товар в сфере обращения застрял и там же как товар погиб.

Фаза производства есть первая стадия на жизненном, так сказать, пути товара; фаза обращения—вторая его стадия; они друг от друга неотделимы, но они должны различаться—они составляют единство, но они также различны. Их единство и их различия даны в единстве и различии стоимости и формы стоимости. В стоимости, взятой еще вне формы стоимости, выражена первая стадия—стадия производства; в форме стоимости уже выражена и фаза обращения.

Каким образом единство сферы производства и сферы обращения дано в единстве стоимости и формы стоимости—в выявлении первой в последней, это Марксом исследуется в настоящем параграфе. В связи с этим меняется и самый метод исследования. В первом параграфе Маркс шел от меновой стоимости, от обращения; к стоимости, к производству, где последняя и создается. Начать исследования непосредственно с производства нельзя было, так как мы имели бы не товарное производство, а производство вообще—и напасть на «след скрывающейся за меновой стоимостью стоимости» невозможно было бы. В настоящем параграфе Маркс идет уже от стоимости, от товарного производства, к меновой стоимости, к обращению. Предметом исследования становится товарное производство в целом как единство фазы производства и фазы обращения, и исследуется оно в своем возникновении и развитии, так как теперь теория может (следовательно и должна) начать с того, с чего начинается и история.

В предыдущем параграфе задачей было открыть путем анализа то, что обще всем товарам, открыть основу меновой стоимости, но сама меновая стоимость принималась как факт, как данная. Ведь исходным пунктом был товар, следовательно этим самым даны были и обмен и меновая стоимость. В настоящем же параграфе предметом изучения уже является возникновение самой меновой стоимости, возникновение товара или, что одно и то же, возникновение товарной формы продукта труда. И здесь Марксом применяется уже синтез (см. наше введение). Задача теперь заключается в том, чтобы воспроизвести конкретную действительность, исходя из ее основного закона—закона стоимости; при этом воспроизвести ее в ее диалектическом развитии. Выражение стоимости в меновой стоимости изучается таким образом и генетически, т. е. изучается зарождение стоимости в зарождающейся меновой стоимости, являющейся началом перехода натурального хозяйства в товарное. Точнее, проявление стоимости в меновой стоимости берется в самом ее зарождении. В развитом товарном хозяйстве производство товаров происходит непрерывно, т. е. производство товаров является и его воспроизводством—постоянным воспроизводством всех условий и отношений, которые продукт труда делают товаром. Но эти условия когда-то возникли, зародились—зарождение их являлось и зарождением меновой стоимости и скрывающейся за ней стоимости. Поэтому здесь исходным

пунктом является не развитое товарообращение (последнее должно быть еще выведено), а единичный, случайный обмен, которому соответствует простая, зародышевая форма стоимости.

И Маркс свое исследование начинает с простой формы стоимости, соответствующей началу перехода натурального хозяйства в товарное. Но уже в этой простой форме даны—конечно в зачаточном виде—все особенности формы стоимости. Поэтому анализ простой формы стоимости раскрывает загадочность всякой формы стоимости, включая и наиболее развитой формы, т. е. денежной. И с самого начала следует твердо запомнить, что «нам предстоит... проследить развитие того выражения стоимости, какими являются отношения стоимости товара от его простейшей, наиболее скромной формы и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезает и загадочность денег»¹.

Намечаются таким образом как бы две задачи. Во-первых, закончить исследование стоимости; ведь субстанция, величина и форма стоимости составляют единое целое—производственное отношение (это детально выяснено будет в «товарном фетишизме») товаропроизводителей, представленное (овеществленное) как отношение товаров, как их стоимость. Вторая задача—проследить возникновение денежной формы, чем и уничтожается загадочность денег. Теория стоимости перерастает, так сказать, в теорию денег. По сути дела это не две теории, а две стороны одной и той же теории—теории буржуазного способа производства, взятого пока как простое товарное хозяйство.

А. Простая, единичная или случайная форма стоимости.

Изучение этой формы стоимости дает ключ к пониманию формы стоимости вообще и стало быть всех форм стоимости, в том числе и наиболее развитой, денежной формы стоимости. Более того, вся задача изучения простой формы стоимости—именно в нахождении этого ключа, в раскрытии сущности форм стоимости вообще, а не в историческом исследовании первоначальной формы стоимости, как таковой. Правда, слова «единичная или случайная» придают исследованию формы стоимости исторический оттенок, как бы подчеркивают, что речь идет об истории возникновения формы стоимости. Но это значит лишь, что стоимость и форма стоимости, как и другие категории политической экономии, Марксом изучаются диалектически, т. е. в их возникновении и развитии. А теоретический анализ совпадает, как показано раньше, с историческим исследованием, но «очищенным» от привходящих моментов, не имеющих значения для теории. Форма стоимости в своем возникновении есть не что иное, как простая, единичная, случайная форма стоимости. Вот почему этой простой форме стоимости Марксом уделяется наибольшее внимание; в сущности все его исследование сосредоточено на ней,—понимание остальных форм стоимостей не представляет уже никаких затруднений, раз понята простая ее форма.

Характерно следующее заявление Рубина: «Сам Маркс упоминает о ней (о форме стоимости.—Р.) во многих местах мимоходом. Третий раздел первой главы I тома «Капитала» носит заглавие «Форма стоимости или меновая стоимость». Но Маркс не останавливается в ней на выясне-

¹ «Капитал», т. I, стр. 12.

нии формы стоимости, а быстро переходит к ее различным модификациям, к отдельным формам стоимости». Эти различные формы, фигурирующие в каждом популярном изложении марксовой теории, заслонили собою «форму стоимости» как таковую¹. Замечание по адресу популярных изложений верно, но отнодь не по адресу Маркса. Маркс, так подробно останавливаясь на простой форме стоимости, этим самым, как мы сказали, выясняет и форму стоимости вообще. Но Рубин, отрывающий логическое от исторического (см. «Введение»), увидел в настоящем параграфе лишь исторический экскурс, а не исследование формы стоимости в ее возникновении и развитии.

Изложение простой формы стоимости Маркс разбивает ввиду важности исследования в этой его части по отдельным, так сказать, рубрикам, с особыми заголовками, выражающими содержание указанных частей. И мы будем в общем придерживаться этой разбивки и соответствующих заголовков.

1) Два способа выражения стоимости: относительная форма стоимости и эквивалентная.

Простая форма стоимости совсем не так проста, как может на первый взгляд казаться. Она уже включает в себе две формы: относительную и эквивалентную, причем каждая из них исключает другую и ее обуславливает. Один товар не может одновременно быть и в относительной форме стоимости и эквивалентной, но, с другой стороны, пребывание одного товара в одной форме предполагает пребывание другого товара в другой форме. Эта мысль особенно четко выражена Марксом в самом заголовке: «Два способа выражения стоимости» (подчеркнуто ксило.—P.).

Холст (пример Маркса) выражает свою стоимость в сюртуке,—это один полюс «выражения стоимости». Сюртук же в этом отношении уже своей стоимостью не выражает, а служит лишь материалом для выражения стоимости холста—и сюртук является вторым полюсом выражения стоимости. Иногда недоумевают: откуда вытекает, что именно холст выражает свою стоимость в сюртуке, а не наоборот, сюртук в холсте? Конечно, скажем мы, с одинаковым правом можно утверждать, что сюртук выражает свою стоимость в холсте; не то важно, какой товар выражает свою стоимость и в каком последняя выражается, а то, что всегда из двух товаров только один выражает свою стоимость, а другой служит лишь выражением стоимости первого.

Установив наличие этих двух форм в одной единой форме стоимости и их полярность, Маркс приступает к исследованию каждой из них в отдельности.

Вот это положение должно быть с самого начала хорошо выяснено, так как оно является основой всех дальнейших суждений настоящего параграфа. Если предыдущее исследование построено было на единстве противоположностей товара: его потребительной стоимости и меновой,—так в этом параграфе исследование построено на единстве двух товаров, играющих противоположные роли. Относительная форма стоимости и эквивалентная форма друг друга исключают, но и друг друга предполагают.

¹ «Очерки теории стоимости Маркса», 2-е изд., стр. 82, 3-е, стр. 137.

Единство двух товаров, играющих противоположные роли в меновом отношении, есть не что иное, как выражение единства противоположностей стоимости и потребительной стоимости. Но это выяснится лишь в дальнейшем,—пока важно усвоить, что выражение стоимости в меновой стоимости придает (это показывает уже начало анализа) товарам разные формы: одному—относительную форму стоимости, а другому—эквивалентную.

2) Относительная форма стоимости.

И эту форму Маркс «разлагает»: сначала он рассматривает ее исключительно со стороны содержания, абстрагируясь от количественных моментов, а затем вводит в исследование и последние. Такой подход диктуется необходимостью осветить два момента: во-первых, каким образом стоимость, которая вне менового отношения неизвестна, по выражению Маркса, где находится,—получает в обмене, в соприкосновении одного товара с другим, определенное выражение, вполне конкретную форму; во-вторых,—чем определяется величина выраженной в обмене стоимости (речь идет не о величине самой стоимости—это уже выяснено,—а о величине относительной стоимости).

Только четкое разграничение содержания относительной формы стоимости от ее величины дает возможность осветить указанные два момента. До Маркса это не только игнорировалось, но вопрос о содержании относительной формы стоимости даже не ставился. И Маркс пишет: «Обыкновенно же поступают как раз обратно и видят в отношении стоимостей только пропорцию, в которой приравниваются друг к другу определения количества двух различных сортов товара. При этом забывают, что величины различных вещей могут быть количественно сравниваемы лишь после того, как они сведены к одной и той же единице измерения». Но—скажем от себя—свести «к одной и той же единице измерения» возможно лишь благодаря анализу содержания указанного «отношения».

Во избежание недоразумения считаем нужным подчеркнуть (мы уже об этом говорили в введении), что синтез и анализ в их диалектическом применении друг друга не исключают, а взаимно дополняют. Поэтому в данном параграфе хотя Маркс в основном идет синтетическим путем, но на отдельных этапах—если можно так выразиться—этого пути им постоянно применяется анализ: так он разлагает форму стоимости на эквивалентную и относительные формы, а последние в свою очередь подвергаются дальнейшему «разложению».

Задачу, которая здесь должна быть решена, мы уже определили. Чтобы лучше уяснить весь относящийся сюда анализ, необходимо еще больше уточнить ее. Но послушаем на этот счет самого Маркса: «Когда мы говорим: как стоимости товаров суть просто суетки человеческого труда,—то наш анализ сводит товары к абстрактной стоимости, но не выражает их ни в какой форме стоимости, отличной от их натуральной формы. Не то в отношении одного товара к другому по стоимости. Характер товара как стоимости обнаруживается здесь благодаря его соб-

**а) Содержание
относительной
формы стоимости.**

ственному отношению к другому товару»¹. И как бы в дополнение и разъяснение к сказанному здесь на следующей странице читаем: «Мы видим, что все то, что раньше сказал нам анализ товарной стоимости, рассказывает нам холст, раз он вступает в общение с другим товаром, с сюртуком...»

Итак, задача наша вполне уточнена. Анализ товара, сделанный в первом параграфе, сводил его «к абстрактной стоимости», т. е. к стоимости не выявленной, так как товар в себе самом свою стоимость выразить не может,—он ее выражает в меновом отношении. Но в обмене происходит лишь приравливание одного товара к другому, стало быть нужно показать, как это приравливание, как это отношение придает стоимости определенную форму, превращая ее из «абстрактной» в конкретную. Это, во-первых. Во-вторых, свою стоимость в обмене выражает только один товар—в примере Маркса холст—следовательно должно быть также показано, как это вытекает из той роли, которую холст играет в обмене.

Уточнением задачи мы облегчаем и решение ее.

Холст обменивается на сюртук. Это предполагает—как мы уже знаем из первого параграфа—однородность и равенство холста и сюртука. Но холст и сюртук, как и всякие другие товары, однородны лишь как «кристаллы общей им всем общественной субстанции»,—они однородны как стоимости. Следовательно равенство, составляющее основу менового отношения холста и сюртука, есть равенство их стоимостей. Но равенство это выражается в особой форме, в такой форме, в которой холст и сюртук играют разные роли. «Но эти два количественно приравненные друг к другу товары играют не одинаковую роль. Только стоимость холста находит себе выражение. И притом каким образом? Путем отношения ее к сюртуку, как ее «эквиваленту», на который она может быть обменена»². Сюртук же своей стоимости не выражает, зато своей телесностью как сюртук он является «воплощением» стоимости, «бытием стоимости». Иначе в нем не могла бы «находить себе выражение» стоимость холста. Только потому, что сюртук является воплощением стоимости благодаря отношению к нему стоимости холста как к эквиваленту, последняя получает определенную форму, конкретное внешнее выражение. Нужно только помнить, что сюртук «бытием» стоимости становится лишь в пределах менового отношения, вне последнего—он обыкновенный сюртук.

Чтобы сделать эту мысль популярной, Маркс пишет: «Но это показывает лишь, что в пределах своего отношения по стоимости к холсту сюртук значит больше, чем вне его—подобно тому как немалое количество людей в сюртуке с золотым шитьем значит больше, чем без него»³.

Если сюртук является воплощением стоимости только в пределах менового отношения, то это значит, что он таковым становится лишь потому, что холст в нем выражает свою стоимость, в меновом отношении ничего другого не происходит. Но это положение, скажут, противоречит предыдущему: раньше мы говорили, что стоимость холста находит себе выражение в сюртуке, потому что он—воплощение стоимости, а теперь

¹ «Капитал», т. I, стр. 144.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 14—15.

говорим, что сюртук становится воплощением стоимости лишь потому, что в нем свою стоимость выражает холст. На самом деле это противоречие лишь кажущееся: и холст и сюртук имеют стоимость, потому что в них овеществлен всеобщий человеческий труд, только в меновом отношении они располагаются, так сказать, полярно, представляют два «полюса выражения стоимости». И тем, что холст находится в относительной форме стоимости, сюртук становится в эквивалентной форме, а это и значит, что стоимость холста выражается в сюртуке, как в «бытии» стоимости. Хотя роль холста и роль сюртука разные, но одна обуславливает другую.

Маркс это положение поясняет на разных примерах. Вот один из них: «В некоторых отношениях,—говорит он,—человек напоминает товар... Лишь относясь к человеку Павлу, как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к себе самому, как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой во всей его павловской телесности становится для него формой проявления рода «человек»¹.

Но продолжим дальше. Тем, что сюртук в пределах менового отношения представляет стоимость вообще, являясь ее воплощением,—труд портного выступает в качестве труда вообще, воплощая в себе абстрактный труд. И опять-таки обуславливается это не особыми свойствами портняжества как портняжества, а лишь той ролью, которая отводится сюртуку, продукту портняжества, в обмене, когда холст выражает в нем свою стоимость.

Раньше, во втором параграфе, было подчеркнуто, что сведение конкретного труда к абстрактному происходит объективно, совершается—как сказано в приведенной там из «Критики...» цитате—«в общественном процессе производства ежедневно». Теперь мы узнаем, в какой именно форме этот объективный процесс происходит. Сведение конкретного труда к абстрактному происходит в форме приравнивания одного вида труда к другому. «Конечно портняжный труд,—скажем на стр. 14,—создающий сюртук, есть конкретный труд иного рода, чем труд ткача, который делает холст. Но приравнивание к ткачеству фактически сводит портняжество к тому, что действительно одинаково в обоих видах труда, к их общему характеру человеческого труда. Следовательно этим косвенным путем утверждается, что и ткачество, поскольку оно создает стоимость, не отличается от портняжества, следовательно есть абстрактный человеческий труд».

В отношении труда портного применимо все, что развито было раньше в отношении сюртука. Как последний становится бытием стоимости, потому что в нем выражает свою стоимость холст,—а холст выражает в нем свою стоимость, потому что он выступает как «плоть стоимости»,—так и труд портного: приравниванием к нему труда ткача он превращается в труд вообще, но этим самым и труд ткача сводится к абстрактному труду (следует припомнить приведенный выше пример Маркса с Петром и Павлом).

Стоимость, скрывающаяся за меновой стоимостью, в ней же находит свое конкретное, «осознательное» выражение. Этим самым и абстрактный труд, субстанция стоимости, получает конкретное воплощение. Если в первом параграфе Маркс открыл в меновой стоимости стоимость и субстанцию последней—абстрактный труд, то в этом параграфе он открыл

¹ «Капитал», т. I, прим. 18, стр. 15.

вает форму стоимости и форму сведения абстрактного труда к конкретному. Стоимость скрыта за меновой стоимостью, и поэтому, как только она была раскрыта, Маркс уже абстрагируется от меновой стоимости и исследует только стоимость. Форма же стоимости заключена в самой меновой стоимости, в меновом отношении одного товара к другому, следовательно ее анализ сводится к анализу самого менового отношения.

Но так как форма стоимости есть не что иное, как та же стоимость, только получившая конкретное выражение, то анализ формы стоимости должен повторить, но уже на языке конкретном, многое из того, что было уже раскрыто анализом самой стоимости.

Маркс это фигурально выражает так: «Мы видим, что все то, что раньше сказал нам анализ товарной стоимости, рассказывает сам холст, раз он вступает в общение с другим товаром, с сюртуком. Он только выражает свои мысли на единственно доступном ему языке—на товарном языке»¹.

На самом деле и в первом и во втором параграфе—при анализе двух факторов товара и двойного характера труда,—всесторонне выяснено было, что труд, образующий стоимость, есть абстрактный труд. Но холст выражает это по-своему. «Чтобы высказать, что труд как абстрактное качество человеческого труда, образует его (холст.—*P.*) собственную стоимость, он говорит, что сюртук, поскольку он равен ему и следовательно есть стоимость,—состоит из того же самого труда, как и он сам, холст». Так же своеобразно холст рассказывает о стоимости и форме стоимости. «Чтобы высказать, что возвышенная субстанция его стоимости отлична от его жесткого тела, он говорит, что стоимость имеет вид сюртука и что сам он (как стоимость) похож поэтому, как две капли воды, на сюртук».

б) Количественная определенность относительной формы стоимости.

Если анализ содержания относительной формы стоимости примыкает непосредственно, как мы сказали, к анализу стоимости (субстанции ее), то исследование ее «количественной определенности относительной формы стоимости» есть продолжение исследования величины стоимости. В первом параграфе выяснено было, чем определяется величина стоимости, здесь выясняется, какими факторами определяется выражение величины стоимости. Не только стоимость, но и величина ее находят свое выражение в меновой стоимости. «Форма стоимости,—говорит Маркс,—должна выражать собой не только стоимость вообще, но количественную определенную стоимость или величину стоимости»². И дальше, если величина стоимости какого-нибудь товара, взятая абстрактно, вне ее выражения в другом товаре, определяется количеством овеществленного общественно-необходимого труда в этом же товаре,—то величина стоимости одного товара, выраженная в другом товаре, уже зависит от количества овеществленного труда и в первом и во втором товаре. Или—что одно и то же—величина например стоимости холста, выраженная в сюртуке, зависит от величины стоимости первого и от величины стоимости второго: она прямо пропорциональна величине стоимости холста и обратно пропорциональна величине стоимости сюртука.

¹ «Капитал», т. I, прим. 18, стр. 15.

² «Капитал», т. I, стр. 16

Отсюда Марксом выводятся четыре случая: 1) стоимость холста меняется, а стоимость сюртука остается неизменной; 2) стоимость холста остается неизменной, меняется же стоимость сюртука; 3) меняется стоимость того и другого, но в одном направлении и в одной степени; 4) меняется и стоимость холста и стоимость сюртука, только в разных направлениях (стоимость холста например повышается, а стоимость сюртука понижается), в разных степенях (советуем при изучении этой части последовать все эти положения на отдельных примерах).

Эти положения имеют большое практическое значение при применении их уже к денежному выражению стоимости, к ценам. Факторы изменения цен не в каждом отдельном случае легко определить: они могут быть и на стороне товаров (изменялась стоимость последних), и могут быть на стороне денег (изменялась стоимость золота).

Исследование перечисленных случаев также показывает, что закон, согласно которому—как было выяснено раньше—величина стоимости обратно пропорциональна производительной силе труда, значительно модифицируется в применении его к выражению величины стоимости. В третьем например случае, т. е. когда производительность труда в одном направлении и в одной степени изменяется—и в портянестве и в ткачестве, то количественное отношение между холстом и сюртуками остается без всякого изменения, и новый уровень производительности труда не найдет никакого отражения в выражении величины стоимости.

В других случаях он отражение найдет, но совершенно различное, согласно особенностям каждого случая.

8) Эквивалентная форма.

Иллюзии, возникающие в связи с этой формой.

Эта форма уже нам известна из анализа «содержания относительной формы стоимости». Мы уже знаем, что «сюртук (эквивалент холста.—*P.*) является формой существования стоимости, воплощением стоимости, потому что только как стоимость он тождествен с холстом» (стр. 17). А также «в том отношении стоимостей, в котором сюртук образует эквивалент холста, форма сюртука играет роль формы стоимости» (стр. 12). Вообще холст, «рассказывая» о себе, «рассказывает» и о сюртуке и о роли последнего в обмене. И это неудивительно, ведь обе эти формы—эквивалентная и относительная—хотя друг друга и исключают, но ведь друг друга и обуславливают. Даже теоретически нельзя мыслить одну без другой: один товар может, как известно, выразить свою стоимость только в другом, значит сразу даны два товара, находящихся в противоположных формах.

Возникает вопрос: зачем Марксу понадобилось еще раз заняться исследованием эквивалентной формы? Не является ли это ненужным повторением?

При беглом чтении получается действительно впечатление, что все сказанное Марксом об эквивалентной форме есть повторение уже известных положений, только с дополнительными подробностями, да еще с некоторыми углублениями. Но это только при поверхностном чтении. На самом деле мы имеем исследование, правда, одного и того же явления—одной единой формы стоимости, но совершенно в ином

разреze. Изучение относительной формы стоимости, показывая, как стоимость получает, так сказать, телесную форму, раскрывает все противоречия, заключающиеся в выражении стоимости одного товара в другом. Исследование эквивалентной формы, наоборот, показывает, как эти противоречия маскируются, вследствие чего эквивалентная форма становится загадочной и порождает целый ряд иллюзий. Ошибки рассеиваются (лишь марксова теория стоимости их раскрывает); так как они обусловлены самим процессом производства товаров. Таким образом характеристика эквивалентной формы является характеристикой системы товарного хозяйства, движущейся и развивающейся в непримиримых противоречиях, но замаскированных категориями этого же хозяйства.

Теперь несколько слов о самом изложении этого раздела. Из всего нами сказанного вытекает, что раздел этот непосредственно примыкает к разделу «Содержание относительной формы стоимости». Только в целях полноты рассмотрения относительной формы стоимости Маркс вслед за исследованием содержания ее переходит не к эквивалентной форме, а выясняет «количественную определенность относительной формы стоимости».

Исследование эквивалентной формы уже не делится на исследование содержания и исследование величины стоимости, так как эквивалент—это подчеркивает Маркс в самом начале—своей стоимости не выражает в чем-либо отличном от себя. Конечно если бы он не имел стоимости, то не стал бы эквивалентом, но, став им, он выражает стоимость другого товара, но не свою. Более того, даже количество его, например один-два сюртука,—выражает величину стоимости холста, но не собственную. Опять-таки, если изменится по величине стоимость сюртука, то за холст начнут давать большее или меньшее количество сюртуков, но этим изменено будет выражение величины стоимости холста, а отнюдь не сюртука, стоимость которого ни по содержанию, ни по величине ни в чем внешнем выражении своего не находит.

Анализируя эквивалентную форму, Маркс указывает, что загадочность эквивалента буржуазные экономисты увидели лишь в деньгах, но совершенно не заметили ее уже в простой форме стоимости, а потому она так и осталась для них неразгаданной. Той же особенностью эквивалентной формы Маркс объясняет ошибку Бейли (английский экономист первой половины XIX в.), подвергнутого суровой критике теорию стоимости Рикардо и видевшего «в выражении стоимости только количественное отношение». Из-за того, что эквивалент не выражает своей стоимости, Бейли не видел никакого выражения стоимости, стало быть и никакой стоимости. Он видел только количественное отношение одного товара к другому.

Затем Маркс переходит к характеристике указанных выше противоречий. Их—три: 1) «потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности—стоимости»; 2) «что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности—абстрактного труда»; 3) «что частный труд принимает форму своей противоположности—форму непосредственного общественного труда».

Повторяем, все эти противоречия уже открыл анализ содержания относительной формы стоимости. Ведь он уже открыл, что «стоимость товара—холст—выражается... в теле товара—сюртук, стоимость одного

товара—в потребительной (подчеркнуто везде нами.—Р.) стоимости другого. Им также открыто, что труд портного в пределах того менового отношения, в котором сюртук, является эквивалентом, представляет всеобщий человеческий труд, труд вообще, т. е. частный и конкретный труд портного представляет свою противоположность—общественный и абстрактный труд. Но, как сказано, в эквивалентной форме перечисленные противоречия маскируются и облачаются тайной. «Так как относительная форма стоимости, например холста, выражает его бытие как стоимости, т. е. нечто совершенно отличное от его тела и свойств последнего, например как нечто «сюртукоподобное», то уже само это выражение намекает на то, что здесь скрывается некоторое общественное отношение. Как раз противоположный характер носит эквивалентная форма. Ведь она состоит именно в том, что данное тело товара, скажем сюртук, данная вещь как таковая выражает стоимость, следовательно по самой природе своей обладает стоимостью»¹.

Исследование эквивалентной формы Маркс заканчивает критической оценкой взглядов Аристотеля по вопросу о меновой стоимости. Аристотель понял, что «обмен не может иметь места без равенства, а равенство—без соизмеримости»². Но он не мог понять, откуда вытекают соизмеримость и следовательно равенство разных товаров, разных полезных вещей, например пять постелей и один дом (пример Аристотеля). А раз он этого не понял, то он не мог в меновой стоимости открыть стоимость и следовательно не мог усмотреть в меновой стоимости форму стоимости. Для него меновая стоимость и обмен оказались лишь «искусственным приемом для удовлетворения человеческих потребностей».

Очень интересно, как Маркс объясняет, почему Аристотель не мог напасть на «след» стоимости, скрывающейся за меновой стоимостью. Марксово объяснение исходит из основного принципа исторического материализма: «общественное бытие определяет сознание». «Греческое общество покоилось на рабском труде, следовательно имело своим базисом неравенство людей и их рабочих сил». Это не дало возможности Аристотелю видеть в однородности и равенстве обмениваемых вещей однородность и равенство человеческого труда; стало быть он не мог считать товары «кристаллами общей им всем общественной субстанции».

Маркс, как видим, применяет здесь, как и везде, принципы исторического материализма, но некоторые буржуазные ученые толкуют как раз это место «Капитала» в идеалистическом духе, будто, по Марксу, Аристотель не мог открыть стоимость, потому что идея равенства чужда античному миру. Рубин пытается разоблачать ошибочность толкования со стороны буржуазных ученых (Ди и т. д. и др.) понятия равенства у Маркса. «Маркс,—пишет Рубин,—говорит не об этическом постулате равенства, а о равенстве товаропроизводителей, как основном социальном факте товарного хозяйства»³.

Но сам Рубин не меньше буржуазных критиков искажает Маркса—искажает в угоду своей собственной антимарксистской концепции. Если буржуазные экономисты хотят подsunуть Марксу «этическую идею», то Рубин ему подсовывает правовую идею.

¹ «Капитал», т. I, стр. 19.

² Там же, стр. 21.

³ И. Рубин, Очерки, изд. 2-е, стр. 68, изд. 3-е, стр. 99.

Маркс говорит: «Но тот факт, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как равный, и следовательно, равнозначный человеческий труд,—этот факт Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости»... (стр. 21). Во-первых, Маркс говорит о равнозначном человеческом труде; дальше он эту мысль выражает еще так: «равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще,—это тайна выраженных стоимостей»... А Рубин говорит о равенстве товаропроизводителей, об их «автономности», как о «социальном» факте и т. п. Словом, Рубин подсовывает Марксу «комплекс» идей из арсенала «социального направления» буржуазной политической экономии. Во-вторых, Маркс говорит, что Аристотель «не мог вычитать из самой формы стоимости»... но отнюдь не утверждает, что стоимости тогда не было; зарождение ее началось уже тогда, поскольку уже зародилось товарное производство. Рубин «комментирует» это место так, будто в античном мире стоимости не было и не могло быть, так как тогда еще не было «автономных» товаропроизводителей. И здесь Рубин остается верен себе: он не признает возникновения и развития товарного производства и следовательно возникновения и развития стоимости.

4) Простая форма стоимости в целом.

Здесь ударение ставится на словах «в целом». Отдельные стороны этой формы—особенности обеих ее «полосок»—уже полностью рассмотрены, а теперь предстоит подвести итоги и делать выводы, относящиеся к указанной форме именно в целом. А потому Маркс начинает с краткого резюме, дающего на основании всего предыдущего изложение сжатое определение формы стоимости. Оно гласит: «Простая форма стоимости товара заключается в отношении его стоимости к неоднородному с ним товару, или в его меновом отношении к этому последнему». А затем необходимо сопоставить следующие два положения: 1) «Другими словами: стоимость товара получает самостоятельное выражение, когда товар представляется как «меновая стоимость». 2) «Наш анализ показал, что форма стоимости, или выражение стоимости товара, обуславливается природой товарной стоимости, а не наоборот, стоимость и величина стоимости не обуславливаются формой ее выражения как меновой стоимости»¹.

Эти два положения еще раз точно устанавливают внутреннюю связь (мы уже об этом говорили в начале параграфа) между стоимостью и формой стоимости, или меновой стоимостью. Форма стоимости есть та же стоимость, но получившая самостоятельное выражение: например стоимость холста при обмене последнего на сюртук получает вид сюртука. Конечно для стоимости холста, так сказать, безразлично, получает ли она вид сюртука или вид другой вещи, важно лишь то, что она получает самостоятельное выражение лишь тогда, когда она принимает вид другого товара, отличного от холста. А такой вид она принимает только в меновой стоимости, в меновом отношении холста к сюртуку.

¹ «Капитал», т. I, стр. 22. Считаю нужным предостеречь, что в последнем издании «Капитала» 1928 г. слово «не» пропущено и получается бессмыслица, в изд. 1920 г. это слово есть. — P.

И если для стоимости холста случайным является то, что она принимает вид именно сюртука, то совершенно не случайно, что получить самостоятельное выражение, выявляться как стоимость, она может исключительно в другом товаре, отличном от холста. Форма стоимости не является чем-то внешним, «приклеенным» к стоимости, а ею самой предполагается. Как вещное отношение людей стоимость может выражаться лишь в отношении вещей. Именно в форме стоимости овеществленные отношения людей получают свою законченность, завершаются. Поэтому товарный фетишизм, как будет показано дальше, базируется именно на форме стоимости.

Отсюда также ясно, что в меновой стоимости стоимость не возникает, а находит лишь свое выражение, получает форму, но форму, искажающую ее сущность, получает превращенную форму. Тем, что стоимость например холста принимает вид сюртука, сюртук представляется обладающим сверхестественными свойствами сообщить (придавать) стоимость холсту. Отсюда вся мистификация, как подчеркивает Маркс, связанная с эквивалентной формой. Что сюртук «обладает стоимостью» лишь в пределах менового отношения—мы уже знаем, но этого буржуазный экономист не понимает, и для него эквивалентная форма остается загадкой.

Только правильное понимание внутренней взаимозависимости между стоимостью и формой стоимости, правильное понимание, с одной стороны, их различия, а с другой—их единства дает возможность правильно понять относительную и эквивалентную формы стоимости, как «два полюса выражения стоимости»¹. Вульгарные экономисты, полагавшие, что стоимость возникает лишь в обмене, не могли следовательно понять ни относительной формы стоимости, ни эквивалентной. Современные Марксу меркантилисты—Феррье и Гальш—«переносят центр тяжести на качественную сторону выражения стоимости, на эквивалентную форму товара, находящую свое законченное выражение в деньгах». Будучи сторонниками протекционизма и активного торгового баланса, меркантилисты требовали увеличения в стране золота—этого всеобщего эквивалента. Богатство им рисовалось только в форме золота. Их противники—«коммивояжеры», как их называет Маркс (стоящие за свободную торговлю) центр тяжести, наоборот, переносили на относительную форму стоимости, притом—на ее количественную определенность. Для них важны количественные пропорции обмениваемых вещей, а не их золотой эквивалент.

Методологически можно это выразить так: меркантилисты отрывают форму от содержания; их противники—содержание от формы. Маркс своим диалектическим методом преодолевает односторонность и тех и других: для него как стоимость и потребительная стоимость, так деньги и товар составляют единство противоположностей.

Разоблачив односторонность современных ему меркантилистов и их противников, Маркс продолжает рассмотрение формы стоимости в целом как единство двух товаров, составляющих два полюса выражения стоимости. Хотя эти полюсы, как мы уже знаем, друг друга исключают, но и друг друга предполагают. Один «полюс»—товар, находящийся

¹ То есть роль товара в меновом отношении становится понятной, когда мы понимаем, что сам человек «продает» лишь выражает стоимость товара, а не создает ее.

в относительной форме стоимости—выражает свою стоимость, вследствие чего он уже не может (одновременно) быть и эквивалентом, «бытием» стоимости. Другой «полюс»—товар, находящийся в эквивалентной форме—становится как раз «бытием» стоимости, стоимостью вообще, в том числе конечно и стоимостью того товара, который на него обменивается. Отсюда следующее положение: «Скрытое в товаре внутреннее противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью выражается таким образом при помощи внешнего противоречия, т. е. при помощи отношения двух товаров... Следовательно простая форма стоимости данного товара есть простая форма проявления заключающегося в нем противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью»¹.

То, что открыл анализ простой формы стоимости, относится ко всякой форме стоимости. Маркс, так подробно останавливаясь на простой форме стоимости, этим самым выясняет и форму стоимости вообще. Учение об относительной и эквивалентной форме стоимости и их единстве—все это является учением о всякой форме стоимости, независимо от специфических ее особенностей. Но простая форма стоимости есть вместе с тем и особая форма стоимости, отличающаяся от других форм стоимости—развернутой, всеобщей, денежной. Поэтому она характеризуется и как таковая, как простая, случайная, единичная форма стоимости. При этом характеризуется исторически, т. е. не абстрактно, не как возможная лишь форма стоимости, а как «зародышевая» форма стоимости, выражающая собой зарождение товарного хозяйства. «Отсюда следует,—говорит Маркс, заканчивая свой анализ,—что простая форма стоимости товара есть в то же время простая форма продуктов труда, что поэтому развитие товарной формы совпадает с развитием формы стоимости». Таким образом исследование простой формы стоимости является двусторонним: исследованием формы стоимости вообще и исследованием простой формы стоимости.

Совершенно понятно, что и следующие формы стоимости должны характеризоваться исторически, как выражения определенных этапов развития товарной формы продукта труда, т. е. развития товарного хозяйства. И последнее в свою очередь обусловлено развитием производительных сил—расширением производства за пределы, поставленные личным потреблением самих производителей, развитием транспорта, открытием новых стран. Таким образом исследование формы стоимости в ее развитии в переходе от простой формы к развернутой, всеобщей и денежной дает отображение и истории товарного производства, его возникновения в недрах натурального хозяйства.

В. Полная или развернутая форма стоимости.

Понимание этой формы стоимости уже никаких затруднений не представляет, раз понятно, что такое форма стоимости в ее простейшем виде. Необходимо лишь выяснить важнейшие ее особенности. Эти особенности исследуются Марксом как со стороны относительной формы стоимости, так и со стороны эквивалентной формы. Стоимость товаров получает множество выражений, множество форм, а это означает дальнейшее развитие самой стоимости—всестороннее приравнивание разных

¹ «Капитал», т. I, стр. 23.

видов труда друг к другу и их овеществление как «стоимостей» вещей. Но в то же время это означает и еще недостаточное развитие товарного производства: стоимость, имея множество форм, не имеет зато единой, прочно установившейся формы. Стоимость еще не срослась, так сказать, с ее формой—и равенство человеческого труда в вещной форме не получило еще своего завершения.

Это самое обнаруживает и анализ эквивалентной формы. С одной стороны, эквивалентом является не один товар, а все товары, что называется, поочередно выступают как воплощение стоимости, а потраченный на них труд—как труд, воплощающий в себе абстрактный труд. Ясно, что социальная природа товара и заключенного в нем труда гораздо ярче здесь подчеркивается, чем эквивалентной формой простой формы стоимости. Но, с другой стороны, раз происходит такая непрерывная смена эквивалентов, выражение стоимости потребительной стоимости и абстрактного труда в конкретном все еще носит случайный характер.

С. Всеобщая форма стоимости.

Согласно расположению материала самим Марксом, в первую очередь приходится рассматривать «Измененный характер форм стоимости», а затем—«Отношение между развитием относительной формы стоимости и эквивалентной формы» и наконец—«Переход от всеобщей формы стоимости к денежной форме».

«Измененный характер формы стоимости» сводится к следующему: 1) стоимость уже начала «срачиваться» со своей формой, она начала получать одно и то же внешнее выражение; 2) то, что является выражением стоимости для одного товара, является им и для других товаров, для всего товарного мира; 3) всеобщая форма стоимости, опять-таки, в отличие от простой и развернутой, есть результат действий всех товаров—каждый товар в отдельности не должен сам «добыть себе форму стоимости»—он находит ее уже готовой. Развитие стоимости получает свое завершение, так как «вместе с тем обнаруживается, что сущность товарной стоимости, представляя чисто «общественное бытие» товаров, может быть выражена также лишь в их всеобщем общественном отношении, что формой товарной стоимости должна быть поэтому форма, имеющая общественный характер»¹. Получается полное соответствие между содержанием и формой стоимости. Также сведение конкретного труда к абстрактному получает свое полное внешнее выражение, свою «материализацию»: ткачество (в примере Маркса), поскольку оно производит всеобщий эквивалент, всеобщее воплощение стоимости,—представляет в своем натуральном, конкретном виде труд вообще, абстрактный труд.

Охарактеризовав всеобщую форму стоимости в целом, Маркс переходит к ее исключаящим друг друга полюсам и устанавливает два положения: 1) «развитие эквивалентной формы есть выражение и результат развития относительной формы стоимости»; а это значит, что развитие денег есть результат развития товарного хозяйства, а не наоборот, 2) полярная противоположность между эквивалентной и относительной формой получает свое закрепление во всеобщей форме стоимости.

¹ «Капитал», т. I, стр. 27.

В. Денежная форма.

Что касается перехода от всеобщей формы стоимости к денежной форме, то этот переход не означает больше никаких существенных изменений: «Прогресс состоит лишь в том, что форма непосредственной всеобщей обмениваемости... срослась в силу общественного обычая с натуральной специфической формой товара—золота»¹. Таким образом проблема денег—одна из задач, которую Маркс ставил себе своим исследованием развития форм стоимости,—находит свое окончательное решение во всеобщей форме стоимости. Появление денежной формы, выражение стоимости в золоте, как мы видели, уже ничего существенного не прибавляет.

Однако «сращивание» формы непосредственной обмениваемости с натуральной специфической формой товара—золота—имеет громадное значение. «Общественный обычай», в силу которого золото выделено было всем товарным миром для выполнения функций денег, сложился не случайно: здесь значительную роль сыграли природные свойства самого золота. Что «деньги по природе своей суть золото и серебро, хотя золото и серебро по природе—не деньги», доказывается совпадением свойств этих металлов с их общественными функциями... адекватной формой проявления стоимости, или материализацией абстрактного и, следовательно, равного человеческого труда, может быть лишь такая материя, все экземпляры которой обладают одинаковым качеством. С другой стороны, так как различные стоимости по величине носят чисто количественный характер, денежный товар должен быть приспособлен к чисто количественным различиям, т. е. должны обладать такими свойствами, чтобы его можно было делить на произвольные мелкие части и вновь составлять из этих частей. Золото и серебро от природы обладают этими качествами»².

Золото и серебро—однородны и делимы: 1) отдельные куски золота и серебра могут отличаться друг от друга только количественно, но не качественно; 2) золото и серебро могут быть разделены на мельчайшие части и стоимость их от этого не теряется. Золото и серебро обладают и другими важными свойствами, игравшими немаловажную роль в выделении их из общего мира товаров в качестве денег. Они обладают высокой стоимостью в сравнении с их весом, а это делает их портативными: передвижение стоимости в виде золота и серебра сопряжено с гораздо меньшими расходами, чем передвижение стоимости в форме других товаров. Они также меньше, чем другие товары, подвержены порче.

Но наиболее решающими являются те свойства золота и серебра, на которые обращает внимание Маркс в приведенной цитате, т. е. их качественная однородность и количественная делимость. Так как именно эти свойства золота и серебра делают их адекватными естественными выразителями качественно однородного человеческого труда, количественно изменяемого общественно-необходимым рабочим временем. Вследствие указанных особенностей золота начали думать, что золото и по природе—деньги. Фетишизация общественных отношений

¹ «Капитал», т. I, стр. 45.

² Там же, стр. 30.

менно в золоте достигла наивысшего своего развития. Но это также значит, что с появлением денежной формы товарное хозяйство получило прочный фундамент как особый тип экономической формации.

Общее резюме. Развитие форм стоимости, переход от простой формы через развернутую к всеобщей не есть исключительно формальный процесс, относящийся только к внешним проявлениям стоимости. Развитие форм стоимости есть в то же время и развитие самой стоимости, превращение продуктов труда в товары, а потраченный на них труд в труд, создающий стоимость. Следовательно в основе этого перехода ко всеобщей форме стоимости лежит переход к новому способу производства. Только с появлением всеобщей формы стоимости указанное «превращение» является законченным. При простой форме стоимости обмен носит еще случайный характер; этот характер в основном остается и при развернутой форме стоимости, а труд стало быть производит пока еще, как правило, только потребительные стоимости. Лишь с того времени, как обмен становится всеобщим, а это значит, что всеобщей становится и форма стоимости, человеческая рабочая сила в текущем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость...» (Маркс).

Относительная и эквивалентная форма стоимости, являясь двумя полюсами выражения стоимости, образуют единую форму стоимости. Внутреннее противоречие товара между его потребительной стоимостью и стоимостью в форме стоимости разрешается при помощи внешнего противоречия— противоречия между товарами, из которых один находится в относительной форме, представляет потребительную стоимость, а другой— в эквивалентной форме, выражающей собой стоимость. В простой форме стоимости, соответствующей единичному и случайному обмену, внешнее противоречие имеет мимолетный характер: один товар случайно очутился в относительной форме, а другой случайно стал эквивалентом. Фактически еще нет товара, процесс превращения продуктов труда в товары всего лишь начинается. Но уже это начинание пробивает брешь в замкнутом натуральном хозяйстве и кладет начало новому способу производства и новому типу отношений людей. Уже первый обмен, как бы случайным он ни был, есть выражение отношений людей через отношение вещей. У вещей рядом с их естественными свойствами (потребительными стоимостями) на миг появилось и свойство совсем иного порядка, находящегося в полном противоречии с их природными свойствами,—свойство выражать социальные отношения.

Таким образом в простой форме стоимости уже заложена возможность перехода к следующим формам стоимости. А по мере того как все чаще продукты труда стали вовлекаться в обмен, возможность эта начала превращаться в реальность—и простая форма стоимости сменяется развернутой, или развитой формой стоимости. Стоимость одного товара уже находит свое выражение в потребительных стоимостях многих товаров. Соответственно этому внутреннее противоречие потребительной стоимости и стоимости разрешается при помощи внешнего противоречия, а единство двух определенных товаров (как в простой форме стоимости); выражается в единстве всех товаров, поступающих в обращение. Каждому из них все другие противостоят как эквиваленты, а он сам—как относительная форма стоимости.

Тот факт, что один товар выражает свою стоимость во многих других

товарах, свидетельствует о расширении общественных связей и о более всестороннем их ообществлении. Хотя складывающийся новый способ производства и соответственно новый тип отношений еще далеко не упрочился—он находится еще на начальных стадиях процесса своего «становления»,—все же уже сделан значительный шаг вперед по пути завершения этого процесса. И развернутая форма стоимости является переходной к всеобщей форме стоимости. На самом деле, раз один товар, например холст, выражает свою стоимость во многих товарах, то и обратно—многие товары выражают свою стоимость в холсте. Правда, они выражают свою стоимость и в других кроме холста товарах, но кому из этих товаров стать всеобщим эквивалентом—уже зависит от того, какой из них наиболее часто вовлекается в обмен, что в свою очередь определяется общими условиями и уровнем развития того или иного хозяйства.

Все товары стали выражать свою стоимость в одном товаре, следовательно как стоимости все товары уже похожи на один и тот же товар. Их однородность и скрывающийся за последней однородный человеческий труд—абстрактный труд—находит теперь наиболее осязательное выражение в едином товаре, ставшем всеобщим эквивалентом. «Следовательно только эта форма,—говорит Маркс,—действительно устанавливает отношение между товарами как стоимостями или делает их меновыми стоимостями»¹.

В простой и развернутой форме стоимости единство товарного мира еще ни в чем конкретно не выражено: каждый товар «добывает себе форму стоимости, это—его частное дело». Зато «всеобщая форма стоимости возникает лишь как общее дело всего товарного мира». И единство товарного мира зафиксировано, объективизировано во всеобщем эквиваленте. Каждому товару, находящемуся в относительной форме стоимости, противостоит эквивалент. А это значит, что товарные отношения уже достигли известной ступени развития, что часть продуктов труда получила товарную форму.

Окончательно свое завершение всеобщая форма стоимости получает лишь в денежной форме, т. е. когда всеобщим эквивалентом становится благородный металл, особенно золото. Стоимость товара получила форму цены, и всякий товар как стоимость представляет (идеально) определенное количество золота. Внутреннее противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, превращающееся в форме стоимости во внешнее противоречие,—стало теперь противоречием между товаром и деньгами. Но противоположность товара и денег не исключает их единства, а, наоборот, предполагает, как оно предполагается противоположностью относительной и эквивалентной формой стоимости.

Мы говорили выше, что в настоящем параграфе Марксом изучается товарное производство как единство производства и обращения в его возникновении и развитии. Но оно изучается не непосредственно, а путем анализа развития форм стоимости, так как в развитии последней находит свое адекватное (равнозначное) выражение развитие товарного хозяйства. Своеобразие возникновения и развития этой системы проявляется в переходе от неовеществленных отношений к овеществленным. Стало быть и изучаться она должна так же, и как и система возникающих

¹ «Капитал», т. I, стр. 26.

и развивающихся вещных общественных отношений, т. е. форм стоимости. Но последние не должны отрываться, изолироваться от производительных сил. (См. введение о предмете исследования.)

IV. ТОВАРНЫЙ ФЕТИШИЗМ И ЕГО ТАЙНА.

Значение теории товарного фетишизма.

Товар «как экономическая клеточка буржуазного общества» подвергся всестороннему исследованию—теперь очередь за наивысшим обобщением полученных результатов в единое целое. И это единое целое

дается Марксом в товарном фетишизме.

Мы считаем нужным подчеркнуть, что такое понимание теории фетишизма совершенно не умаляет ее значения, не превращает ее лишь в дополнение к теории стоимости. Нет, она является завершением и наиболее глубоким обобщением этой теории. Иначе это трактуется Рубиным, который пишет: «Это внешнее расположение (т. е. то, что теории фетишизма отведен последний раздел.—Р.) не соответствует однако внутреннему порядку и связи идей Маркса». Это—скажем мы—не соответствует «связи идей» Рубина, но отнюдь не Маркса.

Товарный фетишизм, фетишизация производственных отношений людей, есть, по Марксу, производный момент: он обусловлен способом товарного производства. Следовательно и теоретически его—товарный фетишизм—нужно вывести из особенности этого способа производства. Анализ последнего дан в теории стоимости.

По определению Маркса товарный фетишизм сводится к следующим основным трем моментам: «1) Равенство различных человеческих работ приобретает вещественную форму в продуктах труда, как представляющих одну и ту же субстанцию стоимости; 2) измерение затрат человеческой рабочей силы, их продолжительность получает форму величины стоимости продукта труда; 3) «наконец те отношения между производителями, в которых проявляются эти общественные определения их работ, получают форму общественного отношения продуктов труда»¹.

Но все эти моменты обусловлены товарным производством,—и их обусловленность выяснена в теории стоимости. Анализ «экономической клеточки буржуазного общества» показал, что равенство например труда ткача и портного выражается не непосредственно, а выражается в том, что и холст и сюртук как товары представляют «кристаллы общей им всем общественной субстанции». Этот же анализ также открыл, что общественно-необходимый труд, потраченный, скажем, на 15 м холста, принимает вид величины стоимости последнего и выражается в одном сюртуке. И наконец теорией же стоимости открыто было то, что за меновой стоимостью, за отношением вещей скрывается стоимость, вещное отношение людей. В теории же товарного фетишизма результаты, добытые, так сказать, теорией стоимости, вновь и в новом разрезе юсвещаются; и все товарное хозяйство получает свою законченную характеристику как особый тип исторической определенной общественной формации, резко отличающейся от других общественных формаций.

¹ «Капитал», т. I, стр. 31.

**Обусловленность
товарным произ-
водством товар-
ного фетишизма.**

Товарный фетишизм—явление объективнсе, а не субъективное, не иллюзия заблуждающегося ума. Товарный фетишизм, как сказано, обусловлен сособенностями товарно-капиталистического хозяйства.

Труд в этой системе, как и любой общественной формации, как по своему назначению, так и по своей обусловленности является общественным в том смысле, что товарпроизводитель производит не для себя, а для других, удовлетворяя общественный спрос, общественную потребность. Также труд каждого товарпроизводителя находится в полной зависимости от труда других, во-первых—по линии производства, во-вторых—по линии потребления. Значительные массы и средств производства и средств потребления одно хозяйство получает из других. Все это включается в понятие «общественное разделение труда». «Комплекс (совокупность),—пишет Маркс,—этих частных работ образует совокупный труд общества»¹.

Но, с другой стороны—а в этом основная особенность именно товарного хозяйства—труд является частным. Каждый товарпроизводитель берется, формально совершенно свободно, за тот труд, который находит для себя выгодным, и организует его тоже по своему усмотрению. Следствием этого противоречия—противоречия между двумя сторонами труда: частной и общественной—является, во-первых, то, что продукты труда становятся товарами. «Предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты независимых частных работ» (там же). Во-вторых—«так как производители общественно соприкасаются между собой лишь в обмене продуктами своего труда, то и специфический общественный характер их частных работ проявляется (подчеркнуто нами.—Р.) только в рамках этого обмена»². Мы подчеркнули «проявляется» во избежание ошибочного толкования, будто в обмене труд становится общественным, а до того он был только частным. Общественным он был и раньше, потому что он является частью всего общественного труда. Но выявляться как общественный вследствие специфичности его организации труд товарпроизводителя может лишь «в рамках этого обмена».

И наконец, в-третьих—такая форма организации общественного труда обуславливает анархию и стихийность товарного хозяйства, и «регулирующее влияние рабочего времени, общественно-необходимого для производства продуктов, обнаруживается среди постоянно колеблющихся меновых отношений последних в виде насильственного действия закона природы»³.

**Товарный фети-
шизм и форма
стоимости.**

Если товарный фетишизм обуславливается способом производства товаров, то непосредственно он связан с той формой, которую вещи принимают в товарном хозяйстве, и теми функциями, которые

ими выполняются.

Именно формой стоимости, выражением стоимости одного товара в другом, отношения людей непосредственно фетишизируются. Эта фетишизация отношений людей развивается с развитием товарной формы

¹ «Капитал», т. I, стр. 32.

² Там же, стр. 32.

³ Там же, стр. 34.

продукта и следовательно товарной формы стоимости. В деньгах товарный фетишизм достигает наиболее полного своего развития, становясь денежным фетишизмом. А с превращением денег в капитал, с появлением нового типа отношения, отношения между рабочими и капиталистами, последнее фетишизируется в капитале, т. е. обуславливается той формой, которую принимают средства производства и существования при капиталистическом способе производства.

Не люди господствуют над своими отношениями, не они их регулируют, а наоборот—последние в форме отношений вещей господствуют над людьми. Регулятором товарного хозяйства является закон стоимости: производство регулируется колебанием цен вокруг стоимости (модификация стоимости и цены производства для нас пока не существует, это тема III тома «Капитала»). Высокие цены, т. е. цены выше стоимости, служат стимулом к расширению производства, низкие цены—ниже стоимости—ведут к сужению производства. Рост производительных сил общества и связанное с ним перераспределение труда и средств производства—как показано было раньше—между разными отраслями хозяйства тоже происходит по «указке» рынка, но приказывающего только на единственно доступном ему языке—на языке цен.

Поэтому... «общественные отношения их (товаропроизводителей.—Р.) кажутся не тем, что они представляют на самом деле, т. е. не непосредственно общественными отношениями самих лиц и их работ, а напротив—вещественными отношениями лиц и общественными отношениями вещей»¹.

Товарный и религиозный фетишизмы.

«Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг к другу. Такую же роль в мире товаров играют продукты человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, раз только они производятся как товары, и который следовательно неотделим от всякого товарного производства».

Как в религиозной области продукты человеческого мозга—боги и другие сверхестественные существа—господствуют над людьми, так и в области буржуазной экономики продукты человеческих рук господствуют над их творцами, над товаропроизводителями. Религиозный фетишизм «старше» товарного: он возник на заре существования человека, когда продукты человеческого труда еще не были товарами. Но с возникновением товарного хозяйства религиозный фетишизм не исчез, а лишь принял другие, более утонченные формы. В «древних естественных и народных религиях» отражение нашли «низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная связанность отношений людей в рамках процесса, создающего их материальную жизнь, а вместе с тем и связанность всех их отношений друг к другу и природе... Для общества товаропроизводителей, характерное общественно-производственное отношение которого состоит в том, что продукты труда являются здесь для них товарами, т. е. стоимостями, и что отдельные частные работы приравниваются здесь друг к другу в этой единообразной форме

как одинаковый человеческий труд,—для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.»¹

И исчезнет религиозный фетишизм лишь тогда, когда исчезнет и товарный фетишизм. «Религиозное отражение действительного мира может исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой». А это наступит лишь тогда, когда общественный строй «станет продуктом свободно обобществившихся людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем»². Но тогда исчезнет и товарный фетишизм.

Другие общественные формации.

Бытие определяет сознание, объективный фетишизм порождает и субъективный, фетишистский образ мышления. И Маркс показывает, как долго товарный фетишизм, господство вещей над людьми, держит в плену умы экономистов, впрямь видящих в вещах, как деньги и др. какие-то сверхестественные свойства. Но «весь мистицизм, все чудеса и привидения, окутывающие продукты труда при господстве товарного производства,—все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства». И Маркс противопоставляет другим формы организации производства товарной форме, что еще ярче оттеняет все особенности товарного хозяйства и почему оно порождает товарный фетишизм.

Маркс товарному хозяйству противопоставляет и единичное хозяйство Робинзона, и «мрачное европейское средневековье», и «союз свободных людей, которые работают при помощи своих средств производства и сознательно затрачивают свои различные индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу». Во всех типах организации хозяйства труд является основой существования людей, при этом он должен быть разделен и распределен так, чтобы это отвечало существующим в обществе потребностям и интересам. Не менее ясно, что «при всяких условиях то рабочее время, которое стоит производство средств существования, должно было интересовать людей, хотя и не в одинаковой степени на разных ступенях развития». «Наконец,—продолжает тут же Маркс,—раз люди так или иначе работают друг на друга (за исключением конечно хозяйства Робинзона.—Р.), их труд получает тем самым общественную форму»³. Но во всем этом нет ничего загадочного, отношения людей не скрываются за отношением вещей. Последнее имеет место лишь в товарно-капиталистическом хозяйстве, и оно характеризуется исторически, как определенный способ производства, имеющий свои законы движения, развития и исчезновения.

Здесь—на что следует обратить сугубое внимание—перед нами одна из основных особенностей марксова метода. Мы говорим об историзме, т. е. о рассмотрении экономических явлений и их закономерностей, как исторически обусловленных. Вот как охарактеризовал этот

¹ «Капитал», т. I, стр. 37.

² Там же.

³ Там же, стр. 34.

метод один из рецензентов I тома «Капитала», а с этой оценкой вполне соглашается Маркс¹.

«Иному читателю может при этом прийти на мысль и такой вопрос. Ведь общие законы экономической жизни одни и те же,—все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни?» Но именно это Маркс и не признает. Таких абстрактных законов для него не существует. По его мнению, напротив, «каждый исторический период имеет свои законы... но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться другими законами».

Маркс упрекает политическую экономию своего времени в том, что у нее это историческое понимание отсутствует. «Добуржуазные формы общественно-производственного организма третируются ею (политэкономией.—Р.), приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии—отцами церкви»². Но зато буржуазный строй она считала вполне естественным, свойственным человеческой природе, а потому законы этого строя—вечными и неизменными.

Главу Маркс заканчивает краткой характеристикой классической политической экономии, главным образом ее теории стоимости. «Правда, политическая экономия (Маркс имеет в виду классическую политическую экономию.—Р.) анализировала—хотя и недостаточно—стоимость и величину стоимости и раскрыла скрытое в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса—почему это содержание принимает такую форму, другими словами—почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда как его мера—в величине стоимости продукта труда»³.

Классики, особенно Рикардо, раскрыли скрытые в стоимости и величине стоимости труд и его продолжительность, но им «и в голову не приходило, что чисто количественное различие работ предполагает их качественное единство или равенство, следовательно их сведение к абстрактно-человеческому труду». Для классической политической экономии «двойкий характер труда, заключающегося в товаре» остался неизвестен—поэтому ее анализ стоимости и величины стоимости оказался недостаточным. Все же последние ею сведены были к труду и его продолжительности, и это обеспечило за ней почетное ее название: классическая политическая экономия.

Смит проводит различие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью товара. Меновая стоимость определяется трудом. Но Смит постоянно смешивает труд, потраченный на производство товара, с трудом, который можно купить за этот товар. «Таким образом ценность всякого предмета,—пишет Смит,—для того, кто, владея им, не желает однако воспользоваться им для своего личного потребления, а предполагает променять его на что-нибудь другое, равняется количеству труда, которое он может купить на него (подчеркнуто нами.—Р.) или получить в свое распоряжение»⁴. Из подчеркнутых нами слов видно, что по Смицу ценность товара определяется покупаемым трудом.

¹ «Капитал», т. I, стр. XXXI.

² Там же, стр. 39.

³ Там же, стр. 37—38.

⁴ «Исследование о богатстве народов», сокр. перевод проф. Лященко, 1924, стр. 52

Но тут же—парой строк ниже—наш автор пишет: «Действительная цена всякого предмета, т. е. то, чего каждый предмет стоит в действительности тому, кто хочет приобрести его, есть труд и усилие, которое он должен употребить на его приобретение» (подчеркнуто нами.—Р.). Здесь уже речь идет не о покупаемом труде, а о затрачиваемом. Еще более двусмысленным является следующее утверждение Смита, что в товарах «содержится ценность известного количества труда, которое меняется на то, в чем предполагается ценность такого же количества труда». Выходит, что труд определяет ценность товара лишь потому, что он сам имеет ценность: он как бы свою ценность передает производимому им продукту. Но где источник ценности самого труда и чем она определяется?

В другом месте Смит как бы пытается дать ответ на этот вопрос. Он пишет: «Но одинаковое количество труда во все времена и во всех местах для рабочего всегда имеют одинаковую ценность. При обычном состоянии здоровья, силы и деятельности и при обычной степени ловкости и искусства, которыми обладает рабочий, ему приходится всегда жертвовать все одной и той же частью своего досуга, свободы и спокойствия»¹. Из приведенной цитаты видно, что труд имеет ценность и сообщает произведенным при его помощи продуктам ценность вследствие того, что он, труд, представляет для рабочего жертву, лишение части его досуга. Таким образом помимо смещения труда, затрачиваемого на производство товара, с трудом, покупаемым на этот товар, Смит своей теории трудовой стоимости придает еще субъективную окраску.

В довершение характеристики теории стоимости Смита следует еще добавить, что он еще полагал, будто труд был источником и мерилom стоимости только в простом товарном хозяйстве (по терминологии Смита—«в первобытном состоянии»). В капиталистическом хозяйстве стоимость товара складывается из заработной платы, прибыли и ренты, т. е. факторами, образующими стоимость, являются доходы основных классов буржуазного общества. Эти доходы объявляются первичными факторами, а стоимость—их результатом.

Все же принцип трудовой стоимости Смитом в его систему введен, и это имело важное значение для дальнейшего развития политической экономии. Рикардо уже прочно держится за этот принцип и проводит его полностью во всей политической экономии. Он разоблачает ошибочное отождествление Смитом труда потраченного с трудом покупаемым, доказывая, что это неравные величины: труд, который покупается на товары, всегда больше того труда, который потрачен на их производство. Но тут, как мы уже говорили в «Введении», сам Рикардо попадает в тупик: для него, не различающего между рабочей силой и трудом, остается необъяснимым обмен большего количества труда на меньшее. Но здесь не это важно, а важно то, что Рикардо освободил теорию трудовой стоимости от ошибок Смита и провозгласил, что стоимость товара определяется только трудом, потраченным на производство товара. При этом этот закон имеет силу не только для простого товарного хозяйства, но и для капиталистического. Впро-

¹ «Исследование о богатстве народов», сокр. перевод проф. Лященко, 1924, стр. 55.

чем для Рикардо первобытный дикарь и рыболов, обменивающие между собой дичь на рыбу,—уже капиталисты. Отсутствие понимания своеобразия капиталистической системы как особой, исторически обусловленной, экономической формации,—наиболее уязвимое место в системе Рикардо. В этом отношении он даже уступает,—как Маркс подчеркивает в «Теориях прибавочной ценности», — Смиту: последний инстинктивно чувствовал, что закон стоимости в капиталистическом хозяйстве не может действовать так, как он действует в простом товарном хозяйстве, но не зная, как этот закон действует в капиталистической системе, он его совсем «отменяет» для последней. Перед Рикардо эта проблема совсем не стояла, раз он не различал между простым товаропроизводителем и капиталистом.

Но опять-таки здесь—для понимания развития у классиков теории трудовой стоимости—важно не это, а то, что именно Рикардо провозгласил трудовую стоимость основой всей политической экономии. По поводу Рикардо Маркс в «Теориях прибавочной ценности» пишет следующее: «Наконец выступает Рикардо и кричит науке—стой! Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы—понимание ее внутренней органической связи и жизненного процесса—есть определение ценности рабочим временем. Отсюда исходит Рикардо и требует от науки, чтобы она оставила свою прежнюю рутину и дала себе отчет в том, насколько остальные развитые, выясненные ею категории—отношения производства и обращения—соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту: насколько вообще наука, только отражающая, воспроизводящая формы проявления процесса, точно так же, как и сами эти явления, соответствует основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества... В этом заключается великое историческое значение Рикардо для науки...»¹.

Что касается проблемы формы стоимости, то она ни Смитом ни Рикардо даже не поставлена. Вопрос о форме стоимости сводится к вопросу о том, почему именно труд выражается в стоимости, почему им «создается» стоимость.

Теория трудовой стоимости решает таким образом две задачи: во-первых, она раскрывает за меновой стоимостью труд и устанавливает между ними зависимость. Последняя формулируется так: стоимость одного товара относится к стоимости другого товара, как количество потраченного труда на производство первого товара относится к количеству труда, потраченного на производство другого товара. Во-вторых, теория трудовой стоимости должна решить, в силу чего, при каких исторически определенных условиях продукты труда становятся «кристаллами общей им всем общественной субстанции», становятся «товарными стоимостями». А это в свою очередь ведет от труда и стоимости к меновой стоимости, и раскрывается все своеобразие товарного производства как единства производства и обращения.

Классическая политическая экономия в основном решила первую задачу, но ею, как сказано, даже не поставлена вторая задача. А не ставила она этой задачи вследствие того, что она не видела ничего

¹ К. Маркс, Теория прибавочной ценности, т. II, стр. 11, изд. «Прибой», 1923 г.

специфического, ничего исторически обусловленного в труде, создающем стоимость. Что труд создает стоимость, ей казалось так же естественным, как естественно и то, что им создается потребительная стоимость. «Двойкий характер заключающегося в товарах труда» для нее не существовал, не существовала стало быть категория «абстрактный труд»; и это делали, с одной стороны, недостаточным анализ стоимости и величины стоимости, а с другой—не могло быть вопроса о форме стоимости.

Классики как буржуазные экономисты, т. е. ограниченные буржуазным кругозором, другого способа производства кроме буржуазного не знали. Не знали поэтому и другой формы продукта труда кроме товарной, следовательно вопрос о форме стоимости для них и существовать не мог. «Если же рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамечены и специфические особенности следовательно товарной формы, а при дальнейшем ходе исследования—денежной формы, формы капитала и т. д.»¹.

Примечания к первой главе.

1. Для более глубокой проработки I главы необходимо знакомство с произведением Маркса «К критике политической экономии». Сам Маркс в предисловии к 1-му изданию пишет: «Содержание более раннего произведения (речь идет о названной работе.—Р.) резюмировано в первой главе этого тома». (Но тут же следует заметить, что в 1-м издании «Капитала» весь первый отдел составлял одну главу.) Таким образом содержание «К критике...» резюмировано во всем отделе, а в I главе—только часть его. И мы советуем эту часть прочесть после I главы «Капитала» (до стр. 32, где уже начинается содержание, резюмированное во II главе). Читать «К критике...», повторяем, целесообразнее после чтения «Капитала», так как изложение здесь гораздо труднее «Капитала».

При таком чтении следует выяснить, какие пункты у Маркса более развиты в «К критике...» и какие в «Капитале».

2. Желающим знакомиться с дискуссией по вопросу об абстрактном труде можем рекомендовать следующие работы: И. И. Рубин, Очерк теории стоимости Маркса, изд. 3-е; Александр Кон, Курс политической экономии, изд. 3-е; «Под знаменем марксизма» за 1925 г., № 12, ст. А. Вознесенского и за 1926 г., № 6, ст. Дашковского; С. С. Шабо, Проблема общественного труда в экономической системе Маркса, изд. 1928 г.; «Вестник Комкадемии» № 28, ст. Абезгауза, Дукора, Ногина; сборник «Рубинщина и марксизм»; сборник «Против механистических тенденций в политэкономии»; «Правда» от 17 февраля 1930 г.; «Большевик» № 2 за 1930 г.

3. К вопросу об общественно-необходимом труде Маркс возвращается в III томе «Капитала», ч. 1, гл. X, где вводит новые понятия: «рыночная стоимость», «индивидуальная стоимость». В указанной главе категория «общественно-необходимый труд» получает дальнейшее развитие и уточнение. В I томе «Капитала», поскольку еще не дано учение о конкуренции, о том механизме, который вывleкает индивидуальный труд как общественно-необходимый, Маркс ограничивается лишь тем наиболее общим определением этой категории, которое нами цитировано выше в тексте. В III же томе анализ конкуренции уже дает возможность конкретизировать понятие «общественно-необходимый труд», притом в двух, так сказать, направлениях. Во-первых, раскрывается механизм, который сводит индивидуальный труд к общественно-необходимому (здесь он только предполагается, а там он уже анализируется). Во-вторых, выясняется, когда определяющими общественно-необходимый труд являются средние условия и когда худшие или совсем лучшие.

В трактовке понятия «общественно-необходимый труд» тоже велась дискуссия,

¹ «Капитал», т. I, стр. 39, прим. 32.

и желающие могут с ней ознакомиться в журнале «Под знаменем марксизма» за 1922 г. в № 5—6, 7—8 и за 1923 г. № 2—3, 4—5, 6—7 можно найти ряд статей по этой дискуссии. Далее «Теория стоимости у Маркса и Лассалья» Т. Григоревич («Московский рабочий», 1923 г., гл. II).

4. К вопросу о редукции—сведении квалифицированного труда к простому с равным толкованием этой проблемы можно ознакомиться по книге В. Н. Познякова «Квалифицированный труд и теория ценности Маркса», изд. Коммунистического университета им. Свердлова, 1925 г. Только эту книгу рекомендуем читать после IV главы, т. е. после того, как исследована уже проблема стоимости рабочей силы, так как некоторые авторы путают стоимость, создаваемую квалифицированным трудом, со стоимостью самой квалифицированной рабочей силы.

5. В третьем параграфе—«форма стоимости или меновая стоимость»—наиболее трудным является анализ «содержания относительной формы стоимости». Но чаще всего мешают проникнуть в глубину мысли автора «Капитала» не совсем привычные выражения, например: «плоть» стоимости; или как стоимость холст «сюртукopodobен». На самом деле за этими выражениями скрываются общеизвестные факты. Во всех преysкурантах против названия любого товара поставлена цена, т. е. товар выражен в определенном количестве золота, — значит «золотоподобен». И если он—товар—пропадет или его украдут, то владелец его скажет, что ему причинен убыток в размере такого-то количества денег. Не о потере потребительной стоимости он будет говорить, а о потере денег, вернее—о потере стоимости в «плоти» золота. Также, когда говорят, что какой-то богач владеет 5 млн. руб., то никто не думает, что у него есть наличными 5 млн., а лишь стоимость его капиталов и имущества облекают в золотую «плоть», выражают в золотых денежных единицах.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРОЦЕСС ОБМЕНА.

Предмет исследования.

В обмене участвуют люди и вещи, товаровладельцы и товары. Следовательно анализ товаров должен дополняться анализом действий товаровладельцев, — первый был сделан в предыдущей главе, второй будет сделан в настоящей. Маркс эту же мысль выразил в шутиливой форме. Он начинает настоящую главу так: «Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться между собой. Следовательно мы должны обратиться к их хранителям—к товаровладельцам»¹.

Товар может выразить свою стоимость в любом другом товаре. Или, как Маркс выражается, «для товара каждое другое товарное тело есть лишь форма выражения его собственной стоимости». Но не так смотрят на дело товаровладельцы: они свои товары обменивают лишь на такие другие товары, в которых они нуждаются, которые для них представляют потребительные стоимости. Следовательно условием обмена каждый раз являются: 1) потребность товаровладельца А в товаре владельца Б и 2) потребность последнего в товаре первого—это как раз и есть то, что привносяг в обмен, в отношения вещей, выражающие собою отношения людей, сами люди и отнюдь не произвольно, так как сама их воля обусловлена способом производства. Подобно тому как в I главе (в третьем параграфе) изучались не вещи как таковые, т. е. изучались не их естественные свойства, а выполняемые ими социальные функции, овеществленные в них производственные отношения, так и предметом изучения в этой главе являются не люди вообще, а те экономические отношения, которые они представляют.

¹ «Капитал», т. I, стр. 41.

«В дальнейшем ходе исследования,—замечает по этому поводу Маркс,—мы увидим, что характерные экономические маски лиц являются вообще лишь олицетворением экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу».

Итак, если в I главе Маркс заканчивает анализ товарного производства и соответственно ему экономических отношений в их вещном выражении, то в настоящей главе он продолжает анализ их со стороны олицетворения их в людях,—владельцах вещей, но «воля которых (этих лиц,—*P.*) обитает в этих вещах». Объект изучения в обеих главах, значит, один и тот же — экономические отношения людей, овеществленные в товарах и персонифицированные (олицетворенные) в товаровладельцах. В первой главе изучается их овеществление, во второй — их персонификация.

Из сказанного вытекает, что конечный пункт исследования I главы не является исходным пунктом исследования II главы, а идут они параллельно. Более того, Маркс как бы возвращается к уже решенной проблеме — к проблеме денег, которая уже разрешена была в предыдущей главе. Но проблема денег в наиболее общей форме сводится к двум основным вопросам: 1) к вопросу о сущности денег — какова их социальная природа, что они собою выражают, и 2) к вопросу о происхождении денег — как они возникли. В I главе дан ответ на первый, во II главе — на второй вопрос. Анализ форм стоимости раскрывает сущность денег, но не показывает, как и в силу чего они возникли. Анализ же обмена раскрывает те противоречия и трудности, на которые обмен наталкивается и которые и приводят к появлению денег.

Следовательно в I и во II главах Маркс и к проблеме денег подходит, так сказать, с разных сторон.

Теперь несколько слов об особенностях исследования обмена во II главе. На первый взгляд оно кажется пестрым — имеют место постоянные переходы от теоретического рассмотрения вопросов к историческому и обратно. Возникает недоумение, в каком же разрезе обмен изучается — в теоретическом или историческом. Но это только на первый взгляд, — при более вдумчивом чтении все недоумения рассеиваются.

Теоретическое исследование, как мы уже это указывали, поскольку оно является диалектическим, сводит изучаемые явления к зародышевым формам исторического их возникновения. Исходный пункт в теории совпадает при таком методе с исходным пунктом в истории. И поэтому последующее восхождение (опять-таки теоретическое) от простого к сложному также совпадает с историческим развитием изучаемых явлений. Вот это и имеет место в настоящей главе. «Упрощенный» обмен приобретает такие черты, которые делают его снимком с того обмена, который возник в глубокую древность и играл совершенно не ту роль, что в современном обществе. Точно так же и теоретическое усложнение обмена воспроизводит и его историческое развитие. Отсюда и кажущаяся пестрота и кажущееся смешение теоретического изучения обмена с историческим.

Впрочем здесь повторяется то же, что и в I главе при изучении форм стоимости. где мы тоже имели «совпадение» теории с историей.

Порядок исследования.

Хотя Маркс эту главу не разбил на отдельные части, но в целях лучшего усвоения ее мы выделим следующие вопросы: 1) анализ обмена и раскрытие его противоречий, 2) разрешение их в развитии обмена, 3), критика неправильных взглядов на природу и происхождение денег.

1) Анализ обмена и его противоречия.

Обмен берется Марксом, как мы указали, в наиболее простом и следовательно наиболее абстрактном виде. Обмен тогда представляется как болевое отношение двух лиц, облеченное в юридическую форму—в форму договора. Они взаимно уступают—в этом и состоит проявление их воли—друг другу свои вещи. Обмен в таком виде представляется «упрощенным» в двух отношениях: он случаен и, стало быть, не связан с производством, кроме того отсутствуют деньги. Но анализ обмена, даже в таком упрощенном виде обнаруживает, что эта по внешности свободная юридическая сделка обусловлена экономическим содержанием и им определяется, ибо такая сделка предполагает не наличие вообще вещей у участников обмена, а наличие таких вещей, которые не нужны их владельцам, но нужны их контрагентам. Далее обмен предполагает равенство сторон, равенство в смысле равноправности участников обмена: каждый должен признавать за другим право собственности на его вещь и следовательно право распоряжаться им по своему усмотрению.

А это в свою очередь предполагает уже известный уровень развития производительных сил, которые приходят в противоречие с общественными отношениями замкнутой первобытной общины. Появляется излишек полезных вещей, но не нужных для данной общины. Противоречие это находит свое разрешение в обмене,—возникают новые производственные отношения, становящиеся новой формой дальнейшего развития производительных сил.

Новые производственные отношения уже в самом своем зародыше несут в себе новые противоречия. В I главе это новое противоречие рассмотрено было сначала как внутреннее противоречие товара (между его стоимостью и его потребительной стоимостью), а затем—как внешнее противоречие между относительной формой стоимости и эквивалентной формой стоимости. В настоящей главе это противоречие выступает как противоречие обмена.

Раньше было установлено, что товар имеет потребительную стоимость в силу своих же природных свойств. Теперь нужно добавить, что товар является потребительной стоимостью, но не для своего собственного владельца, а для других. Следовательно потребительная стоимость становится в зависимость от стоимости, товар может быть реализован как потребительная стоимость, если он предварительно реализуется как стоимость. Но что значит реализоваться как стоимость? Это значит, что один товар выступает как потребительная стоимость, а другой—только как стоимость. На самом же деле и тот и другой товар выступает как стоимость для своего владельца и как потребительная стоимость для его не владельца.

И Маркс это противоречие формулирует так: «Значит товары должны реализоваться как стоимости, прежде чем они получают возможность реализоваться как потребительные стоимости»... «С другой стороны,

они должны доказать наличие своей потребительной стоимости для того, чтобы они могли реализоваться как стоимости».

Если анализ меновой стоимости, т. е. отношение вещей, открывает скрывающиеся за ними отношения людей и равенство их труда, то теперь анализ обмена как действия людей обнаруживает обратное, а именно—что отношение людей должно принять именно вещную форму, форму отношений вещей, так как воля товаровладельцев, по фигуральному выражению Маркса, «обитает в вещах»,—и их равенство выражается в «равенстве» вещей. Но, если в меновой стоимости внутреннее противоречие товара (между потребительной стоимостью и меновой) переходит во внешнее—один товар начинает фигурировать только как потребительная стоимость, а другой только как стоимость,—то при подходе к этому же явлению со стороны отношения лиц такое «распределение ролей» между товарами уже кажется невозможным, так как каждый товаровладелец на свой товар смотрит как на средство приобретения всевозможных других вещей, т. е. как на всеобщий эквивалент, а на чужой товар—как на особенный эквивалент. Воля одного наталкивается на волю другого—ведь все они равноправны,—и кажется совершенно невозможным появление всеобщего эквивалента. Теперь же противоречие может быть сформулировано и так: обмен со стороны участвующих в нем лиц представляется их частным делом—каждый хочет получить лишь недостающую ему потребительную стоимость,—но осуществиться он может лишь как «всеобщий общественный процесс», как обмен стоимостей.

2) Разрешение противоречий в развитии обмена.

Разрешаются эти противоречия не извне, не какими-либо сознательными действиями, направленными на налаживание обмена, на «изобретение» эквивалента; противоречие разрешается самим обменом, в его развитии. Развитие обмена идет в двух направлениях. С одной стороны, из случайного, не связанного еще с производством, обмен превращается в один из моментов воспроизводства, определяющийся способом производства и в свою очередь влияющий на последнее. С другой стороны, обмен из непосредственного, безденежного, превращается в куплю-продажу. Таким образом обмен развивается вместе с условиями его развития: развивается и всеобщий эквивалент—с развитием обмена появляются и деньги.

И Маркс опять подходит к проблеме денег. Раньше, при анализе форм стоимости, раскрыто было: 1) что начало денег имеется уже в эквивалентной форме простой формы стоимости, 2) что сами деньги—не что иное, как всеобщая эквивалентная форма, но закрепленная за определенным товаром. Здесь же показывается, как развитие обмена уже включает в себя и развитие денег, т. е. переход от эквивалента простой формы стоимости к эквиваленту всеобщей формы стоимости.

С возникновением денег отмеченные выше противоречия находят форму движения. Фаза обмена теперь в свою очередь расщепляется на две фазы: на Т—Д и Д—Т; в первой фазе товар реализуется как стоимость, во второй—как потребительная стоимость. С другой стороны, и для товаровладельца А и для товаровладельца Б деньги—всеобщий эквивалент: воля одного не парализуется волей другого. Также обмен получает возможность стать в одно и то же время и частным и общественным делом: 1) обменивается одна потребительная стоимость

на другую, 2) обмениваются посредством превращения их во всеобщий эквивалент.

Критика взглядов на природу и происхождение денег.

Эта часть развита Марксом детально в его книге «К критике политической экономии». Там дан исторический очерк развития учений о деньгах и их критическая оценка. Здесь же имеются лишь беглые критические замечания, имеющие главным образом значение для характеристики теории денег самого Маркса. Краткое резюме последней мы находим в следующем отрывке: «Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющее в товарной природе противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этому противоречию заставляет искать самостоятельной формы для воплощения товарной стоимости и не дает покоя до тех пор, пока задача эта не решается окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно в той же мере, в какой осуществляется, превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги»¹.

Тут даны ответы на два основных вопроса, на которые призвана ответить теория денег: 1) какова природа денег, откуда такие загадочные их свойства? 2) как они возникли, кто их, так сказать, создал? Деньги—это товар, выполняющий роль всеобщего эквивалента,—так гласит ответ Маркса на первый вопрос. А для выполнения роли всеобщего эквивалента выдвигается товар самим же товарным миром, развитием обмена. Так решается Марксом второй вопрос. Но не так решают эти вопросы критикуемые Марксом теории. Либо они считают деньги воображаемой стоимостью, либо только знаком стоимости. И та и другая теории не видят в деньгах особого товара и не могут конечно связать их с формой стоимости и с развитием этой формы. Деньги являются для обмена извне, но известно—откуда. Сторонники таких теорий известны под именем номиналистов (стоимость денег для них только номинальная). Но и открытие, что деньги есть товар и имеют стоимость, как и всякий товар, являющееся значительным шагом вперед,—еще не решает проблемы денег, так как «трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами». Поэтому еще в XVIII в. продолжают объяснять происхождение денег как результат сознательных действий людей, как изобретение человеческого ума.

Примечания ко второй главе.

1. По прочтении этой главы рекомендуем дочитать соответствующие страницы в «К критике...» до конца I главы за исключением исторической части, которая имеет большее значение для проблем первой главы «Капитала», чем для второй.

2. История теории денег Марксом дается во II главе «К критике...», но мы советуем ее читать лишь после III главы «Капитала», так как ошибки разных теорий денег большей частью порождены иллюзиями разных функций денег, односторонним пониманием их. Следовательно критика этих теорий может быть понята лишь после изучения функций денег.

¹ «Капитал», т. I, стр. 43—44.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ДЕНЬГИ ИЛИ ОБРАЩЕНИЕ ТОВАРОВ.

**Предмет
исследования.**

Анализ «формы экономической ячейки буржуазного общества» — «товарной формы» продукта — показал, что ячейка эта раздвоена на товар и деньги. Только совместно они олицетворяют единое производственное отношение товаропроизводителей, трудовое их отношение. Только выделением одного из товаров в роли денег заглаживается и процесс превращения продуктов труда в товары.

Исследование процесса обмена, которое, как было показано, является анализом тех же явлений, но со стороны олицетворения их в действующих лицах, — еще полнее осветило полученные результаты. «Весь мистицизм товарного мира», включая и «загадочность денег», мешавший правильному пониманию экономического строения общества товаропроизводителей, — окончательно исчез. Стало уже возможным стать на «ступеньку» выше в «восхождении от абстрактного к конкретному». И Маркс берет производство товаропроизводителей в целом как движение, которое находит свое вещное выражение в постоянном движении денег или обращения товаров.

«Представление о капитале как о самовозрастающей стоимости, — говорит Маркс, — охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающем из того, что труд существует как наемный труд. Капитал есть кроме того движение, процесс кругооборота, проходящий различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое»¹. Все это полностью применимо и в отношении товара и денег: и они охватывают не только представление об отношениях товаропроизводителей, вытекающих из того, что труд производит товары, стоимости. Товар и деньги есть кроме того движение, процесс кругооборота. Поэтому товар и деньги могут быть поняты лишь как движение, а не как вещи, пребывающие в покое.

Товар и деньги как вещные выражения общественных отношений и определенного характера общества исследовались в предыдущих главах; в настоящей главе они изучаются как движение, как процесс кругооборота. Такова целевая установка этой главы. Отсюда конечно не вытекает, что в предыдущих главах товар и деньги понимались как вещи, пребывающие в покое. И раньше Марксом они понимались (ведь иначе их понять нельзя) «лишь как движение», но раньше последнее только предполагалось, «вitalo в представлении как предпосылка», непосредственным же предметом исследования были производственные отношения и определенный характер общества, находящие свое выражение в товаре и деньгах. Теперь уже самым непосредственным предметом исследования является движение, процесс кругооборота, а в представлении должны «витать» производственные отношения и определенный характер общества, как предпосылка.

Обращение обычно сопровождается целым рядом производственно-технических моментов, как то: транспортом, упаковкой и развеской то-

¹ «Капитал», т. II, стр. 21, изд. 1920 г.

варов, хранением их и т. д. Это и порождает иллюзию, будто обращение сводится к указанным производственно-техническим операциям. Но этим также стирается всякая грань между производством и обращением, или—что по существу одно и то же—различие между ними сводится к различию между разными видами организационно-технических процессов. Буржуазная политическая экономия действительно стоит на такой точке зрения: она сущность обращения—торговли—видит в переброске товаров из места производства в место потребления, в доставке их потребителю. Совсем иначе подходит к обращению Маркс: для него обращение есть нечто принципиально отличное от производства. Первое есть смена форм стоимости, второе—производство стоимости. Для обращения производственно-технические операции являются лишь случайными спутниками: при обращении например недвижимости эти операции совсем отсутствуют. Производство же стоимости есть единство материально-технического процесса и исторически обусловленной общественной формы, есть единство процесса труда и процесса производства стоимости. Обращение стоимости есть исключительно формальный процесс, процесс смены форм, «в которые на различных своих стадиях облачается стоимость и которые они то принимают, то сбрасывают при повторении кругооборота».

Порядок исследования.

Функции денег изучаются Марксом в определенной последовательности, и это находится в полной зависимости от его общей теории денег. Для сторонников например так называемой государственной теории денег, считающих деньги продуктом государственной или общественной власти,—основной функцией денег является то, что они служат средством платежей. Остальные функции денег—производные от этой основной. Для Маркса же непосредственная функция денег—это быть мерилом стоимости. Ведь эта функция непосредственно дана сущностью денег, тем, что они являются формой стоимости товаров, в деньгах последние выражены не только качественно, не только как «сгустки» однородного человеческого труда, но и количественно, т. е. как определенные количества труда, принимающие формы определенных количеств золота. Этим внутренней соизмеримости товаров дано внешнее выражение—дано мерило стоимости. Функция мерил стоимости обуславливает собой в первую очередь функцию средства обращения, а из этих двух функций вытекают и остальные. Точнее, все они обусловлены наиболее общей функцией денег или сущностью их, т. е. тем, что деньги—всеобщий эквивалент и всеобщая форма стоимости, но следуют друг за другом в определенной последовательности и ближайшей зависимости друг от друга (более подробно об этом см. ниже).

Вся же глава разбита Марксом на три основных раздела: 1. Мера стоимости. 2. Средство обращения. 3. Деньги. Основа этого деления объяснена самим Марксом. «Первую функцию он (благородный металл.—Р.) выполняет как идеальные деньги... во второй функции он может быть замещен денежным знаком...» А в третьем разделе рассматриваются все функции, из которых золото выступает «как деньги в собственном смысле, в противоположность его функциям, как меры стоимости и как монеты»¹.

¹ «Капитал», т. I, стр. 78.

I. МЕРА СТОИМОСТИ.

**Цена
и масштаб цен.**

Что цена есть денежная форма стоимости и ничем принципиально не отличается от всеобщей формы стоимости,—мы уже знаем из I главы, здесь же цена рассматривается потому, что в ней дана и мера стоимости. В своих ценах товары представлены как количества золота, «как однородные величины, качественно одинаковые и количественно соизмеримые». Но необходимо помнить следующее положение, на которое Маркс обращает особое внимание: «Не деньги делают товары соизмеримыми. Наоборот. Именно потому, что товары как стоимости представляют овещенный человеческий труд и следовательно сами по себе соизмеримы, именно поэтому они и могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим (особенным) товаром, превращая таким образом этот последний в общую меру своих стоимостей, т. е. в деньги»¹.

Правильное понимание как этого положения, так и всего предыдущего исчерпывающе объясняет, почему стоимость не измеряется непосредственно рабочим временем. Мы говорим непосредственно, так как посредственно, через деньги, она и измеряется рабочим временем.

Мерило (меру) стоимости никоим образом не следует смешивать с масштабом цен. У них внешнее сходство—и только. На стр. 52 Марксом точно формулированы различия между мерой стоимости и масштабом цен. «Мерой стоимости деньги являются как общественное воплощение человеческого труда, масштабом цен—как фиксированный вес металла». «Как мера стоимости они служат для того, чтобы превращать стоимость бесконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен они измеряют эти количества золота». Наконец общий вывод: «Мерой стоимости измеряются товары как стоимости; напротив—масштаб цен измеряет различные количества золота данным его количеством».

Отсюда также видно, что хотя Маркс и масштаб цен и меру стоимости называет функциями денег, но они отличаются друг от друга не только своим назначением, но находятся, если можно так выразиться, в совершенно различных плоскостях. Мера стоимости—функция социальная: за выражением товаров в золоте скрывается сведение всех видов труда ко всеобщему абстрактному труду и сведение последнего к труду по добычанию золота. Масштаб цен—функция техническая, выражающая отношение одного количества золота к другому, принятому за единицу. Правда, чтобы золото могло выполнять функцию меры стоимости, оно само должно быть измерено, выражено в определенном масштабе, но это лишь техническое условие, техническая предпосылка для выполнения общественной функции.

Вопрос, который здесь рассматривается, уже был исследован при анализе «количественной определенности относительной формы стоимости». В отношении цены, являющейся той же относительной формой стоимости, только ставшей денежной, применим формулированный выше закон,—а именно, что относительная форма стои-

**Всеобщее
повышение
или всеобщее
понижение цен.**

¹ «Капитал», т. I, стр. 49.

мости (здесь цена) прямо пропорциональна стоимости товара и обратно пропорциональна стоимости эквивалента (здесь золота). Поэтому вообще повышение или понижение цен может быть результатом либо изменения стоимости товаров, либо изменения стоимости золота, а также изменения того или другого, но в разных напразлениях или в разных пропорциях. Следует только помнить, что Маркс исходит из предположения о совпадении цены со стоимостью, т. е. здесь им исследуется не рыночная цена, которая может измениться и изменяется от множества факторов, совершенно не затрагивающих ни стоимости товаров, ни стоимости золота. Здесь у него речь идет об идеальной цене, являющейся точным выражением стоимости товаров в золоте. Если же Маркс ставит вопрос еще раз, хотя он уже обсуждал его, как сказано в I главе, то только потому, чтобы показать, что «изменение стоимости золота не препятствует также его функции в качестве меры стоимости. Оно затрагивает все товары одновременно...»

**Количественное
несоответствие
и качественное
несоответствие
цен со стоимо-
стью.**

Против теории стоимости часто возражали и возражают, что цена количественно не совпадает со стоимостью: она бывает то выше, то ниже последней. Маркс это конечно великолепно знал, но он считал, что «здесь нельзя видеть недостатка этой формы,—наоборот, именно эта отличительная черта делает ее наилучше приспособленной к такому способу производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос, только как слепо действующий закон средних чисел». Ведь стоимость превращается в цену стихийно, на рынке следовательно совпадение их совершенно невозможно,—наоборот, оно противоречило бы способу образования цены. Это—во-первых. Во-вторых—именно в отклонении цены от стоимости и заключается регулирующая сила закона стоимости, так как всякое отклонение от стоимости в одну сторону «исправляется» противоположным отклонением. Таким образом рыночные цены колеблются вокруг идеальной цены, вокруг выражения стоимости в золоте, и эти колебания регулируют производство, приспособлявая его к спросу, конечно относительно и приблизительно.

Другое возражение против теории стоимости сводится к указанию на то, что есть целый ряд вещей, которые имеют цену, хотя и не являются продуктом труда, т. е. не имеют стоимости. Следовательно цена и качественно не всегда есть выражение стоимости. И это возражение Марксом отводится. За такими ценами либо не скрывается никаких отношений производственного характера, как например при «продаже» совести,—это цены лишь по названию; либо за ними (как например цены земли) скрываются производственные отношения, которые на основании теории стоимости могут быть объявлены только гораздо позже при помощи ряда промежуточных звеньев (учение о ренте).

Маркс в своей книге «К критике политической экономии», заканчивая изложение теории стоимости, пишет следующее: «Если меновая ценность есть не что иное, как рабочее время, заключенное в товаре, то каким образом могут товары, вовсе не заключающие в себе труда, обладать меновой ценностью, или откуда берется меновая ценность про-

стых сил природы? Эта задача разрешается в учении о земельной ренте»¹.

II. СРЕДСТВО ОБРАЩЕНИЯ.

Заканчивая анализ «меры стоимости», Маркс пишет: «Итак, чтобы фактически проявить свою меновую стоимость, товар должен совлечь с себя свое натуральное тело, превратиться из мысленно представляемого золота в золото действительное...» И дальше: «Форма цены предполагает отчуждаемость товаров за деньги и необходимость такого отчуждения. С другой стороны, золото функционирует лишь как идеальная мера стоимости только потому, что оно уже обращается как денежный товар в меновом процессе. В идеальной мере стоимостей скрывается таким образом звонкая монета»².

Здесь четко формулирована связь между обеими функциями денег (деньги как мера стоимости и деньги как средство обращения). Вторая функция дополняет первую,—точнее, завершает ее: то, что в деньгах в качестве меры стоимости выражена лишь идеальная мера в их функции средства обращения выражено реально. Это оказывается возможным потому, что в первой функции уже дана вторая, так как «в идеальной мере стоимости скрывается... звонкая монета».

Превращение стоимости товара из «мысленно представляемого золота в действительное золото» выражается в двух движениях: движении товаров и движении денег. И Марксом эти два движения изучаются отдельно: вначале движение товаров, под названием метаморфозы товаров, а затем—движение денег. Но, с другой стороны, превращение товара в золото есть только средство обмена одной потребительной стоимости на другую,—а потому исследуется возможность и фактическое осуществление замены золота его символами—знаками стоимости и бумажными деньгами. Таким образом выделяются три основных вопроса: а) метаморфоза товаров, б) движение денег, в) «монета — знак стоимости». В этих трех разрезах и изучается Марксом функция денег как средства обращения.

а) Метаморфоза товаров.

Кругооборот товара Т—Д—Т. Товарообращение на первый взгляд представляется в виде хаотических движений—не связанных или мало связанных между собой продаж и покупок. Маркс же в этом хаосе открыл правильные формы, правильные кругообороты, которые своей совокупностью образуют обращение товаров. Только рассмотрение обращения товаров как «кругового движения» дает возможность уловить и понять все своеобразие этого движения, отличие его от непосредственного (безденежного) обмена. На самом деле, ведь каждая продажа или купля в отдельности, взятая с материальной стороны, представляет обмен определенного сорта товара на золото, т. е. обмен товара на товар, так как и золото есть товар.

¹ К критике политической экономии», стр. 46. Следует иметь в виду, что Маркс здесь вместо термина «ценность» употребляет термин «меновая ценность». — Р.

² «Капитал», т. I, стр. 56—57.

Что золото играет роль лишь посредника, что оно является орудием обращения, что оно, словом, деньги,—отчетливо выступает лишь тогда, когда эти отдельные акты купли-продажи воспринимаются как друг друга дополняющие части, как фазы единого кругооборота.

Громадное познавательное значение схемы Маркса Т—Д—Т заключается в том, что она изображает не только «поверхность явлений», но и дает возможность проникнуть в их сущность,—и наглядно показывает, что золото не просто товар, а деньги. На этом самым выявляется и своеобразие денег.

Первая фаза: Т—Д. Установив правильный метод рассмотрения отдельных актов купли-продажи, рассмотрение их как части единого кругооборота, Маркс приступает к анализу каждого из этих актов. И прежде всего останавливается конечно на продаже, на метаморфозе Т—Д. Здесь Марксом дается—на что особенно следует обратить внимание—сжатая, но исчерпывающая характеристика системы товарного хозяйства. Все особенности последнего концентрированы, как в фокусе, в этой метаморфозе. Именно только в Т—Д происходит превращение «из мысленно представляемого золота в золото действительное», но это только вещная сторона процесса, за которой скрывается и при помощи которой осуществляется связь отдельного товаропроизводителя со всем обществом товаропроизводителей. Именно в этом, как Маркс называет, *salto-mortale* (отчаянном прыжке) товара «товаровладельцы открывают, что то самое разделение труда, которое делает их самих независимыми частными производителями, делает в то же время независимыми от них процесс общественного производства и их собственные отношения в этом процессе, так что независимость их друг от друга дополняется системой всеобщей вещной зависимости»¹.

И это потому, что все изменения в условиях производства, следовательно также в условиях потребления—они подробно перечислены Марксом—происходят за спиной товаропроизводителя, но дают последнему о себе знать в метаморфозе Т—Д.

Т—Д является первой метаморфозой лишь с точки зрения данного товара и данного товаропроизводителя, со стороны же владельца денег, если он только не золотопромышленник,—это уж вторая метаморфоза: Д—Т. Отсюда связь и взаимная обусловленность отдельных кругооборотов, их постоянное взаимное пересечение и переплетение.

Вторая фаза: Эта метаморфоза особых трудностей не представляет. **Д—Т.** Ведь на руках у нашего товаровладельца теперь всеобщий эквивалент, стоимость в форме непосредственной обмениваемости. Раз у него деньги на руках,—а мы имеем дело пока только с товаропроизводителями, у которых деньги могут быть лишь в результате реализации товара,—то это значит, что свой товар он уже продал, т. е. его товар оказался нужной потребительной стоимостью, а он сам—нужным членом общества товаропроизводителей. Достать же ему теперь с рынка необходимые товары за вырученные деньги при нормальных условиях—дело совсем не трудное.

Но тут же выясняется и другая сторона медали. Если первая метаморфоза подчеркивает трудность и важность превращения товара в деньги и таким образом как бы переоценивает роль денег, заставляет видеть

¹ «Капитал», т. I, стр. 60.

в получении их чуть ли не весь смысл производства товаров, — то вторая метаморфоза уже выявляет другое: мимолетную роль денег, их роль лишь в качестве орудия обращения, что смысл не в них, а в получении через них необходимых потребительных стоимостей. А это (мы пока забегаем вперед) и делает возможным замену золота его заместителем.

Метаморфоза товара в целом. Окончив анализ первой и второй фазы кругооборота, Маркс вновь обращается к метаморфозе в целом, и теперь уже получается подлинное «многообразие в единстве». С одной стороны, каждая фаза имеет громадное самостоятельное значение, характеризует определенный специфический для данной фазы момент в отношениях товаропроизводителей, а с другой стороны, обе фазы составляют единое целое, выражающее единство отношения товаропроизводителей.

Такой подход к товарообращению отчетливо выявляет отличие его от непосредственного обмена продуктами — и это дает Марксу возможность разоблачить тех, которые это игнорируют обычно в целях апологетики буржуазного строя. Здесь же Маркс разоблачает и другой догмат экономистов своего времени, будто общие кризисы, общее перепроизводство товаров невозможны, так как каждый продавец является в то же время и покупателем. Если верно, что продажа и покупка составляют, как мы видели, единое целое, то отсюда совершенно не следует, что покупка должна следовать немедленно за продажей. Наоборот, именно потому, что единство кругооборота составляют сделки, которые сами по себе вполне самостоятельны, — возможен разрыв этого единства, которое может быть восстановлено насильственно, через кризисы. «Следовательно, — заключает Маркс исследование метаморфозы товара, — уже эти формы заключают в себе возможность — однако только возможность — кризисов...»

Формула товарообращения $T-D-T$ ввела в заблуждение Сэя, а вместе с ним и Рикардо, утверждавших, что общих кризисов нет, так как один товар покупается на другой. Согласно формуле $T-D-T$, деньги являются лишь посредствующим звеном, а вся операция сводится к формуле $T-T$. Поэтому кризисы могут быть только частичные, вследствие несогласованности между отдельными отраслями производства: одних товаров производят больше, а других — меньше. Излишек первых (произведенных в большем количестве) остается не распроданным, потому что излишку этому не противостоят другие товары: «Известных продуктов, — говорит Сэй, — слишком много, потому что недостает других»¹. Эта-то теория Марксом здесь опровергается.

в) Обращение денег.

Качественная характеристика.

Прежде всего Маркс указывает на особенности обращения денег, отличающие его от обращения товаров. Это мы и называем качественной характеристикой обращения денег в противовес количественной характеристике обращения денег, необходимых для товарообращения.

¹ Жан Батист Сэй, Трактат политической экономии, стр. 42, изд. Салда-тенкова.

Особенности обращения денег, во-первых, в том, что они не возвращаются к своему исходному пункту, наподобие обращения товаров, а все удаляются от него. Во-вторых, деньги постоянно остаются в обращении, в то время как товары постоянно, выпадая из сферы обращения, переходят в сферу потребления. Конечно и деньги могут выпасть из сферы обращения—золото может использоваться и для промышленных целей, но это вытекает из значения золота как денег; а происходит потому, что это обусловлено его назначением в качестве вещи, имеющей не только стоимость, но и потребительную стоимость.

Своеобразие движения создает иллюзию, что не движение денег зависит от движения товаров, а наоборот—движение товаров от движения денег. В обращении денег перестают видеть обращение товарной стоимости в денежной форме, а принимают его за самостоятельное движение, в силу которого совершается движение товаров.

Это совершенно искажает истинные взаимоотношения между товарами и деньгами. А между тем, перефразируя вышеприведенную цитату Маркса в отношении меры стоимостей, можно сказать: не деньги делают возможным обращение товаров, а наоборот, товары, выражая свою стоимость в одном из них—в золоте—и превращая его таким образом в деньги, создают из последних орудие своего обращения.

Количественная характеристика.

Так как деньги постоянно остаются в движении и замещают собой постоянно выпадающие из обращения товары, то возникает вопрос о количестве денег, долженствующих быть всегда в обращении. Маркс устанавливает три фактора, определяющих это количество: 1) количество товаров, 2) средняя цена товара, 3) скорость обращения одноименных монет. Следует только помнить, что только на данной стадии теоретического исследования—когда еще не известны ни кредит, ни торговля, ни обязательство неэкономической природы—указанные три фактора вполне определяют количество нужных для обращения денег. По мере же включения перечисленных выше моментов увеличивается и число факторов, влияющих на величину денежного обращения. Но одно ясно уже и сейчас: не количество денег в обращении влияет на цену товаров, как это утверждают сторонники так называемой количественной теории денег, а наоборот, цена товаров—один из факторов, определяющих нужные для обращения деньги.

Маркс—решительный противник названной теории и по своему обыкновению не только опровергает ее, но и раскрывает источник ее ошибок.

с) Монета. Знак стоимости.

Монеты и слитки.

Функция денег как средства обращения требует: 1) чтобы в обращении находились разного достоинства куски того металла, который является деньгами; 2) чтобы стоимости этих кусков были фиксированы и удостоверены. Это достигается при помощи чеканки монет, удостоверяющей и вес и пробу благородного металла, следовательно и стоимость его. Таким образом монетная форма существования денег порождается и обуславливается их функцией как орудия обращения. А в этой функции, как мы уже знаем, происходит превращение «мысленно представляемого золота в действительное золото», стало быть монеты должны быть полновесны и полноценны, а отличаться

могут только своим внешним видом. Но так бывает лишь в момент выхода монет из чеканки. Спустя некоторое время, вследствие стирания их, обусловленного в свою очередь обращением, создается противоречие: как средство обращения деньги должны быть полновесными (иначе ведь произойдет превращение в действительное золото), но само обращение превращает их в неполновесные и следовательно не в действительное золото, по крайней мере часть стертой части его. А ее не мало: в «Критике политической экономии» (стр. 99) Маркс цитирует Якоба, который высчитывал, «что из 380 млн. фунтов стерлингов, которые в 1809 г. существовали в Европе, спустя 20 лет, т. е. в 1829 г., 19 млн. фунтов стерлингов совершенно исчезло благодаря стиранию».

Знак стоимости. Действительные противоречия (т. е. обусловленные реальной действительностью, а не неправильным пониманием ее) разрешаются, как указывает Маркс, не тем, что они устраняются, а тем, что создается для них форма движения. И указанное противоречие, как принадлежащее к действительным противоречиям, не устраняется,—форма же его движения дана в самой монете. «Функциональное,—говорит Маркс (стр. 77),—существование денег поглощает, так сказать, их материальное существование». Именно в монете форма берет верх над содержанием, функция—над материальным существованием. Дело в том, что при покупках на слитки, как во внешней торговле (в последней и монеты рассматриваются как слитки), «материальное существование» денег дает о себе знать тем, что приходится тщательно проверять их вес и пробу. Зато во внутренней торговле монеты берут потому, что они функционируют, т. е. каждый продавец их берет потому, что он знает, что и другие продавцы у него возьмут. Конечно не монетная форма золота делает его деньгами, а, наоборот, золото в качестве денег для выполнения своей функции орудия обращения нуждается, как показано выше, в монетной форме.

Только своеобразие этой функции, заключающееся, с одной стороны, в том, что оно может быть выполнено лишь действительным золотом, а с другой стороны—что роль золота в кругообороте Т—Д—Т совершенно мимолетна, и делает возможным в монете форме, как сказано, взять верх над содержанием.

В этом смысле и следует понять повидимому слова Маркса: «функциональное существование денег поглощает их материальное существование». Внешнее выражение это «поглощение» находит в неполновесных монетах—разменных серебряных и медных монетах—и бумажных деньгах. И те и другие являются лишь знаками стоимости, символами денег, т. е. они деньги представляют, но сами ими не являются, и представляют они деньги только в функции орудия обращения, так как обязаны они своим существованием, как это было выяснено, исключительно своеобразием этой функции.

Бумажные деньги.

Здесь у Маркса, как это он сам подчеркивает, идет речь о государственных бумажных деньгах с принудительным курсом. Правительство бросает их в обращение и главное—для фискальных целей. Это и вводит в заблуждение, будто бумажные деньги создаются государственной властью. На самом деле бумажные «деньги», как и настоящие металлические деньги,—продукт товарообращения. Мы уже знаем, как само обращение товаров делает возможным замену золота его символами в функции орудия обра-

щения. Но «необходимо лишь,—говорит Маркс,—чтобы знак денег, как таковой, получил объективно-общественную значимость, и бумажный символ получает ее при помощи принудительного курса». Только к этому и сводится роль государства: оно своим принудительным курсом выделяет свои печатные бумажки из других печатных бумажек и бросает их в обращение, которое и делает из них конкретные символы денег, так как возможность функционирования таких символов им (обращением) уже дана в монете.

Что касается закона, регулирующего количество бумажных денег, то он обуславливается тем, что они представляют и могут представлять только то количество золота, которое необходимо для обращения. Мы подчеркиваем слово «необходимо», так как иногда неправильно толкуют, будто бумажные деньги представляют имеющееся в стране золото, но находящееся в кладовых банка. Нет, в стране может и совсем не быть золота (речь идет только о функции орудия обращения; для других функций, как будет показано, нужно только золото), но раз есть товарообращение, то оно в золоте нуждается—и это же необходимое количество золота представлено в бумажных деньгах совершенно независимо от той суммы, которая на них написана, т. е. если выпущено бумажных денег например на 5 млрд., а оборот нуждается только в 2 млрд., то вся масса бумажек «имеет» ценность (т. е. представляет ее) только 2 млрд.

Отсюда и следующий вывод: так как необходимый для обращения минимум золота колеблется,—он бывает то выше, то ниже,—то никогда нельзя заполнить бумажками каналы обращения до полного их насыщения, в противном случае «вследствие каких-либо колебаний в товарном обращении они могут оказаться переполненными» (стр. 76). И курс бумажных денег начнет падать, спускаться до того уровня, до которого спустился необходимый минимум золота.

III. ДЕНЬГИ.

Под этим заголовком—как отмечено уже было выше—исследуются те функции, в которых деньги выступают «в золотой,—по выражению Маркса,—плоти», и не могут ни выступать только идеально, ни быть заменены знаками стоимости. Этим они отличаются от уже рассмотренных функций. К ним принадлежат: а) «средство накопления», б) «средство платежей». с) «мировые деньги».

а) Средство накопления.

Связь с функцией средств обращения. Эта функция и отрицает функцию средства обращения и обуславливает ее. Накопление начинается тогда, когда первая метаморфоза Т—Д не дополняется второй метаморфозой Д—Т, а это значит, что деньги перестают быть средством обращения. Значит одновременно быть и средством обращения и средством накопления деньги не могут—одна функция отрицает другую. Но с другой стороны, «при дальнейшем развитии товарного производства каждый товаропроизводитель должен обеспечить себе «нерв вещей», «общественно-признанный залог». Ведь каждый товаропроизводитель производит обычно один товар, а потребляет

многие. Это—во-первых. Во-вторых, производство и продажа требуют определенного времени, покупки же диктуются потреблением, которое не может быть отсрочено до реализации произведенного товара. Отсюда потребность в покупках, предшествующих продаже или по крайней мере не связанных с последней. А это осуществимо при наличии накопления денег, или «чтобы купить,—говорит Маркс,—не продавая, он должен сначала продавать, не покупая».

Следовательно функция средства накопления, так сказать, поддерживает и обуславливает функцию орудия обращения. Чтобы деньги безостановочно двигались как монеты, как орудие обращения,—они должны быть накоплены в разных размерах у разных товаропроизводителей. Разрешается противоречие это тем, что параллельно движущимся денежным потокам существуют и денежные резервы, и постоянно происходят переливы из одних в другие.

**Разные формы
накопления
и их значение.**

Прежде всего следует различать только что описанное накопление, являющееся, как сказано, условием нормального развития товарообращения, от накопления, имеющего характер собирания сокровищ, которые на более или менее длительное время совершенно изъеются из обращения. Именно к этого рода накоплению применима характеристика, данная Марксом в следующих выражениях: «Товар продается не для того, чтобы купить другие товары, а для того, чтобы заместить товарную форму денежной. Из простого посредствующего звена при обмене веществ эта переменная формы стоимости становится самоцелью... Вместе с тем деньги окаменевают в виде сокровища, и продавец товаров становится собирателем сокровищ»¹.

Эта же форма является преобладающей тогда, когда товарами являлись только излишки—и накопление было не чем иным, как накоплением этих же излишков в денежной форме. Зато, по мере развития товарного хозяйства, начинает играть решающую роль первый вид накопления, т. е. накопление становится условием самого товарного обращения.

Таким образом эти две формы отличаются друг от друга не только функционально, но и исторически. Они отражают разные этапы в развитии товарного производства.

Правда, и сокровища, как Маркс выясняет, имеют большое значение для правильного функционирования товарообращения: «В моменты своего расширения оно пополняется нужными средствами из фонда сокровищ, а во время сужения излишек обращения может превращаться в сокровища». Все же последнее нельзя смешивать с тем текущим, мы бы сказали, накоплением, про которое Маркс в «К критике политической экономии», ссылаясь на А. Смита, пишет: «Каждый владелец товаров, рядом с особым товаром, который он дает, должен постоянно иметь в запасе некоторое количество всеобщего товара, при помощи которого он покупает»².

В заключение следует отметить, что накоплению в обеих указанных формах свойственно отсутствие концентрации. Оно рассеяно по всем, так сказать, карманам товаропроизводителей. Следующая же ступень в

¹ «Капитал», т. I, стр. 78—79.

² «К критике политической экономии», стр. 19.

развитии накопления связана с концентрацией его в крупных банках. Впрочем это уже выходит далеко за пределы простого товарообращения.

Влияние накопления денег на развитие товарного производства.

Деньги, с одной стороны,—продукт развития товарного производства, а с другой—значительно влияют на последнее, расширяя и углубляя его. И это особенно выявляется в их функции как средства накопления. Всякий товар как определенная потребительная стоимость может быть накоплен лишь до известного предела,—помимо того сам процесс накопления сопряжен со значительными трудностями. Деньги же могут накапливаться беспречно, ведь они—всеобщий эквивалент, и хранение их не требует большого труда. «Золото,—цитирует Маркс из письма Колумба,—удивительная вещь. Кто обладает им, тот господин всего, чего захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай». Это и вызывает сильнейшую жажду накопления, а последняя в свою очередь заставляет блюсти следующие «добродетели»: трудолюбие, бережливость и скупость. Девизом собирателя сокровищ становится—побольше продавать, поменьше покупать.

Первое требование должно содействовать товарообращению, второе—ему мешает.

В этом противоречивое влияние накопления денег на развитие товарного производства. Деньги также вовлекают в оборот такие вещи, которые по своей природе и не являются отчуждаемыми. «Обращение становится колоссальной общественной ретортой, в которую все втягивается для того, чтобы выйти оттуда в виде денежного кристалла. Этой алхимии не могут противостоять даже мощи святых»¹.

Таким образом, между прочим, создаются те мнимые величины, как совесть и честь, про которые Маркс говорил раньше, что хотя они и не имеют стоимости, все же получают цены.

б) Платежное средство.

Обусловленность кредита.

Маркс приводит ряд примеров, иллюстрирующих необходимость купли до продажи, необходимость покупок в настоящем за счет продаж в будущем. Это и составляет при товарном производстве объективную основу кредита.

Правда, возможность покупок без продажи обеспечивается наличием накопления средств—имеющимися на руках владельцев товаров денежными резервами. В этом, как было выяснено, и значение последних и основная причина их возникновения. Все же ставить покупки, а следовательно и потребление, в зависимость исключительно от наличных средств, от уже реализованных при продажах цен, оказывается невозможным, особенно при дальнейшем развитии товарного хозяйства, когда купля-продажа является одним из моментов регулярно функционирующего производства. Противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью превращается в противоречие между товарной формой производства и потреблением: последнее не укладывается в рамки, созданные первой. Только кредит разрешает это противоре-

¹ «Капитал», т. I, стр. 80.

чне, т. е. создает форму для его движения (ведь к этому сводится, как мы уже знаем, разрешение всякого действительного противоречия). Кредит также расширяет рамки—само собой разумеется, что здесь речь идет о кредите в пределах простого товарного производства-потребления, так как создает возможность распоряжаться ресурсами, которые не только еще не превращены в деньги, но часто и не произведены.

Сущность кредита.

С точки зрения продавца продажа в кредит есть отчуждение потребительной стоимости товара, но без реализации его цены, без превращения «из мысленно представляемого золота в действительное золото» (нет также и превращения в символ последнего). С точки зрения покупателя кредит означает получение потребительной стоимости без соответствующего отчуждения стоимости. Но кредит—не дарение, не вручение подарка; кредитная сделка создает обязательство, в силу чего продавец становится кредитором, а покупатель—должником. По истечении же срока обязательства их роли меняются: бывший продавец получает стоимость, не отчуждая потребительной стоимости, а бывший покупатель отчуждает стоимость, не получая потребительной стоимости.

Таким образом в производственные отношения между товаропроизводителями кредитом вносится известная модификация. «В движении средств обращения,—пишет Маркс,—не только выражается связь между продавцами и покупателями; самая эта связь возникает лишь в денежном обращении и вместе с ним. Напротив, обращение платежных средств выражает собою известную общественную связь, уже раньше существовавшую в готовом виде»¹. Все же «...Первоначально,—замечает Маркс,—это совершенно такие же мимолетные, выполняемые попеременно одними и теми же деятелями обращения роли, как и роли продавца и покупателя. Однако их противоположность уже с самого начала носит не столь невинный характер и обнаруживает способность к более прочной кристаллизации»². Но превращение последней из возможности в реальность уже знаменует начало капиталистических отношений.

Особенность функции платеж- ного средства.

Кредит возлагает, так сказать, новые обязанности на деньги, превращая их в платежное средство. При кредите движение товара совершается без денег, последние здесь орудием обращения не являются. Они только выполняют функцию меры стоимости, которая вместе с тем в кредитной сделке является и денежной мерой того обязательства, которое возникло в результате последней. Зато деньгами погашается возникшее обязательство, следовательно они теперь являются не посредствующим звеном в обращении, а завершающим. Продажа в кредит ведь не окончательная сделка, свое завершение она получает лишь при оплате обязательства—и это выполняется деньгами.

При развитии товарных связей—и значит кредитных—деньги часто становятся излишними и в качестве заключительного звена, так как долговые обязательства взаимно погашаются. Все же совсем обходиться без денег невозможно—они нужны для погашения разницы.

¹ «Капитал», т. I, стр. 85.

² Там же, стр. 83.

И поэтому функции денег—как платежного средства заключают в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи уравниваются, деньги функционируют лишь идеально как счетные деньги, или мера стоимости. Поскольку же приходится производить действительные платежи, деньги выступают не как средство обращения, не как лишь мимолетный посредник в обмене веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное бытие меновой стоимости»¹.

Таким образом особенности рассматриваемой функции денег сводятся к тому: 1) что деньги здесь — не посредник товарообмена, а его завершитель, 2) что и в качестве последнего деньги могут оказаться излишними, и тогда они фигурируют лишь как счетные деньги, 3) зато, когда ими приходится производить платежи (в нормальное время для погашения разницы, а в кризисное—для погашения всех долгов),—они должны выступать как настоящие деньги, а не только как знаки стоимости. Этим также обуславливаются взаимоотношения этой функции с функцией денег в форме сокровищ: с одной стороны, кредит делает накопление излишним, так как и без последнего уже возможно покупать на продавая, но, с другой стороны, именно «развитие функции денег как платежного средства вызывает необходимость накапливать деньги перед сроками уплаты».

Но изменяется характер накопления: «В то время как собирание сокровищ как самостоятельная форма обогащения исчезает вместе с развитием буржуазного общества, оно, наоборот, растет вместе с последним в форме накопления резервного фонда платежных средств»².

Влияние кредита на количество денег в обращении. Известные уже нам факторы, определяющие количество средств обращения, остаются в силе и при кредите. И количество товаров, и цены их, и скорость оборота денег остаются попрежнему в силе,

т. е. изменение указанных факторов продолжает вызывать соответствующие изменения в количестве необходимых для обращения денег. Кредит же вносит лишь известные модификации: 1) количество находящихся в обращении товаров уже необходимо делить на две части—на продаваемую на наличные и в кредит; 2) последнюю в свою очередь приходится делить на кредитные сделки, которые взаимно погашаются, и на такие, которые нужно полностью или частично покрыть наличными. Учитывая все эти моменты, мы получаем новую марксову формулу количества денег в обращении.

с) Мировые деньги.

Деньги, как мы все время подчеркиваем,—продукт товарного производства и стало быть ничего национального и специфически государственного в себе не содержат. Но при выполнении своих функций они обычно надевают на себя «национальный мундир»,—таковым в первую очередь является монета, на которой имеется определенный герб, а также ручательство со стороны государства за правильный вес и пробу. А это, что очень важно подчеркнуть, вводит часто в заблуждение, будто все дело в национальном мундире, будто бы монеты

¹ «Капитал», т. I, стр. 85.

² Там же, стр. 89.

являются деньгами потому, что имеют изображение государственного герба. Но эта иллюзия совершенно рассеивается на мировом рынке.

«Выходя за пределы внутреннего обращения, деньги, — пишет Маркс, — стирают с себя приобретенные ими в этой сфере локальные формы масштаба цен — формы монеты, разменной монеты, знаков стоимости — и опять выступают в своей первоначальной форме слитков благородных металлов».

Таким образом в мировой торговле деньгами выполняются те же функции, что и во внутренней торговле. Но производственные отношения, скрывающиеся за этими функциями, приобретают все-таки уже немного иной характер: в обращении товаров и денег между целыми странами олицетворены отношения этих стран. В основном и здесь имеем дело только с отношениями товаропроизводителей, но объединенных в отдельные политические союзы, в национальные государства. А это и кладет известную печать на внешнюю торговлю, отличающую ее от внутренней и выдвигающую такие боевые вопросы, как вопросы о торговом балансе, вексельном курсе, а в связи с ними — о движении и распределении золота и серебра по разным странам.

Примечания к третьей главе.

1. По прочтении данной главы полезно прочесть II главу «К критике...». Там последуют функции денег и дается история — как мы уже отметили — теории денег.

2. Разные теории денег различно объясняют и происхождение денег и ценность денег. В зависимости от объяснения происхождения денег получаем следующие теории: а) деньги — результат соглашения людей, — это положение выдвинуто было еще Аристотелем; б) деньги созданы органами государственной или общественной власти, теперь эта теория известна под именем государственной или хартальной теории денег; главный представитель со — немецкий экономист Кнапп; в) деньги — результат развития товарного хозяйства (они возникли стихийно, а не в результате сознательной деятельности людей), этого положения придерживается большинство экономистов. Последнюю теорию легко смешивать с марксовым объяснением происхождения денег. Чтобы этого избежать, следует помнить, что по Марксу деньги неотделимы от товара и что они получаются в «результате раздвоения товара на товар и деньги», что товар и деньги образуют единство — они друг друга предполагают, как предполагают друг друга относительная и эквивалентная формы. Следовательно деньги и товар — одного и того же происхождения, т. е. проблема происхождения денег является частью общей проблемы происхождения товарного хозяйства. Такое понимание пенеизса денег чуждо и тем буржуазным теоретикам, которые считают их продуктом стихийного развития.

Что касается разных теорий ценности денег, то их обычно делят на номиналистические и товарные. Согласно номиналистическим теориям деньги внутренней ценности не имеют, они — либо знаки ценности, либо вся сила их в том, что они функционизируют (функциональная теория), либо в том, что их заставляют брать (государственная теория). Сторонники товарной теории денег считают, что деньги имеют такую же ценность, как и всякий товар. Но эти теории часто выпадают в другую крайность: перестают видеть какое бы то ни было различие между деньгами и товаром (этот вопрос выяснен у нас в тексте).

3. Гильфердинг расходится с Марксом в понимании бумажных денег. Свою точку зрения Гильфердинг излагает в своей книге «Финансовый капитал». По Марксу бумажные деньги представляют золото — то золото, которое необходимо для обращения. Маркс в «К критике политической экономии» пишет: «Не имеющие стоимости марки суть знаки стоимости лишь постольку, поскольку они представляют в процессе обращения золото, а они представляют его лишь постольку, поскольку последнее в виде монеты могло бы само войти в процесс обращения; величина, определяемая собственной стоимостью золота, если даны рыночные стоимости товаров и быстрота их метаморфоз». Цитируя это место

из «Критики», Гильфердинг заявляет: «Излишним представляется тот обходный путь, в который пускается Маркс, определяя сначала стоимость необходимого количества монет и лишь через него стоимость бумажных денег. Чисто общественный характер этого определения выступает много яснее, если стоимость бумажных денег выводить непосредственно из общественной стоимости обращения» («Финансовый капитал», стр. 44, изд. 1922 г.).

Если верить Гильфердингу, то его расхождение с Марксом—не существенное; во всяком случае не принципиального порядка. Различие, мол, лишь в том, что Маркс пускается в ненужный «обходный путь», а он, Гильфердинг, избегает этого обходного пути.

Так ли это?

Что это не так, объяснили Гильфердингу даже его единомышленники—Каутский и др. Каутский останавливается на ошибке Гильфердинга в двух своих статьях «Финансовый капитал и кризисы» и «Золото, бумажные деньги, товар» (обе статьи помещены в сборнике «Основные проблемы политической экономии»). Мы не станем излагать критику Каутского, отметим лишь, что Каутским и вслед за ним и другими авторами ошибка Гильфердинга рассматривается лишь как случайный отход от Маркса по одному вопросу. Каутский вначале—в первой из названных статей—ошибку эту называет даже лишь «академической причудой».

На самом деле мы имеем здесь не отдельную ошибку, а целую антимарксистскую концепцию, построенную на чуждой марксизму методологии.

Гильфердинг вводит новую категорию: «Общественно-необходимую стоимость обращения». Последняя равняется, по его определению, сумме товарных стоимостей, деленной на быстроту оборота денег, плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно покрывающиеся платежи и минус те обороты, в которых одна и та же монета попеременно функционирует то как орудие обращения, то как средство платежей (см. «Финансовый капитал», стр. 30). Бумажные деньги представляют эту общественно «необходимую стоимость обращения», а не золото, как по Марксу. Во-первых, сумму товарных стоимостей делить нельзя по той простой причине, что в обращении нет товарных стоимостей, а есть товарные цены, т. е. стоимость товаров, выраженная в золоте. Если мы эту «поправку» внесем в приведенную формулу Гильфердинга, то получим не общественно-необходимую стоимость обращения, выдуманную Гильфердингом, а количество денег—настоящих денег, необходимое для обращения. Нельзя сказать, что Гильфердингу это неизвестно: он сам, определяя количество необходимых для обращения денег, приводит почти эту же формулу, но делит на число оборотов одноименных монет не стоимость товаров, а их цены (см. стр. 20). В чем же тогда, спрашивается, дело?

В том—и это во-первых,—что Гильфердинг полагает, что стоимость товаров выражается в золоте до появления бумажных денег, с появлением же последних золото становится излишним. Деньги есть результат, объясняет Гильфердинг, анархии в сфере товарного обращения, но «для минимума обращения эта анархия как бы устраняется... устранение действия произведенной анархии и обнаруживается в возможности замещения золота простыми знаками стоимости» (стр. 19). Функцию этого «замещения» берет на себя государство. Вся эта «концепция» есть введение—и довольно солидное—в пресловутую «теорию» организованного капитализма.

Капитализм в своем развитии идет от стихийности к организованности, и «продукты» первой заменяются «продуктами» второй.

Гильфердингские бумажные деньги суть организованные деньги, созданные государством, правда, в определенных пределах,—в пределах «общественно-необходимой стоимости обращения». Упразднив золото, Гильфердинг упраздняет и форму стоимости; товарные стоимости начинают у него... гулять голенькими,—их он делит в своей формуле на быстроту обращения денег.

По Марксу нет стоимости без формы стоимости, Гильфердинг мыслит стоимость и без формы стоимости; она у него соединены только до поры, до времени. Маркс выводит деньги из товарного производства, включающего в себя и обращение, Гильфердинг выводит их из сферы обращения; точнее, из стихии, господствующей в сфере обращения. Гильфердинговская «концепция» есть меновая концепция, и ею пронизан весь его «труд». Выводя деньги из стихии обращения, он их ликвидирует, как только эта стихия введена, по его мнению, в организованные рамки, т. е. когда «она как бы устраняется».

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ.

Предмет исследования.

В первом отделе были исследованы наиболее общие, наиболее абстрактные вопросы. Хотя превращение продукта в товар—предмет изучения предыдущего отдела—получает свое законченное развитие лишь на базисе капиталистического способа производства, все же взятое отдельно, абстрагированное от последнего, оно не содержит в себе еще ничего специфически капиталистического и может быть отнесено к совершенно различным эпохам, когда имел место обмен. «Но эта ступень развития (превращение продукта в товар.—*P.*)»,—говорит Маркс,—встречается в исторически весьма различных общественно-экономических формациях... Совершенно иное приходится сказать о капитале. Исторические условия его существования отнюдь не исчерпываются наличием товарного и денежного обращения»¹.

Капиталистический способ производства невозможен без развитого товарообращения. «Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Он появляется только там, где товарное производство и развитое товарное обращение—торговля—достигли известного уровня развития»².

Капитализм является дальнейшим развитием товарного производства, но капитализм отличается от простого товарного производства не только количественно, не только тем, что наибольшее количество продуктов вовлекается в товарооборот и товарная форма продукта становится господствующей, но и качественно; на товарной арене появляется новый товар—рабочая сила, возникают новые производственные отношения, которые тоже овеществлены и выражаются в новых категориях политической экономии. Этот «скачок»—переход количества в качество—Марксом исследуется в настоящем отделе. Здесь, выражаясь по-гегелиански, завязывается «узел»—новое качество; нового типа производственные отношения увязываются с исследованными в первом отделе товарными отношениями.

К великим открытиям, сделанным Марксом, Энгельс причисляет открытие прибавочной стоимости. Хотя в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс и показал, что зачатки этой теории имеются уже у его предшественников-классиков, что она логически вытекает из их научного анализа буржуазной экономики, тем не менее он эту теорию не только завершил, но и сделал краеугольным камнем всей политической экономии. И этот краеугольный камень впервые им «закладывается»

¹ «Капитал», т. I, стр. 112.

² Там же, стр. 93.

в настоящем отделе. Сущность прибавочной стоимости и условие ее возникновения формулированы здесь,—в следующих отделах уже на основе сделанного открытия и на основе теории стоимости, данной в первом отделе, воздвигается все здание марксовской политической экономии.

Настоящий отдел является наиболее важным и решающим во всем «Капитале» именно потому, что здесь Маркс кладет основу своей теории прибавочной стоимости.

Может показаться, что Марксом не даны еще все звенья, необходимые для перехода от простого товарообращения к производству прибавочной стоимости—не дана торговля, которую сам Маркс называет в приведенной в начале цитате развитым товарным обращением, исторически подготовляющим почву для капитала. Прибыль эта—еще неизвестная для простого товарообращения категория—появляется уже в торговле, а между тем Маркс приступает непосредственно к изучению прибавочной стоимости на базисе развитого капиталистического способа производства, минуя пока торговую прибыль (последняя объясняется лишь в III томе «Капитала»).

Но этот «пробел» лишь кажущийся. Теория (диалектическая), как нами уже отмечалось, хотя начинается с того, с чего начинается и история,—все же она не тождественна последней. Теория лишена «исторической формы и нарушающих случайностей» (Энгельс). Товарное (простое) производство уже содержит в себе возможность перехода к капиталистическому; точнее, последнее зреет в недрах первого. Но возможность эта исторически парализовалась массой «нарушающих случайностей». Теоретик от последних не только может, но и должен абстрагироваться.

Товарное обращение есть исходный пункт капитала, не только исторически, но и теоретически. Не то торговля и торговая прибыль. Исследование их не только не нужно для теоретического понимания прибавочной стоимости, но они не в состоянии ничего дать для последнего. Торговцы и торговый капитал существовали при разных способах производства—и при античном (рабском) и феодальном, но они, по меткому выражению Маркса, «существуют лишь в междумировых пространствах старого мира, как боги Эпикура, или как евреи в порах польского общества...»

Прибыль торговцев в разные эпохи существования торговли имела разные источники, чаще всего этим источником был ничем неприкрытый грабёж.

«Торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет собой систему грабежа, и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабёжом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний»¹.

Следовательно изучение этой формы прибыли ничего не может давать для понимания прибавочной стоимости, обусловленной специфическим способом производства, именуемым капиталистическим.

Что касается торгового капитала, непосредственно предшествовавшего промышленному, то он важен для последнего в двух отношениях. Во-первых, развитие торгового капитала означало развитие товаро-

¹ «Капитал», т. III, стр. 255.

обращения, вовлечение все большего количества продуктов труда в товарооборот.

Во-вторых, торговый капитал является одним из могучих факторов так называемого первоначального накопления. Но первое все-сторонне исследовано Марксом в предыдущем отделе, а второе рассматривается в XXIV главе «Капитала». Маркс вполне последовательно, окончив анализ «исходного пункта капитала»—товарообращения,—переходит к исследованию капитала в той форме, в какой он составляет особую, исторически обусловленную эпоху, образуя своеобразный капиталистический способ производства.

Порядок исследования.

Исходным моментом исследования является форма движения капитала. Последняя берется так, как она представляется на поверхности явлений, как стоимость, которая в своем движении получает «магическую способность творить стоимость в силу того, что она сама есть стоимость». Этим и формулируется основная проблема всей политической экономии: откуда берется такая «магическая сила»? Она не только не вытекает из товарообращения, но находится в полном противоречии с ним, так как в последнем происходит и может происходить лишь смена форм стоимости, но отнюдь не ее рост. Но загадка эта легко разгадывается, как только переходим от вещей и их движения к скрывающимся за ними отношениям людей.

В исследовании настоящего отдела намечаются три момента: 1) изображение движения капитала, 2) вытекающая из последнего проблема и 3) разрешение ее. Соответственно этому весь отдел, состоящий всего из одной главы, Маркс и разбивает на три части, озаглавленные: «Общая формула капитала», «Противоречие общей формуле» и «Купля и продажа рабочей силы».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ.

I. ОБЩАЯ ФОРМУЛА КАПИТАЛА.

Деньги в новой роли.

«Исторически,—пишет Маркс,—капитал резче первоначально протискивает себя к стоимости в форме денег... Но нет даже надобности обращаться к истории возникновения капитала для того, чтобы убедиться, что деньги являются первой формой его появления. История эта ежедневно разгрызается на наших глазах. Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене, т. е. на товарном, рабочем или денежном рынке, неизменно является в виде денег...»¹

Таким образом здесь идет речь о новой функции денег—представлять собою капитал. Сущность его и подлежит выяснению. Подобно тому как в первом отделе Маркс от товара идет к производственным отношениям, которые в товаре олицетворены,—так и в настоящем отделе исходным пунктом исследования нового типа производственных отношений служит новая форма денег, являющаяся и формой проявления

¹ «Капитал», т. I. стр. 93.

этих отношений. Но деньги формой капитала являются в особом движении, резко отличающемся от движения их в простом обращении товаров. Маркс приступает к выяснению особенностей этой формы движения.

Сходство и различие двух форм обращения.

Он детально выясняет и сходство и различие между формулой $T-D-T$ и формулой $D-T-D$. На первый взгляд может даже показаться, что все это излишние и ненужные тонкости. Но следует помнить предостережение, сделанное Марксом в предисловии к первому изданию «Капитала», в отношении, правда, исследований формы стоимости, но вполне применимое и к данному вопросу. Он там говорит: «Для исповеднического анализ ее (товарной формы продукта...—Р.) покажется просто рядом хитросплетений и мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело например микроскопическая анатомия». И «мелочи», с которыми здесь приходится иметь дело, должны выяснить сходство и различие между простым товарным обращением, являющимся «исходным пунктом капитала», с обращением самого капитала. А это является основой всех дальнейших построений и исследований.

Все функции денег в простом товарном обращении связаны и обусловлены необходимостью обмена товара. Через деньги осуществляется связь между товаропроизводителями, и труд каждого из них проявляется как часть общественного труда в целом. Это находит внешнее выражение в $T-D-T$, чем наглядно подчеркивается, что деньги—лишь посредник, связующее звено, что цель всего процесса находится в $T-T$, в обмене первого товара на второй. Но совсем иначе представляется обращение капитала. Правда, последнее состоит из тех же актов купли-продажи, что и простое товарное обращение, но сочетание и последовательность этих актов купли здесь совершенно иные, что свидетельствует о целом пересмотре в общественных отношениях. Не обмен потребительных стоимостей преследуется обращением капитала, а увеличение стоимости, средством которого представляется само обращение. Обмен потребительных стоимостей превращается из цели в средство. Деньги же в форме капитала не только обслуживают товарообмен, но и подчиняют его, что опять-таки наглядно выражается в «общей формуле капитала» $D-T-D^1$. Посредствующим звеном здесь является уже не D , а T ,—движение последнего нужно лишь для того, чтобы увеличить D .

Новая загадка денег.

«Это приращение, или избыток над первоначальной стоимостью, я называю,—говорит Маркс,—прибавочной стоимостью». Но откуда такое приращение? Где источник прибавочной стоимости? Хотя это представляется как порождение самих денег... « $D-D_1$ —деньги, порождающие деньги... таково описание капитала в устах его первых пользователей, меркантилистов»,—говорит Маркс¹.

Загадочность денег в пределах простого товарного обращения—их «чуждое» свойство выражать стоимость любого товара—разрешена была в первом отделе, в анализе простой формы стоимости. Но теперь выплывает новая загадка денег, их «магическая сила» рождать новые деньги.

¹ «Капитал», т. I, стр. 100.

И эта сила представляется непрерывной и все возрастающей. $D—T—D$ отличается от $T—D—T$ еще и тем, что «конец каждого отдельного кругооборота, в котором купля совершается ради продажи, уже сам по себе образует начало нового оборота», т. е. последнее D становится первым D в новом кругообороте и порождает еще большую новую стоимость: «Поэтому D , движение капитала, становится безграничным».

II. ПРОТИВОРЕЧИЕ ОБЩЕЙ ФОРМУЛЫ.

Сущность противоречия.

Хотя движение капитала является особым, резко отличающимся от простого товарного обращения, но все особенности его, как они обрисованы были раньше, исключительно формального и субъективного порядка. Формально все сводится лишь к иной последовательности актов купли-продажи (это уже было детально выяснено раньше). Но и последовательность метаморфоз $D—T$ и $T—D$ является особой лишь для владельца денег, желающего их превратить в капитал, — для продавцов же движение капитала есть не что иное, как обычное товарообращение. «Таким образом, — заключает Маркс, — перевернув порядок следования актов, мы отнюдь не вышли из сферы простого товарного обращения; нам приходится поэтому исследовать вопрос, допускает ли природа самой этой сферы возрастание входящих в нее стоимостей, а следовательно — образование прибавочной стоимости»¹.

Несколькими страницами ниже Маркс заявляет: «Та форма обращения, в которой денежная куколка превращается в капитал, противоречит всем указанным нами раньше законам относительно природы товара, стоимости, денег и самого обращения». Припомним здесь эти развитые раньше законы. Товар, во-первых, есть потребительная стоимость и стоимость, т. е. есть результат процесса труда и процесса производства стоимости. Следовательно не в обмене продукт труда становится товаром, а уже вступает в него (в обмен) как товар. Во-вторых, стоимость, как вещное выражение абстрактного труда, возникает в самом производстве — производстве товаров. В-третьих, деньги не что иное, как денежная форма стоимости; и опять-таки уже из самого производства (товарного) товар выходит (идеально) как определенное количество золота. В-четвертых, в обмене, в обращении, товар из идеального количества золота превращается в реальное золото. И только — больше ничего в обращении не происходит.

Если же допустить, что прибыль, излишек реализованной стоимости над первоначальной стоимостью, возникает в обмене, — то этим самым мы допускаем возникновение стоимости в обращении (ведь излишек стоимости — это та же стоимость, только увеличенная в своем размере). Следовательно допущение возникновения прибыли в обращении действительно противоречит «всем указанным нами раньше законам относительно природы товара, стоимости денег и самого обращения». Однако формула $D—T—D$ ¹ не выдуманная и не случайная. Действительно капиталист извлекает из обращения денег больше, чем он туда бросает; более того, если бы этого не было, то его действия были бы бессмысленными. Выходит: с одной стороны, стоимость в обращении возрастать

¹ «Капитал», т. I, стр. 101.

не может, а с другой—она как будто возрастает и должна возрастать. В этом сущность «противоречия общей формулы».

Но возникает вопрос: быть может развитые раньше законы неверны, быть может их следует отвергнуть, так как им противоречит «факт» возникновения новой стоимости из самого обращения? И Маркс берется еще раз исследовать обращение, доказывая, что в последнем стоимость, а потому и прибавочная стоимость возникнуть никак не могут.

Ход доказательства. Считать обращение источником прибавочной стоимости возможно лишь при следующих допущениях: а) обращение является особого рода производством, так как в обращении товары переходят из рук тех, для кого они не являются потребительными стоимостями, в руки тех, для кого они таковыми являются; б) обмен происходит не по стоимости, а с надбавками известного процента; в) существуют определенные группы потребителей, которые всегда покупают, и они оплачивают прибыль капиталистов; г) прибыль—источник особой умелости и хитрости купцов. Все эти допущения Марксом опровергаются, и противоречие на почве простого товарного производства остается неразрешенным.

В обращении, правда, происходит перемещение товаров, переброска их из одного места в другое. Но под обращением следует понимать чистое обращение, т. е. только смену форм стоимости, абстрагированную от всяких производственных моментов (этот вопрос подробно исследован Марксом во II томе «Капитала»), так как такие моменты, как перевозка, упаковка и т. д., относятся к производству, точнее—являются продолжением производства в сфере обращения. И эти производственные операции постольку и создают стоимость, поскольку на них тратится труд. В отношении их применимо то, что говорит Маркс в отношении сапожника, изготавливающего из кожи обувь. «Товаровладелец может создать своим трудом стоимость, но не самовозрастающие стоимости. Он может повысить стоимость товара, присоединяя к наличной стоимости новую стоимость посредством нового труда, например изготовляя из южки сапоги... Сапоги имеют большую стоимость, чем кожа, но стоимость кожи осталась тем, чем она была. Она не возросла, не присоединила к себе прибавочной стоимости во время производства сапог»¹. Так и хлеб—скажем мы—на базаре имеет большую стоимость, чем в амбаре крестьянина, раз на перевозку этого хлеба потрачен новый труд, но ведь это не значит, что стоимость хлеба в амбаре самовозросла, превратилась в стоимость, приносящую прибавочную стоимость.

Но сторонники разбираемой нами теории, выступающие тезис, что обращение есть производство, имеют в виду другое. Они видят источник прибыли в самом акте обмена, в акте передачи товара от продавца к покупателю только потому, что для последнего товар имеет потребительную стоимость, а для первого он ее не имеет. Вот что об этом пишет Кондильяк (1715—1780 гг.), французский философ и экономист: «Неверно, что при товарном обмене равная стоимость обменивается на равную стоимость. Наоборот, каждый из двух контрагентов всегда отдает меньшую стоимость взамен большей... На самом деле оба получают или по крайней мере должны получать выгоду. Каким обра-

¹ «Капитал», т. I, стр. 108.

зом? Стоимость вещей состоит лишь в их отношениях к нашим потребностям. Что для одного больше, то для другого меньше и обратно»¹.

Как мы видим, Кондильяк смешивает потребительную стоимость с меновой, но не это нас сейчас интересует. Важно то, что эта выдвинутая им аргументация даже с его точки зрения не выдерживает ни малейшей критики. И Маркс по этому поводу резонно замечает: «Но товары не оплачивают дважды: один раз их потребительную стоимость, другой раз—их стоимость. И если потребительная стоимость товара полезнее для покупателя, чем для продавца, то его денежная форма полезнее для продавца, чем для покупателя»².

Не большой убедительностью отличается и второе допущение, что товары продаются с надбавками. Не следует только упускать из виду, что всякий товаровладелец является попеременно то продавцом, то покупателем. А потому то, что он выигрывает в качестве продавца, продавая товар выше его стоимости, он проигрывает в качестве покупателя, так как тогда его контрагент продает ему свой товар также выше стоимости последнего. И обратно: то, что один из контрагентов выигрывает как покупатель (в том случае, если он будет покупать дешевле), он теряет при продаже, так как и ему очевидно приходится продавать ниже стоимости.

Третье допущение насчет существования особого класса потребителей—например землевладельцев,—за которое крепко держались Мальтус и его сторонники, тоже ничего не объясняет.

Во-первых, неизвестно еще, откуда берется доход этой группы потребителей, а ведь нельзя объяснить одно неизвестное при помощи другого неизвестного (дохода землевладельцев). Во-вторых, если же «забегать» вперед и существование такого класса допустить, то деньги, посредством которых очевидно класс землевладельцев постоянно покупает, должны также постоянно попадать в его карман из кармана самих владельцев товаров... «Продавать представителям такого класса товары выше стоимости—значит только возвращать себе часть даром отданных денег... Это очень неподходящий метод для тех, кто стремился к обогащению или созиданию прибавочной стоимости»³.

Четвертое же допущение, что прибыль получается в результате хитрости или обмана со стороны купцов, может объяснить лишь обогащение отдельных купцов, но не всего класса капиталистов. А перед нами задача—объяснить последнее, а не случайное обогащение отдельных лиц, которое сводится лишь к выигрышу одного за счет проигрыша другого: стоимость в целом от этого не увеличивается и не уменьшается. Поэтому «как ни вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости»⁴.

И мы вернулись к исходному пункту: общая формула капитала противоречит «всем указанным изми раньше законам относительно товара, стоимости, денег и самого обращения». Законы эти на проверке оказы-

¹ «Капитал», т. I, стр. 103.

² Там же, стр. 104.

³ Там же, стр. 106.

⁴ Там же, стр. 107.

лись верными, а прибавочная стоимость и сам капитал на почве только простого товарного обращения—совершенно невозможны.

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что Марксом здесь даны не только доказательства отрицательного, так сказать, порядка, но и положительного. Не только опровергнуты ложные теории прибавки, выходящие ее из обращения, но и доказано, что средние цены товаров, вокруг которых колеблются рыночные цены, есть не что иное, как денежное выражение стоимости, т. е. ообществления абстрактного общественно-необходимого труда. Критики Маркса упрекают его, что им это положение не доказано, что он его только провозглашает. Если предыдущий анализ, данный в первом отделе, оказался для них недоступным, то популярное доказательство они могли найти здесь. Ведь средние цены, вокруг которых колеблются рыночные цены, могут быть: 1) либо выше стоимости, 2) либо ниже ее, 3) либо равными ей. А так как товаропроизводители находятся в совершенно одинаковых условиях—это, как Марксом неоднократно выяснялось, является основной предпосылкой теоретического анализа товарообмена,—то все они должны свои товары продавать тоже на одинаковых условиях: или все продают выше стоимости или все—ниже стоимости; допущение же, что одни продают выше стоимости, а другие—ниже, совершенно исключено. Если это так, то «в общем дело фактически свелось к тому, что все товаровладельцы продают друг другу свои товары на 10% дороже их стоимости, а это совершенно то же самое, как если бы товары продавались по их стоимости...»¹

Правда, можно еще возразить, что прежде чем говорить о ценах выше или ниже стоимости, требуется обосновать, что существует вообще какая-либо связь между трудовыми затратами и ценами, что труд находит какое-либо выражение в акте обмена товаров. Но на это ответил Маркс в своем письме к Кугельману от 11 июля 1868 г. Он пишет: «Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественно-совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства, измениться может лишь форма ее проявления... Форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда, эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов».

III. КУПЛЯ И ПРОДАЖА РАБОЧЕЙ СИЛЫ.

**Рынок товарный
и рынок труда.**

Простое товарное обращение нами остается—точнее—оно усложняется, присоединяется новое качество, совершается «скачок», общий товарный рынок «обогащается» специфическим отделением—рынком труда. Послед-

¹ «Капитал», т. I, стр. 104—105.

ний конечно не был открыт Марксом—ведь кому неизвестно существование наемного труда,—но только Маркс увидел в наемном труде то, что отделяет капитализм от простого товарного производства, что «возвещает новую эпоху общественно-производственного процесса».

На рынке труда господствуют те же законы, что и на рынке обыкновенных товаров. «Товарообмен сам по себе не предполагает,—говорит Маркс,—никаких иных отношений зависимости, кроме тех, которые вытекают из его собственной природы... Собственник рабочей силы и собственник денег встречаются на рынке и вступают между собой в сделку как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один покупает, в то время как другой продает, следовательно—как юридически равные лица»¹. И этим дано единство обонх рынков—рынка труда и рынка товаров,—вернее, как сказано выше,—первый лишь особое отделение второго. Именно как особое, так как единство не только не исключает многообразия, но его предполагает, предполагает и противоречие. Рабочая сила продается по закону стоимости. Но, с другой стороны, рабочая сила как товар, как вещь и отрицает основу закона стоимости, что приводит к «превращению законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения» и в конце концов модифицирует закон стоимости в закон цен производства. Но не будем забегать вперед, здесь важно лишь отметить, что этого не могли понять классики, ни Смит и ни Рикардо, и их теория стоимости потерпела крах именно на этом пункте (см. наше введение).

«Свободный» рабочий.

Капитал предполагает наемный труд, наемный труд—капитал. Они друг друга предполагают, как например относительная форма стоимости и эквивалентная.

В эпоху, предшествовавшую капиталистической, не было ни капитала в смысле «особой эпохи общественно-производственного процесса», не было и наемного труда. В средние века были либо свободные товаро-производители, как цеховые мастера, т. е. лица, владевшие средствами производства и продававшие продукты своего труда—и крепостные, тоже владевшие средствами производства, но не пользовавшиеся личной свободой. Но людей «свободных» в двух отношениях—и «свободных» от средств производства и свободно распоряжающихся собой—не было. Правда, в античном мире, особенно в позднейшую эпоху Римской империи, уже были пролетарии—люди, лично вполне свободные, даже пользовавшиеся формально всеми политическими правами, но лишённые средств производства. Но они все же не были наемными рабочими: на их труд не было спроса, тогдашнее хозяйство держалось на рабском труде. И Маркс осмеивает тех, кто утверждает, что в древнем мире капитал был вполне развит, «нехватало только свободного рабочего и кредитных учреждений»². Как мы видели, свободный рабочий как раз и имелся, только на основе рабского хозяйства он не мог превратиться в наемного рабочего. И здесь между прочим имеем лишнее доказательство, что исходным пунктом капитализма является товарное производство, равенство труда товаропроизводителей, выражающееся в равенстве обмениваемых вещей, так как только на основе товарного

¹ «Капитал», т. I, стр. 110.

² Там же, прим. 39.

производства труд, отделенный от средств производства, превращается в наемный труд.

Если капитал предполагает наемный труд и наемный труд—капитал, то один из них не мог исторически подготовить другого, так как это означало бы, что один должен был предшествовать другому, на самом деле оба они подготовлены были факторами, предшествовавшими их возникновению. Эти факторы Марксом подробно изложены в главе «Так называемое первоначальное накопление». Здесь же для понимания капиталистических отношений, для понимания, как стоимость начинает самовозрастать, производить прибавочную стоимость,—история возникновения капитализма ничего дать не может (она бы только прервала теоретический анализ), следовательно она и не нужна. И Маркс заявляет: «Мы теоретически держимся за тот же самый факт (т. е. «свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег».—*P*), за который владелец денег ухватывается практически»¹.

Рабочая сила. До Маркса не различали, а также в современной буржуазной политической экономии не различают рабочую силу и труд. А между тем в этом различии ключ к пониманию прибавочной стоимости. Именно на отсутствии этого различения споткнулась (см. ниже примечания к этой главе) теория стоимости Смита и Рикардо. Труд можно понимать в двух смыслах: труд—как живой процесс, как производительное потребление рабочей силы, и труд—в смысле овеществления труда. Труд как потребление рабочей силы не имеет стоимости, не есть стоимость, как не имеет стоимости потребление любой полезной вещи,—ведь потребительная стоимость не есть стоимость. Труд же как овеществленный труд есть в товарном хозяйстве стоимость, стоимость созданного им товара, но продать такой «труд» значит продавать произведенный им товар,—и тогда прибавочная стоимость опять становится совершенно неразрешимой загадкой. Ведь мы уже знаем, что последняя не может возникнуть от отклонения цены от стоимости, а раз продается овеществленный труд, т. е. товар, и продается в среднем по стоимости, то нет места для прибавочной стоимости.

Но на самом деле продается рабочая сила—в этом то и особенность наемного рабочего, что своего овеществленного труда, своего товара он продавать не может, а продает свою работоспособность. «Под рабочей силой, или работоспособностью, мы понимаем,—пишет Маркс,—совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает конкретный организм, живая личность человека и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости»². И Рубин опять полностью искажает Маркса. Он пишет:

«Рабочая сила выражает производственное отношение между рабочими и капиталистом, связывающее их через обмен вещей (обмен денег на рабочую силу). Рабочая сила выступает как товар, «вещь», распоряжение которою переходит от одного собственника—рабочего—к другому—капиталисту, и этим переходом создается между ними производственное

¹ «Капитал», т. I, стр. 111.

² Там же, стр. 110.

отношение. Рабочая сила есть «вещное» или «овеществленное» (не в смысле физическом, а в смысле социологическом, т. е. фетишизированное) выражение производственного отношения между капиталистом и рабочим, как между двумя автономными товаропроизводителями, следовательно она обладает «стоимостью», ибо последняя и есть не что иное, как «вещное», «объективное» выражение отношения между товаропроизводителями¹.

Рабочая сила, как она охарактеризована в приведенной цитате Марксом (она-то и продается), никаких производственных отношений не выражает, последние выражаются в ее товарной форме, в наемном труде. Рубин смешивает рабочую силу с наемным трудом, объект продажи с той формой, которую последний принимает вследствие этой продажи. «Рубин,—правильно замечает И. Дашковский,—фактически стирает здесь всякую грань между понятиями «труд» и «рабочая сила», взятыми как явления внешнего мира»². И совершенно непонятно, что собственно рабочий продает, раз сама рабочая сила есть лишь выражение производственного отношения между рабочим и капиталистом, т. е. что является материальным носителем стоимости рабочей силы. Но Рубину материальный носитель не нужен: он его изгоняет из абстрактного труда, он его изгоняет и из рабочей силы.

В третьем издании «Очерков» цитированное место отсутствует. Автор повидимому от высказанного здесь взгляда отказался.

Стоимость рабочей силы. Стоимость рабочей силы, как и стоимость всякого товара, имеет и качественную и количественную характеристику. Раз рабочий становится наемным рабочим, то его рабочая сила тем самым становится «кристаллом» общей всем товарам «общественной субстанции», «становится стоимостью, товарной стоимостью».

Труд, овеществленный в самой рабочей силе, есть труд, потраченный на производство средств существования, необходимых для рабочего и его семьи. Но поскольку он их получает не в качестве обмена товаров, т. е. не в обмен на продукты своего труда, а в обмен на свою рабочую силу,—поскольку стоимость последней уже выражает, в отличие от стоимости товаров, не только товарные отношения, но и товарные отношения, ставшие капиталистическими, товарные отношения, получившие новое качество. Это и есть качественная характеристика самой стоимости рабочей силы. (Еще раз подчеркнем: то, что Рубин приписывает рабочей силе, относится не к ней, а к ее форме, к стоимости ее.) Но и последнюю нельзя понимать по-рубински. Во-первых, стоимость рабочей силы, как и стоимость обыкновенного товара, не есть только социальный момент, оторванный от материального; во-вторых, производственное отношение между рабочими и капиталистами не возникает в обращении—не «этим переходом создается между ними производственное отношение». Последнее дано тем, что средства производства отчуждены от рабочего и монополизированы капиталистами. В обмене, в момент купли-продажи рабочей силы, указанное производственное отношение лишь проявляется.

Но рабочая сила принимает не только форму стоимости, но и

¹ И. Рубин, Очерки..., стр. 112.

² «Под знаменем марксизма», № 7 1926 г., стр. 216.

форму стоимости определенной величины. Здесь и подходим к количественной характеристике ее. Величина стоимости рабочей силы может определиться только величиной стоимости средств существования рабочего. Но как определить эти средства существования? Они могут быть более обильны и менее обильны, они точно так же могут быть сведены и к голодному минимуму. Существуют на этот счет две версии: одна сводит средства существования рабочего к так называемому физиологическому минимуму—это особенно четко формулировано было Лассалем в его «железном законе заработной платы» (подробнее об этом в отделе заработной платы). Другая версия учитывает и культурные потребности и, как сторонники этой версии выражаются, исходит из культурного минимума. Марксова точка зрения ясно формулирована в следующей цитате: «...размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения сами представляют продукт истории и зависят по большей части от культурного уровня страны, между прочим и от того, при каких условиях, а следовательно—с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих. Итак в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент»¹.

Как видно, приведенная цитата не оставляет никаких сомнений, что Маркс под средствами существования рабочего понимал не их физиологический минимум. А между тем Туган-Барановский, излагая взгляды сторонников первой версии, заявляет: «Что касается Маркса, то не подлежит сомнению, что он также стоял на почве учения о минимуме средств к существованию»². Откуда у Тугана такое решительное заявление, один аллах ведает. Впрочем нашего автора не удовлетворяет и вторая версия. Он пишет: «Понимая под минимумом средств существования изменчивый культурный минимум, рассматриваемая доктрина,—говорит наш автор,—избегает, правда, противоречия с несомненным фактором изменчивости заработной платы во времени и пространстве, но зато лишается всякого внутреннего содержания. Сказать, что размер заработной платы определяется необходимыми издержками производства рабочей силы—это значит ровно ничего не сказать, так как издержки эти могут быть в высшей степени различны в зависимости от уровня жизни рабочих, определяемого в свою очередь заработной платой»³. Как бы предвидя такого рода возражение, Маркс вслед за приведенной выше цитатой пишет: «Однако для определенной страны и для определенного периода среднее количество необходимых для рабочего средств существования есть величина данная». Следовательно эта величина, будучи каждый данный момент вполне определенной, может определить и величину стоимости рабочей силы. Что касается того, что под влиянием повышения или понижения зарплаты может измениться и сама стоимость рабочей силы через изменение культурного минимума потребностей рабочего, то это не меняет того основного факта, что в каждый данный период времени (культурный минимум меняется довольно медленно) определяемым все-таки является величина стои-

¹ «Капитал», т. I, стр. 113.

² Туган-Барановский, Основы политической экономии, изд. 5 е, стр. 382.

³ Там же, стр. 384.

мости рабочей силы, а определяющим—сумма средств существования рабочего и стоимость их.

По существу аналогичное явление имеет место и в отношении других товаров: величина стоимости определяется общественно-необходимым трудом, но ведь последний в разных странах и в разные периоды времени в одной и той же стране тоже бывает иным. Он меняется с изменением техники, навыков рабочего, интенсивности труда, на которые в свою очередь часто влияют рост или падение цен: высокие цены часто дают толчок к развитию техники, низкие цены часто действуют в обратном направлении, вызывая упадок производительных сил. Но все же в определенной стране и в определенное время общественно-необходимый труд—величина постоянная и определяет величину стоимости товаров. Так и в отношении величины стоимости рабочей силы. Во избежание недоразумения, необходимо заметить, что мы не утверждаем, что с развитием капитализма повышается стоимость рабочей силы. Наоборот, как общее правило, она понижается (далее этот вопрос рассмотрен будет подробно). Мы лишь говорим: если бы стоимость рабочей силы повышалась через повышение заработной платы, то это все же не противоречило бы (как думает Туган) основному закону, согласно которому заработная плата определяется стоимостью рабочей силы.

Туган-Барановский отвергает основное положение Маркса, что рабочая сила есть товар, «ибо,—говорит он,—рабочая сила... в сущности и не производится, а возникает в процессе жизни человека: поэтому категория стоимости производства к рабочей силе совершенно неприменима, и попытки такого применения приводят лишь к внутренне бессодержательным построениям»¹.

Однако «не так страшен чорт, как его малюют»,—доводы нашего критика не так сильны (точнее, не обладают никакой силой), как это может показаться на первый взгляд. Рабочая сила, оказывается, не является товаром, потому что—какое глубокомыслие!—она «не производится, а возникает в процессе жизни». Но ведь в этом-то и заключается сущность капиталистического способа производства, лишившего производителя средств производства и тем самым превратившего его рабочую силу, его способность к труду в товар. Конечно рабочая сила по природе своей не товар, а становится им лишь при определенных социальных условиях, при определенном способе производства. Более того, и продукты труда, потребительные стоимости, хотя они и производятся, а не возникают в процессе жизни, по природе своей тоже не являются товарами, а становятся ими лишь при определенном, исторически обусловленном общественном строе. «Продукт труда,—говорит Маркс,—при всяком общественном строе есть предмет потребления, но лишь одна исторически определенная эпоха развития превращает продукт труда в товар»². Перефразируя эту цитату, мы скажем: труд при всяком общественном строе есть условие существования человека; но одна лишь исторически определенная эпоха развития превращает труд в наемный труд, а рабочую силу—в товар.

Но может быть Тугана следует понимать таким образом, что на производство рабочей силы не тратится труд и следовательно она

¹ Туган-Барановский, Основы политической экономии, стр. 384—385.

² «Капитал», т. I, стр. 29.

стоимости иметь не может. Но и это неверно: для того чтобы рабочая сила могла функционировать, необходима определенная сумма средств существования, на создание которых тратится общественно-необходимый труд. Этот труд определяет стоимость рабочей силы. Ни один марксист не отрицает того, что рабочая сила является своеобразным товаром, отличным от других товаров, но своеобразие это обусловливается не тем, что она возникает не так, как другие товары,—это для политической экономии никакого значения не имеет,—а тем, что рабочая сила становится товаром при общественно-исторических условиях, отличных от тех, которые превращают все продукты труда в товары. Продукты труда превращаются в товары при производстве, основанном на обмене, но это, как мы знаем, имеет место и в простом товарном хозяйстве. Рабочая сила становится товаром только при отчуждении средств производства от производителей, которым только и остается только что предлагать на рынке свои собственные рабочие руки, т. е. при превращении простого товарного хозяйства в капиталистическое.

Своеобразие рабочей силы как товара заключается еще в том, что стоимость ее, как подчеркнуто было выше, «включает в себя исторический и моральный момент». Культурный уровень рабочих в разные исторические периоды различен, он также различен в разных странах, находящихся не на одинаковых ступенях развития.

Но об этом мы уже говорили.

Но вернемся к характеристике рабочей силы как товара. Она отличается от других товаров еще и тем, что всегда продается в кредит. Таким образом отношения между рабочим и капиталистом являются еще и кредитными. А это происходит от того, что «своеобразная природа этого оригинального товара—рабочей силы—выражается между прочим в том, что по заключении контракта между покупателем и продавцом его потребительная стоимость не переходит еще фактически в руки покупателя... Но при продаже таких товаров, формальное отчуждение потребительной стоимости которых отделяется во времени от ее фактической передачи покупателю, деньги покупателя функционируют обыкновенно как платежное средство»¹.

Что рабочий является кредитором капиталиста, это дает себя чувствовать, как подчеркивает Маркс, во время банкротств. Рабочий свою силу отдал, она была использована, но платеж не последовал, так как должник-капиталист обанкротился. Но рабочий—своеобразный кредитор: он займы отдает свою собственную шкуру, а это заставляет его самого кредитоваться у разных мелких торговцев. Последствия этого Марксом иллюстрируются на примерах с лондонскими булочниками»².

Примечания к четвертой главе.

1. Первые экономисты, которые искали источник прибыли в обращении, были меркантилисты. Они жили в эпоху торгового капитала и другой формы капитала, кроме торгового, они не знали; также не знали они и другой формы прибыли,

¹ «Капитал», т. I, стр. 116, прим. 51.

² Там же, стр. 115.

кроме торговой. А так как торговый капитал функционирует только в обращении, то неудивительно, что все их внимание было сосредоточено на обращении.

Маркс в III томе «Капитала» пишет по этому поводу следующее: «Первая теоретическая разработка современного способа производства — меркантильная система — необходимо исходила из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому она касалась только поверхностности явлений, отчасти потому, что торговый капитал есть первая свободная форма существования капитала вообще, отчасти вследствие того преобладающего влияния, которое он оказал в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства. Действительная наука современной политической экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства»¹.

Во времена Маркса учение меркантилистов (уже было достоянием истории, но попытки объяснить прибыль надбавкой над ценой возобновлялись, так как, во-первых, не могли правильно объяснить того факта, что на прибыль действительно влияют и обращение, особенно скорость обращения; во-вторых, это дитялось и аполитетическими целями: надо было бороться с теми, которые фактически или вполне сознательно создали прибыль к прибавочной стоимости и прибавочному труду. Маркс к критике современных ему попыток объяснить прибыль из обращения возвращается в III томе «Капитала» (ч. 1, гл. I).

2. Исследования экономистов явлений перенесены из области обращения в область производства физиократы — в этом их громадная заслуга. Физиократы — французские экономисты, жившие в XVIII в. Но правильной теории прибыли они не дали. Они выдвинули идею, что прибавочный продукт, следовательно и прибыль, создается только в земледелии. А поэтому только труд земледельца они называли производительным; всякий другой труд, не только в торговле, но и в промышленности, они считали бесполезным (см. наше введение). Классическая характеристика физиократов дана Марксом в его книге «Теории прибавочной стоимости» (т. 1, изд. «Прибой», 1923 г.).

3. Классики Адам Смит и Рикард, развивая теорию трудовой стоимости, уже фактически стали рассматривать прибыль как результат прибавочного труда. Но четко они этого не формулировали, а главное — не могли превратить этого в стройное учение о капиталистическом способе производства. Этот вопрос сжато, но четко изложен Энгельсом в его предисловии ко II тому «Капитала».

Вот что мы у Смита читаем: «Когда начинается скопление капиталов в руках отдельных лиц, некоторые из них начинают употреблять эти капиталы на то, чтобы давать работу трудовым людям, которых они снабжают как материалом, необходимым для работы, так и средствами существования с той целью, чтобы потом получить барыш на продаже их произведений, или на том, что люди своим трудом прибавили к первоначальной ценности материалов. Поэтому, ценность, которую рабочие своим трудом прибавляют к ценности первоначального материала, делится в этом случае на две части, из которых одна идет на выплату заработной платы рабочим, а другая составляет прибыль предпринимателя на затраченный им капитал» (подчеркнуто нами. — Р.).

Прибыль, как видим, сведена здесь к прибавочной стоимости, к стоимости, которая «прибавляется» трудом рабочего и которая им не получается, так как он получает только заработную плату. В другом месте Смит выражается еще более резко: он и ренту и прибыль рассматривает как вычет из продукта рабочего. В частности о прибыли говорит он следующее: «Точно такой же вычет в пользу прибыли с капитала делается из продукта всякого другого труда». Смит подчеркивает здесь: 1) что вычет из продукта труда имеет место не только в земледелии и не только в виде земельной ренты, но 2) в виде прибыли на капитал и притом во всякой отрасли производства.

Все же целой теории прибыли Смит не дает. Высказанные им положения дальнейшего развития у него не получила. Более того, рядом с этими положениями мы у Смита находим и другие, не только не согласованные с первыми, но и противоречащие им. Мы уже указали, что в капиталистическом хозяйстве стоимость товаров, по Смицу, складывается из заработной платы, прибыли и ренты. А ведь это есть отказ от теории трудовой стоимости и от создания прибыли к прибавочной стоимости. Раз стоимость определяется не трудом, а доходами, то этим

самым последние объявляются первичными факторами, не зависящими от труда. В образовании стоимости, по мнению Смита, участвует прибыль в качестве одного из целобразующих факторов—и источник самой прибыли вновь остается «скрытым мраком неизвестности».

У Смита мы также находим зачатки позднейших буржуазных теорий прибыли. Он пишет: «При обмене сработанного произведения на деньги ли, на труд или на другие произведения, необходимо, чтобы, по оплате стоимости материалов и вознаграждения рабочим, оставался еще излишек, составляющий прибыль предпринимателя, рискующего употребить на дело свои капиталы». В подчеркнутых словах уже дано начало другой теории прибыли: прибыль является, мол, вознаграждением за риск предпринимателя. У Смита находят опору и сторонники тех теорий прибыли, которые видят в ней вознаграждение за сбережение или «воздержание» капитала, но об этом дальше.

Рикардо в теории прибыли пошел гораздо дальше Смита. Для него прибыль и заработная плата—две части стоимости, которая образуется трудом. Отсюда Рикардо делает очень важный вывод, играющий решающую роль во всей его системе, а именно—прибыль и заработная плата друг другу противоположны: увеличение или уменьшение одной из них вызывает уменьшение или увеличение другой. Отсюда также утверждение Рикардо, что рост и падение прибыли или зарплат не влияет на цену, а влияет только на распределение ее между рабочими и капиталистами. Этим самым, во-первых, прибыль сведена была Рикардо к прибавочной стоимости; а во-вторых, теоретически обоснована была противоположность интересов труда и капитала.

Важно однако подчеркнуть, что сам Рикардо подобных выводов не делал. Понятие прибавочной стоимости у него отсутствует, а отсутствует оно у него потому, что буржуазная ограниченность его кругозора мешает ему проникнуть в сущность проблемы и охватить ее во всем ее объеме. Маркс по этому поводу говорит следующее: «Рикардо никогда не задавал себе вопроса о происхождении прибавочной стоимости. Он рассматривает ее как нечто, присущее капиталистическому способу производства, который в его глазах является естественной формой всякого общественного производства. Там, где он говорит о производительности труда, он ищет в ней не причину существования прибавочной стоимости, а лишь причину, определяющую величину последней»¹.

Поэтому вполне понятно, почему Рикардо не исследовал и не мог исследовать прибавочную стоимость как таковую, т. е. как всеобщую капиталистическую форму присвоения неоплаченного прибавочного труда. Он, так сказать, перепрыгивает через нее, его интересуют лишь особые ее формы—прибыль, процент, рента, которые он фактически сводит к их источнику, к труду. Характеризуя метод Рикардо, Маркс пишет: «Этот метод перепрыгивает через необходимые звенья и стремится доказать непосредственным образом совпадение экономических категорий между собою»².

Коренная ошибка Рикардо заключается в том, что капитализм «в его глазах является естественной формой всякого общественного производства». Отсюда у Рикардо ряд ошибочных положений и противоречий: 1) рост прибыли зависит, по Рикардо, от роста производительности труда, но сущность прибыли как превращенной формы прибавочной стоимости, с одной стороны, и как особой формы последней (прибыль предпринимателя), с другой—для Рикардо осталась совершенно неизвестной; 2) прибыль и заработная плата—две части одной и той же стоимости, определяемой трудом, а между тем заработная плата для Рикардо—не превращенная форма стоимости рабочей силы, а плата за труд, и сам он не замечает, в какое неразрешимое противоречие он впадает: все товары продаются по стоимости, но, при обмене капитала на труд, капиталист всегда приобретает больше труда, чем тот труд, который ошестовлен в капитале.

Но об этом мы уже писали в «Введении».

Вообще классики тем, что перенесли исследования экономических явлений из области обращения в область производства, создали, как неоднократно отмечалось, политическую экономию как настоящую науку. Но не поняв своеобразия капиталистического производства, они не могли решить ни проблемы капитала, ни проблемы прибыли. отождествив капиталистическое производство с производством вообще, они не поняли роли обмана, — они не поняли, что

¹ «Капитал», т. I, стр. 518.

² «Теория прибавочной стоимости», т. II, стр. 9—10, изд. 1924 г.

«капитал возникает в обращении и не в обращении». Только Маркс, исследуя именно капиталистическое производство, являющееся единством фазы капиталистического производства и фазы капиталистического обращения свел прибыль к прибавочной стоимости, т. е. исследует ее в наиболее общей ее форме.

Между прибылью и прибавочной стоимостью такое же различие, как между стоимостью и меновой стоимостью. Прибыль есть выражение—«превращенная форма»—прибавочной стоимости. И как при изучении стоимости Маркс ее вначале абстрагировал от ее формы, от меновой стоимости, и лишь затем, когда «палал на след» стоимости, он вновь вернулся к меновой стоимости, так и здесь: вначале прибавочная стоимость изучается им отдельно от ее формы, выясняется ее сущность, показывается, как и кем она производится. Только после этого он приступает к исследованию ее формы, т. е. к прибыли. Но тогда опять придется оставить сферу производства и перейти к сфере обращения, так как прибавочная стоимость превращается в прибыль только в обращении. (А это Марксом делается уже в III томе «Капитала».)

Дальше. Под прибылью обычно понимают только предпринимательскую прибыль. Но кроме последней есть еще процент, рента. Предприниматель выплачивает процент ссудному капиталисту, а ренту земледельцу, но он может им платить потому, что пущенная им в дело стоимость возросла, дала избыток над первоначальной стоимостью. Следовательно прежде всего этот избыток должен изучаться в общем виде, или,—как выражается Маркс,—в его общей форме, т. е. в форме прибавочной стоимости. «Это превращение, или избыток над первоначальной стоимостью,—говорит Маркс в приведенной в тексте цитате,—я называю прибавочной стоимостью».

Итак здесь изучается не предпринимательская прибыль, а источник всех нетрудовых доходов—источник всего «избытка над первоначальной стоимостью». Маркс начал с прибыли, с $D-T$, лишь для того, чтобы «напасть на след» скрывающейся за ней прибавочной стоимости,—как и раньше, чтобы открыть стоимость, начал с скрывающей ее меновой стоимости.

Тем, что Маркс назвал прислужную стоимость—«избыток над первоначальной стоимостью»—прибавочной стоимостью, он подсказал, что это, в сущности, есть стоимость, овеященный труд, во-вторых,—прибавочная стоимость, т. е. овеященный прибавочный труд. Но этим самым подчеркивается и внутренняя связь между стоимостью и прибавочной стоимостью: если бы потраченный труд не принял формы стоимости, не производил бы товаров, то и прибавочный труд не выражался бы в прибавочной стоимости. И действительно прибавочный неоплаченный труд имел место и в феодальном и в рабском хозяйстве, но прибавочной стоимости он не производил. Капиталистическое производство возникает и может возникать лишь на основе товарного производства.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Предмет
исследования.

«Узел» завязан: обращение товаров превратилось и в обращение капитала, так как среди товаров прочное место занял особый товар—рабочая сила. Но мы все время не выходили из сферы обращения. Купля рабочей силы, правда,—основное условие, без которого превращение денег в капитал невозможно, но за куплей рабочей силы должно следовать ее потребление, иначе возможность получения прибавочной стоимости не будет реализована, не превратится в реальность. И Маркс вводит нас, как он выражается, «в сокровенные недра производства», у входа которого начертано: «Вход разрешается только по делу».

Формулируя проблему капитала, Маркс пишет: «Итак капитал не может возникнуть из обращения, и столь же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении»¹. Капитал вне обращения вне купли рабочей силы возникнуть не может, но одним обращением, как сказано, ограничиться тоже нельзя—за обращением должно следовать производство, «не-обращение». Вместе с тем схема кругооборота капитала осложняется, принимает более развернутый вид. «Жизнь», так сказать, капитала не исчерпывается больше формулой $D—T—D$, ведь в последней изображены только фазы обращения. Требуется более развернутая схема, учитывающая и производственную фазу. Такая схема дана Марксом во II томе «Капитала», воспользуемся ею для наглядного изображения того, что изучалось в предыдущих отделах и что—в настоящем и последующих. Схема эта следующая: $D—T \begin{smallmatrix} c. n. \\ p. c. \end{smallmatrix} \dots P \dots T^1—D^1$. В первой фазе, фазе обращения, $D—T$, деньги превращаются в двоякого рода товар: 1) рабочую силу (обозначенную буквами *p. c.*) и 2) средства производства (отмечено буквами *c. n.*); вторая фраза $P \dots$ —это процесс производства, прерывающий процесс обращения, а третья фраза— $T—D$ —опять фаза обращения. Первая фаза уже исследована: превращение денег в средства производства, взятое в отдельности, ничего кроме превращения денег в товар, изученного еще в первом отделе, не представляет, но оно—превращение это—становится движением капитала лишь благодаря купле рабочей силы, а этому вопросу посвящен весь второй отдел. В настоящем же отделе Маркс приступает к исследованию второй фазы, фазы непосредственного капиталистическо-

¹ «Капитал», т. I, стр. 109.

го производства, т. е. производства прибавочной стоимости. Третья фаза—Т—Д в I томе «Капитала» совсем не исследуется, а входит в круг исследований II тома «Капитала».

Итак, начиная с настоящего отдела, Маркс оставляет фазу обращения и весь свой анализ сосредоточивает на следующей за ней фазе производства. Но последняя представляется пока в наиболее общей и абстрактной форме. Не только необходимой, но и достаточной ее предпосылкой является соединение в фазе обращения разобщенных до того производителя и средств производства. Если исторически появление капитала возвестило и начало переворота в самом производстве—на месте индивидуального труда появляется кооперация, а затем мануфактура, машина,—то теоретически капиталистическое производство предполагает лишь подчинение рабочего капиталисту, подчинение, обусловленное отделением средств производства от рабочего, что составляет содержание формального подчинения, происходящего в акте купли рабочей силы. А это, мы говорим, с одной стороны, необходимая предпосылка капиталистического производства, а с другой — и достаточная.

В такой именно абстрактной форме, т. е. абстрагируя от технических и организационных изменений в производстве, Маркс в настоящем отделе исследует производство прибавочной стоимости, названное им «производством абсолютной прибавочной стоимости». Это и является исходным пунктом для дальнейших исследований, в частности для исследований «производства относительной прибавочной стоимости». Уже гораздо дальше, в пятом отделе, проводя параллель между обеими формами прибавочной стоимости, Маркс пишет: «Удлинение рабочего дня за те границы, в пределах которых рабочий был бы в состоянии произвести только эквивалент стоимости своей рабочей силы, и присвоение этого прибавочного труда капиталом,—вот в чем состоит производство абсолютной прибавочной стоимости. Этот процесс может совершаться и действительно совершается на основе таких способов производства, которые получены от истории без содействия капитала. В таких случаях происходит лишь формальный метаморфоз, или—говоря иначе—капиталистический способ эксплуатации отличается от прежних, как например рабовладельческой системы и т. д., только тем, что в одном случае прибавочный труд отнимается прямым принуждением; а в другом—в качестве посредствующего звена является «добровольная» продажа рабочей силы. Следовательно производство абсолютной прибавочной стоимости предполагает лишь формальное подчинение труда капиталу». И дальше: «Производство абсолютной прибавочной стоимости образует общую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости»¹.

Производство абсолютной прибавочной стоимости—как явствует из приведенной цитаты—является, с одной стороны, наиболее общей формой производства прибавочной стоимости («образует общую основу капиталистической системы»), а с другой—особой его формой. В настоящем отделе оно рассматривается в двух этих разрезах—и как общая и как особая форма производства прибавочной стоимости. Этим и объясняется, почему в изучаемом отделе исследуются и проблемы, относя-

¹ «Капитал», т. I, стр. 395.

щиеся к производству прибавочной стоимости вообще,—например «процесс труда и процесс увеличения стоимости», о переменном и постоянном капитале, о норме прибавочной стоимости,—и такая проблема, как рабочий день, относящийся к производству абсолютной прибавочной стоимости как особой форме.

Порядок исследования.

Отдел состоит из целых пяти глав, начиная с главы V и кончая главой IX. В каждой главе изучается одна из сторон производства абсолютной прибавочной стоимости. Прежде всего исследуется в V главе—производство прибавочной стоимости как исторически обусловленная форма, которую процесс производства материальных благ принимает благодаря тому, что труд становится наемным трудом. Это же исследование показывает, что рабочая сила и средства производства—две части производственного капитала, в который превратился денежный капитал D,—играют в производстве прибавочной стоимости разные роли и следовательно сами в свою очередь принимают разные формы: форму переменного и постоянного капитала. Специальному изучению последних посвящается VI глава. В VII главе уже ставится вопрос о величине прибавочной стоимости, но не об абсолютной ее величине, а относительной, т. е. о норме прибавочной стоимости, что является в то же время и нормой эксплуатации, отношением неоплаченного времени к оплаченному. И мы вплотную подходим к проблеме рабочего дня: к делению его на необходимое и прибавочное рабочее время и к истории борьбы за рабочий день, что дается в VIII главе. История рабочего дня наглядно показывает, что рабочий день устанавливается в результате классовой борьбы и что на заре капитализма преобладают методы производства абсолютной и прибавочной стоимости. И весь отдел заканчивается IX главой, в которой обсуждается отношение между нормой и массой прибавочной стоимости.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРОЦЕСС ТРУДА И ПРОЦЕСС УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ.

Предмет исследования.

Речь идет не о двух процессах, как может показаться на первый взгляд, а о двух сторонах одного и того же процесса. Точнее, мы имеем здесь—в несколько иной, усложненной форме—проявление противоположностей между абстрактным трудом, создающим стоимость, и конкретным трудом, производящим потребительные стоимости. Подытоживая результаты исследований данной главы, Маркс пишет: «Итак установленное уже ранее посредством анализа товара различие между трудом, поскольку он создает потребительную стоимость, и тем же самым трудом, поскольку он создает стоимость, теперь выступает как различие между различными сторонами процесса производства.

«Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства»¹.

¹ «Капитал», т. I, стр. 133.

Процесс труда—это совокупность всех организационно-технических моментов, при помощи которых общественный человек воздействует на природу и ее подчиняет. Процесс увеличения стоимости—это капиталистическая форма, которую производство принимает в силу того, что труд стал не только трудом товаропроизводителя, но и наемным трудом. Процесс труда и процесс увеличения стоимости друг другу противопоставляются как потребительная стоимость и стоимость, или как конкретный и абстрактный труд, но в то же время, как и последние, составляют единство—единство противоположностей.

И там и здесь естественно-технические моменты общественного производства противопоставляются общественно-историческим; но в то же время вторые являются материальными носителями первых. Как товарные отношения «сращены» с «телами» товаров и составляют их форму (товар—форма продукта труда), так и капиталистические отношения, процесс увеличения стоимости, «срослись» с материальным актом производства, с процессом труда, оставляя форму последнего. И наконец как потребительные стоимости, взятые сами по себе, не составляют предмета политической экономии, а особой науки—товароведения, так и процесс труда, взятый в отдельности, изучается не политической экономией, а особой наукой—технологией.

Следовательно и предметом настоящей главы является процесс труда, лишь поскольку он является и процессом увеличения стоимости.

Порядок исследования.

Вначале Марксом рассматривается процесс труда, совершенно абстрагированный от его исторически общественной формы, от процесса увеличения стоимости. «То обстоятельство, что производство потребительных стоимостей,—говорит Маркс,—или товаров совершается для капиталиста и под его контролем, насколько не изменяет его общей природы. Поэтому процесс труда необходимо рассмотреть сначала независимо от какой бы то ни было определенной общественной формы»¹.

Во второй части главы уже анализируется общественная форма, притом вполне конкретная и исторически обусловленная форма, т. е. «процесс увеличения стоимости, или производство прибавочной стоимости». Только такой метод дает возможность правильно понять всеобразие капиталистического производства. Для буржуазной политической экономии форма и содержание, производительные силы и их общественная форма—неразличимы. Капитализм для нее не является особым, исторически обусловленным способом производства. Маркс же на этом различии строит всю свою политико-экономическую систему: на этом построена теория стоимости, на этом строится теория и капитала и прибавочной стоимости. Отличая процесс труда от процесса увеличения стоимости, Маркс выявляет сущность капиталистического производства, или открывает, по выражению немецкого экономиста Зомбарта, капитализм.

Теоретическое отделение процесса труда от процесса увеличения стоимости выявляет действительное противоречие капиталистического производства—противоречие между производством как процессом труда, являющимся вечным условием существования человека, и капиталистической его формой. В процессе труда человек выступает как человек, как

¹ «Капитал», т. I, стр. 119.

творец, подчиняющий и меняющий природу, согласно своим замыслам, но капиталистическая форма, процесс увеличения стоимости, сводит его к вещи, к переменному капиталу. На этом основном противоречии и зиждется все развитие капитализма. Став вещью, рабочий не перестает быть человеком и борется, сначала стихийно, а затем сознательно, пока не ниспровергнет господство капиталистических отношений.

Так в этой главе дано острое противоречие, как оно выступает непосредственно в капиталистическом производстве и является осью всего дальнейшего исследования закона развития буржуазного общества.

1. ПРОЦЕСС ТРУДА, ИЛИ ПРОИЗВОДСТВО ПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СТОИМОСТЕЙ.

Человеческий труд.

Процесс труда берется Марксом как процесс, происходящий исключительно между человеком и природой: «человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы — на другой». И хотя «веществу природы ю сам (человек. — Р.) противостоит как сила природы», все же совершающееся между ними действие нельзя рассматривать только как действие двух сил природы, так как к тому времени, когда рабочий выступает как продавец своей рабочей силы, человеческий труд уже освободился от своей примитивной инстинктивной формы и уже распадается как бы на два момента: а) на механическую работу мускулов, рук, ног и б) на руководящую и контролирующую деятельность мозга. Это и отличает процесс труда от действия сил природы. Человек «не только изменяет, — говорит Маркс, — форму того, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю»¹. Но это также и выделяет труд человека из труда животных. «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове»². Этим положен был конец всем расплывчатостям в определении человеческого труда. Адам Смит например еще полагал, что и труд животного создает стоимость. Это между прочим показывает, как еще плохо понимал Смит теорию трудовой стоимости, развитию которой он сам содействовал. Он, во-первых, в стоимости не видит еще выражения отношения людей; во-вторых, он еще смешивает ее с потребительной стоимостью, — последняя действительно создается животным. Но сейчас, в данной связи, не это важно, а то что принципиальная грань между трудом человека и животного была Смитом стерта.

Основные моменты процесса труда.

Их три: «1) целесообразная деятельность, или самый труд, 2) предмет, на который действует труд, и 3) орудия, которыми он действует»³. На всех их лежит, так сказать, печать истории: к моменту, когда производитель становится наемным рабочим, все они успели подвергнуться значительным изменениям, достигнуть известного уровня раз-

¹ «Капитал», т. I, стр. 120.

² Там же.

³ Там же.

вития. Изменяя внешнюю природу—выдвигает Маркс очень важный тезис—человек «в то же время изменяет свою собственную природу». И труд человеческий развился благодаря труду же.

Решающее значение Маркс придает орудиям труда: «Экономические эпохи различаются,—пишет он,—не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерили человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»¹. Здесь формулировано одно из важнейших положений исторического материализма: производственные отношения определяются производственными силами, а среди последних решающую роль играют орудия труда. Капиталистические например отношения—как это выяснено будет дальше—крепли и развивались с развитием средств труда, пригом именно тех из них, которые Маркс называет «костной и мускульной системой производства»—«механических средств труда». «Сосудистая система производства» (трубы, бочки, корзины и т. д.) такой роли не играет.

Средства производства.

Это буржуазные экономисты называют «капиталом». Для них капитал есть сумма вещей, предназначенных не для личного потребления, а для производства. И полковник Торренс «открывает начало капитала в камне дикаря»². Для Маркса же капитал есть определенная форма общественных отношений, которую принимают средства производства. Они принимают форму, как выяснено будет дальше, постоянного капитала при определенных исторических условиях. И поэтому они вначале рассмотрены Марксом независимо от этой формы—рассмотрены как элементы всякого процесса труда, в котором они противопоставляются рабочей силе, как вещные факторы производства личному фактору.

В средствах производства как таковых, т. е. взятых вне капиталистических отношений, содержится столько капитала, сколько например в потребительной стоимости—меновая стоимость.

Производительное потребление.

В процессе труда происходит потребление средств производства. Это и есть производительное их потребление. В производительном потреблении средства производства находят свое, так сказать, назначение, вне его они бесполезны и подвергаются разрушению.

Но и в отношении указанного определения производительного потребления применимо следующее примечание, сделанное Марксом в отношении определения производительного труда: «Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства»³. Для последнего производительным трудом—как Маркс выясняет в другом месте—является только такой труд, который создает прибавочную стоимость. Это условие необходимо и для производительного потребления. Производительным с точки зрения капиталистического производства является только такое потребление средств производства, в процессе которого получается прибавочная стоимость.

¹ «Капитал», т. I, стр. 121

² Там же, стр. 122, прим. 7.

³ Там же, стр. 125, прим. 9.

II. ПРОЦЕСС УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ.

**Наемный рабочий
за работой.**

Отношение между рабочим и капиталистом завязывается на рынке, в обращении, но оно осуществляется, получает свое настоящее завершение в производстве. В обращении, если абстрагировать от почти постоянного превышения предложения рабочей силы над спросом, ставящего покупателя ее в более выгодные условия, чем продавца, рабочий и капиталист выступают как равные стороны, вступающие между собой как будто только в товарные отношения. Но эта иллюзия сразу исчезает, как только рабочий переступает через порог фабрики, завода, мастерской. Наблюдение за отношением между рабочим и капиталистом только в сфере обращения — как Маркс это показал по окончании анализа обращения — и создает превратные представления о капиталистических отношениях вообще.

«Прощаясь с этой сферой простого обращения, или товарообмена, из которой фритредер vulgaris (здесь понимается вульгарный экономист.—Р.) черпает все свои взгляды, понятия, масштаб всех своих суждений об обществе капитала и наемного труда, — расставаясь с этой сферой, мы замечаем, что начинают несколько изменяться физиономии наших *personae dramatis* («действующих лиц»). Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист; владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу, другой бредет понуро, упряется, как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы кроме одной, что эту шкуру будут дубить»¹.

**Потребление
рабочей силы
капиталистом.**

В капиталистическом производстве рабочий такая же часть капитала, как и другие факторы производства. Весь процесс труда принимает форму процесса, совершающегося между различными частями капитала. И это не только формальный момент. Реально это выражается в том, что наблюдение и руководство всем трудовым процессом переходит к капиталисту или к лицу, специально им для этой цели поставленному. Рабочий же является не только простым исполнителем, но и вещью, которую наряду с другими вещами капиталист старается наиболее продуктивно и наиболее интенсивно использовать; всякий перерыв в работе или не совсем целесообразное использование рабочей силы есть бесполезная трата капитала, заключенного в самой рабочей силе рабочего. Что в капиталистическом производстве процесс труда принимает форму процесса, совершающегося между различными частями капитала, видно также из того, что продукты труда с самого начала — собственность капиталиста, и от рабочего они отчуждены.

Этим и опровергается представление ряда буржуазных экономистов, которые в заработной плате видят долю созданного рабочим продукта. Рабочий и капиталист делят, мол, между собой последний; одна часть достается рабочему в форме заработной платы, а другая — капиталисту в форме прибыли. А так как рабочий зарплату получает до продажи готового продукта, то отсюда еще делают тот вывод, что капиталист кредитует рабочего, выплачивая ему вперед его долю. На самом деле рабочий,

¹ «Капитал» т. I, стр. 118.

продавая свою рабочую силу, этим самым отчуждает капиталисту ее потребительную стоимость, реализующуюся как всякая потребительная стоимость в потреблении. И продукт труда, т. е. продукт этого потребления, с самого начала,—как Марксом это особенно подчеркивается,—целиком является собственностью только капиталиста. В части продукта труда—как это дальше выясняется—рабочий, правда, воспроизводит стоимость всей рабочей силы, но это лишь значит, что из проданной части продукта капиталист возмещает себе то, что он уплатил рабочему за его рабочую силу, так же как из других частей продукта он возмещает остальные издержки производства.

Процесс образования стоимости.

Стоимость подробно исследована Марксом еще в I главе. Если же здесь он вновь возвращается к этой проблеме то для того чтобы рассмотреть ее в несколько ином разрезе,—чтобы познать сущность производства прибавочной стоимости. В I главе Маркс к стоимости подошел со стороны, так сказать, обращения, он ее взял как уже овеществленный труд, проявляющийся в меновой стоимости. При таком подходе—в I главе это был единственно правильный и возможный подход—нет места вопросу о присоединении нового труда к прошлому, уже давно овеществленному труду. В обращении, где товары циркулируют как уже готовые, давно произведенные стоимости, всякий труд представляется прошлым: на рынке приходится иметь дело только с результатами труда, а не с самим трудом. Но совсем иное дело, когда мы подходим к стоимости со стороны производства. Как мы уже знаем, в производстве кроме труда всегда имеются средства производства, которые с точки зрения образования стоимости (а не потребительных стоимостей) суть не что иное, как овеществленный труд, как уже готовые стоимости. Следовательно вопрос о производстве стоимости в более конкретной форме—а так она ставится в настоящей главе—есть вместе с тем и вопрос о присоединении одной стоимости к другой.

Воспроизводство стоимости рабочей силы.

Вновь созданная стоимость, взятая сама по себе, вне капиталистических отношений, есть, как и старая стоимость (т. е. стоимость средств производства), к которой она присоединилась, только стоимость, так как выражает собой тот факт, что произведенные продукты предназначены не для собственного потребления, а для продажи. Но с точки зрения отношения между рабочим и капиталистом вновь созданная стоимость есть прежде всего воспроизведенная оплаченная стоимость рабочей силы (для упрощения анализа Маркс предполагает, что последняя оплачивается в момент найма). Каждый час работы в первую голову воспроизводит определенную часть стоимости рабочей силы.

Если бы процесс создания новой стоимости ограничился только этим, ограничивался бы только воспроизводством стоимости рабочей силы,—то прибавочной стоимости не было бы, и деньги, несмотря на то, что часть их была превращена в рабочую силу, все же не превратились бы в капитал.

Таким образом купля рабочей силы и даже потребление ее для производства новой стоимости, хотя и необходимы для возникновения капитала, но еще недостаточны: нужно еще создать не только новую стоимость, но и большую стоимость. И Маркс вплотную подходит к окончательному решению проблемы прибавочной стоимости.

**Еще раз критика
других теорий
прибыли.**

Прежде чем окончательно формулировать свое решение проблемы прибыли, Маркс еще раз ставит вопрос, нельзя ли эту проблему решать иначе. Правда, иронически по форме, но довольно основательно по существу подвергает он критике те теории прибыли, которые ищут источника последней уже не в обращении (такие теории опровергнуты были в IV главе), а в производстве, не только не там, где его—источник этот—можно найти. Таких теорий во время Маркса было главным образом три: теория воздержания, теория услуг и «трудовая» теория.

Владелец имущества,—утверждают сторонники теории воздержания,—может пользоваться им двумя: либо израсходовать его на личное потребление, превратить его в предметы индивидуального пользования,—либо использовать его как средство производства и средства обращения, т. е. потреблять свое имущество производительно. Капиталист воздерживается от первого способа пользования своего имущества, предпочитая второй,—и этим самым он презращает его в капитал. Но за свое воздержание капиталист должен быть вознагражден, иначе у него к этому не будет никаких стимулов. Вознаграждением же служат прибыли, притом прибыли определенного размера — слишком низкая норма прибыли уже не является достаточным стимулом к воздержанию.

Такое содержание теории воздержания. Она же—следует добавить—является основой теории капитала. «Творец» этой теории, английский экономист Сениор (1790—1864 гг.), торжественно—как Маркс иронически замечает—изрек: «Я заменяю слово капитал, рассматриваемый как орудие производства, словом воздержание».

Несостоятельность этой теории настолько бросается в глаза, что Маркс подробно на ее критике не останавливается. Во-первых, теория воздержания поднимает один вопрос другим: ведь прежде всего нужно решить, откуда берется прибыль, где и как она производится, а затем уже ответить на вопрос, кому она должна достаться. Теория воздержания в лучшем случае (мы сейчас покажем, что и это неверно) объясняет, в силу каких услуг капиталист может претендовать на прибыль. Акт воздержания во всяком случае не является производственным процессом, т. е. не является таким процессом, который мог бы произвести излишек стоимости, именуемый прибылью.

Во-вторых, никакого воздержания со стороны капиталиста на самом деле нет—все это лишь одна выдумка вульгарных экономистов. Как бы велики ни были аппетиты капиталистов, «все равно им не под силу пожирать паровые машины, хлопков, железные дороги, удобрения, упряжных лошадей и т. д.» (Маркс). Все «воздержание» капиталиста сводится к тому, что колоссальную прибавочную стоимость, создаваемую прибавочным трудом рабочих, он делит на две части: одна часть идет на удовлетворение своих личных потребностей (далеко не скромных), а другая—капитализируется (превращается в капитал).

К этой теории Маркс подойдет еще в разделе о накоплении: здесь он как бы соглашается (иронически), что капиталист действительно «воздерживается», но спрашивает, откуда вознаградить эту добродетель. Проблема прибавочной стоимости не проблема этического порядка: не ставится вопрос, справедливо или несправедливо то, что капиталист полу-

чает прибыль, а спрашивается, кем и где она создается. Ясно, что одним воздержанием ее производить нельзя.

Этим опровергается и теория услуг, считающая, что капиталист, доставляя средства производства и средства потребления для рабочего, оказывает услугу, содействует производству необходимых материальных благ,—и за это ему следует прибыль. Но опять-таки этими соображениями в лучшем случае можно решить вопрос о необходимости вознаграждения капиталиста, но отнюдь не вопрос об источнике этого вознаграждения. А Маркс—следует помнить—ставит не вопросы морали, а исключительно теоретические: как и кем производится прибавочная стоимость.

Третья теория, полагающая, что источник прибыли есть труд самого капиталиста, не только не решает проблемы прибыли, но просто ее отрицает: раз прибыль есть вознаграждение за труд, то она перестает быть прибылью, а превращается в зарплату капиталиста, и следовательно никаких проблем прибыли нет. Но еще А. Смит доказал, что прибыль регулируется иными законами, чем зарплата, в частности она зависит от размера капитала и ни в какой зависимости от труда капиталиста (если последний даже и имеет место) не находится.

Настоящий источник прибавочной стоимости.

Весь секрет в том, что процесс производства новой стоимости продолжается дольше того времени, в которое воспроизводится стоимость рабочей силы. Таким образом этот процесс расщепляется на воспроизводство рабочей силы и на производство прибавочной стоимости, и источником последней является продолжение потребления рабочей силы дольше того времени, в которое воспроизводится ее стоимость. «Если мы сравним теперь,—резюмирует Маркс,—процесс образования стоимости и процесс увеличения стоимости, то окажется, что процесс увеличения стоимости есть не что иное, как процесс образования стоимости, продолженный далее известного пункта»¹.

Общественно-необходимый и индивидуальный труд.

К этим вопросам Маркс вновь возвращается, так как они теперь выступают в новом свете. Не индивидуальное рабочее время определяет величину стоимости, а общественно-необходимое. Это заставляет каждого товаропроизводителя, что называется, подтягиваться, не отставать от остальных, даже стараться перегнать других и выиграть на разнице между индивидуальной и общественной стоимостью. В отношении труда наемных рабочих за этим уже следит капиталист: он купил рабочую силу и хочет ее потреблять по нормам, по крайней мере не ниже общественно-необходимых. Капиталист старается не отставать, а где возможно и перегнать своих конкурентов в производительной трате на своей рабочей силы—как это делает простой товаропроизводитель, а чужой, являющейся для него лишь капиталом. Общественно-необходимый труд, продолжая и при капиталистических отношениях определять величину стоимости, в то же время играет важную роль и в отношениях между рабочим и капиталистом. «В той специальности, в которой рабочая сила применяется, она должна обладать,—говорит Маркс,—установившейся средней степенью искусства, подготовки и быстроты».

¹ «Капитал», т. I, стр. 133.

Это во-первых. Во-вторых, продолжает Маркс, «эта сила должна затрачиваться с обычной средней степенью напряжения, с общественно-обычной степенью интенсивности. Капиталист наблюдает за этим с такой же заботливостью, как и за тем, чтобы ни одна минута не расточалась даром, без труда»¹.

Категория «общественно-необходимый труд» проявляет себя и в использовании средств производства: «...не должно иметь места нецелесообразное потребление сырого материала и средств труда, потому что расточенный материал и расточенные средства труда представляют излишние затраченные количества овеществленного труда, следовательно не учитываются и не принимают участия в образовании стоимости продукта»².

Что касается квалифицированного труда, то теперь ставится вопрос о стоимости рабочей силы квалифицированного рабочего и о создаваемой им прибавочной стоимости. Стоимость квалифицированной рабочей силы выше, потому что на ее производство потрачено больше труда, особенно на ее обучение.

Примечания к пятой главе.

1. Критики Маркса (иногда и сторонники) видят сущность теории прибавочной стоимости лишь в том, что Маркс открыл источник прибыли, что он сводит ее к эксплуатации чужого труда. И поэтому некоторые критики даже обвиняют Маркса в плагиате: одни утверждают, что он ее заимствовал у немецкого экономиста Родбертуса, другие — что он брал ее у ранних английских экономистов-социалистов (Годскин, Томсон). Насколько все это неосновательно, убедительнейшим образом доказывает Энгельс в уже названном раньше предисловии ко II тому «Капитала». Более подробно этот вопрос освещен в целом ряде статей в сборнике «Основные проблемы политической экономии» («Развитие теории прибавочной стоимости»).

2. Здесь же мы хотим обратить внимание на следующее: вдумчивое чтение IV и V глав «Капитала» должно убедить в том, что Маркс не только открыл, что за прибавочной стоимостью, вернее, за ее превращенной формой, прибылью, скрывается прибавочный труд, но также открыл (на что у его предшественников нет и намек), в силу чего прибавочный труд принимает форму прибавочной стоимости. И этим было доказано, что прибавочная стоимость является категорией только капиталистического хозяйства, а не другого классового общества, феодального или рабского. Словом, здесь тот же метод, что и в теории стоимости: и там Маркс не ограничивается утверждением, что стоимость определяется трудом, а исследует, почему труд выражается в стоимости.

3. Всем известно, что теория прибавочной стоимости невозможна без теории стоимости, но не всем ясно, что без теории прибавочной стоимости и теория стоимости невозможна, вернее, она должна терпеть крушение, так сказать, на пороге, ведущем из простого товарного хозяйства в капиталистическое. У классиков, не имевших четкой теории прибавочной стоимости, она действительно терпела крушение. В «Критике...» Маркс формулирует четыре возражения, которые могут быть направлены против теории стоимости. Второе возражение гласит: «Если меновая ценность продукта должна равняться рабочему времени, которое в ней заключено, то меновая ценность рабочего дня равна его продукту, или заработная плата должна быть равна продукту труда. Между тем в действительности имеет место обратное...». Классики на этот вопрос ответить не могли, Маркс на него отвечает своей теорией прибавочной стоимости. Или, как сам Маркс выражается: «Эта задача разрешается при рассмотрении капитала» (там же). Не ведь этим теория стоимости «спасается» от крушения.

¹ «Капитал», т. I, стр. 134.

² Там же.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ.

**Предмет
исследования.**

Из предыдущей главы, из анализа процесса образования стоимости мы знаем, что в этом процессе участвуют и настоящий, живой труд, и прежний труд, труд овеществленный в средствах производства. Стоимость например пряжи создана и трудом прядильщика, и трудом хлопководы, и трудом всех тех рабочих, которые участвовали в производстве топлива, машины, вспомогательных материалов и т. д. Но к моменту прядения труд всех прежних работников как живой процесс уже давным-давно исчез, вместо него выступают мертвые вещи, продукты этого давно минувшего труда. Спрашивается: каким образом он вновь воскресает в пряже, каким образом исчезнувший труд участвует в образовании стоимости пряжи? Как переносится стоимость и кто ее переносит?

Эти вопросы и исследуются в настоящей главе. Решение этих проблем выяснит, с одной стороны, роль живого и мертвого труда в процессе труда, ставшем процессом увеличения стоимости, а с другой стороны, вновь приведет к истокам марксовой политической экономии, к различению абстрактного и конкретного труда, так как только в этом различении найдут правильное решение поставленные вопросы.

Таким образом настоящая глава является прямым продолжением предыдущей: то, что раньше было исходным пунктом, теперь ставится как проблема и решается. В предыдущей главе Маркс исходит из факторов образования стоимости, чтобы «напасть» на фактор образования прибавочной стоимости. В этой же главе ставится вопрос о роли каждого из этих же факторов, выясняется их о совместное, так сказать, действие. И если цель предыдущей главы была направлена на то, чтобы показать, как капитал возникает, как стоимость становится самовозрастающей стоимостью, то цель настоящей главы заключается в исследовании того, как одна часть стоимости (представленная в рабочей силе) становится переменным капиталом, а другая часть—стоимость средств производства—становится постоянным капиталом.

Единый капитал расщепляется на части, становится «многообразием в единстве», и выражаемое им общественное отношение выражается тоже иначе в каждой из этих частей. Он расщепляется на переменный капитал и постоянный.

**Настоящее
исследования.**

Сохранение стоимости средств производства в продукте вначале исследуется Марксом в наиболее общей форме: как этот процесс вообще происходит. А это приводит нас опять к «двоичному характеру труда»—абстрактный и конкретный труд выступают, как показано будет дальше, в новом свете. Только различением двух сторон труда возможно объяснить, как одновременно производится и новая стоимость и сохраняется старая. Затем Маркс переходит к рассмотрению перенесения стоимостей отдельных частей средств производства на продукт. Лишь после этих исследований Маркс ставит основную проблему всей главы—проблему постоянного и переменного капитала.

Процесс перенесения стоимости.

Еще Рикардо установил, что стоимость определенной единицы товара определяется не только тем трудом, который непосредственно тратится на производство этой товарной единицы, но и трудом, потраченным на производство предмета и орудия труда, словом—на то, что Маркс объединяет названием «средств производства». Но противники Рикардо возражали, что машина например целиком участвует в каждой единице товара, а не отдельными своими частями. Следовательно, спрашивали они, каким образом переносится только часть ее стоимости? Маркс по поводу этого возражения пишет: «Автор... в своей полемике прав лишь в том смысле, что ни Рикардо, ни какой бы то ни было другой экономист, ни до него, ни после него, не разграничивали строго обеих сторон труда, а потому, как и следовало ожидать, не дали анализа их различной роли в образовании стоимости»¹.

Дело в том, что не средства производства переносят свою стоимость на новый продукт, а конкретный труд. Конечно последнее совершается одновременно с производством новой стоимости, точнее, и то и другое—результат единого процесса. Но как его объяснить? Только двойкий характер труда объясняет двойственность полученного результата. Труд абстрактный и общественно-необходимый создает новую стоимость определенной величины, но тот же труд, совершающийся в определенной конкретной форме, например в форме прядения, еще переносит стоимость средств производства на пряжу. Средства производства участвуют в процессе образования стоимости либо потому, что входят в новый продукт как сырье, либо потому, что содействуют производству последнего как орудия труда, топливо и т. д. Но и то и другое совершается только конкретным трудом—только труд, скажем, прядильщика может хлопок превратить в пряжу и пользоваться прядильной машиной.

«Простым количественным присоединением труда, — заключает Маркс, —присоединяется новая стоимость, вследствие же особого характера присоединяемого труда старые стоимости средств производства сохраняются в продукте. Это двустороннее действие одного и того же труда, как следствие двойственного характера последнего, обнаруживается в различных явлениях»².

Перенесение стоимости и производительность труда.

Еще в первой главе выяснено было, что производительность труда, которая относится к конкретному труду, а не к абстрактному, не влияет на стоимость, созданную в течение определенного времени: в равные промежутки времени создаются равные стоимости. Не то с сохранением стоимости или, что одно и то же, с перенесением ее на новый продукт: так как оно совершается конкретным трудом, то на нем отражается всякое повышение производительности труда. Чем труд производительнее, тем больше им потребляется сырья и тем интенсивнее используются им орудия труда, а это значит, что в каждую единицу времени переносится больше старой стоимости.

Но зато, если производительность труда остается прежней, «...рабочий сохраняет тем большую стоимость, чем большую стоимость он

¹ «Капитал», т. I, стр. 141, прим. 21.

² Там же, стр. 138.

присоединяет; но он сохраняет большую стоимость не потому, что он присоединяет большую стоимость, а потому, что присоединяет ее при неизменяющихся и независимых от его собственного труда условиях»¹.

Перенесение стоимости разных частей средств производства.

Средства производства участвуют в процессе образования стоимости постольку, поскольку они изнашиваются, поскольку они или совсем перестают существовать как средства производства, или укорачивают длительность своего существования. Отсюда различие между орудиями труда, с одной стороны, и предметом труда, а также целым рядом вспомогательных материалов—с другой.

Орудия труда изнашиваются постепенно, и постепенно, по частям, передается их стоимость новому продукту. Предмет труда, топливо и разные вспомогательные материалы сразу как средства производства уничтожаются,—и сразу вся их стоимость переносится на новый продукт.

Отсюда также то «интересное,—как Маркс выражается,—явление... что один фактор процесса труда, одно средство производства целиком принимает участие в процессе труда, но лишь частью—в процесса увеличения стоимостей»². Это же явление, как мы видели, и было использовано противниками Рикардо в качестве аргумента против его теории стоимости. Но с развиваемой Марксом точки зрения указанное явление объясняется совсем просто: машина например в процессе труда действительно участвует целиком, но изнашивается частично, а потому в процессе образования стоимости участвует частично, т. е. ее стоимость переносится только частично. С другой стороны, в процессе труда участвует только то сырье, которое действительно было переработано, а в образовании стоимости участвует и то сырье, которое превратилось в пыль, которое составляет элемент отбросов, если это только не превышает обычно существующую норму.

Распадение капитала на постоянный и переменный.

Переносится ли стоимость средств производства на новый продукт полностью или частично—сейчас, на данной стадии теоретического анализа существенного значения не имеет. Это приобретает решающее значение с точки зрения скорости обращения капитала и является основанием для деления его на основной и оборотный капитал. Последнее изучается Марксом во II томе «Капитала». В I же томе исследуются сущность капитала, условия возникновения его и производства. В этом разрезе важно другое—важно то, что все части средств производства—и те, стоимость которых полностью переносится, и те, стоимость которых лишь частично переносится,—новой стоимости не создают и создавать не могут. С них переносится лишь та стоимость, которую они сами имеют. Стоимость средств производства даже не воспроизводится, а только сохраняется, сохраняется благодаря живому, конкретному труду. Ясно, что этот факт должен получить и четкое теоретическое выражение, должен быть фиксирован в категории политической экономии, строго отличающей его от другого феномена, от рабочей силы, потреблением которой не только воспроизводится стоимость ее, но и создается новая, прибавочная стоимость. Кате-

¹ «Капитал», т. I, стр. 133.

² Там же, стр. 141.

гориями, выражающими указанные явления, различающими рабочую силу и средства производства как две формы двух частей единого капитала, являются переменный капитал и постоянный капитал.

Хотя они друг без друга и невозможны, ибо они друг друга предполагают: в силу того, что средства производства становятся постоянным капиталом, рабочая сила становится переменным капиталом,—отчуждение средств производства от производителей превращает их труд в наемный труд. И обратно: переменный капитал предполагает постоянный—рабочая сила как товар означает, что владельцы ее «освобождены» от средств производства и что последние монополизированы покупателями этой рабочей силы. Все же обе части капитала не только различимы, но различимы как постоянный и переменный капиталы. Первый является предпосылкой самовозрастания стоимости, второй—сам есть эта самовозрастающая стоимость.

«Для того чтобы одну часть капитала,—пишет Маркс,—увеличить посредством ее превращения в рабочую силу, другую часть капитала необходимо превратить в средства производства. Для того чтобы переменный капитал функционировал, необходимо в известных пропорциях, соответствующих определенному техническому характеру процесса труда, авансировать постоянный капитал»¹.

Этого не понимает цитируемый Марксом французский экономист Сей, который полагает: раз без средств производства невозможен процесс труда, раз они оказывают такую «важную услугу», то им-то капиталист обязан и прибылью, процентом и т. д.² Здесь он совершает такую же ошибку, какую совершают, когда из потребительной стоимости выводят стоимость на том основании, что без потребительной стоимости нет и стоимости. И там и здесь смешивают предпосылку явления с сущностью его. «Однако,—говорит по этому поводу Маркс, прибегая к образному сравнению,—то обстоятельство, что для известного химического процесса требуются реторты и другие сосуды, несколько не препятствуют тому, чтобы при анализе абстрагировать от самой реторты»³. «Реторты» соответствует постоянный капитал, а «химическому процессу»—переменный капитал. И при определении нормы прибавочной стоимости, как показано будет ниже, от первой совсем можно абстрагировать.

Примечания к шестой главе.

1. Часто путают воспроизводство стоимости рабочей силы с перенесением стоимости средств производства: полагают, что и стоимость рабочей силы переносится на новый продукт, как и стоимость *средств производства*. Различие между ними видят только в том, что потреблением рабочей силы производится еще прибавочная стоимость, а потреблением средств производства сохраняется старая стоимость. На самом деле стоимость рабочей силы не переносится: повышается или понижается последняя—это совершенно не влияет на вновь созданную стоимость, которая определяется абстрактным общественно необходимым трудом, по отношению ко стоимости рабочей силы. Повышение или понижение стоимости рабочей силы влияет лишь на прибавочную стоимость—это подробно выясняется

¹ «Капитал», т. I, стр. 149.

² Там же, стр. 142, прим. 22.

³ Там же, стр. 149.

в отделе «Производство относительной прибавочной стоимости». Возпроизводство стоимости рабочей силы имеет только тот смысл, что вновь созданная стоимость идет на возмещение стоимости рабочей силы, которую капиталист уплачивает рабочему в форме заработной платы.

2. Этот вопрос подробно освещен Марксом в I главе III тома «Капитала», и мы рекомендуем ее прочесть после настоящей главы. Хотя там трактуется уже новая проблема, выходящая за пределы I тома «Капитала»,—проблема превращения прибавочной стоимости в прибыль,—но названная глава близко примыкает к настоящей и предыдущей главам и продолжает, правда, в ином разрезе, ход мыслей Маркса в последних.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

НОРМА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Предмет исследования.

В предыдущих двух главах прибавочная стоимость получила, как отмечено было выше, в начале отдела, качественную характеристику: открыт ее источник, и капиталистический способ производства предстал как способ производства, основанный на особой форме эксплуатации, присвоении чужого труда. Теперь же Маркс приступает к характеристике капиталистической эксплуатации с количественной стороны, к выяснению степени эксплуатации и методов ее выражения.

Количественная характеристика капиталистической эксплуатации требует дальнейшего уточнения ее. Категории, выражающие сущность и форму ее, уже даны; таковыми являются капитал (в марксовом конечном понимании)—и переменный и постоянный капитал как формы отдельных частей его и наконец сама прибавочная стоимость. Последняя в отличие от категории «прибыль» точно выражает, во-первых, что она есть стоимость, т. е. овеществленный труд, а во-вторых—прибавочная стоимость, овеществленный прибавочный труд. Но перечисленными категориями не выражены еще степень эксплуатации, мера ее, а также форма последней. Зато норма прибавочной стоимости, прибавочное и необходимое время—все эти категории, уже выражающие эксплуатацию с количественной стороны, вводятся в настоящей главе по мере исследования обозначаемых ими явлений.

Тут уместным будет подчеркнуть, что если в первом отделе Маркс в основном еще оперирует теми категориями, которые он нашел в буржуазной политической экономии, открыв в них лишь истинное содержание, то уже начиная со второго отдела ему приходится вводить и новые категории. По мере подхода к анализу капиталистических отношений и обнажении их во всей, что называется, наготе становится все больше невозможным уложить их, так сказать, в существовавшие до Маркса категории буржуазной политической экономии, значение которых в общем и целом—замазать сущность капитализма, а не раскрыть ее. Необходимость в еще новых категориях особенно дает себя чувствовать в настоящей главе, где приходится наиболее конкретно, на данной стадии теоретического анализа, охарактеризовать капиталистическую эксплуатацию. Всю главу Маркс делит на четыре части. В первой части—«Степень эксплуатации»—исследуется норма прибавочной стоимости как выражение нормы эксплуатации в ее чистом, не искаженном виде. Во второй части—«Вы-

Порядок исследования.

ражение стоимости продукта в относительных долях продукта» — показывается, как в действительности стоимость разных частей капитала и прибавочная стоимость выражаются в соответствующих частях продукта, вследствие чего получаются значительные искажения. Последние наглядно иллюстрируются в третьей части — «Последний час» Сениора. В четвертой части — «Прибавочный продукт» — на основании исследований второй части дается определение прибавочного продукта.

3. СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ.

Обозначения
разных частей
стоимости
продукта.

Стоимость продукции, произведенной капиталистически, состоит — это прямой вывод из исследований V и VI глав — из трех частей: стоимости постоянного капитала, переменного и прибавочной стоимости.

Эти части получают и соответствующие символические обозначения в латинских буквах *c*, *v*, *m*. Таким способом обозначения наглядно подчеркивается природа, так сказать, каждой части стоимости продукта: *c* обозначает ту часть, которая лишь перенесена со средств производства, сохранена в продукте, но не ввозь создана; *v* и *m* обозначают уже новую стоимость, созданную новым трудом, по в свою очередь делящуюся на воспроизведенную стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость.

Следует всегда иметь в виду ту оговорку, которую делает Маркс, что под *c* он, для упрощения задачи, понимает не весь авансированный капитал, а лишь ту часть его, которая действительно тратится, и следовательно стоимость ее переносится на продукт.

Отношение *m* к *v*. Капиталист, а также буржуазная политическая экономия совершенно не различают между *c* и *v*, да это им и не нужно: все части капитала, на что бы они ни расходовались, должны принести прибыль. Поэтому их интересует иное: отношение всей прибыли ко всему капиталу, называемое нормой прибыли. Согласно нашим символам, это выразилось бы в отношении: $\frac{m}{c+v}$.

От исследования и этого отношения, т. е. от исследования нормы прибыли, Маркс не отказывается — это имеет громадное значение для понимания таких проблем, как цена производства, распределение прибавочной стоимости между разными группами капиталистов и др. Но сейчас исследуется не это — этим Маркс займется в III томе «Капитала», — сейчас перед нами вопрос о степени эксплуатации, а для решения его отношение

$\frac{m}{c+v}$ не только ничего не дает, но вся ставит, что называется, вверх ногами. Во-первых, оно внушает мысль, что *m* — прибавочная стоимость — результат не *v*, не переменного капитала, а всего капитала. Во-вторых, оно сильнейшим образом уменьшает норму прибавочной стоимости, стало быть и норму эксплуатации: $\frac{m}{c+v}$ всегда меньше $\frac{m}{v}$.

Поэтому Маркс при определении нормы прибавочной стоимости постоянный капитал приравнивает к нулю, от него совершенно абстрагирует и берет отношение только *m* к *v*. Это на первый взгляд кажется странным — ведь и без постоянного капитала прибавочной стои-

мости нет. Поэтому Маркс свой метод определения нормы прибавочной стоимости вынужден иллюстрировать, чтобы читатели могли освоиться с этим не совсем обычным для них способом представления, лежащим в основе употребляемого здесь. Марксом метода (абстрагирования от постоянного капитала). Но для тех, кто правильно усвоил, какую роль в производстве прибавочной стоимости играет постоянный капитал, и припомнит уже приведенное выше знаменитое сравнение постоянного капитала с «ретортой», а переменного с «химическим» процессом,—в таком абстрагировании, в приравнивании основного капитала нулю не только нет ничего странного, но оно является единственным правильным методом определения нормы прибавочной стоимости.

Норма прибавочной стоимости и норма эксплуатации. Эксплуатация существовала и в докапиталистических эпохи, следовательно и тогда рабочее время эксплуатируемых делилось на необходимое рабочее время и прибавочное. В первое они вырабатывали средства своего собственного существования, во второе—работали на того, кто их эксплуатировал; отношение же прибавочного времени к необходимому выражало и степень эксплуатации. Таким образом специфическая особенность капитализма не в эксплуатации, не в существовании прибавочного времени; правда, при господстве капитала степень эксплуатации, как показывает Маркс в следующей главе, сильно повысилась,—все же не в этом своеобразии капиталистической эксплуатации. Ее особенность в том, что потраченный прибавочный труд принимает форму прибавочной стоимости, а отношение прибавочного времени к необходимому—форму отношения прибавочной стоимости к переменному капиталу. Отношение эксплуатации овеществлено, скрыто за отношением вещей. А насколько это важно, особенно подчеркнуто Марксом в следующем положении: «Только та форма, в которой (подчеркнуто нами.—Р.) этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличается экономические формации общества, например общество рабства от общества наемного труда»¹.

Норма эксплуатации—категория всех антагонистических эпох, всех эпох, покоящихся на господстве класса над классом; норма прибавочной стоимости—категория исключительно капиталистическая и «есть точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом или рабочего капиталистом».

«Обе части пропорции $\left(\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}} - P \right)$, — говорит Маркс,—выражают одно и то же отношение в различной форме: в одном случае—в форме овеществленного труда, в другом случае—в форме текущего труда»². Отношение m к v и есть специфически капиталистическое, так как оно выражено «в форме овеществленного труда», в форме отношения вещей.

Отношение же $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$ выражено в форме текущего труда, не прикрыто вещной оболочкой и имеет место во всех классовых обществах.

¹ «Капитал», т. I, стр. 151.

² Там же.

II. ВЫРАЖЕНИЕ СТОИМОСТИ ПРОДУКТА В ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ДОЛЯХ ПРОДУКТА.

Единый «вещный носитель» разных частей стоимости.

Потребительные стоимости—мы это знаем еще из I главы—«являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости». Следовательно каждая часть продукта, каждая часть потребительной стоимости есть вещественный носитель соответствующей части стоимости. Дело конечно не меняется от того, что одна часть стоимости перенесена с разных элементов средств производства, а другая часть вновь создана и в свою очередь делится на воспроизведенную стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость. Каковы бы ни были природа и происхождение отдельных частей стоимости, все они вне потребительной стоимости не существуют, для всех их последняя является вещественным носителем.

А так как не все части продукта появляются одновременно—из процесса труда они выходят одна за другой,—то можно также представить, что одна часть стоимости, например постоянного капитала, производится раньше, другая часть (переменного капитала) позже, а прибавочная стоимость—совсем к концу дня (Маркс все это иллюстрирует на примерах). Но никогда нельзя упускать из виду, что это есть только способ выражения, способ вычисления частей стоимости в соответствующих долях продукта, созданных в различные часы рабочего дня. Этот способ связан с повседневной практикой: капиталист прежде всего возмещает или представляет возмещенными в продукте свои расходы, а затем уже вычисляет свою прибыль. Это и содействует порождению иллюзии, что прибыль также производится лишь после того, как произведены были остальные части стоимостей.

III. «ПОСЛЕДНИЙ ЧАС» СЕНИОРА.

Ошибки двойного рода.

Если же за способом выражения стоимости не видеть особенностей каждой из ее частей, если за видимостью явления не замечать сущности его, то можно совершить, и обыкновенно совершают, две ошибки. Во-первых, смешивают производство потребительной стоимости с производством стоимости: потребительная стоимость например пряжи действительно производится только процессом прядения и в те часы, когда прядильщик работает. Что касается стоимости пряжи, то, как мы знаем, прядильщиком производится лишь часть ее, остальная—большая часть ее—им лишь переносится. Но когда этих двух моментов не различают, а их не различают потому, что—как мы уже знаем—не понимают различия между абстрактным трудом, создающим стоимость, и конкретным трудом, создающим потребительную стоимость, то получается, будто вся стоимость пряжи создается одновременно с ее потребительной стоимостью, т. е. в каждый час создается часть той и другой. Во-вторых,—что тесно связано с первой ошибкой—смешивают способ выражения стоимости с производством ее. Из того, что например прибавочную стоимость практически выражают в той части продукта, которая произведена была в последние часы или в последний час рабочего дня, делают вывод, что и сама прибавочная стоимость произведена была в это время. А между тем такой способ выражения прибавочной стоимости

означает лишь то, что прибавочная стоимость по своей величине равняется стоимости той доли продукта, которая (доля) в форме определенной потребительной стоимости, например пряжи, появилась к концу рабочего дня, но значительная часть стоимости которой—израсходованного сырья и орудий труда—создана была гораздо раньше. А ведь с таким же успехом можно прибавочную стоимость выразить и в доле продукта, которая на свет божий появилась в первый час дня.

Первая ошибка—смешение производства потребительной стоимости и стоимости—в конце концов сводится и к непониманию различия между абстрактным трудом, создающим стоимость, и конкретным трудом, производящим потребительную стоимость. Этим непониманием грешила вся классическая политическая экономия, и Маркс еще неоднократно вернется к этому вопросу. Вторая ошибка более грубая и продиктована была более узкими практическими интересами буржуазии. «Прославился» сю крупный английский буржуазный экономист первой половины XIX в. Сениор, который выступил против 10-часового рабочего дня (до того рабочий день был 11½ час.) со своим «открытием», что прибыль капиталиста создается в последний, т. е. 11-й, час.

IV. ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ.

Выражение отдельных частей стоимости продукта в отдельных долях его приводит, как мы видим, к большим искажениям. Искажения Марксом разоблачены, но от этого потребительные стоимости не перестают быть вещественными носителями стоимости, а отдельные доли первой—носителями отдельных частей второй. Поэтому прибавочная стоимость всегда представлена в определенной доле продукта.

«Ту часть продукта... в которой воплощается прибавочная стоимость, мы называем,—говорит Маркс,—прибавочным продуктом»¹.

Относительной величиной прибавочного продукта измеряется,—как поясняет Маркс дальше,—степень богатства буржуазного общества. В таком понимании прибавочный продукт такая же категория капиталистического хозяйства, как и прибавочная стоимость; другими словами, она такая же исторически обусловленная категория, как и последняя. Обычно прибавочный продукт считают категорией, присущей всякой экономической формации, но это—чисто формальный подход. Конечно в любом обществе годовой продукт не может быть полностью индивидуально потреблен,—часть его идет на накопление, на содержание членов общества, не занятых в производстве и т. д. Но значения этой части при разных способах производства различные; в капиталистическом обществе она является вещным носителем прибавочной стоимости,—в этом ее исторически обусловленный характер. Потраченный прибавочный труд, принимая форму прибавочной стоимости, выражается и может выражаться в части вещи, части потребительной стоимости, т. е. в прибавочном продукте. Этому не понимают и критики Маркса, обвиняющие его в натурализме и физикратизме, утверждающие, будто Маркс понимает прибавочный продукт так, как это понимается физикратами, т. е. как рост материи.

¹ «Капитал», т. I, стр. 160.

Примечания к седьмой главе.

1. Хотя форма прибыли Марксом в I томе «Капитала» не исследуется (она исследуется лишь в III томе), но и сейчас нужно строго различить норму прибавочной стоимости от нормы прибыли, иначе трудно понимать критику, которой Маркс в дальнейшем подвергает Рикардо, смешавшего первую категорию со второй. Как прибыль есть превращенная (искажающая) форма прибавочной стоимости, так норма прибыли есть превращенная форма нормы прибавочной стоимости. Это—во-первых. Во-вторых, законы, регулирующие норму прибавочной стоимости, и законы, регулирующие норму прибыли, не одинаковы.

2. Мы советуем по прочтении настоящей главы прочесть II главу III тома «Капитала» «Нормы прибыли». Но следует помнить замечание Маркса (стр. 140, прим. 28), что легко понять законы нормы прибыли, раз известны законы нормы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять ни то, ни другое.

3. Обязательно нужно проработать с карандашом в руках цифровые примеры, приводимые Марксом на стр. 152—153 (еще лучше составить собственные примеры), чтобы лучше освоиться с «непривычным»,—как сам Маркс подчеркивает,—«способом представления» нормы прибавочной стоимости.

4. Следует внимательно прочесть примечание Маркса (стр. 151, 30а), где он выясняет, что «норма прибавочной стоимости» тем не менее отнюдь не может служить выражением абсолютной величины эксплуатации, хотя она является «точным выражением степени эксплуатации», т. е. нельзя смешивать степень эксплуатации с абсолютной величиной ее. Первая выражается в норме прибавочной стоимости, вторая—в величине прибавочной стоимости, т. е. массе ее.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ.

Предмет исследования.

Что такое рабочий день? На первый взгляд может показаться, что это совсем праздный вопрос: рабочий день, скажут, есть та часть суток («естественного дня жизни»), в течение которой рабочий работает. Но Маркс считает, что «вопрос этот бесконечно важнее, чем знаменитый вопрос сэра Роберта Пилля, предложенный им Бирмингемской торговой палате: «что такое фунт?» (стерлингов) ¹.

Действительно, с точки зрения агентов капиталистического производства, а также в трактовке всей буржуазной политической экономии рабочий день представляется единственным и неразличным в своих частях и является не чем иным, как определенным числом часов, проведенных рабочим ежедневно за работой. Зато в системе Маркса рабочий день выступает совсем в ином свете. Заканчивая предыдущую главу и как бы подводя итоги всему исследованию «производства абсолютной прибавочной стоимости», Маркс пишет: «Сумма необходимого и прибавочного труда, периодов времени, в которые рабочий производит стоимость в возмещение своей рабочей силы и прибавочную стоимость, образует абсолютную величину его рабочего времени—рабочий день».

Единый рабочий день оказывается разделенным—и это непосредственный вывод из марксовой теории капитала и прибавочной стоимости—на две совершенно различные части: одна часть обусловлена потребностями самого рабочего (необходимое рабочее время), а другая часть—потребностью капитала в самовозрастании (прибавочное время). И все

¹ «Капитал», т. I, стр. 163, прим. 28.

единство рабочего дня сводится разве лишь к тому, что одна его часть невозможна без другой: при капиталистическом способе производства рабочий может воспроизводить стоимость средств своего существования для себя, если он производит прибавочную стоимость для капиталиста и, наоборот, последний может быть им произведена, если он производит первую.

Обе части рабочего дня—на это обычно не обращают внимания, а это между тем является решающим для понимания настоящей главы—регулируются совершенно по-разному, иными законами. Необходимое рабочее время определяется стоимостью рабочей силы, определяющейся в свою очередь стоимостью средств существования. Следовательно эта часть рабочего дня в конечном счете регулируется тем, чем регулируется стоимость любого товара—уровнем производительности труда: чем ниже этот уровень, тем выше необходимое рабочее время, и наоборот—чем выше уровень производительности труда, тем ниже необходимое рабочее время.

Но иначе обстоит дело со второй частью рабочего дня—с прибавочным временем. Чем оно регулируется? Чем определяется его величина?

Капиталистический способ производства превращает одну часть рабочего времени в прибавочную, но отсюда вытекает лишь то, что рабочий день не может равняться одному необходимому рабочему времени, он должен быть больше,—но насколько? Какие законы регулируют этот излишек? На эти вопросы общий анализ капиталистического производства, т. е. анализ, который был дан до сих пор, ответа не дает и дать не может. Вот что об этом пишет Маркс:

«...сама природа товарного обмена не дает никаких пределов для рабочего дня, а потому—никаких пределов и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно здесь получается антиномия (противоречие законов); право противопоставляется праву, причем оба они в равной мере санкционируются законом товарообмена. При столкновении двух прав решение принадлежит силе»¹.

Исследование названной Марксом антиномии и составляет содержание настоящей главы. Проблема рабочего дня превращается в проблему прибавочного времени. Чем определяется необходимое рабочее время, дано в учении о стоимости рабочей силы, а здесь исследуется, как определяется прибавочное время в результате борьбы «двух прав». Но этим предопределяется и характер исследования: оно преимущественно является фактическим и историческим, а не абстрактно-дедуктивным. На самом деле, раз из самой природы товарообмена, из того, что рабочая сила продается как товар, нельзя вывести ни величину рабочего дня, ни, стало быть, величину прибавочного времени; раз они определяются и могут определиться лишь силой, т. е. борьбой рабо-

¹ «Капитал», т. I, стр. 164—165.

чего с капиталистом, то исследование рабочего дня превращается в исследование этой борьбы, исход которой в разное время бывает разный, в зависимости от фактического соотношения борющихся сил. Так у Маркса и получилось: настоящая глава резко отличается от предыдущих глав детальными исследованиями тогдашней английской промышленности и большими экскурсами в историю экономической жизни той же Англии.

Все же необходимо помнить, что весь фактический и исторический материал настоящей главы полностью подчинен, так сказать, интересам теории: решению проблемы рабочего дня. Только особенность этой проблемы, как мы видим, в том, что она может решаться не абстрактно-дедуктивным методом, на основании абстрактного анализа товара, капитала, прибавочной стоимости, а лишь индуктивно-описательным приемом. Рассказывая, как в Англии проблема рабочего дня фактически решалась, Маркс теоретически устанавливает, как при капиталистических условиях, т. е. в любой стране, вступающей на путь капитализма, рабочий день регулируется и может регулироваться. Англия (не только в этой главе, но и в других) фигурирует лишь как классическая страна капитализма, и методы решения ею разных проблем, в том числе и проблемы рабочего дня, являются типичными, — и как таковые, они и изображаются Марксом. Интересно в этом отношении предупреждение, которое Маркс делает немецкому читателю в предисловии к 1-му изданию «Капитала». Он пишет: «Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу тех условий, в которые поставлены английские промышленные и земледельческие рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду заметить ему: «*De te fabula narratur*» (о тебе эта история рассказывается).

«Существенна здесь не более или менее высокая ступень развития тех общественных противоположностей, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»¹.

Глава разбита на семь частей. В первой части —

«Пределы рабочего дня» — Маркс приходит к выводу,

что пределы эти довольно эластичные, и определен-

Порядок исследования.

ной величины рабочий день устанавливается в результате борьбы классов — «антиномия» — решается силой. Этим Маркс определяет характер — как отмечено выше — исследуемой проблемы, и стало быть эта часть главы является введением ко всей главе, как бы объясняющим, почему необходим переход от абстрактно-дедуктивного метода к исторически описательному. Но прежде чем приступить к фактическому исследованию борьбы за рабочий день, которая ведется из-за прибавочного времени, Маркс во второй части — «Ненасытная жажда прибавочного труда» — раскрывает особенность капиталистического присвоения прибавочного труда путем сравнения его с феодальной системой эксплуатации труда. Различие получается и количественного и качественного порядка. Но об этом ниже.

¹ «Капитал», т. I, стр. XXXI.

В третьей и четвертой частях даются классические изображения «ненасытной жажды прибавочного труда». В третьей части Маркс для этой цели рисует положение в тех отраслях промышленности, которые тогда еще не подпали под действие фабричного законодательства, а в четвертой—материалом для него служит «система смен». В следующих других двух частях дается история регулирования рабочего дня со стороны государственной власти. Вначале регулирование идет в сторону удлинения рабочего дня: капиталисты сами еще не в состоянии справиться с сопротивлением рабочих новым порядкам—удлинению рабочего дня, и государственная власть приходит к ним на помощь. Затем, испугавшись собственных успехов, грозивших вырождением рабочего класса, а главное вследствие начавшейся острой борьбы за сокращение рабочего дня,—государственная власть вынуждена принять меры к регулированию рабочего дня уже в сторону его сокращения.

Последняя же часть главы знакомит с положением в других странах, с влиянием на них английского фабричного законодательства.

1. ПРЕДЕЛЫ РАБОЧЕГО ДНЯ.

Основные положения, развитые Марксом в этой части, нами использованы при характеристике «предмета исследования». Здесь необходимо подчеркнуть метод изложения. Чтобы нагляднее представить обе части рабочего дня, Маркс прибегает к графическому изображению их. Отрезок прямой линии, изображающий необходимое рабочее время, не меняется; во всех чертежах он один и тот же, меняются лишь отрезки, изображающие прибавочное время. И это вполне понятно: если дан уровень техники и культурный уровень рабочего класса, определяющие стоимость рабочей силы, то дано и необходимое рабочее время. Следовательно для каждого определенного промежутка времени, когда даны и уровень техники и уровень культурных потребностей рабочего, необходимое рабочее время является величиной данной. Зато прибавочное время такой данной величиной, как мы уже знаем, не является. Конечно, если рабочий день установлен законодательным путем или «свободным» индивидуальным договором, то постоянным является и прибавочное время (во втором случае лишь на время действия договора), но это-то и должно исследоваться. Должно исследоваться, как, под действием каких факторов рабочий день, а следовательно и прибавочное время получают свою юридическую определенность в законодательстве или индивидуальном договоре. Из того, что рабочая сила является товаром и продается по ее стоимости, вывести это—как подчеркнуто в приведенной выше цитате—нельзя. Именно в этом смысле Маркс заявляет: «Итак рабочий день есть не постоянная, а переменная величина... Поэтому рабочий день может быть определен, но сам по себе он—неопределенная величина»¹.

Все же—как выясняет Маркс дальше—эта «неопределенная величина» имеет вполне определенные пределы. Один предел—социально-экономического порядка: рабочий день не может опуститься до необходимого рабочего времени, это, как мы знаем, означало бы крушение капиталистической системы. Второй—физиологического и отчасти мораль-

¹ «Капитал», т. I, стр. 162.

ного порядка: рабочий день не может подняться до «естественного» дня жизни. И борьба идет из-за установления границы рабочего дня между указанными двумя пределами.

Маркс в форме диалога (разговора между двумя лицами) изображает спор между рабочим и капиталистом: каждый, ссылаясь на законы товарообращения, отстаивает свое право: капиталист—свое право на удлинение рабочего дня, а рабочий—на его сокращение. Этим Маркс в наглядной и живой форме устанавливает уже подчеркнутое нами выше положение, что длина рабочего дня не может быть выведена из законов обмена, в том числе и обмена рабочей силы,—она устанавливается в результате борьбы—борьбы «между собирательным капиталистом, т. е. классом капиталистов, и... рабочим классом»¹.

II. НЕНАСЫТНАЯ ЖАЖДА ПРИБАВОЧНОГО ТРУДА.

**Фабрикант
и боярин.**

Капиталистическое присвоение прибавочного труда совершенно замаскировано. «Прибавочный труд и необходимый труд сливаются вместе». Рабочий день выступает как определенное число рабочих часов, за которые капиталист полностью, как это представляется, уплатил. Не удивительно, что многие либеральные буржуазные экономисты, с большим рвением осуждавшие рабство, феодализм, крепостничество, с большим же рвением защищают капиталистический строй, отрицая в нем наличие какой бы то ни было эксплуатации. Видимость явлений на их стороне. Только теория прибавочной стоимости Маркса, раскрывая сущность капитализма, представила рабочий день в совершенно ином свете: рабочее время «свободного наемного рабочего» так же делится на необходимое и прибавочное, как и время зависимого от феодала крестьянина. Только у крестьянина это происходит наглядно до осязаемости: одну часть рабочего времени он работает у себя, а другую—на полях боярина, сущность явления не скрывается видимостью его; у наемного же рабочего все, как говорится, шито-крыто: сущность явления совершенно искажена видимостью.

Чтобы лучше освоить читателя с новым методом рассмотрения рабочего дня, Маркс сравнивает его с рабочей неделей зависимого крестьянина—и сразу становится ясным, что различие между ними сводится лишь к форме выражения присвоения прибавочного труда. Тогдашнее положение дел в дунайских княжествах, в частности в Румынии, освободило Маркса от необходимости делать экскурсы в средневековье для изучения феодальной эксплуатации. Оно доставило живой, дышащий своей свежестью и колоритностью материал—кодекс барщинных работ, который получили валашские крестьяне от «освободительницы» славян, бывшей царской России, по который продиктован был их отечественными боярами. Все же центр тяжести не в анализе этого интересного самого по себе документа, а в сравнении жажды прибавочного труда со стороны капиталиста с боярской жадой прибавочного труда, так выпукло выраженной в указанном кодексе барщинных работ. Капиталистическая жадность, даже ограниченная фабричными законами, все еще превосходит боярскую. И объясняется это конечно не тем, что капиталисты как люди хуже бояр,—такие объяснения, т. е. идеалистического порядка,

¹ «Капитал», т. I, стр. 165.

чужды марксизму,—а тем, что жажда прибавочного труда растет по мере того, как развивается обмен и натуральное хозяйство сменяется товарным (Маркс иллюстрирует это на примерах из древней и новой истории). А так как при капитализме товарное хозяйство достигает наивысшего развития, то наивысшего развития достигает и жажда прибавочного труда. Для капиталиста дорога каждая минута, и он всеми хитростями—бесчисленное множество иллюстраций дано этому в следующих параграфах—крадет ее у рабочего, так как каждая лишняя минута работы доставляет ему не просто лишний продукт, потребление которого всегда ограничено, а излишек прибавочной стоимости, накопление которой не знает никаких границ.

III. ОТРАСЛИ АНГЛИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЗ ЗАКОННЫХ ГРАНИЦ ЭКСПЛУАТАЦИИ.

Значение этого исследования.

Выдвинутый Марксом тезис, что «рабочий день есть не постоянная, а переменная величина» или что «рабочий день может быть определен, но сам по себе он не определенная величина», получает здесь полное тактическое обоснование. Факты, удостоверенные официальными отчетами и свидетельскими показаниями обеих сторон—со стороны и рабочих и самих капиталистов,—облекают этот тезис, что называется, в плоть и кровь. Здесь имеем по истине классические образцы так называемой увязки конкретного с абстрактным (одно время много в нашей методической литературе писалось на эту тему), т. е. мастерская группировка фактов вокруг теоретически выдвинутого положения. Каждый из приводимых Марксом фактов в отдельности и все они, взятые вместе, говорят, что рабочий день действительно величина неопределенная (конечно в отмеченных выше пределах) и определяется лишь—пока рабочий класс еще недостаточно организован—ничем не обузданной жаждой прибавочного труда со стороны капиталистов.

И вполне понятно, почему именно Маркс решил «приглядеться... к некоторым отраслям производства, в которых высасывание рабочей силы или и сейчас еще ничем не стеснено или не было ничем стеснено еще совершенно недавно». В этих отраслях господствовали стало быть полная экономическая «свобода», за которую так ратовали либеральные партии, и «гармония» интересов, выставлявшаяся значительной частью вульгарных экономистов (Бастия и др.).

Помимо теоретического интереса—выяснения того, как капитал фактически отвечает на вопрос, что такое рабочий день,—изображенные Марксом поистине ужасающие картины имели и большое агитационное значение. Но Каутский понимает это превратно, чисто соглашательно,—он в «Экономическом учении» пишет: «Указания Маркса не прошли совершенно бесследно. Приводимые им факты настолько очевидны и неоспоримы, что произвели впечатление не на одних только рабочих, но и на рассуждающих членов правящих классов. Некоторые успехи в фабричном законодательстве Швейцарии, Австрии и Германии немало обязаны сочинению Маркса «Капитал»¹. Успехи конечно достигнуты были

¹ Каутский И., Экономическое учение К. Маркса, стр. 71, изд. «Московский рабочий», 1913 г.

в результате классовой борьбы, а не того впечатления, которое описываемые Марксом факты «произвели на рассуждающих членов правящих классов». Факты сгруппированы по производствам, притом самым разнообразным—гончарному, спичечному, производству обоев, хлебпечению. Картина везде одна и та же. Маркс восклицает: «Вот пестрая толпа рабочих всех профессий, возрастов и полов! С большой настойчивостью преследуют они нас, чем теки убитых преследовали Одиссея»¹.

IV. ДНЕВНОЙ И НОЧНОЙ ТРУД. СИСТЕМА СМЕН.

Что капиталист понимает под рабочим днем.

Мы уже говорили, что ненасытная жажда прибавочного труда со стороны капиталиста вытекает не из особых свойств капиталиста как особой человеческой породы, а из особенностей капитала как самовозрастающей стоимости. Это положение Маркс постоянно подчеркивает, подчеркивает он его и здесь, при объяснении системы смен. «С точки зрения процесса увеличения стоимости,—так начинает Маркс настоящий параграф,—постоянный капитал, средства производства, существуют лишь для того, чтобы впитывать труд и с каждой каплей труда впитывать соответственное количество прибавочного труда. Раз они этого не делают, уже самое существование их представляет для капиталистов отрицательную величину... Присвоение труда в продолжение всех 24 часов в сутках является поэтому имманентным стремлением капиталистического производства» (подчеркнуто нами.—*P.*). Это и есть материалистическое объяснение общественных явлений: дело не в желаниях или нежеланиях действующих лиц, а в способе производства, который диктует определенные желания. Лица лишь выражают имманентные (внутренне присущие) законы способа производства. Стремления капиталистического производства выражают фигурирующие у Маркса персоны, как Сандерсоны и др. Оттого они выступают так уверенно и откровенно—до полнейшего цинизма и даже с видимой объективностью—ведь они не свои субъективные желания высказывают, а защищают интересы капиталистического производства. Если в их высказываниях и есть противоречия, например одни считают, что ночной труд, периодически сменяющийся дневным, не вреден, а другие—наоборот, что только постоянные переходы от ночного труда к дневному и обратно вредны,—то это объясняется тем, что наши капиталисты в своих суждениях о том, что менее или более вредно для рабочего, взялись, как говорится, не за свое дело. Для капитала и для капиталистов, олицетворяющих последний, этот вопрос совершенно праздный: они, выбирая ту или иную систему организации смен, меньше всего руководствуются интересами здоровья рабочего. Разговоры о последнем лишь дань лицемерию, и каждый лицемерит по-своему.

Этому лицемерию Маркс противопоставляет действительно компетентное мнение компетентных лиц—врачей—о вреде ночного труда, лишаящего рабочего возможности пользоваться солнечным светом. Кроме того система смен дезорганизует рабочий день, не дает возможности следить за соблюдением последнего: всегда кто-либо не приходит на работу, и заменяют отсутствующих теми, кто только что отработал свою

¹ «Капитал», т. I, стр. 181.

смену. Особенно это практикуется в отношении детей и подростков, как наиболее беззащитных.

Как капиталистическая практика, ничем не ограниченная извне, осуществляя принципы экономической свободы, в том числе и свободу труда, ответила на вопрос, что такое рабочий день,—мы уже знаем. Маркс предоставляет для резюме слово... самому капиталу, который устами капиталиста заявляет: «рабочий день насчитывает полные 24 часа в сутки за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной и возобновлению своей службы»¹.

Отсюда и прямой вывод, «что рабочий всю свою жизнь без изъятия есть не что иное, как рабочая сила, что поэтому все время, которым он располагает... должно целиком входить в процесс самовозрастания капитала»².

Такое потребление рабочей силы есть в то же время и ее истребление. Один английский писатель восклицает: «Хлопчатобумажная промышленность существует уже 90 лет.. В период времени, соответствующий трем поколениям английской расы, она поглотила девять поколений хлопчатобумажных рабочих!»³.

У. БОРЬБА ЗА НОРМИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ.

Установление рабочего дня перестает быть делом отдельных капиталистов, оно переходит в ведение класса капиталистов в целом, в ведение его государственной власти. И Маркс переходит к исследованию, как рабочий день регулируется этим капиталистическим коллективом—ведь и он только олицетворение капитала, только более рассудительное, чем отдельный капиталист, и следовательно более дальновидное.

Это исследование составляет содержание §§ 5 и 6, но Маркс не ограничивается исследованием нормирования рабочего дня в период уже зрелого капитализма, когда нормирование имело своей целью сокращение рабочего дня, а начинает с младенчества капитализма, отчасти даже чуть ли не с его утробного существования, когда на очереди дня стоял вопрос не о сокращении, а об удлинении рабочего дня. Может возникнуть вопрос: чем вызывается такой экскурс в глубь веков, в какой связи он находится с непосредственно трактуемой проблемой. Во-первых, таким путем наиболее яркая особенность капиталистического способа производства—ненасытная жажда прибавочного труда исследуется в ее возникновении и развитии, т. е. исследуется диалектически. Получается, как уже выяснено было, совпадение теории с историей (см. наше «Введение»). Такое исследование в свою очередь показывает, что то, что на заре капитализма считалось идеалом (12-часовой рабочий день), остается далеко позади при расцвете его. «Дом ужаса» для пауперов, о котором только мечтала капиталистическая душа 1770 г., осуществилась несколько лет спустя в виде «исполинского рабочего дома» для самих мануфактурных рабочих. Он называется «фабрикой». «Но на этот раз,—заканчивает с сарказмом Маркс,—идеал побледнел перед действительностью»⁴.

¹ «Капитал», т. I. стр. 190.

² Там же.

³ Там же, стр. 192.

⁴ Там же, стр. 201. Подчеркнуто нами. — Р.

Во-вторых, тот факт, что сама буржуазия в дни своей юности требовала принудительного нормирования рабочего дня, совершенно не смущаясь нарушением пресловутой свободы труда, за которую она так цепко держится в дни своего могущества и во имя которой она всячески противится фабричным законам о сокращении рабочего дня,—этот факт показывает, как в разные периоды существования капитализма ненасытная жажда прибавочного труда прикрывается разными «фиговыми листочками». Когда буржуазия не может еще справиться собственными силами с пролетариатом, она тогда взывает к государственной власти, чтобы та, в целях «искоренения лени, распутства и романтических бредней о свободе», заставила рабочего работать полных шесть дней в неделю, чтобы тем самым было выполнено... божественное установление, согласно которому празднуется только седьмой день, остальные дни «принадлежат труду», т. е., как замечает Маркс, «капиталу». Очень поучителен литературный поединок между сторонниками и противниками принудительных законов о рабочем дне (и те и другие с достаточной полнотой цитируются Марксом). Первые защищают буржуазию, вторые—пролетариат.

Но все течет, все меняется. Буржуазия становится настолько могущественной, что собственными силами, чисто экономическими средствами, присваивает максимум прибавочного труда. Государственное регулирование ей уже не только не нужно, но оно начинает только мешать ей. И буржуазия провозглашает принцип экономической свободы труда, прикрывая этим фиговым листком свободу эксплуатации. Роли меняются: сторонники пролетариата за законодательное нормирование рабочего дня (одним из первых борцов за фабричное законодательство является знаменитый социал-утопист Роберт Оуэн), сторонники буржуазии упорно борются против рабочего законодательства и только под влиянием рабочего движения согласились с нормированием рабочего дня.

Итак нормирование рабочего дня проходит две противоположных фазы: фазу насильственного его удлинения и фазу насильственного его сокращения. Первая—в Англии—тянется от начала XIV в. и заканчивается около половины XVIII в., вторая—начинается с начала XIX в. (1802 г.) и продолжается поныне. Но до 1833 г. фабричные законы составлялись в буквальном смысле слова клочками бумаги, не имевшими никакого практического значения. Это по той причине, что законодатели «забыли» создать аппарат, который следил бы за соблюдением издаваемых ими законов. И марксово изложение истории борьбы вокруг фабричного законодательства охватывает период с 1833 по 1866 г. «Свобода» труда настолько считалась неприкосновенной и священной, что не могло быть и речи о нормировании рабочего дня взрослых рабочих. Бой начинается с регулирования рабочего времени детей и подростков. Ввиду того, что продажа детского труда приняла характер настоящей торговли рабами, позиция защитников «свободы» детского труда была достаточно уязвима, и рабочие и их парламентарские сторонники атакуют ее в первую голову. Очень сильно обострило борьбу и придало ей особую страстность то обстоятельство, что регулирование труда для одного отряда рабочих, в данном случае детей, превратится—если не формально, то фактически—в регулирование труда всех рабочих. Юридически объектом борьбы был рабочий день для детей и подростков. Сразу же разгорается «физиологический» спор: кого считать детьми, кого

подростками,—рабочий день для первых был один, а для вторых другой, притом труд детей до определенного возраста совсем воспрещался. А так как детям, подросткам, потом и женщинам воспрещалось работать ночью, то не менее страстный спор вызывал и вопрос (уже «астрономический»), что считается днем и что—ночью. Таким образом закон, регулирующий детский труд, должен был установить: 1) длину фактического рабочего дня; сколько часов дети и подростки могут работать; 2) когда рабочий день может начаться и когда кончаться. Рабочий день мог начаться по закону, например 1833 г., в 5½ часов утра и оканчиваться в 8½ часов вечера, но работать дети в пределах этих 15 часов могли только 8 часов, а подростки—12 часов (впоследствии сроки значительно изменились). И фабриканты придумывают свою систему смен, о которой Маркс отзывается так: «... система смен явилась таким порождением фантазии капитала, какого никогда не превзошел и Фурье в своих юмористических очерках...»¹. А цель этого «порождения фантазии капитала» была совсем прозаическая: во-первых, удерживать детей и подростков все 15 часов на фабрике или около нее, так как их рабочие часы с перерывами растянулись на весь указанный срок, во-вторых, так как они каждый день, согласно этой системе, начинали работать в иной час и в ином месте (с другой группой), то, по заявлению фабричных инспекторов, не было никакой возможности контролировать выполнение закона о рабочем дне. Фабрикантам только того и нужно было.

Резюме.

В последнем параграфе, имеющем тот же заголовок, что и два предыдущих параграфа—«Борьба за нормальный рабочий день»—Маркс, резюмируя все сказанное им об этой борьбе, вкратце останавливается на фабричном законодательстве во Франции и на борьбе за 8-часовой рабочий день, провозглашенный в САСИ и на конгрессе «Интернациональной ассоциации рабочих» в Женеве.

Прежде всего одно замечание: Марксу может быть брошен упрек в том, что он забегают вперед: ведь факты, которыми он оперирует, взяты из эпохи господства уже крупной промышленности, продуктом которой является и детский труд, занимающий такое большое место в характеристике жажды прибавочного труда. А крупная промышленность исследуется в отделе «Производства относительной прибавочной стоимости»; возникает недоумение, почему Маркс эти факты вырывает из их естественного, так сказать, контекста и рассматривает отдельно. Но Маркс как бы предвидя это, пишет: «Поэтому, если в нашем историческом очерке главную роль играет, с одной стороны, современная промышленность, а с другой—труд физически и юридически несовершеннолетних, то первая имела для нас значение только как особенная сфера высасывания труда, второй—только как особенно яркий пример этого высасывания». Высасывание труда методом—следует добавить—удлинения рабочего дня является темой настоящей главы, как и всего отдела «Производство абсолютной прибавочной стоимости», но наиболее полного развития это «высасывание» достигает в крупной промышленности с ее массовым применением детского труда. А Маркс еще во введении «К критике политической экономии» писал: «Анатомия человека—ключ к анатомии обезьяны... Намеки на высшее у низших видов животных,—полагает Маркс

¹ «Капитал», т. I, стр. 212.

смысл первого предложения, — могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно»¹. В применении к нашей теме это значит: ненасытная жажда прибавочного труда присуща капиталу на всех его стадиях развития. Являясь наиболее общим свойством его, она должна анализироваться там, где дается анализ наиболее общих свойств капитала, т. е. в настоящем отделе, и должна анализироваться, как сказано раньше, исторически. Но так как эта «ненасытная жажда» получает свое «высшее» развитие в крупной промышленности, в сравнении с которой «высасывание труда» в предыдущие периоды представляет лишь «памеки» на это «высшее», то материал для характеристики указанного основного свойства капитала Марксу приходится брать именно из крупной промышленности, в частности из области детского труда. Но вопрос о детском труде в полном объеме, в частности о причинах, вызывавших его, здесь не рассматривается, — его место лишь в следующем отделе.

Отсюда кажущееся «забегание» вперед и кажущееся повторение одного и того же.

Но вернемся к резюме, которое Марксом делается в настоящем параграфе. Оно относится к характеру и направлению, в котором развивается законодательное нормирование рабочего дня. Являясь реакцией на безграничное расхищение рабочей силы, это законодательство подчиняет рабочий день общественному контролю. Выражаясь юридически, можно сказать, что рабочий день переходит из сферы частного права (где, как мы уже знаем, сталкиваются два права) в сферу публичного права — права общества охранять и защищать свою рабочую силу. Но раз общество на такой путь становится, — а это диктуется новым способом производства, — то оно не ограничивается уже только теми отраслями промышленности, в которых новый способ производства получил наибольшее свое развитие, но начинает распространять свой контроль на все производство, включая и остатки прежних способов производства (подробно об этом в XIII главе).

Борьба за рабочий день, превращаясь из борьбы «двух прав», двух индивидуумов (рабочего и капиталиста) в борьбу классов, скоро выходит и за национальные рамки и превращается в борьбу международного пролетариата с международным капиталом. «Английские фабричные рабочие, — заявляет Маркс, — были профессиональными борцами не только английского, но и всего современного рабочего класса, точно так же, как их теоретики первые бросили вызов теории капитала»².

Примечания к восьмой главе.

1. С настоящей главы иногда рекомендуют начать чтение «Капитала» ввиду легкости и доступности ее даже для малоподготовленных (см. об этом наше введение). Мы столь подробно на ней останавливаемся по следующим соображениям.

Во-первых, мы стараемся выяснить ее общее теоретическое значение и следовательно ее место в «Капитале». Все вопросы, которые рассматривались в предыдущих главах настоящего отдела, относятся не только к производству абсолютной прибавочной стоимости, но к производству прибавочной стоимости вообще, в том числе и относительной. Только в этой главе исследуется абсолютная прибавочная стоимость как таковая (производство при-

¹ «Основные проблемы политэкономии», стр. 23.

² «Капитал», т. I, стр. 220.

бавочной стоимости путем удлинения рабочего дня). И мы стараемся выяснить, во-вторых, особенность указанной проблемы и вытекающую отсюда необходимость применить индукцию и историко-описательный метод. В-третьих, в этой главе даны классические образцы применения принципов исторического материализма к объяснению таких например явлений, как фабричное законодательство, доктрина так называемой экономической свободы. В частности история рабочего дня показывает как нельзя лучше, что «современная государственная власть есть не что иное, как комитет, заведующий общественными делами буржуазии»¹.

2. Эта глава теперь находится «в загоном» (ее полностью читают только специалисты-историки). Наша задача—заинтересовать читателя этой главой, и поэтому мы ее не только комментируем, но отчасти и излагаем. Последнее, полагаем, поможет лучше ориентироваться в богатейшем фактическом материале и уяснить себе его глубокую теоретическую значимость.

Обилие фактов действует подавляюще и отпугивает неискущенного в чтении такого рода материала читателя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

НОРМА И МАССА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Предмет исследования.

Этой главой Маркс заканчивает третий отдел, заканчивает исследование «Производства абсолютной прибавочной стоимости». Прибавочная стоимость, как она исследовалась до сих пор, являясь капиталистической формой присвоения прибавочного труда, своей абсолютной величиной выражает абсолютную величину последнего, а своим отношением к переменному капиталу—степень эксплуатации, т. е. показывает, какая часть труда необходима для самого рабочего и какая часть является прибавочной. Количество рабочих и следовательно величина капитала не принимались еще во внимание, так как они не влияют ни на форму эксплуатации, ни на степень ее. Будет ли наниматься один рабочий или тысяча рабочих, абстрактно рассуждая—это для понимания капиталистической эксплуатации, степень которой определяется делением рабочего времени на необходимое и прибавочное и их отношением, значения не имеет.

В таком разрезе масса прибавочной стоимости означает лишь ее абсолютную величину, в противоположность норме ее, означающей отношение этой величины к величине переменного капитала. Но это, как сказано, лишь наиболее абстрактный подход к проблеме,—при «восхождении» же от этой абстракции к более конкретной капиталистической действительности оказывается, что «владелец денег или товаризм только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум. Здесь, как в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что часто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия»¹.

Чтобы прибавочная стоимость таким образом могла стать особой формой производственных отношений, знаменовать собою особую историческую эпоху,—она должна быть достаточных размеров и ее должно хватать не только для освобождения капиталиста от непосредственной работы и для его «прокормления», но и для накопления. А это в свою очередь предполагает наличие средств, необходимых для превращения

¹ «Капитал», т. I, стр. 223.

в капитал, тоже определенной величины. Следовательно прибавочная стоимость уже выражает не вообще присвоение прибавочного труда, а прибавочного труда объединенных единым капиталом многих рабочих, прибавочного труда коллективного рабочего, — и выдвигается проблема массы прибавочной стоимости как количество последней, созданной всем коллективом занятых рабочих. Эта проблема и исследуется в настоящей главе.

Наемный труд существовал и в докапиталистические эпохи, но он не был основой способа производства этих эпох, он был случайным и единичным явлением. Всеобщей формой труда наемный труд становится лишь при капитализме, и таковой он становится лишь потому, что капитал объединяет отдельных производителей, коллективизирует их для того, чтобы присвоить их прибавочный труд. Это и находит свое выражение в категории массы прибавочной стоимости, выражающей эксплуатацию коллективного рабочего. Этим между прочим настоящая глава подготавливает и переход к следующему отделу — «Производство относительной прибавочной стоимости», где подробно изображается объединительная роль капитала, превращение им индивидуального труда в коллективное в целях эксплуатации его. При данном рабочем дне прибавочная стоимость, доставляемая отдельным рабочим, находится в зависимости от нормы ее, — значит исследование прибавочной стоимости является в то же время исследованием отношения между нормой и массой прибавочной стоимости. На массу прибавочной стоимости влияют два фактора: степень эксплуатации и количество эксплуатируемых. Маркс формулирует законы, представляющие массу прибавочной стоимости как количественное выражение этих двух факторов и указывающие также, как и в каких пределах один из этих факторов может замещаться другим.

Порядок исследования.

Прежде всего Маркс дает наиболее общую формулу, выражающую отношение между массой и нормой прибавочной стоимости. Из этой общей формулы выводятся затем две другие, и таким образом получаются три закона, определяющие массу прибавочной стоимости. Но этим самым и понятие «масса прибавочной стоимости» расширяется, конкретизируется, становится выражением, как мы только что выяснили, эксплуатации коллективного рабочего. И Маркс заканчивает главу тем, что отмечает «немногие главные пункты» тех изменений, которые труд претерпевает под властью капитала. Они сводятся, во-первых, к превращению индивидуального производства в коллективное, во-вторых, к полному подчинению труда капиталу.

Точнее, процесс коллективизации труда при тех условиях, при которых он исторически происходит, является процессом его полного порабощения. Здесь, в этой главе, указанные пункты лишь намечены, — полное развитие они получают уже в следующем отделе.

Первый закон. Если дана масса прибавочной стоимости, то этим еще не дана норма ее. Если например известно, что прибавочная стоимость равняется 3 руб. и есть результат 6 часов прибавочного труда, то насчет нормы ее, степени эксплуатации, мы еще ничего сказать не можем. Для последнего необходимо знать либо переменный капитал, либо длину рабочего дня (вычитая из последнего прибавочное время, получают необходимое).

Точно так же при одной норме прибавочной стоимости, например при 100%, могут быть разные массы ее.

Все же каждая из них является одним из факторов, определяющих другую. Зная массу прибавочной стоимости и переменный капитал, мы можем определить и норму ее. И обратно, норма прибавочной стоимости и переменный капитал вполне определяют массу ее. Математическим выражением зависимости эти трех величин—массы прибавочной стоимости, нормы ее и переменного капитала—служит формула

$$M \text{ (масса)} = \frac{m}{v} \text{ (норма)} \times V \text{ (переменный капитал)}. \text{ Но так как } \frac{m}{v} \text{ мо-}$$

жет быть заменено отношением прибавочного труда к необходимому, а переменный капитал—стоимостью рабочей силы, помноженной на число рабочих, то этот закон получает и другое выражение— $M = K \text{ (стоимости одной рабочей силы)} \times \frac{a'}{a} \text{ (степень эксплуатации)} \times n \text{ (число рабочих)}$.

Рабочая сила берется лишь как средняя, иначе нельзя конечно помножить на число рабочих.

Такова наиболее общая формула, точно выражающая связь между массой прибавочной стоимости и ее нормой. Это также и есть первый закон, определяющий массу прибавочной стоимости как выражение эксплуатации коллективного рабочего.

Второй закон.

Он является прямым выводом из первого закона. Раз масса прибавочной стоимости определяется величиной переменного капитала, помноженной на норму прибавочной стоимости, или степенью эксплуатации, помноженной на число рабочих, то изменение одного из указанных факторов может компенсироваться изменением в противоположном направлении другого фактора. Уменьшение например степени эксплуатации или ее увеличение могут компенсироваться, т. е. масса прибавочной стоимости останется без изменения, соответствующим увеличением или уменьшением числа рабочих.

Второй закон, как уже более конкретный, имеет большое практическое значение и, как Маркс это подчеркивает, «важен для объяснения многих сложных явлений»¹. Возьмем хотя бы такое явление, как безработица: усилением степени эксплуатации можно ее значительно увеличить, а уменьшением первой можно уменьшить безработицу. Во время безработицы рабочий день удлиняется (об этом свидетельствуют и данные VIII главы), и безработица еще больше обостряется.

Третий закон.

И этот закон является непосредственным выводом из первого закона. Он формулируется Марксом так: «Производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталистов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу»².

Это, как сам Маркс замечает, «противоречит всему опыту, основанному на внешней видимости явлений». Дело в том, что равные капиталы всегда дают—точнее, имеют тенденцию давать—равные прибыли со-

¹ «Капитал», т. I, стр. 226.

² Там же, стр. 227.

вершено независимо от величины их переменных частей. Но в пределах I тома «Капитала» указанное противоречие разрешено быть не может. Производство прибавочной стоимости и присвоение ее — явления совершенно различного порядка. Первое пропорционально только переменным капиталам, так как исключительно живым трудом создается прибавочная стоимость, как и стоимость вообще. Но распределяется она между отдельными капиталистами по другим законам, которые Марксом развиты в III томе «Капитала», т. е. там, где исследуется проблема превращения прибавочной стоимости в прибыль и превращения прибыли в среднюю прибыль.

Прибавочная стоимость на поверхности явления никогда не выступает в своей всеобщей форме, т. е. как прибавочная стоимость, а выступает в своих особых формах как предпринимательская прибыль, процент, рента, т. е. как уже распределенная между всеми агентами капиталистического производства и вообще между всеми претендентами на участие в прибыли. Таким образом прибавочная стоимость скрыта, так сказать, за ее особыми формами, как бы в них растворена. Поверхностный наблюдатель, в том числе и вульгарный экономист, воспринимаящий явление так, как оно представляется, так и не видит производства прибавочной стоимости: она для него сливается с распределением, где прибыль пропорциональна (в тенденции) всему капиталу, а не только переменной ее части. Классическая политическая экономия, хотя и сводила стоимость к труду, а прибавочную стоимость — к прибавочному труду, тоже не могла разрешить указанного противоречия, поскольку она прибавочную стоимость никогда не исследовала в ее всеобщей форме, а всегда только в ее особых формах.

Прибавочная стоимость пропорциональна переменному капиталу (при неизменной степени эксплуатации), предпринимательская прибыль — всему капиталу. Тот же, кто не отличает прибавочной стоимости от прибыли, видит в этих пропорциях неразрешимое противоречие, — и школа Рикардо, — как говорит Маркс, — споткнулась об этот камень преткновения.

Размер капитала. «Из предыдущего рассмотрения производства прибавочной стоимости следует, что не всякая произвольная сумма денег и стоимость могут быть превращены в капитал, что, напротив, предпосылкой этого превращения является определенный минимум денег или меновых стоимостей в руках отдельного владельца или товаров». Дальше Маркс выражается еще более определенно. Он пишет: «Известный уровень капиталистического производства требует, чтобы вое время, в течение которого капиталист функционирует как капиталист, т. е. как олицетворенный капитал, он мог употреблять из присвоение чужого труда, а потому и на контроль над ним и на продажу этого труда»¹.

Таким образом «минимум денег» должен быть таких размеров, которые не только позволили бы купить рабочую силу и получить прибавочную стоимость, но и превратили бы владельца их в «олицетворенный капитал». Получение прибавочной стоимости для капиталиста становится особой профессией, кроме нее он ничем другим не занимается. И этим капиталист принципиально отличается от тех товаропроизводи-

¹ «Капитал», т. I, стр. 229. Подчеркнуто нами. — P.

телей, которые хоть пользуются наемным трудом, но в то же время сами работают, как например средневековые цеховые мастера.

**Миссия
капитала.**

О ней говорить во всем, что называется, объеме еще рано—историческая миссия капитала полностью выяснена будет в следующем отделе. Но и теперь, на основании исследования только производства абсолютной прибавочной стоимости, уже возможно подвести некоторый итог.

Капитал выступает как «принудительное отношение, заставляющее рабочий класс выполнять больше труда, чем это требует тесный круг его собственных жизненных потребностей». И в этом отношении он «...превосходит все прежние системы производства, покоящиеся на прямом принудительном труде»¹.

Таким образом удлинение рабочего дня далеко за пределы необходимого рабочего времени—это первое, чем ознаменовалось появление капитала. И это Марксом с особой тщательностью выяснено в VIII главе—«Рабочий день». Но принуждение со стороны капиталиста совершается не прямо, а косвенно: господство капиталиста имеет форму господства вещей—средств производства. «И уже не рабочий употребляет средства производства, а средства производства употребляют рабочего. Не он потребляет их как материальные элементы своей производительной деятельности, а они потребляют его как фермент (возбудитель) собственного жизненного процесса, а жизненный процесс капитала заключается лишь в его движении как самовозрастающей стоимости»².

¹ «Капитал», т. I, стр. 230.

² Там же.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Предмет исследования.

При исследовании производства абсолютной прибавочной стоимости исходят из того, что стоимость рабочей силы и следовательно необходимое рабочее время—величины постоянные. Переменным же является прибавочное время и следовательно рабочий день в целом, из-за которого ведется ожесточеннейшая война.

Исходным моментом исследования производства относительной прибавочной стоимости, наоборот, является постоянство рабочего дня, а переменным является необходимое рабочее время. А так как последнее может меняться и фактически менялось в результате повышения производительности труда, что в свою очередь есть результат изменения техники и организация производства, то в настоящем отделе должно быть исследовано—как технический прогресс под властью и методами капитала реализуется в производстве относительной прибавочной стоимости.

В предыдущем отделе, исследуя абсолютную прибавочную стоимость, Маркс, как было уже подчеркнуто, исследовал прибавочную стоимость вообще, т. е. не только исследовалось то, как при помощи удлинения рабочего дня увеличивается прибавочное время, но прежде всего изучалось, как прибавочный труд вообще находит свое выражение в прибавочной стоимости и как последняя изменяется в ее массе и форме. Поэтому настоящий отдел не только дополняет предыдущий отдел, исследуя другую форму прибавочной стоимости—относительную, но и строится на принципах, развитых в предыдущем отделе. Исходя уже из того, что прибавочный труд принимает форму прибавочной стоимости, Маркс исследует теперь, как повышение производительности труда превращается в повышение прибавочной стоимости. Различие между процессом труда и процессом увеличения стоимости—с чего Маркс начинает изучение производства абсолютной прибавочной стоимости—примет теперь форму различия между процессом повышения производительности труда и процессом увеличения прибавочной стоимости. Словом, если раньше мы знакомились с тем, как капитал овладел трудом, то теперь мы должны знакомиться, как он его реорганизует.

В предыдущем отделе исследовались основные категории, выражающие капиталистические отношения,—капитал, прибавочная стоимость,

масса и норма прибавочной стоимости, прибавочное и необходимое время. Производственные отношения—форма развития производственных сил, но как производственные силы развиваются при капиталистических отношениях, в предыдущем отделе не исследовалось. Предполагалось лишь, что товарное производство достигло такого уровня развития, при котором одни товаропроизводители превратились в пролетариат, а другие—во владельцев крупных денежных сумм. В настоящем отделе уже исследуется развитие производительных сил при капиталистических отношениях. Последние, как и производственные отношения любой экономической формации, не только результат развития производительных сил, но и воздействуют на последние, революционизируя их. Это наиболее наглядно показано в настоящем отделе.

И в этом отделе теоретический анализ дополняется и чередуется с историческими исследованиями. Точнее, теоретическое исследование, воспроизводя процесс реорганизации труда под властью капитала в его возникновении и развитии через противоречия, т. е. воспроизводя этот процесс диалектически, тем самым воспроизводит и основные этапы его истории. Современная крупная фабрика представляет, во-первых, скопление многих работников в одном месте и под властью одного капитала; во-вторых, техническое разделение между ними труда: каждый рабочий выполняет лишь одну техническую операцию, а чаще всего лишь часть операции, одну какую-либо деталь. В-третьих, каждый рабочий прикреплен к определенной машине, являясь часто как бы придатком ее. Теоретическое изучение перечисленных моментов—объединение людей, разделение между ними работы, подчинение их стальному механизму из бесчисленного множества машин—превращается в историческое исследование кооперации, мануфактуры, машинного производства. Отдельные ступени теоретического анализа и их теоретическая, если можно так выразиться, последовательность совпадают со ступенями исторического развития и исторической последовательностью.

В этом, как неоднократно нами уже отмечалось, одна из особенностей марксова метода. Но особенность эта наиболее ярко выступает в настоящем отделе. При беглом чтении кажется даже, что мы имеем лишь ряд исторических экскурсов, не имеющих особого значения для теории. На самом деле теория производства относительной прибавочной стоимости приняла как бы форму ряда исторических очерков, из которых каждый, изображая определенный этап в историческом развитии, является и определенной ступенью теоретического исследования.

Порядок исследования. Вначале, в главе «Понятие относительной прибавочной стоимости», Маркс дает теоретическую установку всего отдела: определяет различие между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью и намечает чисто теоретически, как повышением производительности труда при неизменности длины рабочего дня увеличивается прибавочное время за счет сокращения необходимого. Затем исследование принимает исторический характер, но в том смысле, в котором указано выше. Каждая из последующих глав не только освещает один из этапов поступательного движения капитала, но является также и анализом одной из сторон превращения процесса повышения производительности труда в процесс производства относительной прибавочной стоимости.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ПОНЯТИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

**Предмет
исследования.**

Мы уже отметили, что в этой главе Марксом дается теоретическая установка всего отдела—дается именно «понятие относительной прибавочной стоимости». Относительная прибавочная стоимость—это та же прибавочная стоимость, что и абсолютная, т. е. и та и другая есть капиталистическая форма присвоения прибавочного труда, который тратится в прибавочное время. В этом смысле различия между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью нет, разница лишь в тех методах, коими получается прибавочный труд. Ведь прежде чем его присвоить, он должен быть, должен существовать объект эксплуатации.

Прибавочный труд существует во всех антагонистических обществах, т. е. в обществах, построенных на господстве одного класса над другими,—именно в присвоении прибавочного труда вся сущность классового господства. Но капитализм превосходит прежние классовые общества, во-первых, тем, что он сильно увеличил прибавочный труд, во-вторых, методами увеличения его.

Последнее особенно имеет место при производстве относительной прибавочной стоимости. Когда капиталист увеличивает прибавочный труд только удлинением рабочего дня,—его метод выжимания чужого труда пока по своей сущности (мы здесь не касаемся различия форм присвоения прибавочного труда, об этом сказано в главе VIII) тот же, что у феодалов или рабовладельцев. Последние в подавляющем большинстве производят потребительные стоимости, а капиталист—стоимости. Поэтому капиталист от них отличается разве только тем, что выжимает больше, чем они (у капиталиста, как производителя стоимости, больше стимулов к жадности). Зато в производстве относительной прибавочной стоимости капитал вступает, что называется, на свой собственный путь: он увеличивает прибавочное время за счет сокращения необходимого рабочего времени. Удлинение рабочего дня, во-первых, как мы уже знаем, наталкивается на значительное сопротивление, во-вторых, оно капиталиста не удовлетворяет вследствие его ограниченности.

Но прежде чем приступить к исследованию нового пути, по которому исторически развивался капитал, Маркс теоретически показывает возможность увеличения прибавочного труда без удлинения рабочего дня, т. е. показывает, каким образом капиталистические отношения, являющиеся и своеобразными товарными отношениями между рабочим и капиталистом, таит в себе возможность и производства относительной прибавочной стоимости. Такова (в абстрактном подходе к проблеме) задача настоящей главы.

**Порядок
исследования.**

Маркс вновь дает графическое изображение рабочего дня и распада его на необходимое и прибавочное время, представляющее наиболее наглядно две возможности увеличения прибавочного времени. А затем показывает, как вследствие удешевления рабочей силы, которое в свою очередь возможно благодаря повышению производительности труда в отраслях производства, доставляющих средства существования рабочего, происходит увеличение прибавочного времени при неизменности длины рабо-

чего дня. Но тут же исследуется Марксом и тот случай, когда повышение производительности труда происходит и в отраслях производства, не изготовляющих ничего такого, что могло бы прямо или косвенно повлиять на стоимость рабочей силы, например производство предметов роскоши. Этот случай имеет особый интерес, и мы дальше на нем остановимся отдельно.

Заканчивается глава очень важным для характеристики капиталистических отношений выводом: «...при капиталистическом производстве экономия на труде, получающаяся вследствие развития производительной силы труда, отнюдь не имеет целью сокращение рабочего дня». И дальше: «При капиталистическом производстве развитие производительной силы труда имеет целью сократить ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и как раз для того, чтобы удлинить другую часть рабочего дня, в течение которой рабочий даром работает на капиталиста»¹.

Две части рабочего дня.

Деление рабочего времени на необходимое и прибавочное никак при капитализме не фиксируется, как например при феодальных отношениях. В главе «Рабочий день» Маркс иллюстрировал на примере придурайских княжеств, как при господстве феодализма фиксируется то время, которое крепостной должен отдавать помещику, а остальное время он работает на себя. Ничего подобного нет при капитализме: если рабочий день дан, то увеличение прибавочного труда зависит от стоимости рабочей силы, определяющей размер необходимого труда. Но стоимость рабочей силы, определяющаяся стоимостью средств существования рабочего, не зависит ни от обычая и ни от какого-либо законодательного нормирования.

Рабочая сила подешевеет или вздорожает в результате развития техники, развития производительной силы труда, которое совершается стихийно, за спиной, как говорится, капиталиста.

Тут же мы имеем также принципиальное различие между двумя методами увеличения прибавочного времени: методом удлинения рабочего дня и методом удешевления рабочей силы. Первое совершается сознательно: либо законодательным путем, либо непосредственным нажимом со стороны предпринимателя. Второе—увеличение прибавочного времени при помощи удешевления рабочей силы—совершается, как сказано, стихийно и специфически присуще только капитализму.

Относительная прибавочная стоимость.

Удешевить рабочую силу отдельный капиталист, как сказано, не в состоянии,—это получается лишь в результате разрозненных действий всех капиталистических предпринимателей. Маркс пишет об этом следующее: «Когда отдельный капиталист путем повышения производительной силы труда удешевляет свой товар, например рубашки, то он, быть может, вовсе и не задается целью соответственно понизить стоимость рабочей силы, а следовательно и необходимое рабочее время, однако лишь постольку, поскольку он в конце концов содействует этому результату, он содействует повышению общей нормы прибавочной стоимости. Общие и необходимые тенденции капитала следует отличать от формы их проявления»².

¹ «Капитал», т. I, стр. 239—240.

² Там же, стр. 235.

Анализом относительной прибавочной стоимости Маркс разрешает то противоречие, над которым бились лучшие буржуазные экономисты еще со времени Кене. Капиталист, как товаропроизводитель, т. е. производитель меновой стоимости, а не потребительной, — заинтересован в повышении стоимости, а не в понижении ее, на деле же получается ее понижение. Но «ларчик просто открывается»: уменьшением стоимости товаров уменьшается и стоимость рабочей силы, и стало быть увеличивается прибавочная стоимость вследствие увеличения прибавочного труда. Если стоимость обратно пропорциональна производительности труда, то относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна последней. А капиталист, в отличие от простых товаропроизводителей (буржуазные экономисты обычно это различие игнорируют), заинтересован именно в увеличении не стоимости, а прибавочной стоимости, а объективный результат его действий, повышение производительной силы труда, идет именно ему на пользу.

Это и показывает, насколько вульгарные экономисты, как Уре и Сениор, искажают капиталистическую действительность, утверждая, «...что рабочий должен быть благодарен капиталу за развитие производительных сил...»¹.

Избыточная прибавочная стоимость.

Относительная прибавочная стоимость — это, как мы видим, общий результат, общий итог разрозненных действий капиталистов. Возникает вопрос: что же руководит непосредственно отдельным предпринимателем, когда он удешевляет товары? Им руководит жажда получения избыточной прибавочной стоимости. И Маркс выясняет на примере, как разница между индивидуальной стоимостью товаров и общественной их стоимостью доставляет отдельным капиталистам избыточную прибавочную стоимость.

Последнюю необходимо строго отличать от относительной прибавочной стоимости: во-первых, она получается еще до того, как стоимость рабочей силы понизилась, т. е. еще до того, как производительность труда, доставляющего средства существования рабочего, стала всеобщей и изменила общественную стоимость этих средств существования. Во-вторых, она получается и в тех отраслях производства, которые не производят ни предметов потребления рабочего, ни орудий труда для их производства.

Общее повышение производительности труда при капитализме обычно начинается с повышения ее на отдельных предприятиях. Следовательно избыточная прибавочная стоимость предшествует относительной, — точнее, по мере того как новый уровень техники или организации труда из частного случая становится общим, избыточная прибавочная стоимость сменяется относительной прибавочной стоимостью. Но это только в отраслях труда, производящих предметы потребления рабочего и средства производства. В производстве например предметов роскоши избыточная прибавочная стоимость с распространением нового уровня производительности труда на большинстве предприятий совершенно исчезает. И тогда сызнова начинается «сказка про белого бычка»: отдельные предприниматели в погоне за избыточной прибавочной стоимостью устанавливают новые, что называется, рекорды повышения производительной

¹ «Капитал», т. I, стр. 240.

силы труда и т. д.—до бесконечности, т. е. до... конца капитализма.

Всестороннее исследование этого явления уже выходит за пределы I тома «Капитала», так как на поверхности явления и в сознании агентов капиталистического производства погоня за избыточной прибавочной стоимостью принимает и форму погоня за избыточной прибылью, а последняя исследуется Марксом в III томе «Капитала».

Примечания к десятой главе.

Наше разграничение между избыточной прибавочной стоимостью и относительной прибавочной стоимостью может вызвать возражение: могут сказать, что нет основания для такого разграничения. И при избыточной прибавочной стоимости, утверждают, имеются те же признаки, что и при относительной прибавочной стоимости, а именно: 1) рост производительности труда, 2) сокращение необходимого рабочего времени (поэтому рабочий стоимостью своей рабочей силы воспроизводит в меньшее число часов), 3) увеличение прибавочного времени. Все это, скажем мы, верно, но при избыточной прибавочной стоимости нет удешевления рабочей силы, так как повышение производительности труда имеет место либо в отдельных предприятиях, либо в таких отраслях труда, которые не влияют на стоимость рабочей силы. А это, по-настоящему, и является достаточным основанием для указанного разграничения.

Раз стоимость рабочей силы осталась на прежнем уровне, то избыточная прибавочная стоимость сводится лишь к разнице между общественной стоимостью и индивидуальной. Отсюда и основное различие между относительной прибавочной стоимостью и избыточной. Первая достается всему классу капиталистов и есть капиталистическое выражение восторжествовавшего технического прогресса, получившего, что называется, уже право гражданства. Вторая достается только отдельным капиталистам, «пионерам» технического прогресса.

Избыточная прибавочная стоимость есть та ближайшая цель, к которой стремится отдельный капиталист в своей конкурентной борьбе с другими капиталистами. Следовательно она выражает не только отношение между рабочими и капиталистами (как форма присвоения прибавочного труда), но и отношение между самими капиталистами. Она достается наиболее мощным из них в ущерб остальным, а также еще более увеличивает мощь сильнейших. Маркс показывает, как избыточная прибавочная стоимость дает возможность в целях конкуренции продавать выше индивидуальной стоимости, но ниже общественной. Относительная прибавочная стоимость—это уже общий итог, к которому ведет развитие капитализма и в котором, так сказать, *погасли* отдельные действия отдельных капиталистов. Она—относительная прибавочная стоимость—находит свое выражение в общем повышении нормы прибавочной стоимости и с этой точки зрения представляет отношение между рабочим классом и всем классом капиталистов.

Относительная прибавочная стоимость есть *общий* итог, *общий* результат к которому капиталисты приходят в результате разрозненных действий отдельных капиталистов.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

КООПЕРАЦИЯ.

Предмет исследования.

«Совместный труд,—пишет Маркс в начале этой главы,—значительного числа рабочих, об единенных в одном и том же помещении (или, если угодно, на одной и той же арене труда) для производства одного и того же сорта товаров, под руководством одного и того же капиталиста, и исторически и логически образует исходный пункт капиталистического производства». Этим логически и исторически исходным пунктом является простая кооперация, и она исследуется в настоящей главе.

Кооперация вообще—не изобретение капитала, ее мы встречаем

в разных общественных формациях; она широко практиковалась в древних азиатских деспотиях, памятниками чего являются громадные пирамиды и другие колоссальные сооружения древности. Один из цитируемых Марксом авторов называет даже охоту (первобытную) простой формой кооперации¹. Но докапиталистическая кооперация покоится: 1) либо на совместном владении средствами производства, как например в индийских общинах, 2) либо «на том, что отдельный индивидуум не порвал еще пуповины, связывающей его с племенем или общиной...», 3) либо наконец «...на отношениях непосредственного господства и подчинения—обыкновенно на рабстве»². Но не эта кооперация и не кооперация вообще изучаются в данной главе. Ее предметом является именно та кооперация, которая, во-первых, возникла на заре капитализма в противовес ремесленному и индивидуальному крестьянскому труду, во-вторых, объединяет не труд вообще, а только наемный труд. В-третьих, и логически кооперация является простейшей формой (исходным пунктом) капиталистического производства, так как капитал противопоставляется—это уже было нами подчеркнуто при изучении массы прибавочной стоимости—не отдельному рабочему, а целому коллективу, коллективному труду. Наконец, в-четвертых, кооперация исследуется постольку, поскольку она, повышая производительную силу труда, увеличивает прибавочный труд и следовательно служит источником относительной прибавочной стоимости.

Изучаемая таким образом здесь кооперация есть, с одной стороны, процесс коллективного труда, а с другой стороны—процесс производства относительной прибавочной стоимости. И метод исследования в настоящей главе такой же, как в V главе, где изучались процесс труда и процесс увеличения стоимости как две противоречивые стороны единого капиталистического производства. Только там последнее изучалось в наиболее общей форме; здесь оно изучается более конкретно, на стадии простой кооперации.

Задача дальнейших исследований, в том числе и исследований настоящей главы,—в изучении диалектического процесса развития капитализма, в изучении того, что «...если, с одной стороны, капиталистический способ производства исторически необходим для превращения процесса труда в общественный процесс, то, с другой стороны, эта общественная форма процесса труда представляется методом, который применяется капиталом с целью выгоднее эксплуатировать труд путем повышения его производительной силы»³. И то и другое—и «превращение процесса труда в общественный процесс» и «способ более выгодной эксплуатации труда путем повышения его производительной силы»—невозможно без привлечения к анализу обеих сторон капиталистического производства—процесса кооперирования труда и процесса увеличения прибавочной стоимости.

В заключение отметим еще один важный момент. Если в третьем разделе—«Производство абсолютной прибавочной стоимости»—исследование базировалось на противоречии между процессом труда и процессом увеличения стоимости, то теперь, начиная с анализа кооперации, ука-

¹ «Капитал», т. I, стр. 250, прим. 23а.

² Там же, стр. 251.

³ Там же.

занное противоречие конкретизируется, принимает форму противоречия между процессом труда, ставшим общественным, и процессом увеличения стоимости, т. е. ростом частного присвоения.

«Таким образом,—заключает Маркс,—по своему содержанию капиталистическое производство носит двойственный характер, соответственно двойственности самого подчиненного ему производственного процесса, который, с одной стороны, есть общественный процесс труда, имеющий целью изготовление продукта, с другой стороны—процесс самовозрастания капиталистической стоимости».

Противоречие между абстрактным трудом и конкретным является для простого товарного хозяйства противоречием между трудом, создающим стоимость, и трудом, производящим потребительную стоимость, а на первых стадиях анализа капитализма оно принимает форму противоречия между процессом труда и процессом увеличения стоимости; при дальнейших исследованиях оно уже выступает более конкретно, как противоречие между общественным трудом и превращением возросшей производительной силы его в источник возрастания прибавочной стоимости, в источник относительной прибавочной стоимости.

Порядок исследования.

Исследование ведется Марксом в указанных выше двух разрезах: исследуется процесс коллективного труда в форме простой кооперации и процесс в этой же форме производства относительной прибавочной стоимости. Дав общую характеристику кооперации в качестве исходного пункта капиталистического производства, Маркс приступает к подробному описанию преимуществ кооперации перед индивидуальным трудом. Все перечисленные Марксом преимущества обусловлены исключительно природой кооперированного труда, совершенно независимо от общественно-исторической формы его. А затем Маркс дает анализ исторически обусловленной общественной формы кооперации, сводящей производительные силы последней к производительной силе капитала. И тут указывается, что все особенности кооперации материально-технического характера находят и соответствующие социально-экономические выражения.

Общая характеристика кооперации.

Собирание отдельных производителей, бывших до того вполне самостоятельными и независимыми, и подчинение их власти одного капитала представляет длительный исторический процесс, сопровождавшийся большими переворотами. В общем и целом эта «миссия» начата была еще торговым капиталом. Но Маркс берет уже готовый, так сказать, исторический результат, совершившийся уже факт, так как сам исторический процесс, приведший к такому результату, относится к периоду первоначального капиталистического накопления и исследуется Марксом в конце книги особо.

Для исследования стоящей здесь проблемы достаточно этот факт взять как исходный пункт.

Но кооперация есть и логически исходный пункт капиталистического производства. Что под этим нужно понимать—мы уже говорили выше, но не лишне будет привести еще одну цитату, дающую точный ответ на данный вопрос: «Его (капитала.—Р.) предпосылка—одновременное применение значительного числа наемных рабочих в одном и том же процессе труда,—образует исходный пункт капиталистического про-

изводства. Без этого условия невозможно самое существование капитала»¹.

В этом исходном пункте капиталистическое производство отличается от ремесленного—речь идет об отличиях технического и организационного порядка—только количественно, размером производства. Но и этот факт, как подчеркивает Маркс, находит свое экономическое выражение. Кооперация действует нивелирующим образом, стирая индивидуальные различия и превращая отдельного рабочего в среднего рабочего.

«Пусть рабочий день одного человека продолжится например 12 часов. Тогда рабочий день двенадцати одновременно занятых рабочих составляет совокупный рабочий день в 144 часа, и хотя труд каждого из этой дюжины рабочих более или менее отклоняется от среднего общественного труда... тем не менее рабочий день отдельного рабочего, рассматриваемый как одна двенадцатая совокупного рабочего дня в 144 часа, обладает средним общественным качеством»².

Если таким образом при господстве мелкотоварного производства сведение индивидуального труда к общественно-необходимому проявляется через рынок, проявляется тем, что каждый товар независимо от того, каким трудом он был произведен, рассматривается как средний экземпляр данного сорта товаров,—то при капиталистическом производстве, даже в простейшей его форме, в простой кооперации, индивидуальный труд превращается в общественно-необходимый уже в самом производстве. Капиталист с самого начала производит товары общественно необходимым трудом.

Преимущества кооперированного труда.

Они сводятся: 1) к экономии в средствах производства, 2) к повышению производительности труда через соревнование, 3) к выполнению таких операций,

которые совсем недоступны отдельным работникам, действующим разрозненно—в последнем случае дело идет «о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила»³, 4) к охвату предмета труда одновременно с разных сторон, как при постройках, 5) к выполнению работы в кратчайший срок в так называемые критические периоды; как например при полевых работах, 6) наконец к возможности сосредоточить много труда и средств производства на небольшом сравнительно участке работы, но зато с целью наиболее интенсивно его использовать. Перечисленные моменты, обусловленные самой природой соответствующих факторов труда (предмета труда, орудий труда и общих его условий), а также самим процессом труда,—имеют важное и подчас решающее значение как для докапиталистической кооперации, так и для капиталистической. В этом смысле они не принадлежат к исторически обусловленной эпохе: общество (человек—животное социальное) не может существовать, а тем более не может развиваться на одном индивидуальном труде. Но кооперация под властью капитала приобретает новые черты, уже вполне исторически обусловленные; она принимает форму производства относительной прибавочной стоимости.

Кооперация также выдвигает такие проблемы, которые совсем неиз-

¹ «Капитал», т. I, стр. 251. Подчеркнуто нами. — P.

² Там же, стр. 241.

³ Там же, стр. 243.

гестны индивидуальному труду. «Отдельный скрипач,—говорит Маркс,—сам «управляет собою, оркестр нуждается в дирижере». Власть дирижера есть не что иное, как власть коллектива над отдельными индивидуумами: каждый участник коллектива должен в своей работе приспособляться к целому. Это приспособливание получает свое внешнее выражение в руководстве со стороны дирижера. Следовательно обусловленное кооперацией выдвижение руководителей производства, взятое абстрактно, вне, так сказать, капиталистической «оболочки», не содержит в себе еще ничего антагонистического, не представляет собой еще никаких социально-экономических проблем. Перед нами пока лишь организационная проблема. Но она становится социально-классовой проблемой, когда дирижером является капиталист, выражающий собой уже не власть коллектива, а власть капитала.

**Кооперация
как форма
капиталистиче-
ского произ-
водства.**

Власть капитала, как мы уже знаем, и логически и исторически есть власть над коллективным трудом. Возникновение капитала означает в то же время объединение и обобществление труда и господство над этим обобществленным трудом. Все преимущества

кооперированного труда над индивидуальным становятся преимуществами капиталистического производства над мелкотоварным. Капитал уже в простой кооперации находит соответствующую своей природе форму движения вперед: производительная сила обобщественного труда, являясь источником относительной прибавочной стоимости, является также и источником накопления—все в больших размерах—капитала. Но власть капитала упрочивается не только количественно, но и качественно. «Подобно тому,—говорит Маркс,—как общественная производительная сила труда, развиваемая кооперацией, принимает вид производительной силы капитала, точно так же и сила кооперации противостоит процессу производства отдельных самостоятельных работников или мелких мастеров и как специфическая форма капиталистического процесса производства»¹.

На стороне капитала—вся сила обобщественного труда. Каждый отдельный рабочий владеет только своей индивидуальной рабочей силой, и ему противостоит капитал, представляющий всю коллективную силу кооперированных им рабочих. «Их кооперация начинается лишь в процессе труда, но в процессе труда они уже перестают принадлежать самим себе. Вступив в эту область, они сделались частью капитала. Как кооперирующие между собой рабочие, как члены одного развивающего деятельность организма, они представляют лишь особые способы существования капитала»².

Власть коллектива над отдельными его членами, о которой мы говорили выше, и становится властью капитала над трудом, так как весь коллектив есть не что иное, как особая форма существования капитала.

Примечания к одиннадцатой главе.

1. Глава легкая. Но ее или совсем не читают, или, что называется, бегло пробегают. Мы старались объяснить значение этой главы и ее место в «Капитале». Здесь хотим отметить еще одну сторону. В этой главе дана классическая характеристика коллективного труда еще в его простейших формах,—в отличие

¹ «Капитал», т. I, стр. 251.

² Там же, стр. 250.

от индивидуального труда. Таким образом эта глава, помимо громадного ее значения для понимания исходного пункта капиталистического производства, имеет еще и самостоятельное значение, особенно для советского читателя, для которого вопросы коллективизации труда мелких товаропроизводителей (в особенности же создание сельскохозяйственных коллективов и организация труда в них) являются актуальными вопросами современности.

2. В этой главе, как и в следующих, нельзя упускать из виду противоречие между *начавшимся процессом* коллективизации труда (в следующих главах рисуется дальнейшее развитие капитализма) и его капиталистической формой. А это противоречие должно быть увязано с противоречием между потребительной стоимостью и конкретным трудом—с одной стороны, и стоимостью и абстрактным трудом—с другой. Маркс восходит от анализа противоречия «экономической ячейки буржуазного общества» (товара) к анализу развития этого противоречия в развитой капиталистической системе. Путь этого восхождения лежит через кооперацию, мануфактуру, машинное производство и т. д.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В МАНУФАКТУРЕ.

Предмет исследования.

Простая кооперация постепенно развивается в сложную организацию системы разделения труда, в мануфактуру, которая Марксом исследуется в тех же двух разрезах, что и кооперация; во-первых, мы исследуем процесс труда в мануфактуре, а во-вторых—капиталистический характер последней. В обоих случаях мануфактура представляет дальнейший шаг в развитии капиталистического производства.

Кооперация (простая) только объединяет труд, но не изменяет его,—мануфактура уже представляет изменение самого процесса труда, расщепление его на отдельные операции. И Маркс выясняет: 1) генезис, возникновение мануфактуры, 2) общие черты ее и 3) отдельные ее виды. Но мануфактура не только особая форма организации процесса труда, но и особая форма производства относительной прибавочной стоимости,—точнее, ее организационные и технические особенности делают ее в тех исторических условиях, при которых она возникла, особым методом производства относительной прибавочной стоимости. А это уже превращает организационно-технические моменты мануфактуры в материальную основу социально-экономических.

Но перед Марксом в исследовании мануфактуры стояла еще одна важная задача: нужно было выяснить различие мануфактурного разделения труда от разделения труда, которое имеет место, с одной стороны, в организованном обществе, например в индийской общине, с другой—в неорганизованном обществе: между незатесанными отдельными товаропроизводителями. Целый ряд исследователей сводит это различие исключительно к техническим моментам: в мануфактуре разделение труда пошло гораздо дальше, чем в родовой общине или между отдельными товаропроизводителями. Ад. Смит даже подошел к этому вопросу, как Маркс говорит, чисто субъективно: в мануфактуре разделение труда видно—бросается, что называется, в глаза,—а в обществе оно незаметно. Только диалектический метод, требующий рассмотрения каждого явления в его исторически конкретной обусловленности, дал возможность Марксу правильно осветить особенности мануфактурного разделения труда, увидеть в нем не технический или субъективный момент, а социально-экономический, строго отличающий мануфактуру, от других форм разделения труда.

Порядок исследования.

Глава начинается с исследования генезиса мануфактуры. Марксом рассматривается «двойное происхождение мануфактуры». Затем он останавливается на характеристике мануфактуры уже в ее завершенном виде: с одной стороны—на характеристике отдельных ее элементов—«частичного рабочего и его орудия», а с другой,—системы в целом, представляющей «две основные формы мануфактуры»: гетерогенную... и органическую. Но здесь преимущественно исследуется мануфактура как особая форма организации процесса коллективного труда, причем все исследование ведется в исторических тонах. А об этой особенности марковского метода—об «увязке» им теории с историей—мы уже говорили.

В последних двух параграфах—«Разделение труда в обществе» и «Капиталистический характер мануфактуры»—Маркс уже выясняет социально-экономические особенности мануфактуры, т. е. и в этой главе им применяется уже известный нам из предыдущих глав его метод исследования сначала процесса труда как процесса производства потребительных стоимостей, а затем его исторически обусловленной общественной формы. В применении к мануфактуре это означает, что вначале Маркс рассматривает мануфактуру с точки зрения увеличения ею производительности труда и следовательно увеличения продуктов труда, т. е. потребительных стоимостей. А затем уже показывается, как возросшая производительность труда выражается в возросшей прибавочной стоимости и как мануфактура вообще закрепляет власть капитала вследствие того, что она представляет технический и организационный прогресс в области производства материальных благ.

I. ДВОЙНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАНУФАКТУРЫ.

Исходным пунктом мануфактуры является, как мы уже знаем, простая кооперация. И в зависимости от того, какой труд кооперируется—однородный или разнородный,—различен путь образования мануфактуры. Объединение различных ремесленников, нужных для производства одного и того же сложного продукта, как например в каретном деле, ведет к образованию мануфактуры не путем разделения между ними труда—труд между ними и раньше был разделен,—а путем сужения сферы их работы. Слесарь, столяр, портной и т. д. перестают заниматься своими ремеслами в полном, как выражается Маркс, объеме, а занимаются ими постольку, поскольку это нужно для каретного дела; из всесторонних мастеров они превращаются в частичных рабочих этого дела. Объединение же однородных работников ведет к образованию мануфактуры уже путем разделения труда: труд, скажем—портняжный или сапожный, разлагается на отдельные операции, которые ставятся специальностями отдельных работников. Раньше они были мастера одной профессии, а теперь, в результате разложения их ремесла, они стали различаться между собою по тем узким операциям, на которых им приходится специализироваться.

Различие между первым и вторым способом образования мануфактуры можно, если немного забежать вперед, формулировать еще так: в первом случае общественное разделение труда, разделение труда между независимым ремесленником, превратилось в техническое и мануфактурное разделение труда. Во втором случае впервые создается разделение

труда между такими работниками, которые до того выполняли одну и ту же работу. «Но каков бы ни был,—резюмирует Маркс,—ее (мануфактуры.—Р.) исходный пункт в том или другом частном случае,—ее конечная форма всегда одна и та же: производственный механизм, органами которого являются люди»¹.

II. ЧАСТИЧНЫЙ РАБОЧИЙ И ЕГО ОРУДИЕ.

Отличие мануфактуры от кооперации.

В приведенном резюме ярко выражена особенность мануфактуры, отличающая ее от простой кооперации. В простой кооперации мы не имеем «производственного механизма, органами которого являются люди». Все участники ее остаются такими же самостоятельными ремесленниками (речь идет о технической самостоятельности, экономически они зависят теперь от капитала), какими они были до кооперирования.

Мануфактурные рабочие теряют и свою техническую самостоятельность: они превращаются в частицы целого, вне которого они работать не могут. Процесс коллективизации труда делает значительный шаг вперед, а это в свою очередь коренным образом изменяет и отношение между рабочими и капиталистами. Но об этом дальше, а пока Марксом выясняется лишь, каким образом мануфактурное разделение труда, превращая работников в органы производственного механизма, повышает производительность труда их.

Причины повышения производитель- ности труда при мануфактуре.

Последняя обуславливается целым рядом причин. Во-первых, постоянное выполнение одних и тех же операций вырабатывает значительную ловкость и быстроту в работе, а это значит, что в каждую единицу времени производится гораздо больше продуктов. Во-вторых, уплотняется рабочее время вследствие уничтожения промежутков, связанных с переходами от одних операций к другим. Это находит свое выражение в большом производстве потребительных стоимостей. Повышается интенсивность труда: уничтожение существующих между различными операциями остановок, промежутков, есть в то же время и уничтожение передышек, отдыха, который доставляют переходы от одной операции к другой. В-третьих, разложение сложного ремесла на отдельные операции дает возможность использовать все индивидуальные особенности отдельных работников, т. е. каждому из них поручаются те операции, к которым они наиболее приспособлены (последнее устанавливается наблюдением). Наконец в повышении производительности мануфактурного труда большую роль играет специализация инструмента: последний приспособляют к отдельным несложным работам, и его действия становятся гораздо эффективнее.

III. ДВЕ ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ МАНУФАКТУРЫ.

Здесь Марксом исследуется (как отмечено было раньше) мануфактура в целом как действующая система. Но прежде всего он характеризует две ее основные формы. Гетерогенная мануфактура—это еще несовершенная мануфактура, отдельные ее элементы слабо связаны между собой и легко распадаются.

¹ «Капитал», т. I, стр. 254.

Органическая мануфактура.

Зато иную картину представляет органическая мануфактура—она «...производит продукты, которые обогащают связанные фазы развития, исследовательный ряд процессов; такова например мануфактура иголок, в которой проволока проходит через руки 72 и даже 92 специфических частичных рабочих»¹. Органическая мануфактура является самой совершенной ее формой, она образно рисуется Марксом в следующем виде: «Составленный из частичных рабочих совокупный рабочий одной частью своих многочисленных рук, вооруженных инструментами, тянет проволоку, между тем как другие его руки и инструменты в то же время выпрямляют эту проволоку, режут ее, заостряют концы и т. д.»². Перечисленные операции протекают в отношении отдельного продукта одна за другой, в отношении всей массы продукции—происходят одна возле другой, т. е. «последовательное расположение отдельной стадии процесса во времени превратилось в их пространственное расположение друг возле друга. В результате,—заключает Маркс,—в данный промежуток времени получается больше готового товара»³.

Техника и экономика.

Таким образом разница между гетерогенной и органической мануфактурой сводится к разнице между несовершенной и совершенной ее формой, и в дальнейших исследованиях особенностей мануфактуры Маркс исходит не из гетерогенной, а из органической ее формы, так как именно в последней они (особенности мануфактуры) получили наиболее законченное развитие. Ведь все они вытекают из того, что мануфактура представляет: «составленный из частичных рабочих совокупный рабочий». Отсюда следует, что между частичными рабочими существует полнейшая взаимозависимость: заминка и остановка в работе одного задерживают и приостанавливают работу других. А это в свою очередь дает основание делать следующий важный вывод: «Очевидно, что эта непосредственная взаимная зависимость отдельных работ, а следовательно и рабочих, вынуждает каждого из них употреблять на свою функцию лишь необходимое рабочее время, вследствие чего создается гораздо более высокая степень непрерывности, согласованности... чем это имеет место в самостоятельном ремесле и даже в простой кооперации». И что особенно важно—это то, что «в мануфактуре изготовление данного количества продукта в течение данного рабочего времени представляет технический закон самого процесса производства»⁴. Общественно-необходимое рабочее время, определяющее величину стоимости товара и проявляющееся в обществе простых товаропроизводителей под внешним давлением конкуренции, при мануфактуре становится законом самой организации процесса производства: последняя заставляет каждого рабочего тратить только общественно-необходимое рабочее время, иначе она перестает быть совокупным рабочим. Техника таким образом переходит в экономику. С другой стороны, на одну операцию требуется больше рабочих, а на другую—меньше, и увеличить число мануфактурных рабочих произвольно нельзя,—оно может быть увеличено в определенном порядке из рабочих всех необходимых категорий. Таким образом мануфактура состоит не

¹ «Капитал», т. I, стр. 258.

² Там же, стр. 259.

³ Там же.

⁴ Там же, т. I, стр. 260.

из отдельных рабочих, а из целых групп, отделений, бригад, и это еще больше подчеркивает сложность мануфактурного производственного механизма, органами которого являются уже не отдельные люди, а целые объединения. Экономическое значение этих моментов выясним дальше.

**Образование
«иерархии»
рабочих.**

Отдельные операции, на которые мануфактура разлагает объединяемые ею ремесла, предъявляют совершенно различные требования к рабочей силе, нужной для выполнения этих операций. Одни операции проще, грубее, другие—тоньше и сложнее,—и это ведет к образованию «иерархии рабочих сил, которой соответствует лестница заработных плат». На самой низшей ступени этой иерархии размещаются необученные рабочие, заработная плата которых чрезвычайно низкая, но и стоимость рабочей силы даже квалифицированных рабочих падает, так как и их функции суживаются и подготовка к ним требует меньше времени и меньше расходов. Уменьшение стоимости рабочей силы в свою очередь изменяет необходимое рабочее время и увеличивает прибавочное время, т. е. является источником производства относительной прибавочной стоимости.

IV. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В МАНУФАКТУРЕ И РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В ОБЩЕСТВЕ.

Анализ мануфактуры, как особого процесса коллективного труда, закончен. И Маркс переходит к характеристике ее уже в качестве особой формы производства относительной прибавочной стоимости.

Начинает он с выяснения различия между разделением труда в мануфактуре и разделением труда в обществе.

**Разделение труда
с точки зрения
самого процесса
труда.**

С этой точки зрения, или, как говорит Маркс, — «если иметь в виду лишь самый труд», — разделение труда внутри мастерской может быть названо «единичным», а разделение труда в обществе — либо «общим», когда речь идет о распадении общественного производства на промышленность, земледелие и т. д., либо «частным», когда хотят обозначать дальнейшее деление внутри промышленности и земледелия на отдельные их виды и подвиды. Также много общего имеется между разделением труда в мануфактуре и разделением труда в обществе, если рассматривать их с точки зрения их происхождения. И Маркс повторяет уже высказанное им во второй главе положение, что и общественное разделение труда возникло и развивалось двумя путями: с одной стороны — объединением отдельных общин в единую систему, находящуюся на обмене товарами, а с другой стороны — разложением общин и превращением их членов в независимых товаропроизводителей. Материальные предпосылки разделения труда в мануфактуре и обществе сходны: предпосылкой мануфактуры является определенная численность одновременно занятых рабочих, а предпосылкой разделения труда в обществе — «величина населения и его плотность». Существует и взаимодействие между этими двумя формами разделения труда: мануфактура возникает лишь там, где разделение труда внутри общества достигло «известной степени зрелости» и в свою очередь дает толчок (Маркс это иллюстрирует на многих примерах) к дальнейшему развитию общественного разделения труда.

**Основные
различия
между ними.**

«Однако, — заключает Маркс, — несмотря на многочисленные аналогии и связующие звенья между разделением труда внутри общества и разделением труда внутри мастерской, оба эти типа различия между собой не только по степени, но и по существу». Это-то различие по существу Маркс и выясняет в настоящем и следующем параграфах.

Различие между мануфактурой и общественным разделением труда Маркс выясняет на таком примере, в котором, казалось бы, существует полнейшее тождество между ними. Скотовод, кожевник, сапожник и другие многочисленные производители, производящие орудия труда и всевозможные вспомогательные материалы, — объединены ли они организационно или не объединены, — всегда фактически тесно связаны между собой, и готовый продукт, обувь, есть комбинированный результат всех их работ. Но именно этот пример наилучшим образом выявляет различие между двумя типами разделения труда. Оно сводится к следующим моментам: во-первых, к различию в форме связи, соответствующей каждому типу разделения труда, во-вторых, к обусловленным ими методам распределения труда, и в-третьих, к различным экономическим предпосылкам, необходимым для возникновения разделения труда в мануфактуре и обществе.

1. При общественном разделении труда связь между производителями осуществляется через обмен, через движение товаров, отношение товаропроизводителей, как мы уже знаем, овеществлено, выражается в отношении вещей. Связь между мануфактурными рабочими осуществляется в самом производстве, осуществляется распоряжениями, идущими от одного центра, от одного капиталиста, и отношения между ними представляют отношения отдельных частей одного и того же переменного капитала.

2. При общественном разделении труда труд распределяется между отдельными производителями стихийно, «прихотливая игра случая и произвола определяет собою распределение товаропроизводителей и средств их производства между различными отраслями общественного труда»¹. Правда, за этой внешностью, за «игрой случая и произвола» скрывается закон стоимости, вводящий в определенные рамки действие произвола и случая, но происходит это «лишь впоследствии, как внутренняя слепая сила природы, которая подчиняет себе беспорядочный произвол товаропроизводителей и воспринимается только в виде барометрических колебаний рыночных цен»². В мануфактуре распределение труда, как мы уже знаем из предыдущего, совершается по строго определенным пропорциям, обусловливаемым особенностями тех операций, на которые труд разделен, и проявляется опять-таки в форме определенных распоряжений, черпающих свою силу в авторитете и власти капитала.

3. Что касается предпосылок каждого типа разделения труда, то для мануфактуры таковыми являются лишение непосредственных производителей средств производства и концентрация последних в руках капиталиста, а предпосылкой общественного разделения труда, наоборот, являются наличие у производителей средств производства, их децентрализация и полная возможность распоряжаться ими со стороны производителя по своему усмотрению.

¹ «Капитал», т. 1, стр. 268.

² Там же, стр. 268—269.

**Анархия
и организован-
ность в буржуаз-
ном обществе.**

Общий вывод: в буржуазном обществе, в котором имеют место оба типа разделения труда, одновременно господствуют и анархия и деспотизм: первая обусловлена общественным разделением труда, второй — мануфактурой. Буржуазное сознание не только мирится с этим дуализмом, но и считает его незыблемым законом существования общества. Оно не приемлет организации всего общественного труда, как противоречащего якобы свободе, но в то же время преклоняется перед мануфактурой, повышающей производительность труда и вносящей порядок и дисциплину в область производства.

Заканчивает Маркс характеристику двух типов разделения труда экскурсом в докапиталистические эпохи, тоже знавшие разделение труда, как в родовой общине или между средневековыми цехами. Тогдашнее разделение труда отличается от разделения труда между товаропроизводителями тем, что оно точно регламентировалось и даже закреплялось в законодательном порядке. Оно также не похоже на мануфактурное разделение труда, так как последнее является особой формой капиталистического производства.

V. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР МАПУФАКТУРЫ.

**Закон, определя-
ющий необходи-
мый размер
капитала.**

Все технические и организационные моменты мануфактуры находят и свое, так сказать, капиталистическое выражение. Мануфактура представляет производственный механизм, между частями которого существуют определенные числовые отношения, и следовательно может организоваться и в дальнейшем расширяться лишь при соблюдении определенных пропорций между этими частями. В переводе на язык капиталистической экономики это значит, что размер капитала, нужного для мануфактуры, диктуется ее техникой. Уже раньше Марксом подчеркнуто было, что не всякая сумма денег может превратиться в капитал, так как не на всякую сумму денег можно купить в достаточном количестве рабочую силу, чтобы освободить самого капиталиста от непосредственной работы и оставить за ним лишь функцию присвоения прибавочного труда. Теперь условие превращения денег в капитал усложняется: в капитал может превратиться только та сумма денег, которой хватит на приобретение всего живого производственного механизма, величина которого увеличивается его техникой и организацией, и нужных для него средств производства. Если в начале разделения труда в мануфактуре устанавливалось чисто эмпирически, более или менее случайно, то с дальнейшим развитием уже вырабатываются твердо фиксированные нормы, предопределяющие как величину первоначально авансированного капитала, так и необходимую степень его прироста, накопления.

**Власть
над трудом.**

Мануфактура, как мы уже знаем, превращает отдельного рабочего в соответствующий орган совокупного рабочего, и этим самым мануфактура «превращает рабочего в урод, искусственно культивируя в нем одну только специальную способность и подавляя весь остальной мир производительных задатков и дарований...»¹.

¹ «Капитал», т. I, стр. 272.

Зато выигрывает совокупный рабочий: односторонне развившиеся способности его отдельных частей делают его многосторонним, обладающим всеми нужными специальностями. Но совокупный рабочий, с точки зрения капиталистических отношений, есть не что иное, как переменный капитал. Следовательно «то, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале». И здесь стало быть организация производства при определенных исторических условиях, при господстве капитала получает свое определенное социально-экономическое значение.

**Техническое
закрепление
рабочего
за капиталом.**

Частичные рабочие, способные выполнять только одну какую-либо отдельную операцию, но не знающие ремесла в целом, лишены возможности работать вне мануфактуры, но это также значит, что они не только экономически, но и технически закрепляются за капиталом. Они уже вынуждены продавать свою рабочую силу не только потому, что не имеют средств производства, но и потому, что, будучи винтиками большого механизма, являющегося воплощением капитала, они вне последнего ни на что не годны. «Как на челе избранного народа,—образно выражает эту мысль Маркс,—было начертано, что он—собственность Иеговы (речь идет об евреях и их боге—Иегове.—Р.), точно так же на мануфактурного рабочего разделение труда накладывает печать собственности капитала»¹.

Обособление физического труда от умственного.

Мануфактура обособляет физический труд от умственного, и последний противопоставляется первому как чуждая ему власть, как олицетворение капитала. «Мануфактурное разделение труда,—говорит Маркс,—приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противопоставляются рабочим как чужая собственность и тоработающая их сила»². Начался этот процесс еще в простой кооперации, но дальнейшее развитие получает в мануфактуре, а вполне завершается только в крупной машинной промышленности.

Недостаточность мануфактуры.

Исследование капиталистического характера мануфактуры Маркс заканчивает указанием на то, что с дальнейшим развитием капитализма мануфактура, как форма капиталистического производства, оказывается недостаточной, точнее—она себя изживает. Ее технический базис, остающийся все время ремесленным, начинает мешать развитию капитализма.

В частности капиталу все же не удастся полностью подчинить себе рабочих, особенно квалифицированных,—все время раздуются жалобы на их непокорность и недисциплинированность. Также в мануфактурный период не удастся капиталу овладеть всем общественным производством—в городах ремесла, в сельских местностях домашняя промышленность продолжают оставаться основными формами производства; мануфактура является лишь завершающей их верхушкой.

Примечания к двенадцатой главе.

И эта глава нетрудная, и потому она читается с недостаточным вниманием—в ней обычно видят историю, а не теорию. Мы старались выяснить ее теоретиче-

¹ «Капитал», т. I, стр. 273.

² Там же.

ское значение и ее место в «Капитале». При ее чтении следует все время помнить, что мануфактура, как она дана в этой главе, есть, с одной стороны, дальнейший шаг в сторону коллективизации труда, а с другой—дальнейшее углубление и развитие противоречия между этой коллективизацией и ее капиталистической формой. А потому необходимо внимательнейшим образом следить за анализом организационно-технических моментов мануфактуры,—особенностей созданного живого производственного механизма,—и анализом социально-экономических моментов капиталистической формы мануфактуры.

Понимая то, что данный в этой главе анализ разделения труда—отличное разделение в обществе от разделения в мануфактуре—имеет решающее значение для понимания товарного хозяйства и теории стоимости. Адам Смит прославился своим учением о разделении труда, но его интересует разделение труда с точки зрения того эффекта, который оно даст в смысле повышения производительности труда, поэтому Смит не видел различия между мануфактурным разделением труда и разделением труда в обществе. Маркс подошел к разделению труда диалектически, т. е. рассматривает его как исторически обусловленное явление, и сразу становится ясным, что разделение труда между товаропроизводителями и разделение труда между рабочими, собранными под властью капитала в мануфактуре,—явления совершенно различные.

В марксистской литературе, преимущественно учебной, установилась следующая классификация: *техническое* разделение труда, под которым понимается организованное разделение, *общественное* разделение труда, т. е. неорганизованное разделение труда. В качестве примеров технического разделения труда указывают обычно на мануфактуру, фабрику, индийскую общину. И пишущий эти строки долгое время придерживался этой классификации, правда, с некоторыми оговорками, которые указаны в прежних изданиях «Комментариев». Но необходимо признать ошибочной и даже вредной всю названную классификацию. Во-первых, отсутствует в ней классовый момент: различие между экономическими формациями ею в сущности сводится к различию в формах разделения труда—организовано ли последнее или нет. Во-вторых, что и является следствием первого,—термином *технического* разделения труда объединяет совершенно разнородные явления. Разделение труда в индийской общине и разделение труда на капиталистической фабрике или мануфактуре—явления совершенно различные. В первом случае разделение труда—основа общественной жизни, а во втором—основа капиталистических отношений. Наконец, в-третьих, и предпосылка этой классификации и тенденция, которая в ней проводится, совершенно неприемлемы. Предпосылка ее заключается в том, будто так называемое организованное разделение труда относится к технике, а неорганизованное разделение труда—к экономике. Отсюда и определенный вывод: первое изучается политической экономией, а второе нет. Анализ кооперации и мануфактуры в достаточной мере показал неправоту такого противоречия техники и экономики. Разделение труда в мануфактуре является и техническим и экономическим феноменом.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Предмет исследования.

На смену ремеслу—бывшему основой и мануфактуры—приходит машинное производство. Совершается промышленная революция. Колоссально развиваются производительные силы, и соответственно модифицируются производственные отношения: свое полное развитие получают основные противоречия капитализма—противоречия между трудом и капиталом. Эта-то промышленная революция, изменяющая процесс труда, выражающийся в росте производства относительной прибавочной стоимости,—исследуется Марксом в настоящей главе.

Методами производства относительной прибавочной стоимости являются и кооперация и мануфактура, но машина, во-первых, значительно увеличивает количественно производство относительной прибавочной стои-

мости, а во-вторых, что еще более важно,—качественно изменяет его технический базис. В кооперации и мануфактуре капитализм покоится еще на чуждой ему технике, на технике ручного труда, или, экономически выражаясь, на технике простого товарного производства; в машине же и системе машин капиталистический способ производства приобретает свой, присущий его природе, технический базис. «Машинное производство,—писали мы в своей работе «Программа политической экономии»,—по своей природе не капиталистическое производство, но капиталистическое производство по своей природе—машинное»¹.

Исследуя машинное производство, Маркс исследует капиталистическое производство уже на его собственной основе, являющейся в то же время и основой современной крупной промышленности. И это дает возможность Марксу развернуть в настоящей главе исчерпывающую, жуткую, полную трагизма картину капиталистической действительности—картину, творцом которой является не машина вообще, а машина в руках капиталиста, являющаяся, как выражается Маркс, «средством производства прибавочной стоимости». В этой главе Маркс имеет дело с окружающей его действительностью, и он ее не только анализирует, но, воодушевленный революционной страстью, ее мастерски рисует. Вполне правы те, которые причисляют эту главу, а также предыдущую, о мануфактуре, «к наилучшим страницам из всего написанного Марксом». Также верно и то, что эти главы «к несчастью не были по достоинству оценены читателями».

Обычно считают, что в этих главах дан только конкретный материал, долженствующий иллюстрировать общие теоретические положения, а так как этот материал в известной мере устарел, то полагают, что им заниматься должен специалист-историк. Но совершенно упускают из виду, что именно в названных главах, особенно в настоящей, диалектический метод Маркса в применении к политической экономии торжествует наиболее блестящие свои победы. Даются не иллюстрации к теории, а дается сама теория капитализма, исследующая эту исторически обусловленную общественную формацию, возникающую, развивающуюся и модифицирующуюся в зависимости от изменения и роста производительных сил. Пусть отдельные факты, приводимые Марксом в этой главе, могут с успехом быть заменены другими, более современными фактами,—не в этом дело, а в том, что марксова теория машины, машинного производства есть теория капитализма, *in concreto* (конкретизировано), раскрывающая все его движущие силы, дающая ключ к пониманию и последующих фактов и последующей его эволюции.

Словом, кто не хочет превратить экономическое учение Маркса только в сумму абстрактных формул и схем, не должен жалеть времени и сил на изучение настоящей главы, являющейся поистине классической среди всей нашей марксистской литературы.

Порядок исследования.

Как и в предыдущих главах, Маркс свое исследование начинает с процесса труда, но уже на основе машинной техники. Но так как в крупной промышленности «исходной точкой переворота в способах производства» является не рабочая сила, как в мануфактуре, а орудия труда, то исходным моментом марксовых исследований является машина: ее возникно-

¹ Д. Розенберг, Программа политической экономии, стр. 33, Гиз, 1928 г.

вание, ее составные части, ее работа. Выяснив роль машины в процессе труда, Маркс выясняет роль ее и в процессе образования стоимости. Но роль машины как средства производства относительной прибавочной стоимости—многогранная, и Маркс подробно исследует «ближайшие действия машинного производства на рабочего». А это уже позволяет дать картину фабричного производства в целом, что Марксом и делается в четвертом параграфе, озаглавленном «Фабрика».

Этим в основном закончен анализ машинного производства как особого метода производства относительной прибавочной стоимости, но не закончен анализ всего переворота, совершенного введением машины. Именно с введением этой последней, подведившей фундамент под крупную промышленность, наемные рабочие начинают организовываться в класс, ведущий определенную классовую борьбу, началом которой является стихийная борьба с машиной. И Маркс посвящает целый параграф этой борьбе—«Борьба между рабочими и машиной». Конечно не машина была виновата в причиненных ею бедствиях рабочим, а ее капиталистическое применение, но не так «реабilitируют» машину буржуазные экономисты: они своей теорией о «компенсации рабочих, вытесняемых машиной», как раз защищают капиталистический характер машинного производства. Естественно, что Маркс тут же разоблачает эту теорию, и в следующем параграфе «Отталкивание и притяжение рабочих в связи с развитием машинного производства» дает правильное освещение относящихся сюда фактов.

То, что не удалось мануфактуре—овладеть всем общественным производством,—оказалось вполне под силу машине: в одних отраслях промышленности она совершенно уничтожает прежний способ производства, в других—подчиняет и видоизменяет его. И Маркс этот вопрос выделяет и специально исследует, так как этим полнее и выпуклее характеризуется революционизирующая роль машины—это не изменение способа производства в той или иной отрасли промышленности, это переворот во всем общественном производстве,—даже там, где она непосредственно еще не введена.

К моментам, характеризующим машинное производство, Маркс относит и фабричное законодательство, и это вполне понятно: являясь детищем крупной промышленности, фабричное законодательство в свою очередь влияет на общий строй последней. Этому вопросу посвящен девятый параграф. Заканчивается глава несколькими замечаниями о машинах в сельском хозяйстве. обстоятельного исследования этого вопроса Маркс не дает, так как на данной стадии теоретического анализа еще не было достаточных предпосылок для такого исследования.

І. РАЗВИТИЕ МАШИН.

**Машина
с экономической
точки зрения.**

Речь идет не о развитии машин вообще, а о развитии той машины, которая появилась в определенную историческую эпоху, которая пришла на смену мануфактуре и совершила переворот как технический, так и обусловленный им экономический. Вот почему Маркс считает непригодными те определения машины, которые сводят ее либо к сложному орудью, либо к орудью, двигательной силой которого является не человек, а сила природы. Они непригодны, как Маркс подчеркивает, «с экономической точки зрения» (следует лишь добавить: с экономи-

ческой точки зрения в марксистском понимании), так как в такого рода определениях «отсутствует исторический элемент»¹, т. е. отсутствует историческая определенность—те исторические условия, которые делали машину и экономической категорией. Машина принципиально отличается от орудия тем, что заменяет собою человека, что инструменты, которыми раньше работал человек, теперь двигает машина. Поэтому из трех составных частей машины—двигательного механизма, передаточного и исполнительного, или собственно рабочей машины—решающей является последняя: она-то и держит бывшие раньше в руках рабочего инструменты и ими «работает». Другие части «механизма существуют только затем, чтобы приводить в движение исполнительный механизм, благодаря чему последний охватывает предмет труда и целесообразно изменяет его». И дальше: «Промышленная революция в XVIII в. исходит как раз от этой части машины—от исполнительного механизма»².

**Путь победы
новой техники.**

Революция, исходящая из исполнительного механизма, скоро распространяется и на другие части, особенно на двигательную силу: механизм, заменяющий собою ручной труд, начинают приводить в движение уже не силой человека. После некоторых опытов с разными силами природы победа остается за паром. Переворот в двигательной силе в свою очередь воздействует на исполнительный механизм, превращая его в элемент целой системы машин, которая приводится в движение одним паровым двигателем. Система машин строится либо по принципам простой кооперации, либо—мануфактуры.

Введение машины в одной отрасли труда влечет за собой введение ее в других, в первую очередь в тех, которые доставляют материал для первой или же получают от нее полуфабрикат, как например прядильная и ткацкая промышленности. А переворот в наиболее важных, решающих отраслях промышленности вызывает соответствующий переворот и в транспорте, который, опять-таки в порядке обратного воздействия, расширяет рамки самой промышленности.

Но машина, заменяющая собою ручной труд, еще долго сама производится ручным трудом. В это противоречие упирается машинное производство на известной ступени своего развития. Разрешение это противоречие получает изобретением машин для производства самих машин. Но этим также завершается промышленная революция, и крупная капиталистическая промышленность получает свой полностью завершенный машинный базис.

Промышленная революция начинается с исполнительного механизма, заменяющего собой рабочего, но изготовляющегося рабочим. Заканчивается эта революция заменой рабочего машиной в самом машиностроении. Между этими двумя крайними полюсами лежит целая полоса переворотов, идущая вначале от одной части машины к другой и от отдельных машин—к системе их, а затем—от одних отраслей промышленности—к другим и от всей промышленности—к транспорту и обратно. Такова в общих чертах схема развития машины, данная Марксом в настоящем параграфе.

¹ «Капитал», т. I, стр. 230.

² Там же, стр. 201.

II. СТОИМОСТЬ, ОТДАВАЕМАЯ МАШИНОЙ ПРОДУКТУ.

**Экономические
границы приме-
нения машины.**

Основной вопрос, который исследуется здесь Марксом,—это вопрос об экономических границах или экономических условиях применения машины. Машина повышает производительность труда, или, что то же самое, уменьшает общественно-необходимый на производство единицы продукта труд, но зато тратится труд на ее производство. Если стало быть сбереженный ею труд равняется труду, который необходим на ее производство, то «происходит,—как говорит Маркс,—просто перемещение труда, т. е. общал сумма труда, необходимого для производства, не уменьшается, или производительная сила труда не возрастает»¹. При таких условиях применение машины экономически безразлично: труд уменьшается в одной сфере—там, где машина является средством производства,—но «перемещается» в другую сферу, где производятся машины.

С капиталистической точки зрения указанная граница еще значительно суживается. Капиталист имеет дело со стоимостями: со стоимостью рабочей силы и стоимостью машины. Притом машина, как и всякое орудие труда, участвует, как это было выяснено в главе о постоянном и переменном капитале, целиком в процессе труда и частично—в процессе образования стоимости. Следовательно для капиталиста масштабом выгодности машины является разница между стоимостью рабочей силы, которая ею замещается, и той частью стоимости машины, которая переносится на товар. Применение машины выгодно лишь в том случае, если первая—стоимость замещаемой рабочей силы—выше второй: стоимости, передаваемой машиной.

**Машина
и противоречия
капиталистиче-
ских отношений.**

Отсюда становится понятным целый ряд совершенно на первый взгляд необъяснимых явлений: машина изобретается в одной стране, а устремляется в другой; Марксом приводится много таких примеров. Казалось бы, что прежде всего она должна была применяться там, где впервые изобреталась. Но «ларчик просто открывается»: если машина изобретается в стране с дешевой рабочей силой, ее применение часто оказывается невыгодным—и она «эмигрирует» в страны с дорогой рабочей силой. Этим объясняется также и тот факт, что введение машины в одних отраслях производства нередко препятствует введению ее в других: введением машины выбрасывается масса рабочих, которые переходом в другие отрасли труда значительно понижают заработную плату и этим делают невыгодным применение там машины.

Может показаться, что последнее утверждение противоречит тому, что было изложено раньше в параграфе «Развитие машины», а именно, что введение машины в одной отрасли промышленности влечет за собой введение ее в другой. Но на самом деле это говорит только о том, что в действительности имеются противоречивые тенденции, и в зависимости от определенных конкретных условий берет верх то одна, то другая. В частности это зависит от того, куда направляется вытесняемая машиной рабочая сила, а также—в какой мере расширение производства благодаря введению машины в одной отрасли труда требует соответствующего расширения в близких к ней других: это расширение может

¹ «Капитал», т. I, стр. 296.

произойти в таких размерах, что никак не может быть достигнуто ручным трудом, хотя бы и дешевым. Наконец машина может настолько повысить производительность труда или производство самой машины может быть настолько удешевлено, что введение ее будет выгодно даже при дешевом труде. Величина стоимости, переносимой с машины на продукт, зависит, с одной стороны, от количества продуктов, производимых в единицу времени, т. е. от производительности труда машинного производства: чем больше этих продуктов, тем меньшая доля стоимости приходится на каждый отдельный экземпляр. С другой стороны, при данной производительности труда и данном проценте изнашивания машины в разные промежутки времени величина передаваемой ею стоимости зависит от стоимости всей машины. Следовательно и в том и в другом случае участие машины в образовании стоимости единицы товара может быть настолько незначительно, что ее применение выгодно даже при самой низкой заработной плате.

Но следует помнить, что хотя при капитализме техника подвинулась вперед гигантскими шагами, что «менее чем во сто лет своего господства,—как сказано в «Коммунистическом манифесте»,—буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, взятые вместе»,—все же капиталистический способ производства ставит определенные пределы техническому прогрессу, в частности—применению машины, а низкая заработная плата, являющаяся часто результатом развития техники, еще больше суживает эти пределы.

III. БЛИЖАЙШИЕ ДЕЙСТВИЯ МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА РАБОЧЕГО.

Детский и женский труд.

Маркс сводит их: 1) к привлечению детского и женского труда, 2) к удлинению рабочего дня, 3) к интенсификации труда.

Машина впервые делает возможным массовое применение женского и детского труда, а это в свою очередь имеет много важных последствий.

Понижается стоимость рабочей силы: «Выбрасывая всех членов семьи на рынок труда, машины распределяют стоимость рабочей силы мужчины между всеми членами его семьи». Иными словами, привлечение женского и детского труда является новым источником производства относительной прибавочной стоимости. Только здесь последняя получается не вследствие повышения производительности труда, а вследствие повышения степени эксплуатации. «Таким образом,—резюмирует Маркс,—машины вместе с человеческим материалом эксплуатации, этой настоящей аренной капиталистической эксплуатации, с самого начала увеличивают и степень эксплуатации»¹.

Привлечение детского труда «революционизирует,—как выражался Маркс,—также до основания формальное выражение капиталистических отношений—договор между рабочими и капиталистами».

Ведь дети могут привлекаться на фабрику либо тем, что их туда продают их родители, либо—их опекуны или же учреждения, где они содержатся, например сиротские дома. А это уже совсем мало похоже на свободный договор,—и Маркс рисует ужасающую картину тор-

¹ «Капитал», т. I, стр. 300.

говли детским а отчасти и женским трудом. Но дело все-таки не столько в формальном моменте, сколько в вырождении и деградации, на которые обречено такой системой подрастающее поколение рабочих, а также их женщины. К этому не могло оставаться равнодушным и буржуазное общество, что и создало благоприятную атмосферу, облегчившую борьбу за законодательное нормирование женского и детского труда. Противиться фабричному законодательству во имя «свободы» труда в отношении женщин и детей стало невозможным даже для буржуазного парламента, так как здесь исчезла и видимость свободы.

Буржуазное общество вынуждено было пойти еще на одну реформу — сделать обязательным посещение школы для детей, поступающих на фабрику. Этим хотели создать противовес тому одичанию, которому подвергаются дети на фабрике. Впрочем вновь созданные школы имели такой жалкий вид, как об этом свидетельствуют цитируемые Марксом отчеты фабричных инспекторов, что вряд ли они служили, особенно первое время, указанным противоядием.

Машина и удлинение рабочего дня.

Затем Маркс переходит к рассмотрению удлинения рабочего дня. Капиталист стремится к наиболее продуктивному использованию своего капитала, а машина, с одной стороны, это стремление усиливает, а с другой — что более важно — предоставляет объективную возможность для осуществления его. Мы уже знаем, что экономическое значение машины для капиталиста определяется разницей между стоимостью замещающей ею рабочей силы и стоимостью, передаваемой ею продукту. Чем меньше стоимость передается последнему, тем машина выгоднее, и это достигается в первую очередь увеличением массы продукции, так как передаваемая машиной стоимость распределяется на большее количество единиц товара. А это заставляет капиталистов прежде всего удлинить рабочий день, в течение которого увеличивается масса продукции. А сопротивление, которое удлинению рабочего дня оказывал рабочий во весь мануфактурный период, теперь, с присоединением детей и женщин к «комбинированному рабочему персоналу», машина сламывает. Это — с одной стороны. С другой — «движение и деятельность средства труда приобретают в машине самостоятельный характер по отношению к рабочему. Средство труда становится само по себе промышленным *perpetuum mobile* (постоянно движущимся предметом), которое производило бы непрерывно, если бы оно не наталкивалось на известные естественные границы в своих помощниках — людях...»¹.

Маркс обращает внимание еще на два обстоятельства: 1) машина изнашивается и во время бездействия, 2) она изнашивается не только физически, но и «морально», — появление новых машин лучшей конструкции обесценивает старые машины. И это стало быть еще больше побуждает капиталиста поскорее использовать машины, т. е. усиливает стимулы к удлинению рабочего дня. Но то самое, что вначале облегчает удлинение рабочего дня — массовое применение женского и детского труда, ломающего сопротивление взрослых рабочих мужчин, — превращается потом в преграду. Законодательное нормирование рабочего дня женщин и детей фактически нормирует и рабочий день для взрослых мужчин, так как последние без своих помощников в лице детей и жен-

¹ «Капитал», т. I, стр. 306.

щин работать не могут. Это уже заставляет капиталиста искать выхода в интенсификации труда.

Машина и интенсификация труда.

Опять-таки машина предоставляет возможность и для повышения интенсивности труда. Машина — не только непрерывно действующий механизм, но и механизм, действующий с желаемой в пределах возможной для данного уровня техники скоростью. Ускоряя действие машины, этим самым ускоряя работу приставленного к ней рабочего. Если существующие машины не совсем пригодны для этой цели, если их скорость ограничена, то изобретаются новые машины, которые больше отвечают новым задачам. И действительно фабричное законодательство, сократившее рабочий день, дало сильный толчок к усовершенствованию машины.

Интенсификация труда дает те же результаты, что и экстенсивный труд: 1) увеличивается прибавочное время, только при экстенсивном труде последнее непосредственно удлиняется, а при интенсивном труде, путем сокращения необходимого рабочего времени — в меньшем количестве часов, но более уплотненных, рабочий воспроизводит стоимость своей рабочей силы; 2) стоимость, передаваемая машиной, распределяется на большее количество продукции, а это, как мы уже знаем, делает машины экономически более выгодными; 3) и при интенсивном труде машина быстрее используется, т. е. вложенный в нее капитал быстрее оборачивается, и опасность преждевременного морального изнашивания значительно уменьшена.

Но отсюда следует и тот вывод, что фабричное законодательство предпринимателям особого ущерба не нанесло: сокращение рабочего дня они компенсировали уплотнением его, усилением интенсивности труда. Этот вывод Маркс подтверждает на целом ряде примеров, показывающих, что при переходе от 12-часового рабочего дня к 11-часовому и от 11-часового к 10-часовому выработка рабочего не пала. Более того: именно сокращение рабочего дня дало возможность его интенсифицировать, так как интенсивность и экстенсивность труда совместимы лишь до определенного пункта, дальше которого они уже друг друга исключают.

IV. ФАБРИКА.

Два определения фабрики.

Маркс приводит определение фабрики, данное Юром. Последний, с одной стороны, рассматривает фабрику как «кооперацию различных классов рабочих, взрослых и несовершеннолетних, которые с опытностью и прилежанием наблюдают за системой производительных машин, непрерывно приводимых в движение центральной силой»¹. А с другой стороны, видит в фабрике «огромный автомат, составленный из многочисленных механических и сознательных органов, действующих солидарно и без перерыва для производства одного и того же предмета, так что все эти органы подчинены одной двигательной силе, которая сама приводит себя в движение». Маркс метко замечает, что здесь имеем не одно, а два определения, совершенно нетождественные. В первом определении рабочие рассматриваются как субъект, а система машин — как объект, — первые наблю-

¹ «Капитал», т. I, стр. 320.

дают за второй. Во втором определении объектом являются сами рабочие, которые входят в состав автомата, являющегося субъектом. Вот это второе определение Маркс считает правильным в отношении капиталистической фабрики.

В капиталистической фабрике рабочие являются объектом, а автомат—субъектом: второй господствует над первыми. Это центральная идея, которая Марксом развивается в настоящем параграфе. Ту же мысль Маркс выражает еще так: «На фабрике мертвый механизм существует независимо от них (рабочих.—Р.), и они присоединены к нему, как живые придатки». При капитализме господство средств производства, являющихся овеществлением капиталистических отношений над производителями, вытекает из самой природы этих отношений. «Всякому капиталистическому производству,—говорит Маркс,—поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс увеличения стоимости капитала, общее то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а, наоборот, условия труда применяют рабочего, но,—заканчивает Маркс,—только с развитием машины это превратное отношение получает технически осязательную реальность»¹.

Сущность капиталистиче- ской фабрики.

В чем же заключается эта «технически осязательная реальность»? Это выражается в первую очередь в изменившемся содержании деятельности рабочего, которая собственно лишилась всякого содержания: работает машина, а рабочий, приставленный к ней, должен лишь ее обслуживать. Словом, «машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания». Социально это выражается в обеспечении рабочей силы и полнейшей зависимости ее от капитала. Рабочий, ставший лишь придатком к машине, вне фабрики ни на что не годен.

Что не рабочий применяет условия труда, а, наоборот, эти условия применяют рабочего,—это выражается также в особом характере разделения труда, которое резко отличается от разделения труда в мануфактуре. В мануфактуре разделение труда исходит от рабочего, от его способностей, специальности; исходным пунктом разделения труда на фабрике являются машины, а рабочих легко перебрасывать от одной машины к другой, и если это обычно не практикуется, если обычно рабочего чуть ли не на всю жизнь прикрепляют к одной какой-либо машине, то это диктуется не техническими соображениями, а «машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с раннего детства в часть частичной машины»².

Наконец именно на фабрике благодаря машинизации процесса труда удалось окончательно дисциплинировать рабочего. «Техническое подчинение рабочего однообразному ходу средства труда и своеобразное сочетание трудового организма из индивидуумов обоего пола и самых различных возрастных ступеней создают казарменную дисциплину, которая вырабатывается в совершенный фабричный режим...»³. Но это есть режим самодержавия капиталиста, который не признает, как Маркс пролически замечает, ни «разделения властей, вообще столь дорогого буржуазии», ни «представительной системы, еще более дорогой для нее...».

¹ «Капитал», т. I, стр. 324.

² Там же.

А нарушение рабочими этого режима часто для капиталиста еще прибыльнее, чем соблюдение его,—об этом свидетельствует система штрафа, которая описывается в цитируемых Марксом отчетах английских фабричных инспекторов.

У. БОРЬБА МЕЖДУ РАБОЧИМ И МАШИНОЙ.

Машина не только подчиняет и дисциплинирует рабочего, не только является «технически осязаемой реальностью» господства средства труда над трудящимися, но и вытесняет рабочего, делает избыточным ненужное для капитала население. И неудивительно, что рабочие увидели в машине опасного конкурента, с которым стали вести жесточайшую борьбу. Борьба с капиталом началась задолго до появления машины: весь мануфактурный период заполнен этой борьбой, но последняя не была направлена против самой мануфактуры, и только с возникновением крупной промышленности борьба принимает форму борьбы против технических основ капиталистического производства, против машины. Рабочие верным чутьем постигли живность теории «компенсации» (о ней у Маркса в следующем параграфе), но они еще не поняли, что дело не в машине как таковой, а в ее капиталистическом применении.

Маркс приводит ряд примеров возмущения и даже настоящих восстаний против машины, в которых нередко погибали и изобретатели последней. Но наиболее интересным является следующее: вначале (при появлении первых машин) общественное мнение, даже власть имущие—магистраты, местами и центральная власть—были на стороне рабочих: традиции ремесла и мануфактуры были еще сильны, а крупная буржуазия лишь стала зарождаться. Но с развитием последней сочувствие к рабочим уступает место фарисейскому возмущению их варварством, их походом против прогресса, а «сердобольные» люди начинают утешать их, что причиняемые машиной невзгоды—лишь временные или что они появляются постепенно и, следовательно, не так чувствительны. Маркс разоблачает всю бессмысленность и противоречивость этих утешений и фактами доказывает, что в действительности имеют место как и одно-временные выбрасывания машиной рабочих целыми массами, так и медленная, затягивающаяся на целые десятилетия гибель вытесняемых производителей.

Не только введение новых машин, не только овладение ими целыми отраслями промышленности создает избыточное население, но последнее создается, увеличивается с каждым новым усовершенствованием машины. А так как эти усовершенствования происходят постоянно—постоянно происходит и вытеснение рабочих: машина лишает рабочего всякой уверенности в завтрашнем дне; причиняемые ею бедствия как раз перманентные, а не временные. Следует еще прибавить, что часто усовершенствование машины является ответом на сопротивление рабочих, на чрезмерные, с точки зрения капитала, их требования. Таким образом в машине капиталист имеет лучшее орудие борьбы с рабочим, а рабочий видит в ней дамочлов меч, который в наиболее критическую минуту может опуститься на его голову.

VI. ТЕОРИЯ КОМПЕНСАЦИИ.

**В чем
ошибочность
этой теории?**

Здесь Маркс ставит своей задачей опровержение теории целого ряда буржуазных экономистов, утверждающей, что с вытеснением машинами рабочих освобождается и соответствующий капитал, употреблявшийся на наем вытесненных рабочих. Этот капитал доставляет занятые вытесняемым рабочим на новом поприще. Раскрытая Марксом ошибка указанной теории довольно элементарна: ведь машины, заменяющие собою рабочих, даром не достаются, они и приобретены были на освободившийся вследствие «освобождения» рабочих капитал. Следовательно происходит лишь превращение переменного капитала в постоянный: техническое замещение живой рабочей силы находит свое адекватное (соответственное) экономическое выражение в замене переменного капитала постоянным. Правда, стоимость машины может и не совпадать с величиной заработной платы уволенных рабочих—первая может быть меньше второй,—и тогда действительно освобождается капитал. Но освобождается, во-первых, лишь часть капитала, на которую может быть нанята незначительная в сравнении с уволенными часть рабочих (Маркс иллюстрирует это на цифровом примере). Во-вторых, и освобожденная часть капитала в свою очередь должна делиться на постоянный и переменный капитал, стало быть, доля последнего еще больше уменьшается, как и число рабочих, которым может быть доставлено занятие.

Что касается самого машиностроения,¹ которое вследствие введения новых машин предъявляет спрос на новых рабочих, то во всяком случае этот спрос не может быть удовлетворен например ткачами, прядильщиками и подобными рабочими, замещенными прядильной, ткацкой и подобными машинами,—в машиностроении спрос на совсем другого рода рабочих. Притом спрос и на последних должен быть гораздо меньше уволенных рабочих: ведь при покупке машины необходимо оплатить постоянный капитал, участвующий в производстве машины, переменный капитал и прибавочную стоимость, созданную последним и присваиваемую машиностроительными капиталистами. Иными словами, только часть капитала, освободившегося вследствие сокращения рабочих и авансирующегося на приобретение машин, может идти на оплату рабочих, занятых в машиностроении.

**Что происходит
в действительности?**

Верным в теории компенсации является лишь то, что освобождается средства существования уволенных рабочих—у последних не на что купить их. Но это нельзя назвать освобождением капитала: средства существования рабочего противостоят ему не как капитал, а лишь как товар, который он приобретает на получаемую им заработную плату. Отсюда вытеснение машиной рабочих и освобождение предназначенных для них средств существования должны привести к результатам, противоположным тем, которые утверждают сторонники теории компенсации. Это должно привести к превышению предложения предметов потребления рабочих над спросом на них, следовательно к падению цен и к сокращению производства; а последнее должно повлечь за собой понижение заработной платы занятых в этих отраслях производства рабочих. Вот какого рода «компенсация» получается: сокращение рабочих в одних производствах ухудшает положение рабочих и в других.

Это впрочем получается и вследствие того, что уволенные рабочие, переполняя рынок труда, дают на заработную плату занятых рабочих.

Рост абсолютного числа рабочих и уменьшение относительного.

Опровергая теорию компенсации, Маркс отнюдь не утверждает, что машины при всех условиях уменьшают и абсолютно число занятых рабочих. Введение машин всегда лишь относительно—в отношении к постоянному капиталу—уменьшает число рабочих.

При машинном производстве (далее Марксом это развито более подробно) растет постоянный капитал и относительно падает переменный капитал. Что касается абсолютного числа рабочих, то оно, как общее правило, растет. Оно растет вследствие громадного расширения производства готовых фабрикатов, вследствие не менее громадного расширения производства сырья, полуфабрикатов, орудий труда, особенно машин и необходимого для них металла, вследствие возросшего до гигантских размеров транспорта и наконец вследствие появления совсем новых отраслей промышленности и развития производства предметов роскоши. Но этот абсолютный рост числа рабочих ничего общего не имеет с теорией «компенсации»: он происходит не за счет освобождающегося капитала, а за счет новых капиталов, которые получаются в результате накопления, превращения прибавочной стоимости в капитал (а это Марксом специально исследуется в последнем отделе). При отсутствии же добавочных капиталов или при невозможности почему-либо их использовать введение машины обязательно ведет и к абсолютному сокращению числа рабочих.

Следует только помнить, что везде у Маркса идет речь не о машине, как таковой, а об ее капиталистическом применении. «Не подлежит,—говорит Маркс,—никакому сомнению, что машины сами по себе не ответственны за те страдания, которые они приносят с собой». И он с большим сарказмом высмеивает тех, для которых «эксплуатация рабочего при посредстве машины... тождественна с эксплуатацией машины рабочим»¹.

VII. ОТТАЛКИВАНИЕ И ПРИТЯЖЕНИЕ РАБОЧИХ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА.

Тема здесь та же, что и в предыдущих двух параграфах,—вытеснение рабочих машинами и вытекающие отсюда последствия. Маркс в этом параграфе останавливается на периодичности, с которой следуют друг за другом «отталкивание и притяжение рабочих в связи с развитием машинного производства».

Мы уже знаем, что при капиталистическом машинном производстве число рабочих абсолютно растет, а относительно сокращается. Но и абсолютный рост—как показывает исследование настоящего параграфа—идет не равномерно, а скачкообразно: расширение числа рабочих, являющееся часто внезапным и лихорадочным, заканчивается столь же лихорадочным их сокращением, за которым опять следует расширение, и т. д. Отталкивание и притяжение рабочих обусловлены циклообразностью развития самой крупной капиталистической промышленности. Но так как к рассмотрению этой циклообразности «наше теорети-

¹ «Капитал», т. I, стр. 339—340.

ческое изложение,—заявляет Маркс,—еще не привело нас»¹, то он пока ограничивается немногими замечаниями. Одни замечания имеют теоретический характер, другие—фактический. Введение в тех или других отраслях производства впервые машины имеет всегда колоссальный успех: происходит быстрая ликвидация ремесла и мануфактуры, в этот переходный момент избыточная прибавочная стоимость—громадная. С одной стороны, перепополнение рынка труда разорившимися ремесленниками и выброшенными мануфактурными рабочими понижает заработную плату и следовательно при прочих равных условиях увеличивает прибавочную стоимость, а, с другой стороны, источником избыточной прибавочной стоимости является продолжающаяся в переходный период, от начала введения машины и до полного ее торжества, разница между индивидуальной и общественной стоимостями. Большая прибавочная стоимость создает новые капиталы и привлекает старые из других сфер хозяйства, в результате чего идет быстрое расширение названной машинизированной промышленности, а это также дает толчок к расширению других, особенно смежных, производств. Поднявшаяся высоко волна промышленного оживления поглощает часть избыточного населения, но это ненадолго: расцвет сменяется кризисом и депрессией, вновь заполняющими армию безработных, часто еще в большем, чем раньше, размере.

Довести теоретическое исследование до конца, выяснить в частности причины, почему оживление сменяется депрессией,—пока еще, как сказано, невозможно, и Маркс ограничивается фактическим изложением истории развития английской хлопковой промышленности за годы 1770—1815 и 1815—1861, полностью подтверждающей чередование отталкивания и притяжения рабочих с развитием машинного производства.

УШ. РЕВОЛЮЦИОНИЗИРОВАНИЕ МАНУФАКТУРЫ, РЕМЕСЛА И ДОМАШНЕГО ПРОИЗВОДСТВА КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ.

Крупная промышленность пришла на смену мануфактуре, но это вовсе не значит, что мануфактура сразу и без всяких остатков исчезла с лица земли. Рядом с крупной промышленностью существует не только мануфактура, но и ремесло, а также создается новый тип домашнего производства. И Маркс исследует революционизирующее влияние первой на последние.

Путь развития целого ряда производств лежит от ремесла к фабрике через мануфактуру, и они «обыкновенно проходят сначала через ремесленное, а потом через мануфактурное производство, как короткие переходные фазы к фабричному производству»².

Но крупная промышленность еще задолго до полного уничтожения мануфактуры и ремесла полностью подчиняет их своему влиянию. Во-первых, изменяется состав мануфактурных рабочих: среди них, как и среди фабричных рабочих, большую роль начинают играть женщины и дети. Таким образом машина возвещает массовое применение женского и детского труда не только там, где она непосредственно вводится, но и там, где еще не пробил час ее окончательной победы.

¹ «Капитал», т. I, стр. 347

² Там же, стр. 356.

Во-вторых, чрезмерно усиливается эксплуатация труда как в мануфактуре, так и в ремесле: последнее преобразовывается в домашнюю промышленность, работающую на фабриканта, мануфактуриста или торговца. В капиталистическую домашнюю промышленность превращается и прежняя—докапиталистическая—крестьянская домашняя промышленность. Усиление эксплуатации вызывается двумя основными причинами: 1) вытесненные из крупной промышленности машиной рабочие бросаются в мануфактуру и домашнюю промышленность, что, вызывая большую конкуренцию между ними, снижает заработную плату ниже всяких минимумов; 2) только чрезмерной эксплуатацией труда мануфактура и домашняя промышленность могут удержаться в неравной борьбе с машинным производством. В них не только более низкая заработная плата, но и более длинный рабочий день, а также и другие условия труда, особенно санитарные, значительно хуже, чем на фабрике. Поэтому, когда и на них начинает распространяться фабричное законодательство, регулирующее рабочий день и предписывающее соблюдение определенных требований гигиены, то это является последним сокрушительным ударом для них. В этом случае крупная промышленность разрушительно действует на мануфактуру и на домашнюю промышленность, организованную в мастерские, через фабричное законодательство, являющееся ее же детищем.

Фабричный режим, фабричные порядки, распространяясь на мануфактуру и домашнюю промышленность и в известной мере рационализируя их, этим самым окончательно их губят: они, не имея машинной техники, не выдерживают фабричного режима и при первых более или менее значительных колебаниях идут ко дну. Если же мануфактура и домашняя промышленность все еще продолжают существовать, то это часто диктуется интересами самого капитала: они являются убежищем для тех рабочих, которые вытесняются из крупной промышленности машиной, но которые все еще нужны для последней в моменты ее внезапных расширений и расцветов. Периодические отталкивания и притяжения рабочих в крупной промышленности могут осуществляться благодаря такому, как выражается Маркс, «клапану», каким является особенно домашняя промышленность. Ею выполняется особая функция: содержать в запасе рабочую силу и отчасти ее воспроизводить для нужд капитала, поддерживать условия для его циклообразного движения.

Маркс рисует ужасающую картину бедствий рабочих в этих отсталых, еще не завоеванных машиной, отраслях труда. В предыдущих параграфах исследовалось, какие бедствия причиняет применение машины (речь конечно идет о ее капиталистическом применении), здесь исследуются те бедствия рабочего класса, которые обусловлены отсутствием ее. В этом смысле,—говорит Маркс,—«впервые систематически разработанное машинным производством экономизирование (бережливое расходование) средств производства, сопровождаемое самым беспощадным расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда, теперь тем сильнее обнаруживает эту свою истребительную и человекоубийственную сторону, чем меньше в данной отрасли промышленности развита общественная производительная сила труда и техническая основа комбинированных процессов труда»¹.

¹ «Капитал», т. I, стр. 358.

IX. ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Различные анализы
в VIII главе
и в настоящей.

Фабричное законодательство уже исследовалось в VIII главе при рассмотрении проблемы рабочего дня. Но разрезы исследования здесь и там—разные. «Фабричное законодательство,—говорит Маркс,—это первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй процесса его производства—представляет, как мы видели, столь же необходимый продукт крупной промышленности, как хлопчатобумажная пряжа, селфакторы и электрический телеграф»¹. Фабричное законодательство изучается здесь как продукт крупной промышленности, который в свою очередь обратно воздействует на последнюю. Следовательно раньше, в VIII главе, фабричное законодательство как таковое изучено еще не могло быть; но, желая дать исчерпывающий очерк борьбы за рабочий день и участия в этой борьбе общественных сил в лице разных партий парламента, Маркс останавливается и на законодательном нормировании рабочего дня, являющемся хотя и одной из важнейших частей фабричного законодательства, но не исчерпывающем его.

Важное место в фабричном законодательстве занимает провозглашение начального образования обязательным для поступающих на производство (подконтрольное фабричному законодательству) детей школьного возраста.

«Как ни жалки в общем постановления фабричного закона относительно воспитания, они объявили начальное обучение обязательным условием труда. Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики с физическим трудом, а следовательно и физического труда с обучением и гимнастикой»². В подкрепление указанного положения Марксом приводятся засвидетельствованные фабричными инспекторами показания учителей, что дети, поступающие на фабрику, успевают больше других детей, хотя последние обучаются вдвое больше.

Крупная промышленность и политехническое образование.

Марксом высказываются интересные соображения насчет того, как крупная промышленность выдвигает проблему политехнического образования. В эпоху господства ремесла одна профессия китайской стеной отделялась от другой: то, что было общим для всех профессий, интересовало мало или совсем не интересовало; внимание приковывало как раз то, что было специфическим для данного ремесла в отличие от другого. Переходы от одной профессии к другой не практиковались и не допускались. Техника ремесла состояла из традиционных, веками выработавшихся приемов и навыков, не допускавших новинки, а тем более переворотов. Технический базис этой эпохи «консервативен». Мануфактура пошла гораздо дальше в области разделения труда, здесь ею совершен громадный шаг вперед, но отчужденность одного ремесла от другого осталась ею незатронутой. Более того, ею воздвигнуты были еще новые китайские стены, отделявшие квалифицированных, но узко специализированных, рабочих от необученных чернорабочих. При таком техническом базисе и соответствующих экономических отношениях почвы для политехнического образования, для изучения общих принципов

¹ «Капитал», т. I, стр. 373.

² Там же, стр. 374.

производства не было и быть не могло. Девизом того времени было: «Сапожник, знай свои колодки». Потребность могла быть либо в узко профессиональном образовании, либо в образовании общем, но связанном с развитием торговли, открытием новых стран, мореплаванием и т. д. Мы уже не говорим об образовании высших классов, которое отчасти обуславливалось их функциями управления и господства, а отчасти являлось таким учением, к которому вполне подходит следующая оценка: «Праздное учение лишь немногим лучше учения о праздности»¹.

Но дело коренным образом меняется с появлением крупной промышленности. «Современная промышленность,—говорит Маркс,—никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис—революционный». И дальше: «Поэтому природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функции, всеобщую подвижность рабочего»². Но об этом капиталист не только не заботится, а, наоборот, еще старается «воспроизводить старое разделение труда с его замостенными специальностями»³. И тут имеем одну из форм проявления противоречия между крупной промышленностью и ее капиталистической формой: первая нуждается в политехнически образованных рабочих, но капиталистическая оболочка тем крепче, чем рабочий менее развит, более ограничен и забит и следовательно более зависим и всячески держится за то место, на которое его поставил капиталист.

И вывод Маркса гласит: «...не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоеует надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению—как теоретическому, так и практическому»⁴.

Разрушение старых семейных отношений.

Заменяя работу у домашнего очага участием в общественном производстве, женщины и дети (последние с определенного возраста) раскрепощаются—власть мужчины и родителей теряет свое экономическое, так сказать, обоснование. Правда, буржуазные законодатели меньше всего думали об эмансипации женщин и детей, однако в том, что женский и детский труд не только узаконяется, но и берется под особую защиту, эмансипация, идущая от крупной промышленности, находит и свое формальное выражение. В одном из цитируемых Марксом отчетов фабричных инструкторов читаем: «Из свидетельских показаний одно ясно, что ни от кого до такой степени не нуждаются дети обоого пола в защите, как от своих родителей». «Однако не злоупотребление,—замечает Маркс,—родительской властью создало прямую или косвенную эксплуатацию незрелых рабочих сил капиталом, а, наоборот, капиталистический способ эксплуатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление»⁵.

¹ «Капитал», т. I, стр. 379, прим. 309.

² Там же, стр. 378.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 379.

⁵ Там же, стр. 380.

Борьба за фабричное законодательство.

Английское фабричное законодательство распространилось—в этом одна из его особенностей—постепенно от случая к случаю, преодолевая каждый раз отчаянное сопротивление со стороны непосредственно заинтересованных групп капиталистов, а также явное и скрытое недоброжелательство со стороны самих законодателей. Поэтому изучение именно английского законодательства представляет громадный интерес для характеристики капиталистического способа производства. (В большинство других стран фабричное законодательство вышло из недр революции.) Крупная промышленность, с одной стороны, открыла широчайший простор для эксплуатации наемного труда, но, с другой стороны, она же и создала современный пролетариат и классовую борьбу между рабочим классом и буржуазией. Фабричное законодательство в первую очередь есть результат этой борьбы. Хотя некоторое значение имело и то обстоятельство, что сами интересы буржуазии иногда требовали—чтобы не подрезать сук, на котором она сидит—ограничения степени чрезмерной эксплуатации, приводящей к вырождению рабочего класса. Отсюда двойственность, проходящая красной нитью во всем фабричном законодательстве: всякая вынужденная статья его обставляется такими оговорками и так нерешительно редактируется, чтобы легче было ее нарушать или обходить. Отсюда и медлительность в издании фабричных законов. Медлительность проявляется в двух отношениях: во-первых, в отношении условий труда, подлежащих нормированию,—последнее растягивается на полстолетия; во-вторых, в отношении отраслей, на которые распространяется фабричный надзор. Маркс подробно останавливается на всех перипетиях и коллизиях, сопровождавших английское фабричное законодательство. Только к концу полувековой борьбы оно начинает продвигаться быстрее, так как капиталисты отраслей промышленности, уже находящиеся под государственным контролем, требуют во имя справедливости, т. е. равенства условий конкурентной борьбы, подвергнуть «такой же участи» и их собратьев из других отраслей промышленности.

Но фабричное законодательство не смягчает противоречий капитализма, а, наоборот, содействуя уничтожению, как было выяснено раньше, остатков прежних отсталых форм производства, т. е. последних убежищ «избыточного населения»,—еще больше обостряет эти противоречия. «Вместе с материальными условиями, — заключает Маркс, — общественной комбинацией процесса производства оно (фабричное законодательство.—Р.) приводит к созреванию противоречия и антагонизмы его капиталистической формы, а следовательно в то же время и элементы для образования нового и моменты переворота старого общества»¹.

Х. КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ.

«Революция, которую крупная промышленность вызывает в земледелии,—так Маркс начинает этот раздел,—и в общественных отношениях деятелей земледельческого производства, может быть изложена лишь впоследствии. Здесь будет достаточно, упреждая дальнейшее изложение, указать на некоторые ее результаты»².

¹ «Капитал», т. I, стр. 330.

² Там же, стр. 331.

Указанием на некоторые результаты революции в земледелии Маркс заканчивает характеристику крупной промышленности, не только взятой сама по себе, вне связи с другими отраслями хозяйства, но и роли ее как авангарда всего общественного производства, ее влияния на земледелие,—ведь революция в последнем шла от крупной промышленности, обуславливалась промышленным переворотом. Этим объясняется, почему Маркс «предупреждает дальнейшее изложение» и дает выводы, которые сейчас не могут еще быть полностью обоснованы.

Действие машины в земледелии.

Основное действие машины—вытеснение рабочего—не только имеет место и в земледелии, но проявляется здесь еще более радикально: если в крупной промышленности число рабочих, как общее правило, уменьшается относительно, но абсолютно даже растет, то в земледелии оно уменьшается и абсолютно. Маркс иллюстрирует это на примере некоторых графств Англии. Только во вновь занятых странах с громадными пустующими земельными площадями, как Соединенные штаты Северной Америки, «они (машины.—*P.*) дают производителю возможность возделывать большую площадь, но фактически не прогоняют занятых рабочих»¹. Это одна из особенностей развития машинного производства в земледелии, но вытекает она не из особых путей развития сельского хозяйства,—как ряд экономистов из буржуазного лагеря и ревизионистов из самого «марксистского» лагеря стал утверждать уже после выхода в свет «Капитала»,—а из того своеобразного преломления, которое общий путь развития капитализма получает в земледелии. Промышленность и земледелие отличаются друг от друга и своим производственно-техническими особенностями и своими, если можно так выразиться, историческими судьбами. Это конечно не могло не отразиться на различии форм развития в промышленности и сельском хозяйстве: общий путь развития стал модифицироваться, но все-таки он не перестал быть общим и единым.

Общность пути развития капитализма в земледелии с развитием капитализма в промышленности выражается и в том, что вытеснение мелкого производства крупным, а также подчинение его последнему, происходит и в земледелии. Но этот процесс здесь совершается опять-таки с рядом особенностей, отличающих развитие капитализма в земледелии от развития его в промышленности. Результаты его в земледелии отличаются «величайшей,—как Маркс выражается,—революционностью в том смысле, что она (крупная промышленность.—*P.*) уничтожает оплот старого общества—«возделывателя» (... крестьянина...) и выдвигает на его место наемного рабочего. Таким образом потребность социального переворота и антагонизмы становятся в деревне одинаковыми с городом»².

Единство пути развития промышленности и земледелия.

Что в основном путь развития промышленности и земледелия под властью капитала одинаков, это наглядно подтверждается тем, что «как в промышленности, так и в земледелии капиталистическое преобразование процесса производства является в то же время мартирологом (историей страдания) производителей; средства труда—средством

¹ «Капитал», т. I, стр. 391.

² Там же, стр. 393.

порабощения, средством эксплуатации и пауперизации рабочего; общественная комбинация процессов труда—организованным подавлением его индивидуальной жизни, свободы и самостоятельности»¹. Но и здесь единство не исключает многообразий, модификаций: крупная промышленность, являясь в то же время и городской промышленностью, концентрирует промышленных рабочих в городах, вызывает рост последних за счет уменьшения населения деревни и «довершает разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который сочетал друг с другом младенчески неразвитые формы обоих»².

В результате такого разрыва в городах накапливаются интеллектуальные силы, а в деревнях продолжает господствовать косность и невежество; в городах создается «сила исторического движения общества», создается современный революционный пролетариат, а в деревнях даже сельскохозяйственный пролетариат вследствие разбросанности его на большой территории лишен возможности оказать должное сопротивление капиталу и сплотиться в передовую революционную силу.

Примечания к тринадцатой главе.

1. О важности и решающем значении этой главы мы много говорили в тексте (в частности о предмете исследования). Здесь же хочется подчеркнуть широчайший охват этой главы, ее богатейшее содержание. Марксом дается всесторонняя характеристика капиталистического производства, получившего присущую его природе техническую основу—машину. Марксом затрагиваются не только такие вопросы, как вопросы санитарии и гигиены труда, но и вопросы, касающиеся быта и семьи, системы образования и в частности политехнического образования. С возникновением машины рабочий железными цепями приковывается к капиталу, и вся его жизнь от рождения до смерти находится в тисках капиталистических отношений. Это и находит классическое изображение в настоящей главе.

2. Эта глава должна читаться с особым вниманием, параграф за параграфом, без всяких пропусков. А так как обилие материалов действует часто подавляюще, то мы старались излагать даже такие пункты, которые сами по себе никаких трудностей не представляют.

3. Особенно необходимо следить за нарастанием противоречий между колоссальным развитием производительных сил и производственных отношений. Известное уже нам противоречие между процессом коллективного труда и его капиталистической оболочкой достигает здесь своего апогея.

4. Желающим более подробно ознакомиться с развитием машины можем рекомендовать книгу А. С. Бессонова «Развитие машины», параграф 2 главы XIII I тома «Капитала» Маркса, а также книгу М. Рубинштейна «Современный капитализм и организация труда», изд. «Московский рабочий», 1923 г. В последней книге излагаются достижения в области техники и организации труда за время, последовавшее после издания «Капитала».

¹ «Капитал», т. I, стр. 303.

² Там же.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Предмет исследования.

И то и другое уже исследовано, но исследовано в отдельности, притом вначале исследовалось производство абсолютной прибавочной стоимости, которое «образует общую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости», а затем— последнее. Таким образом исследование все время велось по линии «восхождения от абстрактного к конкретному»—от «общей основы», от «исходного пункта», предполагающего «лишь формальное подчинение труда капиталу», ко все более и более усложняющим его моментам, превращающим формальное подчинение труда капиталу «в реальное»¹.

Методологически это есть «восхождение от абстрактного к конкретному», а по содержанию получилась картина диалектического развития капиталистического производства, превращение одной фазы в другую. Индивидуальный труд через формальное подчинение капиталу превращается в кооперативный (простая кооперация), последний развивается в мануфактурный, а в недрах мануфактуры создается машинное производство.

Иными словами, теория производства прибавочной стоимости становится в то же время и теорией возникновения и развития капиталистического способа производства. О плодотворности такого способа изучения явлений распространяться не следует,—об этом свидетельствует грандиозное здание—«Капитал», сооруженное этим методом. Для наших целей важно отметить лишь одну особенность указанного метода: мы всегда диктуемся необходимостью выделения в особую, так сказать, рубрику общего итога полученных результатов. Ведь исследование все время ведется, если можно так выразиться, «ступенчато» и «односторонне», по мере продвижения вперед от абстрактного к конкретному, которое уже «заклывает в себе множество определений, являясь единством в многообразии». «Но это «единство в многообразии», поскольку оно вырастает постепенно, нуждается в общем охвате, который должен завершить собой исследование, ибо всегда остаются вопросы, которые не укладываются в рамки исследования, раз оно велось, как мы указали, «ступенчато» и «односторонне».

Всегда есть вопросы, решение которых предполагает не отдельные моменты изучаемого явления, а их совокупность, т. е. явление во всем

¹ «Капитал», т. I, стр. 395—396.

его многообразии. Ясно, и эти вопросы приходится выделять для специального изучения.

Подытоживание результатов анализа предыдущих двух отделов, единый охват капиталистического производства как производства и абсолютной и относительной прибавочной стоимости, а также изучение тех вопросов, которые в одинаковой мере связаны и с той и с другой формой прибавочной стоимости,—все это составляет содержание настоящего отдела. Он синтезирует и дополняет отделы: «Производство абсолютной прибавочной стоимости» и «Производство относительной прибавочной стоимости».

Порядок исследования.

Отдел состоит из трех глав—XIV, XV, XVI. Начинается он с синтеза и единого охвата обеих форм прибавочной стоимости. Первая из перечисленных глав так и названа «Абсолютная и относительная прибавочная стоимость». В XV главе изучается «соотношение между цепой рабочей силы и величиной прибавочной стоимости», которое меняется как в зависимости от изменения экстенсивности труда, так и изменения производительности и интенсивности труда,—определяется следовательно фактами, относящимися к производству и абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Заканчивается отдел тем, что в XVI главе рассматриваются «различные формулы нормы прибавочной стоимости», которые опять-таки имеют важное значение для обеих форм прибавочной стоимости: неправильная формула искажает и ту и другую, точнее,—искажает характер капиталистического производства независимо от его форм.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ.

Предмет исследования.

Глава, как сказано выше, является синтезирующей и резюмирующей исследование предыдущих двух отделов. Если этого не упустить из виду, то легко рассеиваются те недоумения, которые обычно возникают при чтении этой главы. Кажется, что хотя есть отдельные, правда, глубокие и ценные мысли, например о производительном труде, о значении естественных факторов для производства прибавочной стоимости, замечания о школе Рикардо,—но стержня, выражаясь на языке методистов, объединяющего все эти мысли в единое целое, как будто и нет. На самом же деле единство и искомый стержень даны в общем характере и—если угодно—в целевой установке как всего отдела, так и настоящей главы.

Производство прибавочной стоимости берется уже не в том или ином разрезе, а со всеми его определениями, и значение этих определений, которые раньше исследовались отдельно, теперь представляется в ином свете. Например при изучении производства абсолютной прибавочной стоимости все время выделяется момент экстенсивности труда, длины рабочего дня; такие моменты, как интенсивность и производительность труда, совсем отсутствуют. И может получиться «одностороннее» представление, будто последние имеют значение лишь для относительной

прибавочной стоимости, но совершенно безразличны для абсолютной прибавочной стоимости. А между тем одно наличие прибавочного труда, а тем более его капиталистической формы—прибавочной стоимости, уже предполагает определенный уровень производительности труда, без чего все рабочее время поглощается необходимым рабочим временем. Следовательно и сама абсолютная прибавочная стоимость должна рассматриваться в исторической перспективе как результат сокращения необходимого рабочего времени. С другой стороны, без удлинения рабочего дня дольше необходимого рабочего времени нет относительной прибавочной стоимости. Маркс поэтому и заявляет, что «с известной точки зрения разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью представляется вообще иллюзорной»¹. Но эта «известная точка зрения» проявляется лишь тогда, когда производство прибавочной стоимости рассматривается во всей его конкретности. Правда, в дальнейшем Маркс показывает, что разница эта имеет все же значение, но не отвергается и взгляд, считающий ее иллюзорной, а лишь выясняется, при каких условиях различие между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью имеет значение и при каких такого не имеет. Само собой понятно, что проблема в целом получает более глубокое освещение.

Положение, что и абсолютная прибавочная стоимость предполагает известный уровень производительности труда, который в свою очередь определяется, с одной стороны, развитием техники, а с другой—богатством природы,—это положение подводит, говорим мы, вплотную к необходимости более точно формулировать соотношение между прибавочной стоимостью, являющейся определенным производственным отношением, и предполагающимися им производительными силами. Следовательно относящиеся сюда марксовы изыскания и вытекающая из них критика школы Рикардо (о последней более подробно дальше) вполне уязвимы с более углубленной характеристикой различия между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью, которая дается и может даваться Марксом только в данной главе.

Порядок исследования.

В V главе, где начинается исследование производства прибавочной стоимости, а исходным пунктом был процесс труда и процесс увеличения стоимости, уже было дано определение производительного труда. Но по окончании исследования оказалось необходимым внесение «поправок» в это определение. С внесения таких поправок Маркс и начинает настоящую главу, а затем переходит к основному вопросу всей главы—к различию и сходству между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью. Это ставит вопрос о естественно-исторических предпосылках прибавочного труда и прибавочной стоимости. Заканчивается глава критикой школы Рикардо, в частности уничтожающей критике подвергается Милль, который путает производительные силы с производственными отношениями.

Таким образом выделяются четыре основных вопроса: 1) производительный труд в капиталистической системе, 2) различие и сходство между двумя формами прибавочной стоимости, 3) естественно-исторические предпосылки прибавочной стоимости, взятой как единство обеих форм, 4) критика Милля.

¹ «Капитал» I, стр. 336.

**Производитель-
ный труд в капи-
талистической
системе.**

В V главе Маркс пишет: «Итак, в процессе труда деятельность человека при помощи средств труда производит преднамеренное изменение в предмете труда... Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда». И дальше: «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата, продукта, то средства труда и предмет труда, то и другое, являются средствами производства, а самый труд—производительным трудом»¹.

Но тут же в примечании Маркс добавляет: «Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства»². Определение производительного труда, уже достаточное и с точки зрения капиталистического процесса производства, Марксом дается в настоящей главе. В этой главе сам Маркс цитирует данное им указанное определение в V главе, цитирует также примечание к нему и заявляет: «Этот последний пункт (т. е. недостаточность этого определения для капиталистического производства.—Р.) подлежит здесь дальнейшему исследованию»³.

Что же дает дальнейшее исследование?

Во-первых, оказывается, что определение это «сохраняет свое значение в применении к коллективному рабочему, рассматриваемому, как одно целое. Но оно не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности»⁴. Последний же является производительным рабочим, и его труд—производительным трудом лишь постольку, поскольку он является органом коллективного рабочего и выполняет одну из его функций; более того, нет даже «необходимости непосредственно прилагать руки», т. е. указанная функция может быть проявлением умственной деятельности, а не физической. Словом, требование, чтобы труд производил изменение в предмете труда и создавал потребительную стоимость, предъявляется коллективному рабочему, а не отдельным работникам, являющимся членами последнего. От них требуется другое: чтобы они действительно были органами коллективного рабочего, выполняющими одну из его функций.

Во-вторых, чтобы труд был производительным, требуется еще одно условие: «Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производитель, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию капитала. Так например школьный учитель,—если позволительно взять иллюстрацию вне сферы материального производства,—является производительным рабочим, если он не только обрабатывает детские головы, но и обрабатывает себя для обогащения предпринимателя. Вложит ли этот последний свой капитал в фабрику для обучения или колбасную фабрику,—от этого рассматриваемое отношение несколько не изменяется». И общий вывод Маркса такой: «Поэтому понятие производительный труд не ис-

¹ «Капитал», т. I, стр. 396.

² Там же, стр. 122.

³ Там же, стр. 224.

⁴ Там же.

черпывается отношением между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда: оно включает в себя также специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием возрастания капитала».

Обращаем внимание читателя на два момента: 1) прежнее определение производительного труда Марксом не отменяется (особенно это подчеркнуто в заключительной цитате), а оно получает лишь дальнейшее развитие, 2) Маркс к определению производительного труда возвращается только в настоящей главе, т. е. после всестороннего анализа капитала (в фазе производства), прибавочной стоимости, абсолютной и относительной. В V главе исследуется не только процесс труда, но и процесс увеличения стоимости: казалось бы, что в этой же главе Маркс мог определить и производительный труд не только с точки зрения процесса труда, но и со стороны процесса увеличения стоимости, т. е. как труд, производящий прибавочную стоимость.

Ответ на это недоумение мы находим в следующем заявлении Маркса: «Производительный труд—это лишь сокращенное выражение для обозначения той полноты того отношения, в котором фигурирует рабочая сила в капиталистическом процессе производства»¹.

В V главе I тома «полнота» указанного отношения еще не дана: и процесс труда и процесс увеличения стоимости берутся еще в наиболее абстрактных определениях. Только в следующих главах и тот и другой получают свое дальнейшее развитие: процесс труда—как процесс коллективного труда, имеющего своей основой машинную технику; процесс увеличения стоимости—как процесс производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Производительный труд и есть единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, взятых в их, так сказать, вполне развернутом виде.

Единство процесса труда и процесса увеличения стоимости есть в то же время и единство производства потребительной стоимости, стоимости и прибавочной стоимости. Но не обязательно, чтобы производительный труд создавал непосредственно потребительную стоимость, достаточно: 1) если им выполняются операции, необходимые для потребительной стоимости, 2) если производится полезный эффект, и не имеющий самостоятельного существования в качестве вещи, отделенной от производственного процесса. Отсюда также ясно, что производительный труд есть только труд, занятый в фазе производства; труд, занятый в фазе обращения, не является производительным. Это непосредственно вытекает из марксовой теории обращения: под обращением им понимается исключительно смена форм стоимости, превращение ее из товарной формы в денежную и обратно—из денежной в товарную. Этот процесс обычно сопровождается целым рядом технических операций, как то: упаковкой товара, сортировкой, транспортированием его и т. д. Но для правильного понимания сущности обращения, обращения как такового, его (обращение) необходимо отделить от перечисленных операций, тем более, что и сама действительность их часто отделяет друг от друга. Тип «чистого» обращения представляет спекулятивная биржевая торговля, которая не сопровождается указанными техническими опера-

¹ «Теория прибавочной ценности», т. I, стр. 270, изд. 1923 г.

циями, которая от них совершенно отделена. Этими операциями не сопровождается и купля-продажа недвижимостей. С другой стороны, упаковка и транспорт продуктов имеют место и без обмена: внутри отдельного предприятия или системы объединенных предприятий.

«Но обращение товаров,—говорит Маркс,—может происходить и без их физического передвижения; транспорт продуктов—без товарного обращения и даже без непосредственного обмена продуктов. Дом, который А продает В, обращается как товар, но он стоит смиренно на месте. Подвижные товарные стоимости, например хлопок или чугун, остаются попрежнему в товарном складе, в то время как они проделывают дюжины различных процессов обращения, покупаются спекулянтами и опять продаются. В действительности здесь передвигается только титул на вещь, а не сама вещь»¹.

А от того, что функции обращения выполняются наемным трудом, их характер не меняется, т. е. они вследствие этого не превращаются из непроизводительных в производительные. «Если же капиталисты, покупающие и продающие друг у друга, не создают этим актом ни продуктов, ни стоимости, то это нисколько не изменяется от того, что размеры их дела дают им возможность или принуждают их переносить на других функции купли-продажи»².

Но нельзя смешивать понятие необходимый труд с понятием производительный труд: и труд в обращении необходим, даже полезен (при капиталистической системе), но он все-таки не производителен. Это положение оспаривается А. Богдановым. Им именно отождествляется необходимый труд с производительным. «Его (производительного труда.—Р.) экономическая характеристика,—пишет Богданов,—вся сводится к тому, что удовлетворяет потребностям данной производственной системы, что он общественно полезен с точки зрения борьбы за существование»³. Маркса же он обвиняет в том, что им недостаточно подвергнут критике взгляд старой политической экономии, «коренная методологическая ошибка» которого состоит в том, что «социально-научному исследованию он навязывает чуждую ему точку зрения «материальности» и «духовности» явлений».

Прежде всего необходимо отметить, что Богданов сваливает в одну кучу совершенно разные вопросы: вопрос о «материальности» и «духовности» явлений с вопросом о труде в обращении. О первом мы сейчас поговорим, а что касается второго, то он, как сказано, непосредственно вытекает из учения Маркса об обращении.

Прежде чем перейти к вопросу о так называемом нематериальном производстве, поставим предварительно вопрос о соотношении между категорией производительный капитал и категорией производительный труд. Этот вопрос поставлен самим Марксом. Знаменитое «Приложение» к I тому «Теории прибавочной стоимости» он начинает так: «Капитал производителен: 1) как сила, принуждающая к прибавочному труду, 2) как поглотитель и присвоитель, а равно и как воплощение производительных сил общественного труда и общественных производительных сил вообще, как например наука.

¹ «Капитал», т. II, стр. 163, изд. 1920 г.

² Там же.

³ А. Богданов и И. Степанов, Курс политической экономии, т. II, вып. VI, стр. 11.

Спрашивается, как или почему труд, противопоставленный капиталу, производителен или является производительным трудом (подчеркнуто Марксом.—*P.*), хотя производительные силы труда перешли к капиталу и хотя эти производительные силы нельзя считать дважды: один раз—как производительную силу труда, а другой раз—как производительную силу капитала.

Ответ на этот вопрос надо искать в предыдущих изложениях¹.

Производительный капитал и производительный труд выражают одну и ту же «полноту того отношения, в котором фигурирует рабочая сила в капиталистическом производстве», но выражают они их разное. Производительный капитал выражает это в вещной форме, выражает: 1) что живая рабочая сила стала вещью, 2) что в соединении с другими вещами (с средствами производства) она самовозрастает, 3) что следовательно «производительные силы труда перешли к капиталу». Словом, производительный капитал есть вещное выражение производительного труда, в котором «сокращенно» выражено, что труд при капиталистической системе может быть производителен, если его функция становится функцией капитала, если его источник—рабочая сила—становится частью капитала.

Потребление рабочей силы становится производительным потреблением лишь после того, как она перешла в фазу производства через фазу $D-T < \frac{P}{C_n}$. В фазе производства труд становится производительным и тем самым делает производительным капитал. Все же методологически, — подчеркнем тут же, — категория производительный труд предшествует, если можно так выразиться, категории производительный капитал: только после того, как выяснены отношения с их, так сказать, вещной стороны, получает и может получить свою специфическую характеристику производительный труд, как труд в системе этих отношений. До анализа последних он выступает как труд, производящий потребительные стоимости (но и тогда его нельзя смешивать с необходимым и полезным трудом, так как не всякий полезный труд производит потребительные стоимости). А в начале анализа капиталистических отношений труд выступает лишь как наемный труд, — и только дальнейший анализ уже выделяет производительный труд из наемного труда (наемный труд в обращении не производителен, хотя и эксплуатируется) как особую категорию.

Рубин сомневается в правильности данного Марксом определения производительного труда.

Он пишет: «Мы не ставим вопроса о том, правильно ли марксово определение производительного труда, построенное на анализе его общественной формы, или общепринятые в трактатах политической экономии определения, исходящие из «необходимости», «полезности», «материального» характера или роли его в личном или производительном потреблении. Мы не говорим, что марксово деление, отвлекающееся от содержания трудовых затрат, правильное общепринятое, мы только утверждаем, что оно иное и ими не покрывается»².

Мы же думаем, что, во-первых, именно потому, что в трактатах по политической экономии (буржуазных и ревизионистских) производи-

¹ «Теория прибавочной ценности», т. I, стр. 368.

² И. Рубин, Очерки, стр. 297—293, 3-е изд.

тельный труд определяется вне, как говорится, времени и пространства, ортодоксальные марксисты должны крепко держаться за марксово определение производительного труда, исходящее не из труда вообще, а включающее в него (в это определение) исторически обусловленную его форму, его капиталистическое клеймо. Во-вторых, Маркс совсем не отвлекается от содержания трудовых затрат; он только его берет с его исторической обусловленной формой, с его, повторяем, капиталистическим клеймом.

Теперь перейдем к вопросу о так называемом нематериальном производстве. Уже приведенная выше цитата, где Маркс «позволяет» себе взять «иллюстрацию вне сферы материального производства» и где он все-таки ставит, что называется, на одну доску «фабрику для обучения» и «колбасную фабрику»,—уже эта цитата, говорим мы, свидетельствует, что и к нематериальному производству, если только оно организовано капиталистически, Маркс применяет категорию производительный труд. Правда, здесь он еще выражается осторожно («если позволительно...»), но в «Теориях» он высказывается на этот счет довольно полно и довольно решительно.

Там мы читаем: «Итак, производительный труд в системе капиталистического производства—есть такой труд, который производит для лица, дающего ему применение, прибавочную ценность, или, иначе, тот, который превращает объективные условия труда в капитал, а их владельца—в капиталиста; стало быть труд, создавший свой собственный продукт в виде капитала»¹. Отсюда Марксом делается новый ряд очень важных выводов. Первый вывод: «Один и тот же вид труда может быть производительным и непроизводительным»². Труд портного, работающего на заказчика-потребителя,—непроизводительный, но труд портного, работающего в капиталистически организованной мастерской или фабрике,—производительный. В первом случае он не производит прибавочной стоимости и не превращает условий труда в капитал, во втором—имеет место и первое и второе. Второй вывод (относящийся уже к нематериальному производству): «Певица, продающая свое пение на собственный риск,—не производительный работник. Но та же самая певица, приглашенная антрепренером, который заставляет ее петь для того, чтобы выручить деньги,—производительный работник, так как она производит капитал»³. Третий вывод: самостоятельный ремесленник и крестьянин, хотя и доставляющие продукты своего труда на рынок, т. е. производящие товар, «не принадлежит ни к категории непроизводительных рабочих, ни к категории производительных,—их производство не подчинено капиталистическому способу производства»⁴.

Перечисленные выводы заостряют и уточняют то новое, что Марксом вносится в настоящей главе в определение производительного труда вторым дополнением. Первое дополнение диктуется переверотами в самой технике и организации процесса труда, превращающими его из индивидуального в коллективный труд. Второе дополнение вносит уже

¹ «Теории прибавочной ценности», т. I, стр. 270.

² Там же, стр. 272.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 270.

тельного акта, как это имеет место у всех художников-исполнителей, исторически обусловленной форме как наемный труд, как труд, отчуждаемый в форме обмена рабочей силы на капитал. «Поэтому, когда мы говорим о производительном труде, то мы имеем в виду общественно-определенный труд, т. е. труд, предполагающий определенные общественные отношения»¹. Но внесенный социально-экономический момент не упраздняет, если можно так выразиться, материально-производственного момента, т. е. производительный труд должен быть, с одной стороны, процессом труда, производящим «преднамеренное изменение в предмете труда», а с другой—превращающим условия труда в капитал.

То, что Маркс считает производительным труд учителя, певицы, актера, если они наняты капиталистическими предпринимателями, совершенно не противоречит сказанному. В так называемом нематериальном производстве (нематериальном—в смысле удовлетворения нематериальных потребностей) Маркс различает два случая: во-первых, когда потребительные стоимости имеют «самостоятельный вид, отдельный как от производителя, так и от потребителя, т. е. такие предметы, которые могут существовать в промежутке между производством и потреблением»²,—к ним относятся книги, картины и т. п.; во-вторых, когда «производство неотделимо от производственного акта, как это имеет место у всех художников-исполнителей, у авторов, у учителей...»³.

Следовательно первый случай, с точки зрения процесса труда и в приведенном выше смысле, ничем не отличается от труда в материальном производстве. Но и во втором случае имеем материальный процесс труда, предполагающий материальные условия труда, которые подвергаются изменениям, только производство не отделяется от потребления—между ними нет промежутков.

Рубин, верный своему «социологическому» методу, из понятия «производительный труд» изгоняет полностью материальный момент. Он пишет: «Как видим, Маркс в определении производительного труда совершенно отвлекается от его содержания, от конкретного, полезного характера и результата труда. Он рассматривает труд только со стороны его общественной формы... Было бы поэтому крайне неправильно приписать учению Маркса о производительном труде «материалистический» характер»⁴. На самом деле от «содержания от конкретного, полезного характера и результата труда» Маркс как раз и не отвлекается. Об этом в первую очередь свидетельствует трактовка этого вопроса в настоящей главе; как мы уже указывали, Маркс от данного им определения производительного труда в V главе отнюдь не отказывается, а лишь дополняет. Конечно совершенно безразличен тот род, сорт полезностей, потребительных стоимостей, какой труд производит, но производить их вообще он должен. Следовательно Маркс, рассматривая труд со стороны общественной формы, вовсе не абстрагирует его от содержания, как это утверждает Рубин, искажающий по своему обыкновению, Маркса.

¹ «Капитал», т. I, стр. 270.

² Там же, стр. 277.

³ Там же.

⁴ «Очерки», стр. 199—200. Подчеркнуто самим автором. — Р.

Как следствие отсюда, крайне неправильно приписать учению Маркса о производительном труде исключительно социальный характер, отрешенный от материальных моментов. Производительный труд в капиталистической системе представляет единство материально-производственного содержания трудового процесса и его социально-исторической формы. С одной стороны, в этом процессе «деятельность человека при помощи средств труда производит преднамеренное изменение в продукте труда». А с другой стороны, «деятельность человека» является деятельностью наемного рабочего—и должна производить прибавочную стоимость.

Нам всегда нужно помнить следующий марксов тезис: «Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства»¹.

**Сходство
и различие между
абсолютной
и относительной
прибавочной
стоимостью.**

Производительный труд в только что рассмотренном нами марксовом понимании выражает собой и определенную ступень развития производительных сил, превративших индивидуальный труд в коллективный, и определенный тип производственных отношений, превративших прибавочный продукт в прибавочную стоимость, безотносительно к особым ее формам. И абсолютная и относительная прибавочная стоимость, являясь выражением деления труда на необходимый и прибавочный (что и делает труд производительным), предполагают стало быть и возможность такого деления, т. е. предполагают, что средства существования, нужные рабочему, или их стоимость, он в состоянии производить только в части имеющегося в его распоряжении времени. Но ведь не всегда,—если взглянуть на дело в исторической перспективе,—это имело место: было время, когда весь труд был только необходимым, когда все рабочее время приходилось работникам тратить на добывание средств к существованию. Следовательно лишь по мере развития производительности труда, уменьшающего необходимое рабочее время, появляется излишек времени, разница между всем имеющимся рабочим временем и необходимой его частью,—появляется возможность производства прибавочного продукта, превращающегося при капиталистической системе в прибавочную стоимость. Выходит, что предпосылка, как отмечено раньше, абсолютной прибавочной стоимости та же, что и относительной—развитие производительных сил, повышающих производительность труда. Разница между ними представляется иллюзорной.

В этом сходство или единство обеих форм прибавочной стоимости. Все же не может быть стерта грань, отделяющая их друг от друга,—различие есть и «дает себя знать, когда дело идет о повышении нормы прибавочной стоимости вообще»². Иными словами, когда капиталистический способ производства уже утвердился, утвердился на известном уровне развития производительных сил, позволявшем разделить рабочее время на необходимое и прибавочное,—дальнейшее увеличение при-

¹ «Капитал», т. I, стр. 135. Подчеркнуто самим автором. — Р.

² Там же, стр. 337.

бавочной стоимости может идти двумя путями: путем удлинения рабочего дня и путем сокращения необходимого рабочего времени. Эти пути совершенно различные и получают соответствующие различные определения: один путь назван производством абсолютной прибавочной стоимости, а другой—производством относительной прибавочной стоимости.

**Естественно-
исторические
предпосылки
возникновения
капитала.**

Ряд историков и экономистов ищет объяснения социально-исторических явлений в природе, в частности в географии. Развитие например капитализма в Англии раньше, чем в других странах, часто объясняют островным положением этой страны.

В марксистской литературе неоднократно указывалось на основной методологический грех такого рода объяснений: объясняют изменение явления (ведь в этом задача объяснения социально-исторических явлений) факторами, являющимися сравнительно постоянными и неизменными: островное положение Англии гораздо, так сказать, старше капитализма. Маркс, как бы полемизируя с названными историками и экономистами, заявляет: «Наличная производительность труда, из которой он (капитал.—*P.*) исходит, как из своей основы, есть не дар природы, а дар истории, охватывающей периоды не в столетия, а в тысячи столетий»¹. Но отрицать роль географии, влияние ее на развитие народов нельзя, только самое это влияние в разные периоды разное. Моря например в одни периоды разъединяют народы, а в другие—их объединяют. Стало быть характер влияния географических факторов, их действие в определенном направлении уже есть «не дар природы, а дар истории».

Влияние природы велико, но оно определяется историей, а не наоборот, и вслед за приведенной только что цитатой Маркс пишет: «Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда может оказаться связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т. п. и к окружающей человека природе». И в дальнейшем он подробно останавливается на связи между природными богатствами и избытком труда, идущим «на других, по сравнению с трудом на самого себя». Но отсюда никоим образом не следует, что работа на других обуславливается богатством природы. Последнее лишь объясняет, почему получается избыток труда, составляющий разницу между необходимым рабочим временем и всем имеющимся рабочим временем, но не объясняет и не может объяснить, почему этот избыток присваивается другими. «На прибавочный труд они (естественные условия.—*P.*) влияют лишь как естественная граница, т. е. определяют лишь тот пункт, за пределами которого может начаться работа на других»². А в том, что эта возможность превратилась в реальность, естественные условия совершенно непозинны.

**Критика
школы Рикардо.**

Школа Рикардо «громко провозгласила,—говорит Маркс,—что причиной возникновения прибыли (читай: прибавочной стоимости) является производительная сила труда», или, как выражается Милль в приведенной Марксом цитате, «причина прибыли заключается в том, что труд производит

¹ «Капитал», т. I, стр. 398.

² Там же, стр. 400. Подчеркнуто нами.—*P.*

больше, чем необходимо для его содержания»¹. Маркс считает это прогрессом в сравнении с меркантилистами, искавшими источник прибыли в обращении. Но почему производительная сила труда стала источником прибыли, т. е. почему производительность труда не является источником обогащения самого производителя, почему последний должен ограничиться только необходимым на его содержание,—на эти вопросы Рикардо ответа не дает; более того, сами вопросы не поставлены, почему Маркс и считает, что «школа Рикардо лишь обошла проблему, а не разрешила ее»². Объясняет это Маркс тем, что «инстинкт совершенно правильно подсказал этим буржуазным экономистам, что очень опасно слишком глубоко исследовать жгучий вопрос о происхождении прибавочной стоимости»³.

Ограничиваясь повторением того, что производительная сила труда есть источник прибыли, но не отвечая и даже не ставя названных выше вопросов, ни Рикардо, ни его сторонники не могли иметь правильной теории капитала, не могли усмотреть в нем общественное отношение, а, наоборот, считали капиталом совокупность вещей, играющих большую роль в производстве, повышающих производительность труда и тем самым содействующих увеличению прибыли. Все это Маркс иллюстрирует на Милле, который полагает, что обмен, купля-продажа не являются необходимыми условиями возникновения прибыли,—выходит, что «прибыль остается даже в том случае, если нет ни купли, ни продажи рабочей силы»⁴. А раз прибыль получается от одной производительности труда, без продажи рабочей силы, то прибыль может получить и рабочий, будучи одновременно капиталистом. У Милли выходит так.

Примечания к четырнадцатой главе.

1. Вопрос о производительном и непроизводительном труде Марксом обстоятельно исследуется в I томе «Теории прибавочной стоимости». Здесь подвергается критике определение производительности труда, данное А. Смитом, а в «Приложениях» к этой книге Маркс систематически излагает свой взгляд на этот предмет. Желающим более основательно проработать этот вопрос рекомендуем в первую очередь прочесть названное «Приложение». Что касается чтения отдела, посвященного критике Смита, то это дело образно только при наличии у читателя знакомства с системой А. Смита. Этому вопросу уделена специальная глава в «Очерках» И. И. Рубина—Производительный труд. Но Рубинным совершенно искажается понятие производительный труд, что впрочем вытекает из всей его концепции, построенной на отрыве социального от материального.

2. Труд торговых служащих Маркс считает непроизводительным. Этот вопрос Маркс исследовал во II томе «Капитала», в главе «Издержки обращения», и в III томе, ч. 1, отд. 4-й. Учение Маркса о непроизводительном труде торговых служащих вытекает из его учения об обращении, из деления им капитала на производительный капитал и на капитал в обращении. Что касается труда в обращении, то этот вопрос нами более освещен в нашей статье в журнале «Проблемы экономики» № 12 за 1929 г.

«Капитал», т. I. стр. 401.

Там же.

Там же.

Там же.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

**СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЦЕНОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ
И ВЕЛИЧИНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.****Предмет
исследования.**

Стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость друг друга предполагают и друг друга исключают. Стоимость рабочей силы предполагает прибавочную стоимость, так как без последней рабочая сила стать товаром не может, как товаром не может стать бесполезная, т. е. не имеющая потребительной стоимости, любая вещь, хотя бы она и являлась продуктом труда. Как потребительная стоимость является предпосылкой стоимости обычных товаров, так и прибавочная стоимость есть предпосылка стоимости специфического товара—рабочей силы. Также и прибавочная стоимость предполагает стоимость рабочей силы,—ведь она своим исходным моментом имеет продажу последней, являясь разностью между стоимостью самой рабочей силы и стоимостью, вновь произведенной ее потреблением.

Но они исключают друг друга, как полюсы одного и того же магнита, точно так же как относительная и эквивалентная формы стоимости, рассмотренные Марксом в I главе. В одно и то же время невозможно и воспроизводить стоимость рабочей силы и производить прибавочную стоимость. Часть труда, воспроизводящая первую, не производит второй, и обратно: в прибавочное время производится только прибавочная стоимость.

Стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость, находящиеся в таких взаимоотношениях, что они друг друга и предполагают и исключают, являются соотносительными. И в этом разрезе, разрезе существующего между ними соотношения, они изучаются в настоящей главе. Но следует еще добавить: они изучаются с количественной стороны,—в каком соотношении находится величина одной из них с величиной другой. А поскольку исследуется количественный момент, постольку берется не соотношение между стоимостью рабочей силы и прибавочной стоимостью, а соотношение между ценой рабочей силы, т. е. стоимостью ее, выраженная и измеренная в деньгах, и величиной прибавочной стоимости. На последнюю влияет не только величина стоимости рабочей силы, но и цена ее, которая, как и цена любого товара, может быть выше и ниже стоимости.

**Порядок
исследования.**

Глава начинается небольшой вводной частью, выясняющей условия исследования. Маркс указывает, какие факторы им вводятся в исследование и от каких он абстрагируется. Выясняется, что для изучаемой проблемы, как мы ее только что определили, актуальное значение имеют три фактора: производительная сила труда, интенсивность его и длина рабочего дня. Каждому из этих факторов уделяется особый параграф, т. е. соотношение между ценой рабочей силы и величиной прибавочной стоимости каждый раз изучается при предположении, что один из перечисленных факторов меняется, а два других остаются неизменными, берутся как данные.

Все исследование завершается изучением того случая, когда предпосылками являются одновременные изменения всех факторов.

Первый случай. Это тот случай, когда «величина рабочего дня и интенсивность труда постоянны, а производительность труда меняется». И Марксом формулируются три закона. Уже в I главе выяснено было, что «один и тот же труд в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная сила»¹. Последняя влияет на стоимость единицы товара, но не на стоимость, произведенную в единицу времени. Теперь это положение применяется к рабочему дню, только на место «один и тот же труд» следует поставить «труд одинаковой интенсивности», а на место «в разные промежутки времени» — «в разные по величине рабочие дни», — и получим тот же закон, только в иных выражениях, а именно: «Рабочий день данной величины (подразумевается: и данной интенсивности. — *P.*) всегда выражается в одной и той же вновь произведенной стоимости, как бы ни изменялась производительность труда и вместе с ней масса продуктов, а следовательно и цена единицы товара». Это и есть первый закон.

Но эта стоимость производится наемным рабочим, следовательно делится на воспроизведенную стоимость рабочей силы и на прибавочную стоимость. Здесь необходимо ответить на два вопроса: 1) как эти части меняются в отношении друг к другу, 2) как они меняются в отношении к изменениям в производительности труда, так как при наших предположениях, что все факторы, кроме последней, не меняются, изменение стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости могут быть следствием изменения в производительности труда. Ответ на первый вопрос гласит: «Стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость изменяются в противоположном направлении»². Раз подлежащая делению стоимость не меняется, то каждая из ее частей может меняться за счет другой — уменьшение одной влечет за собой увеличение другой, и обратно. Но рост производительности труда при постоянстве рабочего дня уменьшает стоимость рабочей силы и увеличивает прибавочную стоимость, и наоборот: уменьшение производительности труда увеличивает первую и уменьшает последнюю. Следовательно ответ на второй вопрос должен быть такой: «Изменение производительной силы труда, ее возрастание или уменьшение изменяет стоимость рабочей силы в обратном направлении, прибавочную стоимость — в прямом направлении»³. Ответы на оба вопроса, взятые вместе, составляют второй закон. А так как изменения в величине стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости могут происходить лишь от изменений в производительности труда, то мы получаем такой последовательный причинный ряд: изменение производительности труда — изменение стоимости рабочей силы — изменение величины прибавочной стоимости. Иными словами, получается третий закон: «Возрастание или уменьшение прибавочной стоимости всегда является следствием, но никогда не причиной соответственного уменьшения или возрастания стоимости рабочей силы»⁴.

Из трех перечисленных законов основным является первый, который, как мы видели, был сформулирован еще в I главе, т. е. является выра-

¹ «Капитал», т. I, стр. 10.

² «Капитал», т. I, стр. 404.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 405.

жением общего закона стоимости. Применяя его к капиталистическому производству, к производству стоимости наемным трудом, которая делится на две соответственные части,—получаем второй закон. А третий закон есть дальнейшее уточнение и заострение второго закона. Неудивительно, что все три закона уже были строго сформулированы, как утверждает Маркс, еще Рикардо (наиболее глубоким и последовательным теоретиком трудовой стоимости в домарксовский период). Но в трактовке Рикардо имеется ряд недочетов как второстепенного характера, так и глубоко принципиального значения. Формулируя второй закон, Рикардо полагал, что изменение стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости пропорциональны, а на самом деле, как Маркс иллюстрирует на цифровом примере, они изменяются на одну и ту же величину, но не пропорционально. И то—следует добавить—при условии, что цена рабочей силы совпадает со стоимостью ее. На стр. 405, уже при рассмотрении третьего закона, Маркс развивает ту мысль, что изменение производительности труда и—вследствие этого—изменение стоимости рабочей силы ставят лишь предел для изменения прибавочной стоимости: последняя может изменяться только на ту величину, на которую изменилась стоимость рабочей силы,—не больше, но это не необходимо. Если цена рабочей силы в своем понижении отстает от падения стоимости ее, то прибавочная стоимость увеличится на величину, меньшую предельной. В отношении же всех трех законов Рикардо упустил из виду, что предпосылки, при которых формулированные законы вообще имеют силу, только теоретически конструированы, т. е. в целях теоретического анализа мы их предполагаем, а в действительности меняется как длина рабочего дня (Маркс, как мы знаем, называет ее даже переменной величиной), так и интенсивность труда. Рикардо рисует дело так, как будто их неизменяемость является типичной для капиталистического производства.

Вторая его ошибка—еще более крупная. Заключается она в том, что Рикардо «не исследовал прибавочную стоимость как таковую, т. е. независимо от ее особых форм, каковы: прибыль, земельная рента и т. д.», и противопоставляет прибыль заработной плате и ренте. Поскольку он прибыль противопоставляет заработной плате и выводит названные три закона, он фактически ею обозначает прибавочную стоимость; но поскольку он прибыль противопоставляет ренте, т. е. одну часть прибавочной стоимости—другой, она уже является особой формой прибавочной стоимости и означает лишь предпринимательскую прибыль, которая регулируется помимо законов, регулирующих прибавочную стоимость, еще особыми законами, присущими прибыли как предпринимательской прибыли. Эта путаница привела к неверным выводам, к отождествлению нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли.

Второй случай. Предпосылки следующие: «Рабочий день и производительная сила труда постоянны, интенсивность труда меняется». Между интенсивностью и производительностью труда есть то общее, что изменения их дают соответствующие изменения в количестве продуктов, производимых в единицу времени. Но в то время как производительность труда не влияет на стоимость, производимую в единицу времени, интенсивность труда влияет: более уплотненный час производит больше стоимости. Отсюда—при изменении интенсивности—формулированный раньше первый закон не только терпит свою

силу, но верно будет как раз обратное: рабочий день данной величины, но разной интенсивности выражается и в разной величине стоимости.

Что касается составных частей, на которые распадаются произведенные стоимости, то прибавочная стоимость меняется в том направлении, в каком меняется интенсивность труда. Во-первых, более интенсивный прибавочный труд создает большую прибавочную стоимость, а менее интенсивный прибавочный труд—меньшую прибавочную стоимость. Во-вторых, увеличение или уменьшение интенсивности труда уменьшает или увеличивает необходимое время и стало быть соответственно увеличивает или уменьшает прибавочное время.

Более сложным представляется влияние изменения интенсивности труда на величину стоимости и цену рабочей силы. Относительно стоимость и цена рабочей силы уменьшаются потому, что увеличивается прибавочная стоимость. Но в отношении абсолютной величины стоимости и цены рабочей силы могут быть следующие случаи: 1) меняются и стоимость и цена рабочей силы, 2) остаются неизменными и та и другая, 3) меняется лишь одна из них. Если повышение или понижение интенсивности труда не слишком значительны, то стоимость рабочей силы не меняется, нет также оснований и для изменения цены последней. Если же повышение интенсивности труда значительно, то повышается и стоимость рабочей силы: более интенсивный труд требует больше на восстановление рабочей силы. Должна соответственно повышаться и цена рабочей силы. Если интенсивность труда так велика, что износ рабочей силы не компенсируется большим количеством средств существования, которое доставляется большим заработком, то может случиться, что и повышенная цена все же останется ниже стоимости рабочей силы. Но следует помнить, что изменение интенсивности труда влияет лишь до тех пор, пока оно, так сказать, новинка—не стало еще «обычным общественно-нормальным уровнем»¹.

Третий случай. Здесь предполагается, что «производительная сила и интенсивность труда постоянны, рабочий день меняется». При таких условиях стоимость, в которой выражается рабочий день, меняется в том же направлении, что и последний, в этом же направлении меняется и прибавочная стоимость, а стоимость рабочей силы (за исключением того случая, когда чрезмерно длинный день истощает организм и требуется больше средств для его восстановления) абсолютно не меняется, по отношению (в отношении прибавочной стоимости) меняется, притом в противоположном направлении: чем длиннее например рабочий день, тем больше прибавочной стоимости, тем относительно меньше становится стоимость рабочей силы. Но причинный ряд теперь будет другой: изменение рабочего дня—изменение прибавочной стоимости—изменение стоимости рабочей силы. Иными словами, за изменением рабочего дня непосредственно следует изменение прибавочной стоимости, которое влечет за собой относительное изменение стоимости рабочей силы.

Сокращение рабочего дня, как мы видим, бьет непосредственно по прибавочной стоимости, и это служит убедительнейшим аргументом против этого сокращения. Но тут путают теоретическую абстракцию (делают это и «сильные» практики) с реальной действительностью. Сокра-

¹ «Капитал», т. I, стр. 403.

щение рабочего дня уменьшает прибавочную стоимость лишь при допущении, что производительность или интенсивность труда остались неизменными—в действительности «изменение производительности и интенсивности труда предшествует сокращению рабочего дня или непосредственно следует за ним»¹.

Четвертый случай.

Все предыдущие случаи являются в полной мере идеальными—идеальными в том смысле, что их, как сказано раньше, теоретически конструируют. Зато настоящий случай уже представляет значительное приближение к действительности: предполагается, что имеют место «одновременные изменения продолжительности рабочего дня, производительной силы и интенсивности труда». Мы говорим: «представляет значительное приближение к действительности»—полного созвучия и здесь нет, ведь в действительности кроме названных трех факторов действует еще целый ряд других факторов, от действия которых и в данном случае приходится абстрагироваться, например изменение стоимости денег, падение цены рабочей силы ниже ее стоимости под давлением армии безработных и т. д.

Но и при наличии только этих трех факторов могут представляться всевозможные комбинации, анализ которых не представляется трудным, если пользоваться теми выводами, которые сделаны в предыдущих параграфах.

В заключение обращаем внимание на замечание Маркса (в высшей степени интересное и поучительное) насчет того, как рабочий день должен измениться по устранении капиталистического способа производства. С одной стороны, можно будет «ограничить рабочий день необходимым трудом»². Но, с другой стороны, «необходимый труд должен расширить свои рамки»³. Потребности рабочего будут полнее удовлетворяться, а также нужно будет иметь запасный фонд и фонд накопления. Зато, с другой стороны, вовлечение всех работоспособных в работу значительно сократит необходимое рабочее время для каждого в отдельности. «При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми дееспособными членами общества...»⁴.

Примечания к пятнадцатой главе.

Часто спорят—считать ли прибавочную стоимость, получающуюся вследствие повышения интенсивности труда, абсолютной или относительной. Есть доводы и в пользу одного и в пользу другого мнения. Более интенсивный рабочий день создает больше стоимости и следовательно больше прибавочной стоимости, т. е. рост последней получается не вследствие понижения стоимости рабочей силы (как при повышении производительности труда), а вследствие возросший ввоз, произведенной в течение рабочего дня стоимости. Но так действует и более экстенсивный труд (удлинение рабочего дня). Отсюда как будто вывод: приба-

¹ «Капитал», т. I, стр. 105.

² Там же, стр. 412.

³ Там же.

⁴ Там же.

вочную стоимость, возросшую в результате интенсификации труда, надо считать абсолютной прибавочной стоимостью.

Но вот довод противоположного порядка: при интенсификации труда длина рабочего дня остается неизменной, зато изменяется соотношение между необходимым рабочим временем и прибавочным: первое уменьшается (стоимость рабочей силы воспроизводится в меньшее число часов более интенсивной работы), а второе увеличивается. Стало быть обе части рабочего дня меняются так, как при повышении производительности труда, а поэтому полученную большую прибавочную стоимость из-за роста интенсивности труда следует считать относительной прибавочной стоимостью.

В примечании к X главе мы старались обосновать, почему необходимо провести различия между относительной и избыточной прибавочной стоимостью. Когда интенсификация труда имеет место лишь в отдельных предприятиях, она действительно вызывает рост прибавочной стоимости, но не вследствие понижения стоимости рабочей силы, а вследствие увеличения вновь созданной стоимости. А ведь это, как мы утверждаем, есть только избыточная прибавочная стоимость. Она отличается от избыточной прибавочной стоимости, рассмотренной в X главе, лишь тем, что она получена в результате повышения не производительности труда, а интенсивности его. Но как там, так и здесь возросшую прибавочную стоимость получают только отдельные капиталисты, сумевшие выдвинуться вперед, больше интенсифицировать эксплуатируемый ими труд. Это продолжается до тех пор, пока новый уровень интенсивности труда не становится всеобщим. Как только последний был бы достигнут, то новая повышенная степень интенсивности, — пишет Маркс в настоящей главе, — стала бы обычным общественно-нормальным уровнем и следовательно уже не учитывалась бы более как экстенсивная величина¹. Поэтому стоимость рабочей силы оказалась бы пониженной, так как в ней овецствалено меньше чем раньше общественно-необходимого труда (позышенная интенсивность труда ведь стала уже «обычным общественно-нормальным уровнем»), и прибавочная стоимость увеличилась бы только через понижение стоимости рабочей силы.

Итак, более интенсивный рабочий день, пока не получил еще всеобщего распространения, действует как более длинный рабочий день, т. е. создает больше прибавочной стоимости, потому что создает больше стоимости, но это есть лишь избыточная прибавочная стоимость. Но как только всякая повышенная степень интенсивности становится «обычным общественно-нормальным уровнем» и начинает учитываться лишь как общественно-необходимая, то прибавочной стоимости больше получается уже только потому, что понизилась стоимость рабочей силы (создается в меньшее общественно-необходимое время). А это уже есть относительная прибавочная стоимость, такая же, как относительная прибавочная стоимость, получающаяся вследствие повышения производительности труда.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМУЛЫ НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Несколько замечаний.

Настоящая коротенькая глава — исключительно полемического характера. Она направлена против классической школы, в которой наряду с правильными формулами, выражающими норму прибавочной стоимости, встречаются ошибочные, искажающие характер капиталистического производства. К правильным относятся выражения нормы прибавочной стоимости: 1) через отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу, 2) к стоимости рабочей силы, 3) через отношение прибавочного труда к необходимому. Неправильными являются выражения нормы прибавочной стоимости: 1) через отношение прибавочного труда к рабочему дню,

¹ «Капитал», т. I, стр. 408.

- 2) через отношение прибавочной стоимости к стоимости продукта,
- 3) через отношение прибавочного продукта к совокупному продукту.

И эти выражения имеют свое значение: они показывают, на какие части распадается или рабочий день, или стоимость совокупного продукта, или наконец сам совокупный продукт. Но они и поддерживают неправильный взгляд, будто капиталист и рабочий делят между собою продукт или его стоимость, а между тем рабочий не имеет никакого отношения к продукту. Рабочий свою рабочую силу продал за переменный капитал, его труд есть потребление отчужденной им рабочей силы, и результат его труда является полной собственностью капиталиста. Хотя Маркс тоже говорит, что вновь произведенная стоимость распадается на две части, но не в смысле дележа ее между капиталистом и рабочим, а в том смысле, что одна часть возмещает авансированный переменный капитал, а другая есть прибавочная стоимость.

Также следует обратить внимание на то, как Маркс разъясняет смысл термина «неоплаченный труд», который тоже может ввести в заблуждение, будто капиталист покупает труд и за одну часть платит, а за другую не платит. «Неоплаченный труд» — это не научный термин, а «популярное выражение» для прибавочного труда.

Следует еще заметить, что и правильные формулы у классиков даны не «в сознательно разработанном виде, а лишь по существу».

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

**Предмет
исследования.**

Исследование производства прибавочной стоимости закончено. Процесс капиталистического производства полностью освещен, раскрыты все его тайны, но предпосылкой всей грандиознейшей теоретической работы является тезис, что капиталистом покупается рабочая сила, а не труд. Все, что может поколебать этот тезис, колеблет воздвигнутое теоретическое здание, ставит под знак вопроса теорию прибавочной стоимости. А между тем утверждение, что продается рабочая сила, а не труд, противоречит «очевидности», противоречит житейскому опыту и представлению не только капиталистов, но и рабочих,—и те и другие говорят о заработной плате, о плате за работу, за труд. Борьба идет лишь из-за размера зарплаты,—на этой же точке зрения целиком стоит и классическая политическая экономия, которая «без всякой критики позаимствовала у обыденной жизни категорию «цена труда», чтобы поставить затем вопрос: чем определяется эта цена»¹.

Следовательно теория прибавочной стоимости, находясь в непримиримом противоречии с «категорией обыденной жизни»—с «ценой труда» (которая также является и категорией классической политической экономии),—не может считаться завершенной, пока не разрешено это противоречие. Вот почему Маркс по окончании исследования производства прибавочной стоимости возвращается к исходному пункту этого исследования, к тезису о продаже рабочей силы, а не труда, и предметом анализа настоящего отдела делает форму проявления стоимости «соответственно цены рабочей силы». Этот анализ должен выяснить, почему действительно стоимость или цена рабочей силы принимает формы «стоимости» или «цены труда» и каковы особенности и дальнейшие модификации самой этой формы, выражающей производственные отношения между рабочим классом и классом капиталистов в совершенно искаженном виде.

Марксово учение о заработной плате, как оно изложено в настоящем отделе, является, с одной стороны, завершением теории прибавочной стоимости; доказывается, что и сама зарплата может быть правильно объяснена и понята только как выражение—как «иррациональная», «превращенная форма»—стоимости рабочей силы. Стало быть фундамент, на котором воздвигнута теория прибавочной стоимости, не только не поколеблен, но и получается, как говорится, добавочное подкрепление его. С другой стороны, дана теория заработной платы как таковая, имеющая громадное самостоятельное значение и объясняю-

ция явления зарплаты и те формы, которые она в свою очередь принимает. Мы сказали: как оно изложено в настоящем отделе,—так как проблема зарплаты в полном объеме: динамика ее, факторы, уменьшающие ее долю в общем национальном доходе, вопрос о так называемом фонде зарплаты—все эти вопросы и другие, связанные с ними, не могут здесь еще быть исследованы, а изучаются Марксом в отделе, посвященном «процессу накопления капитала».

**Порядок
исследования.**

Исследование начинается с разрешения указанного выше противоречия—противоречия между категорией стоимости рабочей силы и категорией цены труда. Это рассматривается в XVII главе, первой главе настоящего отдела, названной: «Превращение стоимости соответственно цены рабочей силы в заработную плату». С установленной в указанной главе точки зрения рассматриваются в следующих двух главах—XVIII и XIX—повременная и почасовая заработная плата. Первая является превращенной формой стоимости рабочей силы, а вторая—превращенной формой самой повременной заработной платы.

Заканчивается отдел указанием на основания национальных различий в уровне зарплаты.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТИ СООТВЕТСТВЕННО ЦЕНЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ.

**Предмет
исследования.**

Мы уже сказали, что в настоящей главе разрешается противоречие между стоимостью и ценой рабочей силы, с одной стороны, и «стоимостью» и «ценой» труда—с другой. Поэтому предметом исследования здесь является заработная плата в наиболее абстрактной форме, как «иррациональное» выражение стоимости рабочей силы, абстрагированное от ее особых форм, повременной или почасовой. Только в такой общей форме наилучшим образом может быть выяснено, как за «ценой труда»—заработной платой—в действительности скрывается стоимость и цена рабочей силы и каков смысл и значение такого превращения.

В IV главе, в отделе «Превращение денег в капитал», Марксом устанавливается различие между рабочей силой и трудом и доказывается, как в появлении специфического товара, рабочей силы, следует искать разгадки тайны капитала, тайны «рождения» денег деньгами. Но самое положение, что продается не труд, а рабочая сила, Марксом там более подробно не исследуется, это выполняется им в настоящей главе. В этом смысле последняя дополняет IV главу, как теория заработной платы дополняет и завершает теорию прибавочной стоимости. Но между этими двумя главами—дистанция, как говорится, огромного размера: в IV главе начинается анализ капиталистических отношений, раскрытие их в истинном их свете, в настоящей же главе показывается, как они маскируются, скрываются под формой заработной платы.

**Порядок
исследования.**

Начинается глава с изложения тех соображений, в силу которых продается и может продаваться только рабочая сила, а не труд. Более того, даже классическая политическая экономия, исследуя заработную плату, фак-

тически—доказывает Маркс—уже имеет дело со стоимостью рабочей силы, но она еще не может освободиться от власти «категории обыденной жизни», «цены труда». Твердо установив это положение, Маркс получает возможность объяснить заработную плату как превращенную форму стоимости рабочей силы. Но необходимо еще раскрыть причины такого превращения, а также значение его: рассмотрением того и другого заканчивается исследование настоящей главы.

**Продается
рабочая сила,
а не труд.**

Соображения, высказанные Марксом в пользу этого тезиса, следующие.

Во-первых, если труд продавался бы, то и он, как и всякий другой товар, имел бы стоимость. Но стоимость есть овеществленный труд, или, как Маркс выражается, «предметная форма затраченного на его (товара.—*Р.*) производство общественного труда»¹. Измеряется же стоимость общественно-необходимым рабочим временем. Следовательно сказать, что труд имеет стоимость, значит сказать: труд есть овеществленный труд, или труд есть предметная форма... самого себя, т. е. сказать полнейшую нелепость. А измерялась бы стоимость труда трудом, т. е. получается, как выражается Маркс, «плюсовая тавтология».

Во-вторых, труд предполагает предмет и орудия труда, т. е. средства производства,—только при наличии их он может осуществиться, без них он остается только одной возможностью. Рабочий же является на рынок труда потому, что у него нет средств труда, стало быть нет и самого труда, т. е. нет объекта для продажи.

В-третьих, продажа труда означала бы обмен живого труда на овеществленный труд, овеществленный в деньгах. И получается такая дилемма: или живой труд равняется овеществленному, или больше его—в первом случае сделка для капиталиста бессмысленная; во втором случае: «это приравнивание неравных величин не только делает невозможным определение стоимости. Такое само себя уничтожающее противоречие не может быть вообще даже высказано или сформулировано в качестве закона»².

Отсюда общий вывод: «Труд есть субстанция и имманентная мера стоимостей, но сам он не имеет стоимости»³.

**Трактовка вопроса
у классиков.**

В классической политической экономии, как уже было отмечено, категория стоимости рабочей силы отсутствует, она знает только заработную плату и ищет «естественной цены» или «стоимости труда», вокруг чего происходит колебания заработных плат.

Отсюда видно, что классики к заработной плате подходят так, как к ценам любых товаров, т. е. берут ее, как и цены последних, в момент равновесия, в момент, когда спрос и предложение друг друга покрывают и перестают действовать. Но это значит, что и зарплату, наподобие средних цен других товаров, они фактически сводят к стоимости, а это, как только что было доказано, предполагает, что продается рабочая сила, а не труд (последний стоимости не имеет). Но, что классики не раскрыли предпосылки своих собственных после-

¹ «Капитал», т. I, стр. 417.

² Там же, стр. 418.

³ Там же, стр. 419.

дований, а оставались во власти категорий—«стоимость труда», «естественная цена труда»,—привело их к тому, что они «запутались... в неразрешимых противоречиях, дав в то же время прочный операционный базис для мощностей вульгарной экономии, принципиально признающей лишь одну внешнюю видимость явлений»¹.

**Заработная плата
как превращенная
форма стоимо-
сти и цены
рабочей силы.**

Несовпадение сущности явлений с видимостью их, проявление их в превращенных, совершенно искажающих формах составляет главнейшую особенность товарно-капиталистической системы. Ведь господствующее ее начало, товарный фетишизм, покоится на превращении отношений людей в отношения вещей и стало быть также на полном искажении их. Все же превращение стоимости и цены рабочей силы в заработную плату имеет и свою специфическую особенность. Фетишизация отношения между рабочим и капиталистом уже дана в стоимости и цене рабочей силы—последними эти производственные отношения представлены в форме отношений вещей: на одной стороне определенная сумма денег, а на другой—рабочая сила, фигурирующая как вещь, как товар.

В заработной плате, в «стоимости» и «цене труда» имеем еще сведение фетишизированных капиталистических отношений к фетишизированным отношениям простого товарного хозяйства. «Итак, форма заработной платы,—заключает Маркс,—стирает всякие следы разделения рабочего дня на необходимый и прибавочный, на оплаченный и неоплаченный труд». «Обмен между капиталом и трудом воспринимается первоначально совершенно так же, как купля и продажа всякого другого товара. Покупатель дает известную сумму денег. Продавец—вещь, отличную от денег. Юридическое сознание видит здесь в лучшем случае лишь материальную разницу, которая выражается в юридически-эквивалентных формулах»². То есть всю разницу видит лишь в том, что купля-продажа обычного товара выражается формулой: «я даю, чтобы ты дал», а наем рабочего—формулой: «я даю, чтобы ты сделал». Но эти формулы считают эквивалентными (равнозначными).

Объективная обусловленность превращения стоимости соответственно цены рабочей силы в заработную плату.

Рабочий, продав свою рабочую силу, должен работать определенное число часов, дней, недель и т. д., т. е. отчужденным оказывается весь его труд—и необходимый и прибавочный. Следовательно для него вся работа, которую он должен выполнить, является средством получения определенной платы, и последняя представляется как «стоимость и цена труда». Также и капиталист, который взамен своего переменного капитала получает вместе с оплаченным трудом и неоплаченный, имеет «основание» считать, что им куплен именно труд—весь труд, которым он распоряжается.

Таким образом капиталистические отношения, с одной стороны, покоятся на превращении рабочей силы в товар, в стоимость, с другой—придают последней форму «стоимости труда», «заработной платы». Ведь представления и рабочего и капиталиста являются лишь необходимым отражением, как мы видим, капиталистической действительности, за-

¹ «Капитал», стр. 420.

² Там же, стр. 421.

ставляющей каждого из них принять стоимость и цену рабочей силы за заработную плату.

Примечания к семнадцатой главе.

Здесь уместно провести некоторые параллели между стоимостью рабочей силы и стоимостью товара вообще.

1. Как стоимость товара, так и стоимость рабочей силы могут быть выражены лишь в меновой стоимости, т. е. в отношении вещей. И как стоимость товара, выраженная в деньгах, превращается в цену товара, так и стоимость рабочей силы, выраженная в деньгах, становится ценой рабочей силы. Но проявление специфической особенности специфического товара, рабочей силы, заключается в том, что стоимость и цена последний претерпевают еще одно превращение: они превращаются в заработную плату, представляющую их как стоимость и цену труда.

2. В исследовании стоимости товара Маркс идет от видимости явлений, от меновой стоимости, к скрывающейся за этой видимостью стоимости. А затем идет обратно—от стоимости к меновой стоимости—и выводит уже последнюю из первой, так как стоимость как вещное отношение людей может быть выражена лишь в отношении вещей. Исследование стоимости рабочей силы тоже начинается с видимости явлений, но не с заработной платы, а с обращения капитала, с $D—T—D$. Анализ формулы обращения капитала делает возможным сразу «пасть на след» скрывающихся за обращением капитала и стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости (ведь они друг друга, как показано в тексте, обуславливают). Вначале Маркс занялся всесторонним исследованием прибавочной стоимости, так как этим была раскрыта сущность и своеобразие капиталистического производства. А затем возвращается к исследованию формы стоимости рабочей силы, к исследованию того, как последняя проявляется и может проявляться только в заработной плате. Настоящая глава примыкает к IV главе, где исследовалась стоимость рабочей силы, но между этими главами имеются целых три раздела, посвященные исследованию прибавочной стоимости, так как только на основании этого исследования становится понятным, какие отношения искажаются и маскируются превращением стоимости и цены рабочей силы в заработную плату.

3. Классики открыли в меновой стоимости стоимость, но они последнюю недостаточно исследовали, а главное—не голили, что стоимость есть вещное отношение людей, а потому не могли из стоимости вывести меновую стоимость. Также и в отношении стоимости рабочей силы, определяя заработную плату, они фактически, как говорит Маркс, определяли стоимость рабочей силы. Но последнюю они не формулировали и следовательно недостаточно исследовали, а достаточно исследовать стоимость рабочей силы они не могли, потому что буржуазная ограниченность их кругозора мешала им понимать сущность капитализма. Вследствие этого они не могли из стоимости рабочей силы вывести ее превращенную форму, заработную плату. А так как они находились во власти «категории обыденной жизни», то категория стоимости рабочей силы совсем осталась незамеченной—осталась скрытой за «зарплатной платой».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПОВРЕМЕННАЯ ПЛАТА.

Предмет исследования.

Заканчивая предыдущую главу, Маркс пишет: «Впрочем о таких формах проявления, как «стоимость» или «цена труда» или «зарплатная плата», в отличие от того существенного отношения, которое в них проявляется—в отличие от стоимости и цены рабочей силы,—можно сказать то же самое, что о всяких вообще формах проявления и об их скрытой за ними основе. Первые непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления, которые могут быть рас-

крыты лишь научным исследованием»¹. Но научное исследование—нужно подчеркнуть—не уничтожает и «ходячие формы мышления», оно их лишь ставит, что называется, на надлежащее место. Как научный анализ, открывший за отношениями вещей отношения людей, не уничтожил товарного фетишизма, так и научное открытие, что за заработной платой скрывается стоимость рабочей силы, не вычеркивает категории заработной платы из политической экономии: как до этого открытия, так и после него стоимость и цена рабочей силы продолжают выступать, выражаться, как «стоимость и цена труда», как «заработная плата» (объективные причины этого превращения указаны были в предыдущей главе).

Раз это так, раз стоимость и цена рабочей силы проявляются и могут проявляться только как заработная плата,—то и исследоваться они должны не только, так сказать, в абстракции, но и в их форме проявления. Это и является задачей настоящей главы.

Стоимость рабочей силы исследуется Марксом наиболее абстрактно в IV главе, где поставлена проблема превращения денег в капитал; для решения этой проблемы требовался именно такой подход. Чтобы доказать, что прибавочная стоимость возникает из разницы между стоимостью, производящейся потреблением рабочей силы, и стоимостью самой рабочей силы, она—стоимость рабочей силы—должна была быть взята вне искажающей ее формы, вне проявления ее как заработной платы. Так же абстрагированная от формы ее проявления, но уже более конкретно, выраженная в деньгах, т. е. как цена рабочей силы,—исследуется она в XV главе в соотношении с величиной прибавочной стоимости. И лишь после того как в предыдущей главе окончательно доказано было, что продается рабочая сила, а не труд, и что это маскируется и искажается категорией «заработная плата», но что в то же время последняя является единственной формой проявления стоимости и цены рабочей силы,—Маркс приступает к изучению их уже в этой форме.

Само собой разумеется, что выведенные в предыдущих исследованиях законы, регулирующие стоимость рабочей силы и определяющие соотношение ее с прибавочной стоимостью, распространяются на заработную плату «посредством простого, как выражается Маркс, формального преобразования». Например в IV главе установлено было, что стоимость рабочей силы определяется стоимостью средств существования рабочего и его семьи,—этот закон «посредством простого формального преобразования» теперь примет такую формулировку: заработная плата определяется ценой средств существования рабочего.

Это самое относится и к законам, изложенным в XV главе.

Конечно не в этом «формальном преобразовании» заключается задача настоящей главы,—ее задача в исследовании того, что приносится заработной платой как видимостью явления. К этому относятся те особые формы, которые сама заработная плата принимает, и обусловленные ими соответствующие факты. А так как стоимость и цена рабочей силы непосредственно, как показано будет ниже, превращается в повременную плату, то с нее Маркс и начинает изучение форм заработной платы.

¹ «Капитал», т. I, стр. 423 (подчеркнуто нами.—P).

Порядок исследования.

Отметив вкратце, почему повременная плата является основной формой заработной платы, Маркс стержнем, так сказать, всей главы делает вопрос о «цене труда». Он прежде всего формулирует закон, выражающий связь между ценой труда, количеством труда и заработной платой. Затем исследуется, как при неизменной или даже повышенной цене труда заработная плата бывает ниже стоимости рабочей силы, а капиталист полностью и даже больше прежнего получает свою прибавочную стоимость.

Заканчивается глава исследованием влияния длины рабочего дня на понижение цены труда.

Основная форма заработной платы.

Определенная величина стоимости и цены рабочей силы предполагает и определенное время, в течение которого рабочая сила потребляется—ведь рабочая сила на день имеет другую цену, чем, скажем, на неделю. Следовательно превращение стоимости и цены рабочей силы в заработную плату переносит определенность во времени и на последнюю, т. е. заработная плата непосредственно всегда является повременной. Она может принимать и принимает и другие формы, но это есть превращение и модификация самой повременной платы, которая является основой.

«Цена труда».

Заработная плата номинально измеряется тем количеством денег, в котором она выражена, а реально—тем количеством средств существования, которое за нее покупается. Но ведь она как выражение стоимости и цены рабочей силы в «стоимости и цене труда» должна еще измеряться и в зависимости от последнего. Раз заработная плата представляется как плата за работу, то она получает определенность лишь в том случае, если дано количество работы, за которую дается плата,—иначе равные номинально и даже реально зарплаты могут все-таки быть неравными, если они выданы за разные количества труда. И обратно: разные номинальные и реальные зарплаты могут все-таки быть равными, если они выдаются за соответственно разные количества работы.

Точным мериллом количества работы является рабочий час (рабочий день, как мы знаем, величина неопределенная), а цена рабочего часа—мерой заработной платы. Цену рабочего часа и называют ценой труда, которая получается, «если разделим среднюю дневную стоимость рабочей силы на число часов среднего рабочего дня»¹.

Зависимость заработной платы от цены труда и количества.

Если дана цена труда, то величина повременной платы зависит от количества рабочих часов; если же дано последнее, то величина заработной платы меняется в зависимости от изменения в цене труда.

Отсюда ясно, что заработная плата может расти, а цена труда в то же время не только может оставаться неизменной, но и понижаться,—последнее компенсируется удлинением рабочего дня. Но отсюда также следует, что низкая цена труда—одна из причин длинного рабочего дня, так как иначе рабочий недополучает нужных ему средств к существованию, как только устанавливается система часовой оплаты.

Часовая оплата.

Цена труда совершенно отрывается, так сказать, от своей основы, от скрывающейся за ней средней дневной цены рабочей силы, деленной на число часов среднего рабочего дня.

¹ «Капитал», т. I, стр. 424.

Капиталист ставит рабочего на работу всего на несколько часов, т. е. фактическое рабочее время меньше среднего рабочего дня. Следовательно цена средней дневной рабочей силы служит только для подсчета, для вычисления цены труда; так как часть дневной стоимости рабочей силы, приходящейся на один час, меньше той стоимости, которая производится в один час, то рабочий производит прибавочную стоимость, не воспроизводя дневной стоимости своей рабочей силы.

«Тем самым уничтожается связь между оплаченным и неоплаченным трудом», т. е. «капиталист может теперь из рабочего выколотить определенное количество прибавочного труда, не доводя рабочее время до уровня, необходимого для поддержания существования рабочего»¹.

Зато, когда капиталисту нужно, он заставляет рабочего слишком много работать—всякое представление о нормальном рабочем дне исчезает, счет ведется только по часам, капиталист платит «нормальную» «цену труда». Но рабочий в одном случае—когда он работает немного часов—страдает от недостатка работы, а в другом случае—когда работать приходится много—страдает от чрезмерного труда.

Длина рабочего дня и цена труда. Мы уже знаем, что низкая цена труда—одна из причин чрезмерной длины рабочего дня. Верно и обратное: чрезмерное удлинение рабочего дня ведет к понижению цены труда. Здесь действуют двоякого рода причины. Во-первых, удлинение рабочего дня увеличивает количество труда, которое капиталист может получить на рынке труда, и при неизменившемся спросе это вызывает конкуренцию среди рабочих и понижает цену труда. Во-вторых, удлиненный рабочий день и пониженная вследствие этого цена труда позволяют капиталисту понизить и цену товара, а последняя в свою очередь закрепляет цену труда на низком уровне и даже давит его еще больше вниз вследствие разгоревшейся конкурентной борьбы между капиталистами.

Это Марксом иллюстрируется на целом ряде фактов.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ПОШТУЧНАЯ ПЛАТА.

Предмет исследования. Маркс не ставит себе задачи—исследовать все формы заработной платы. «Однако,—говорит он в начале предыдущей главы,—исследование всех этих форм относится к специальному учению о заработной плате и следовательно не составляет задачи настоящего сочинения. Здесь будет уместно лишь краткое описание двух основных форм».

Одна основная форма описана была в предыдущей главе, описание другой дается в этой главе. Повременная плата описывалась как форма, в которой «непосредственно (смысл этого выражения выяснен был раньше.—Р.) выражается дневная стоимость рабочей силы...» Поштучная плата описывается как превращенная форма повременной. Стоимость рабочей силы—тоже дневной—в нее превращается не непосредственно, а через повременную, и может быть правильно понята лишь как модификация последней.

¹ «Капитал», т. I, стр. 424.

Поштучная плата еще более искажает «истинное отношение», еще больше маскирует скрывающиеся за ней стоимость и цену рабочей силы. Если повременная плата представляет последние как стоимость и цену труда, то поштучная плата представляет их как стоимость и цену продукта труда, будто рабочий продает не рабочую силу, а продукт труда.

Порядок исследования.

Начинается глава с аргументации указанного тезиса, что поштучная плата есть превращенная форма повременной. Сведением поштучной платы к повременной раскрывается и ее сущность, доказываемая, что и она есть не что иное, как выражение цены и стоимости рабочей силы. Затем последуют особенности поштучной платы, отличающие ее от повременной и делающие ее более соответствующей развитому капиталистическому производству. А за теоретическими соображениями следует ряд фактов, подтверждающих правильность этих соображений.

Поштучная плата как превращенная форма повременной.

Доводы в пользу этого положения следующие: во-первых, если бы поштучная плата означала плату за проданный продукт труда, а не за рабочую силу, и следовательно принципиально отличалась от повременной платы,—то с этим трудно было бы примирить такой факт, как одновременное существование обеих форм в одних и тех же отраслях промышленности. Во-вторых, анализ самой поштучной оплаты показывает, что и она есть такое же иррациональное выражение стоимости рабочей силы, как и повременная плата. Стоимость каждой штуки распадается на две части—на вновь произведенную и на перенесенную со средств производства: если бы рабочий продал продукт труда, то он должен был бы получить стоимость, равную всей вновь произведенной стоимости, но он столько не получает, он получает лишь часть этой стоимости. Стало быть поштучная плата представляет то же самое, что повременная,—разница лишь в формах «выдачи заработной платы».

При повременной плате в основу кладется непосредственно единица времени—за рабочий день определенной величины назначается определенная плата. При поштучной плате внешним основанием служит единица продукта (или часть ее), но в последней «сгустился труд определенной продолжительности». То есть действительным основанием опять-таки является время: на основании наблюдений устанавливается число штук, которое рабочий может производить в течение дня и на которое делают дневную цену рабочей силы. Это и есть цена отдельной штуки, по которой рабочему выплачивается его зарплата.

В поштучной плате таким образом время выступает не непосредственно: оно заменяется товарными единицами (или их частями), в которых рабочее время овеществлено.

Особенности поштучной платы.

Поштучная плата стимулирует интенсивность труда. Каждый стремится к наибольшей выработке—это наиболее важная особенность этой формы заработной платы. Капиталист от этого выигрывает втрое: во-первых, он увеличивает количество продукции не увеличивая числа рабочих; во-вторых, если вначале за повышенную интенсивность приходится больше платить (чем больше штук, тем больше оплата), то скоро благодаря пониженным расценкам повышенная интенсивность до-

стается капиталисту даром; в-третьих, эта форма заработной платы уменьшает расходы по надзору за работой,—ведь каждый рабочий сам заинтересован в непрерывной и интенсивной работе.

Для рабочего класса поштучная плата большею частью вредна: во-первых, уже по одному тому, что она выгодна для капиталиста,—от большей интенсивности рабочий в конечном итоге ничего не получает; во-вторых, между рабочими развивается нездоровое соревнование, наносящее вред общей солидарности. Эти вредные для рабочего стороны поштучной платы могут в известной мере быть парализованы при наличии крепких профсоюзов.

Примечания к восемнадцатой и девятнадцатой главам.

1. Мы уже цитировали заявление Маркса (в изложении предмета исследования данной главы), что изучение всех форм заработной платы «не составляет задачи настоящего сочинения» («Капитал».—Р.). Желающим познакомиться и с другими формами заработной платы можем рекомендовать хрестоматию, составленную Дингельштедом и Хариным, т. II, Гиз, 1927 г., отдел «Формы заработной платы». Сведения о разных формах заработной платы также есть в разных учебниках по политической экономии.

2. Марксом в настоящих главах рассматривается зарплата лишь как превращенная форма стоимости рабочей силы,—динамика заработной платы изучается в следующем отделе в связи с законами накопления капитала.

3. Исчерпывающее учение Маркса о заработной плате не только как о превращенной форме, но и о содержании, скрывающемся за этой формой, состоит из следующих основных частей: 1) учения о стоимости рабочей силы, данного еще в IV главе, 2) учения о соотношении между ценной рабочей силой и прибавочной стоимостью, данного в XV главе, 3) учения о заработной плате, как о превращенной форме стоимости рабочей силы, изложенного в настоящих главах, 4) учения о регулировании заработной платы (ее рост и падение) законами капиталистического накопления. И мы советуем все отдельные части собрать, так сказать, воедино и воспроизводить во всей своей полноте марксово учение о зарплате. К этому следует прибавить критику буржуазных теорий зарплат, рассеянную по разным главам «Капитала».

4. С буржуазными теориями заработной платы вкратце можно ознакомиться и по учебнику политической экономии Туган-Барановского. Более основательно можно ознакомиться по работе В. Железнова, Главные направления в разработке теории заработной платы, изд. 1904 г. Работа эта рассчитана на хорошо подготовленного читателя.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ.

Несколько замечаний.

В этой главе раскрывается еще одно несоответствие между видимостью явлений и сущностью их. Заработная плата в разных странах неодинакова: в странах с более развитым капиталистическим способом производства зарплата более высока, чем в странах капиталистиче-^{ски} отстающих. Такова видимость явления. На этом американский экономист Керн построил свою теорию заработной платы, согласно которой рост последней зависит от роста производительности труда.

Неправильность этой теории, ее тенденциозность станет особенно ясна в следующем отделе, при анализе накопления капитала. Но и сейчас нетрудно показать,—что Маркс в настоящей главе и делает,—что за этой видимостью скрывается совсем иная сущность. В XV главе

исследовано было «соотношение между ценой рабочей силы и величиной прибавочной стоимости», и формулированные там законы целиком, как сам Маркс подчеркивает, распространяются на заработную плату, раз последняя есть не что иное, как иррациональное выражение цены рабочей силы. Следовательно заработная плата не должна браться изолированно, а всегда в соотношении с величиной прибавочной стоимости. Это понимают и добросовестные буржуазные деятели: один из членов фабричной комиссии, исследовавшей прядильное производство, заявляет, что «по существу дела в Англии заработная плата с точки зрения фабрикантов ниже, чем на континенте, хотя с точки зрения рабочих она может быть и выше»¹. Иными словами, при высокой заработной плате капиталист получает еще более высокую прибавочную стоимость вследствие громадного повышения интенсивности и производительности труда. Таким образом более высокая заработная плата по существу означает для более развитых капиталистических стран и более высокую степень эксплуатации.

Помимо того необходимо еще каждый раз проверять, имеем ли мы действительно дело с более высокой заработной платой, даже взятой изолированно, или с одними иллюзиями. Ведь, во-первых, возможно, что имеет место повышение лишь номинальной зарплаты. В развитых капиталистических странах как раз стоимость денег вследствие высокой производительности труда ниже в сравнении со стоимостью их в капиталистически отсталых странах. Значит денежное выражение зарплаты должно быть выше, реальная зарплата может быть даже ниже. Во-вторых, необходимо принять во внимание, что уровень потребностей рабочего класса в различных странах различный, а это, как известно, влияет на стоимость рабочей силы. Отсюда ясно, что при определении зарплаты в разных странах должно быть выяснено, в какой мере заработная плата в каждой из сравниваемых стран удовлетворяет уже вошедшие в привычку потребности, т. е. в какой мере заработная плата действительно выше стоимости рабочей силы, так как только в таком случае можно говорить о высокой заработной плате.

В заключение Маркс иллюстрирует на основании цифровых данных, как высокой заработной плате соответствует низкая цена труда, и наоборот: низкой зарплате—высокая цена труда.

¹ «Капитал», т. I, стр. 439.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.

ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА.

Предмет исследования.

«Превращение известной денежной суммы в средства производства и рабочую силу,—начинает Маркс введение в настоящий отдел,—есть первое движение, совершаемое стоимостью, которая должна функционировать в качестве капитала. Происходит оно на рынке в сфере обращения».

«Вторая фаза этого движения—процесс производства—закончена, раз средства производства превращены в товары, стоимость которых превышает стоимость их составных частей, т. е. содержит в себе первоначально авансированный капитал, увеличенный прибавочной стоимостью». Исследование этих двух фаз составляет содержание всех предыдущих отделов, начиная со второго. Даже теория заработной платы является—как мы показали раньше—в то же время и завершением теории прибавочной стоимости, т. е. является составной частью последней. Следовательно и анализ заработной платы относится к анализу первых двух фаз: 1) превращения известной денежной суммы в рабочую силу и 2) производства новой стоимости, большей стоимости последней, потреблением рабочей силы. Разграничение между рабочей силой и трудом, являющееся исходным пунктом теории прибавочной стоимости, исчезает в «зарплатной плате»—в «цене труда», но анализ ее вновь, если можно так выразиться, восстанавливает это разграничение, а потому и является завершением анализа указанных двух фаз движения капитала.

Но за этими двумя фазами следует третья фаза—опять фаза обращения, в которой товары реализуются, превращаются в деньги. Казалось бы, что вслед за исследованием первых двух фаз Маркс должен был перейти к исследованию названной третьей фазы. В пользу этого говорит еще и то, что накопление капитала, которое Марксом исследуется в настоящем отделе, предполагает именно эту третью фазу. Ведь накопление капитала есть не что иное, как превращение прибавочной стоимости в капитал, а это значит, что прибавочная стоимость реализовалась, перешла из товарной формы, в которой была произведена, в денежную форму, в которой и может присоединиться к первоначальному капиталу. Между тем третья фаза, как и весь кругооборот капитала в целом, т. е. все его фазы, взятые вместе,—Марксом исследуются во II томе «Капитала», где между прочим Маркс вновь анализирует простое и расширенное воспроизводство, т. е. вновь возвращается к тому, что им исследуется и в настоящем отделе.

Маркс повидимому предвидел, что могут возникнуть такого рода недоумения, и в введении в настоящий отдел подробно выясняет предмет

исследования последнего, чем,—скажем мы,—и дается ответ на указанные недоуменные вопросы.

Дело в том, что анализ «процесса накопления капитала» в том разрезе, в котором он проводится Марксом в настоящем отделе, не выводит нас, если можно так выразиться, за первые две фазы движения капитала. В первой фазе отношения между рабочим и капиталистом устанавливаются, завязываются,—во второй фазе отношения эти реализуются в прибавочной стоимости, но реализуются так, что вновь воспроизводятся. Тем, что рабочий производит прибавочную стоимость, он себя воспроизводит как наемного рабочего. Если превращение рабочей силы в товар есть исходный пункт для производства прибавочной стоимости, то и производство прибавочной стоимости становится исходным пунктом для рабочей силы в количестве товара, т. е. оно ее постоянно воспроизводит. «Но что первоначально,—говорит Маркс,—было исходным пунктом, то впоследствии благодаря простому воспроизводству, становится снова и снова самовозобновляющимся результатом»¹. В настоящем отделе исследуется, как исходный пункт становится снова и снова самовозобновляющимся результатом. Анализ третьей фазы, раскрытие связанных с ней отношений и законов, регулирующих ее, совершенно не нужны для поставленной здесь проблемы. Ведь воспроизводство капиталистических отношений, воспроизводство рабочей силы, как товара, происходит лишь в силу того, что рабочий производит прибавочную стоимость, что его прибавочный труд присваивается капиталистом, а не в силу того, что произведенная и сохраненная их стоимость (стоимость средств производства) реализуется,—это для указанной проблемы является только необходимой предпосылкой фактического порядка, которая пока может быть только предположена, но не исследована.

Также нет необходимости пока заняться и исследованием распределения прибавочной стоимости между отдельными группами капиталистов (это Марксом изучается в III томе «Капитала»). Хотя процесс капиталистического производства в целом, следовательно и действительный ход капиталистического накопления, включает в себя эти моменты,—но опять-таки для решения поставленной в настоящем отделе проблемы исследование распределения прибавочной стоимости не нужно. А от всего излишнего не только возможно, но и необходимо абстрагироваться, дабы не осложнять теоретический анализ. И Маркс заявляет: «Таким образом сначала (т. е. в данном отделе.—Р.) мы рассмотрим накопление абстрактно, т. е. просто как момент... в непосредственном процессе производства»².

Капиталистическое производство, как и всякое производство, не является единичным и случайным актом,—оно происходит и должно происходить непрерывно. «Общество не может перестать производить, как не может перестать потреблять»³. Но поскольку до сих пор капиталистическое производство изучалось лишь как процесс самовозрастания стоимости, то непрерывность его предполагалась, но не исследовалась. Не исследовалось, как «простой факт повторяемости и непрерывности

¹ «Капитал», т. I, стр. 447.

² Там же, стр. 443.

³ Там же.

придает процессу известные новые черты». Не исследовалось потому, что для решения проблемы самовозрастания стоимости в выяснении этих новых черт не было надобности. Иное дело—проблема воспроизводства капитала: здесь непрерывность является решающим признаком этой категории. «Поэтому всякий процесс общественного производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возникновения, является в то же время процессом воспроизводства»¹.

Следовательно изучая в настоящем отделе капиталистическое производство как воспроизводство самих капиталистических отношений, этим самым Маркс изучает его «в постоянной связи и непрерывном потоке своего возникновения».

Порядок исследования.

Начинается отдел с небольшого введения, которое мы выше цитировали и в котором Маркс выясняет, в каком разрезе возможно и нужно исследовать «процесс капиталистического накопления» уже на данной стадии теоретического анализа, т. е. в пределах I тома «Капитала». Самое исследование начинается с анализа простого воспроизводства, т. е. когда еще не происходит процесс накопления. Дело в том, что последний, с одной стороны, является процессом воспроизводства капитала вообще, а с другой—является воспроизводством его в расширенных размерах. Маркс эти обе стороны расчленяет: вначале рассматривается им одна сторона, т. е. воспроизводство как таковое, а это и есть простое воспроизводство,—затем в исследование включается и вторая сторона, и оно становится исследованием расширенного воспроизводства или накопления. Анализ расширенного воспроизводства в свою очередь позволяет делать ряд обобщений и формулировать основные тенденции развития капиталистического накопления. Они изложены в особой главе «Всеобщий закон капиталистического накопления».

Этим в сущности исчерпывается не только тема настоящего отдела, но и тема всего I тома «Капитала»—«Процесс капиталистического производства». Остается еще один вопрос: в перечисленных главах выясняется, как капиталистические отношения, раз возникшие, постоянно воспроизводятся,—воспроизводятся самим процессом капиталистического производства,—но спрашивается: как они первоначально возникли? Без ответа на этот вопрос теория капитала не может считаться законченной. В IV главе, где Марксом впервые открываются условия превращения денег в капитал, он пишет: «Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег, который находит рабочий рынок в готовом виде как особое подразделение товарного рынка. И нас он интересует столь же мало. Мы теоретически держимся за тот же самый факт, за который владелец денег ухватывается практически»². Держаться теоретически «за тот же самый факт», оставлять без ответа «вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег»,—можно было и даже нужно было (чтобы не осложнять исследование) в начале анализа процесса капиталистического производства, но отнюдь не в конце анализа. И ответ на этот вопрос дается в XXIV главе: «Так называемое первоначальное капиталистическое накопление».

¹ «Капитал», т. I, стр. 443.

² Там же.

Заканчивается отдел и вместе с тем весь I том «Капитала» XXV главой—«Современной теорией колонизации», где завершается критика буржуазной теории капитала и накопления на основании буржуазной же теории колонизации. Обе теории сталкиваются, что называется, лбами и одна—теория колонизации—разоблачает другую—теорию капитала и накопления.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО.

Предмет исследования.

Простое воспроизводство—явление ненормальное, во всяком случае оно не типично,—типичным является расширенное воспроизводство, или накопление. Если же Маркс все-таки начинает исследование с простого воспроизводства, то это, как указано было раньше, только потому, что прежде чем приступить к изучению превращения прибавочной стоимости в новый капитал, должен быть изучен процесс воспроизводства прежнего капитала, воспроизводства капиталистических отношений вообще, абстрагируясь от их расширения. В данной главе таким образом Маркс изучает не факты или особые случаи капиталистической действительности, а исследует, как производство прибавочной стоимости непрерывно воспроизводит свои собственные предпосылки и условия, не осложняя пока анализа тем, что обычно эти условия и предпосылки воспроизводятся во все расширяющихся размерах.

Капиталистические отношения, как мы знаем,—овеществленные отношения, следовательно они могут воспроизводиться, если воспроизводятся те вещи, которые их выражают, воплощают. Этими «вещами» являются средства производства и средства потребления, которые постоянно производятся, но производятся отчужденными от производителей и присвоенными капиталистами,—словом, производятся как капитал. Непрерывно воспроизводящийся труд рабочих капитал выявляет черты, которые скрыты у капитала, лишь начинающего свой жизненный путь, а потому представляющегося как результат сбережений, воздержаний и других подобных добродетелей. И одна из задач настоящей главы—показать и доказать, как у воспроизводящегося капитала эта видимость исчезает (природа первоначального накопления капитала исследуется особо), доказать, что «уже простое повторение производственного процесса, или простое воспроизводство, неизбежно превращает по истечении более или менее продолжительного периода всякий капитал в накопленный капитал или в капитализированную прибавочную стоимость»¹.

При таком подходе к воспроизводству капиталистические отношения выступают «в непрерывном потоке своего возобновления». Следовательно капиталистический процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи, или процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит капиталистические отношения: капиталиста—с одной стороны, наемного рабочего—с другой.

¹ «Капитал», т. I. стр. 447.

Таков общий итог, к которому приводит исследование настоящей главы.

Порядок исследования.

Исследованию предпосылается ряд замечаний, в которых дается определенное воспроизводства и выясняется отношение между ним и производством. Самое исследование начинается с анализа воспроизводства переменного капитала. И тут сразу обнаруживается, какие новые черты открываются или видимость каких черт устраняется, когда переменный капитал рассматривается как непрерывно воспроизведенный. То же самое имеет место и при рассмотрении всего капитала в целом, в его непрерывном возобновлении, и весь капитал выступает в новом—что называется—свете. Но большая часть главы посвящается анализу воспроизводства капиталистических отношений, которые, как отмечено было выше, получают теперь более полную характеристику.

Предварительные замечания.

Воспроизводство, как оно определяется Марксом (определение это процитировано выше), не противопоставляется производству, а является лишь иным подходом, иным методом рассмотрения самого производства. Когда последнее рассматривается не как единичный акт, а как непрерывно повторяющийся процесс, тогда оно становится воспроизводством. Отсюда следующие выводы: «Условия производства суть в то же время условия воспроизводства». «Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму»¹.

В воспроизводстве, как и в производстве, следует различать процесс труда и общественные отношения, при которых последний постоянно возобновляется. Со стороны процесса труда воспроизводство означает, что средства производства, которые этим процессом потребляются, им же и восстанавливаются. Вот почему под воспроизводством следует понимать не только непрерывность производства, но и связанность его, т. е. связанность между отдельными отраслями производства. Если например возьмем изолированно хлопковую промышленность, то хлопок и орудия труда в ней только потребляются, «непрерывного потока своего возобновления» нет,—последний выступает лишь тогда, когда хлопковая промышленность берется «в постоянной связи» со всеми другими отраслями хозяйства—хлопководством, машиностроением и т. д.

С точки зрения капиталистической формы воспроизводство означает, что процесс производства не только происходит при определенных общественных отношениях, но что он их постоянно производит, производит вместе с прибавочной стоимостью. А прибавочная стоимость принимает форму периодически получающегося дохода. Доход этот может полностью—как при простом воспроизводстве—потребляться, но капитал безостановочно продолжает свое плодотворное движение.

Воспроизводство переменного капитала.

Переменный капитал противопоставляется рабочей силе только в форме противопоставления денег товару, или капиталист противопоставляется рабочему, как владельцу денег—владельцу товара. Но так дело представляется до тех пор, пока акт купли-продажи рабочей силы рассматривается, во-первых, изолированно, а не как периодически повторяющийся процесс. Во-вторых, рассматривается индивидуально, т. е. противопоставляется один

¹ «Капитал» т. I, стр. 443—444.

рабочий одному капиталисту. Но картина меняется, когда на место одного рабочего выступает весь рабочий класс, а на место одного капиталиста — класс капиталистов в целом, — к такому подходу и обязывает точка зрения воспроизводства, — а сделки между ними рассмотрим в их «потоке возобновления». Тогда становится ясным, что капиталисты платят рабочим из фонда, созданного самими рабочими: рабочие взамен их рабочей силы получают их же овеществленный труд.

Более того, рабочий свою заработную плату получает не в момент заключения договора о найме, а гораздо позже, т. е. когда стоимость его рабочей силы им уже воспроизведена и представлена в определенной части товара. Правда, последняя может быть еще не продана, а капиталист платит рабочему деньгами, но «деньги есть лишь превращенная форма продукта труда, или, вернее, некоторой части продукта труда. В то время как рабочий превращает часть средств производства в новый продукт, продукт его прежнего труда обращается на рынке, где он превращается обратно в деньги. Его труд в течение прошлой недели или последнего полугодия — вот из какого источника оплачивается его сегодняшний труд или труд наступающего полугодия»¹.

Итак свои средства существования производит сам рабочий класс, но противопоставляются они ему как переменный капитал, который следовательно «есть лишь особая историческая форма, в которой проявляется фонд средств существования, или рабочий фонд»².

И это есть то новое («новые черты»), которое раскрывает именно анализ воспроизводства переменного капитала. «Как бы то ни было, переменный капитал, — заключает Маркс, — утрачивает характер стоимости, авансированной из собственного фонда капиталиста, лишь в том случае, если мы будем рассматривать капиталистический процесс производства в ходе его непрерывного возобновления»³.

Рабочий сам производит и воспроизводит свои средства существования, как производит и воспроизводит их крепостной крестьянин. Только производство крепостным крестьянином своих средств существования ничем не маскировалось, так как феодальные отношения выступали открыто, прозрачно, — не так, как буржуазные отношения.

Что капиталист платит рабочему из продукта труда самого рабочего, не смогло ускользнуть и от наиболее вдумчивых буржуазных экономистов, но они этому факту дали совершенно неправильное толкование. Они создали теорию, что заработная плата есть доля рабочего в произведенном им продукте (неправильность этой теории доказана была уже раньше).

Воспроизводится и класс капиталистов. А для этого капиталистам нужны потребительные стоимости, имеющие стоимости. Покрывают они расходы на нужные им средства существования из своего дохода, из регулярно получаемой ими прибавочной стоимости. При простом воспроизводстве только к этому сводится функция прибавочной стоимости — к воспроизводству класса капиталистов. Но ведь это значит, что ежегодно или в другие промежутки времени прибавочная стоимость заступает место равных ей

**Воспроизводство
капитала в целом.**

¹ «Капитал», т. I, стр. 415.

² Там же.

³ Там же, стр. 416.

по величине частей капитала, которые, не будь этого дохода, должны были бы израсходоваться на содержание капиталистов. А по истечении ряда лет (последний равняется всему капиталу, деленному на сумму ежегодно получаемых прибавочных стоимостей) весь капитал оказывается замещенным прибавочной стоимостью, или—что одно и то же—капитализированной прибавочной стоимостью.

Правда, капиталист и его защитники, буржуазный экономист, озадачены: они уверены и уверяют других, что расходуется только доход, капитал же все время остается в неприкосновенности. Но они путают бухгалтерию с экономикой, по-бухгалтерски расход действительно равен доходу, и капитал по своей величине остается нетронутым. Экономическая сторона игнорируется; игнорируется, что доход—результат неоплаченного труда, а потому... «если капиталист потребил эквивалент своего авансированного капитала, то стоимость этого капитала представляет лишь общую сумму безвозмездно присвоенной им прибавочной стоимости. Ни одной частицы старого капитала уже не существует»¹.

И этот вывод получается лишь при исследовании процесса капиталистического производства в его непрерывной повторяемости, т. е. как процесс воспроизводства.

Воспроизводство капиталистических отношений.

Прежде всего необходимо привести, что называется, в ясность уже полученные результаты,—это облегчит понимание дальнейшего хода мысли у Маркса. Во-первых, продукт труда рабочего постоянно от него отчуждается,—рабочий продает свою рабочую силу, вследствие чего продукт его труда с самого начала не составляет его собственности. Во-вторых, этот же продукт труда, являясь частью средством производства, частью средством потребления (речь идет о продукте труда всего рабочего класса), противопоставляется рабочему как капитал, постоянный и переменный. «Таким образом рабочий сам,—формулирует это положение Маркс,—постоянно производит объективное богатство как капитал, как чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу»². В-третьих, раз продукт труда постоянно от него отчуждается и противопоставляется ему как капитал, то этим самым рабочий столь же постоянно воспроизводится как наемный рабочий. Или—что то же самое—«капиталист (последний понимается как персонифицированный капитал.—Р.) столь же постоянно производит рабочую силу, как субъективный источник богатства, отделенный от условий своего воплощения и осуществления, абстрактный, связанный лишь с самым фактом физического существования рабочего»³. И наконец, в-четвертых, воспроизводится и сам капиталист; доставляя ему средства существования, рабочий воспроизводит его—да будет позволено так выразиться—физиологически, воспроизводя его капитал, он воспроизводит капиталиста социально-экономически, как олицетворение капитала.

Таким образом анализ воспроизводства переменной части капитала и всего капитала в целом является по существу и анализом воспроизводства капиталистических отношений,—ведь последние воспроизводятся именно в той мере, в какой воспроизводятся средства производства

¹ «Капитал», т. I, стр. 447.

² Там же, стр. 438.

³ Там же, стр. 448.

и средства потребления как капитал. И Маркс, резюмируя результаты своего исследования воспроизводства капитала, крупными штрихами рисует, как вывод из последнего, воспроизводство капиталистических отношений. Все же дальнейшее исследование непрерывного производства уже самих капиталистических отношений дополняет их характеристику новыми штрихами, которые без такого подхода скрыты за видимостью явлений. А это сводится к следующему.

Рабочий нанимается у капиталиста на определенный срок, по истечении которого договор должен возобновляться. Представляется: 1) рабочий принадлежит капиталисту только на указанный в договоре срок, 2) и даже в пределах этого срока он ему принадлежит лишь во время фактической работы,—когда рабочий занят производительным потреблением средств производства, но отнюдь не тогда, когда он занят своим индивидуальным потреблением. Но это оказывается лишь видимостью явления, обусловленной тем, что рабочий юридически, формально свободен—и право распоряжаться его трудом капиталист получает лишь с его согласия (на основании договора). И эта видимость исчезает, как только отношения между рабочим и капиталистом берутся в разрезе классовом, т. е. как отношения между рабочим классом и классом капиталистов. Один рабочий становится на время принадлежностью одного капиталиста в силу заключенного между ними договора; рабочий класс принадлежит классу капиталистов уже не в силу договоров, а в силу того, что средства производства отчуждены от первого и монополизированы вторым.

Отсюда вывод: рабочий принадлежит капиталисту всегда, а не только в продолжение обусловленного срока, также не только во время фактической работы. И... индивидуальное потребление рабочего в общем и целом составляет момент в производстве и воспроизводстве капитала, независимо от того, совершается ли оно внутри или вне мастерской, внутри или вне процесса труда,—подобно тому как чистка машины есть составная часть производства, независимо от того, производится ли она во время процесса труда или во время определенных перерывов последнего¹.

К этому приводит не только теоретический анализ,—это косвенно засвидетельствовано самими капиталистами и подтверждено фактами капиталистической действительности. Маркс приводит требование капиталистов—воспретить безработным эмигрировать из том основывая, что они могут понадобиться капиталу по ликвидации кризисов; им приводятся и такие факты, как запрещенное в Англии в 1815 г. машиностроительным рабочим эмигрировать под угрозой тяжелого наказания.

Основой такого требования запрета и его фактического выполнения может быть лишь то, что рабочих считают собственностью капитала.

Примечания к двадцать первой главе.

1. Начиная с этой главы, Маркс, как мы об этом подробно говорили в тексте, исследует производство «в постоянной связи и непрерывном покое возобновлении». Здесь же мы хотим подчеркнуть, что не правы те, которые утверждают, будто Маркс в I томе «Капитала» (т. е. в настоящем отделе) рассматривает лишь воспроизводство индивидуального капитала, а во II томе (в третьем отделе)

¹ «Капитал», т. I, стр. 445.

им рассматривается воспроизводство общественного капитала. (На такой точке зрения стоит и Роза Люксембург в своей книге «Накопление капитала»). Это, по-нашему, неверно: уже тем, что Маркс рассматривает производство «в постоянной связи», он исследует его не как производство индивидуального капитала, а как производство общественного капитала. Впрочем Маркс сам разъясняет, что он понимает под «постоянной связью». «Иначе выглядит,—читаем на стр. 449,—дело, если мы рассматриваем не отдельного капиталиста и не отдельного рабочего, а класс капиталистов и класс рабочих, не единичные процессы производства, а весь капиталистический процесс в его течении и в его общественном объеме».

Итак рассмотрение производства с точки зрения воспроизводства есть в то же время рассмотрение капиталистического процесса производства «в его общественном объеме» и следовательно—в разрезе отношений класса капиталистов и класса рабочих,—на это, говорим мы, и следует обратить сугубое внимание.

Дело в том, что скрытой предпосылкой такого утверждения, что воспроизводство общественного капитала еще в I томе не исследуется—является то, что общественный капитал возникает якобы только в обращении, где отдельные индивидуальные капиталы сталкиваются между собою, воздействуют друг на друга и образуют единое движение совокупного капитала общества в целом. А так как в I томе еще не дан анализ процесса обращения капитала, то будто бы не может быть дано и воспроизводство общественного капитала. Но названная скрытая предпосылка—совершенно ошибочная, совокупность всех индивидуальных капиталов в обращении не становится общественным капиталом, а лишь проявляется как единый общественный капитал и проявляется поэтому, что уже в производстве индивидуальные капиталы суть части общественного капитала.

2. Различие же между тем, как рассматривается Марксом воспроизводство в I томе «Капитала» и как во II томе, создал в иной, так сказать, плоскости. Воспроизводство включает и обращение, но здесь, как выяснено в тексте, последнее предполагается, но не исследуется,—во II томе «Капитала» предметом исследования является воспроизводство как единство производства и обращения. Здесь Марксом раскрывается сущность капиталистического воспроизводства. Во II томе изучаются форма движения как индивидуального, так и общественного капитала и условия этого движения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В КАПИТАЛ.

Предмет исследования.

Сам Маркс определяет его так: «Раньше,—говорит он,—мы исследовали, каким образом прибавочная стоимость возникает из капитала, теперь посмотрим, каким образом капитал возникает из прибавочной стоимости»¹. Но,—недоумеваяще скажет читатель,—ведь это мы уже видели и раньше. в главе о простом воспроизводстве, тем более, что и Маркс дальше об этом даже напоминает: «Мы видели,—пишет он,—что даже при простом воспроизводстве весь авансированный капитал, каково бы ни было его первоначальное происхождение, превращается в накопленный капитал, или капитализированную прибавочную стоимость»². Следовательно и простое воспроизводство есть превращение прибавочной стоимости в капитал.

Однако недоумение легко рассеется, если вспомним, что авансированный капитал при простом воспроизводстве превращается в накопленный капитал лишь по стоимости. Выясняя в предыдущей главе смысл капитализации прибавочной стоимости при простом воспроизвод-

¹ «Капитал», т. I, стр. 455.

² Там же, стр. 462.

стве, Маркс подчеркивает: «Но здесь дело идет о стоимости капитала, а не о его материальных составных частях»¹. Действительно прибавочный продукт при простом воспроизводстве исключительно состоит и должен состоять из предметов потребления для капиталистов, иначе ведь он не мог быть ими полностью употреблен, стало быть он не может быть превращен в вещные элементы капитала. При расширенном воспроизводстве, наоборот, часть прибавочного продукта состоит и должна состоять из вещественных элементов капитала. «Но, не совершая чуда, можно превращать в капитал лишь такие предметы, которые могут быть применены в процессе труда, т. е. средства производства, и, далее, такие предметы, которые способны поддерживать жизнь рабочего, т. е. средства существования... Одним словом, прибавочная стоимость лишь потому может быть превращена в капитал, что прибавочный продукт, стоимостью которого она является, уже включает в себе вещественные части нового капитала»².

Таким образом в настоящей главе исследуется превращение прибавочной стоимости в капитал в силу того, что прибавочный продукт «уже включает в себе вещественные составные части нового капитала». Мы подчеркнули слово «нового», так как им обозначен второй признак (впрочем вытекающий полностью из первого), отличающий предмет исследования предыдущей главы от предмета исследования настоящей главы. При простом воспроизводстве авансированный капитал—да будет позволено так выразиться—перерождается: меняется его происхождение, так как он становится капитализированной прибавочной стоимостью, но количественно остается тем же. В расширенном воспроизводстве «перерожденный» капитал изменяется и количественно, к капиталу прежней величины прибавляются все новые и новые капиталы. И в этой главе исследование ставит ударение именно на количественный рост капитала, выясняя характер этого роста и те факторы, которые его обуславливают и ускоряют.

Отсюда также вытекает, что функция прибавочной стоимости в простом воспроизводстве немного иная, чем при расширенном. В первом благодаря ей капитал лишь воспроизводится; во втором—он воспроизводится в расширенном размере.

Порядок исследования.

Прежде всего исследуется, как расширенное воспроизводство, являющееся типичным для всякого прогрессирующего общества, под властью капитала принимает форму превращения прибавочной стоимости в капитал, или—что одно и то же—принимает форму накопления капитала. Этот анализ показывает, что прибавочная стоимость превращается не в один переменный капитал, а в переменный и постоянный капитал,—и разоблачается ошибка классиков, утверждавших, что новый капитал расходуется исключительно на заработную плату. Но не вся прибавочная стоимость превращается в капитал; часть ее идет на личное потребление класса капиталистов. Такое положение создает проблему о капитале и доходе. Этим в свою очередь разоблачается пресловутая теория воздержания (см. дальше) и ставится вопрос о действительных факторах, определяющих темп и степень накопления капитала. Заканчивается глава крп-

¹ «Капитал». т. I, стр. 447.

² «К п т л» т. I, стр. 46.

тикой теории так называемого «рабочего фонда». К этому приводит все исследование, раскрывающее мифичность существования такого фонда.

Глава разделена на пять параграфов, в которых рассматриваются в указанной последовательности перечисленные вопросы.

. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА В РАСШИРЕННОМ МАСШТАБЕ.

Этот параграф имеет еще один заголовок—«Превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения»,—наиболее четко подчеркивающий особенности капиталистического расширенного воспроизводства.

Расширенное воспроизводство, взятое вне исторически обусловленной общественной формы, взятое как все расширяющийся процесс труда,—означает: 1) что из годового общественного продукта покрыты израсходованные в течение года средства производства и средства потребления;— 2) что за вычетом их имеется еще излишек, могущий по своим естественным, так сказать, свойствам быть использованным частью в качестве средств производства, частью в качестве средств потребления для добавочных рабочих, если производительность, интенсивность и экстенсивность труда останутся неизменными. Таким образом расширенное воспроизводство, при неизменности перечисленных величин, предполагает также и рост рабочего населения. С другой стороны, безболезненный рост всего населения, а также его развития (удовлетворение развивающихся потребностей) возможен лишь на основе расширенного воспроизводства.

Так дело обстоит с точки зрения общественного производства вообще, но иначе оно представляется с капиталистической точки зрения. Общий годовой продукт принимает форму товара и капитала, точнее—принимает товарную форму капитала, одна часть которого возмещает употребленный постоянный капитал, другая часть—переменный капитал, а третья часть составляет прибавочную стоимость, в свою очередь делящуюся на две части: одна идет на содержание капиталистов, а другая—на добавочный капитал. Как происходит возмещение частей прежнего капитала и весь процесс воспроизводства—это изучается Марксом отдельно во II томе «Капитала». Здесь необходимо сосредоточить внимание на том, что, с одной стороны, добавочный переменный капитал превращается в добавочную рабочую силу (если интенсивность и экстенсивность труда остаются прежними) на основе законов товарного обращения. А с другой стороны, «с самого своего зарождения он (добавочный капитал.—Р.) не заключал в себе ни одного атома стоимости, возникшей помимо чужого неоплаченного труда»¹. Следовательно законы собственности, тесно связанные с товарным производством (это было выяснено еще во II главе), превращаются в свою противоположность, в законы капиталистического присвоения, в отрицание права собственности на продукты своего труда и утверждение права собственности на продукт чужого труда.

Но что особенно подчеркивается Марксом,—это то, что «превраще-

¹ «Капитал», т. I, стр. 453.

ценне» это происходит так, что законы товарного производства не нарушаются, а, наоборот, лишь при капитализме получают свое настоящее развитие, свою полную значимость. «Цепь» получается следующая: 1) товарное производство начинается с превращения продуктов труда в товары; 2) полное свое развитие оно получает лишь с превращением рабочей силы в товар. «Но лишь отсюда товарное производство принимает всеобщий характер и становится типичной формой производства...»¹; 3) рабочая сила, став товаром, уже постоянно производится как товар; 4) потребление ее производит столь же постоянно стоимость, большую ее собственной стоимости (и в этом нет нарушения закона товарообращения); 5) часть произведенной прибавочной стоимости превращается в добавочный переменный капитал и постоянный. На протяжении всей «цепи» нигде нет прорыва, вся она соткана из обмена эквивалентов на эквиваленты,—все же последнее звено является полнейшим отрицанием первого. Превращение продуктов труда в товары есть признание трудовой собственности; обмен рабочей силы на добавочный капитал, в котором нет «ни одного атома стоимости, возникшей помимо чужого неоплаченного труда»,—есть полное отрицание трудовой собственности.

Все это исследование заострено против Прудона, «который хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства»².

Как мы видим, эти «вечные законы» получают свое развитие, становятся, что называется, по-настоящему законами именно на базисе наемного труда, на базисе капитализма.

II. ОШИБОЧНОЕ ПОНИМАНИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА В РАСШИРЕННОМ МАСШТАБЕ.

Маркс имеет в виду классиков—А. Смита и Рикардо, которые, с одной стороны, делали значительный шаг вперед в определении накопления, а с другой—допустили грубую ошибку, унаследованную затем всей домарксовской политической экономией.

Классики правильно указали, что накопление не следует смешивать с собиранием сокровищ и с приготовлением запасов. И в этом и другом случае нет нового прироста, а есть лишь отсрочка, лишь замедление потребления произведенных благ. Более того, собирание сокровищ или чрезмерное приготовление запасов является основным препятствием, стоящим на пути накопления, так как последнее получается лишь в результате производительного потребления как средств производства, так и средств потребления производительными рабочими. Отсюда сделав классиками еще один правильный вывод: производительным потреблением и следовательно накоплением является только потребление производительных рабочих, которые создают больше, чем потребляют,—праздная часть населения потребляет, но не производит. А дальше уже начинается ошибка; классики полагали, «что та часть дохода, о которой говорится, что она превратилась в капитал, потребляется производительными рабочими»³. Иными словами, они полагали, что новый капи-

¹ «Капитал», т. I, стр. 462.

² Там же, стр. 462.

³ Там же, стр. 464.

тал является исключительно переменным капиталом, или, как они выражались, употребляется только на заработную плату.

Эта ошибка связана и даже обусловлена другой ошибкой, будто стоимость товара разлагается только на прибыль, ренту и заработную плату. И здесь упускается постоянный капитал, вернее—он сведен к указанным трем видам дохода. На самом деле, если капитал и доходы одно и то же, то накопление действительно должно сводиться к превращению большей части дохода в заработную плату, в средства потребления для большего количества рабочих, которые произведут еще больше.

Но мы уже знаем, что стоимость товара равняется $v + c + m$, а всякий капитал = $c + v$.

III. РАЗДЕЛЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ НА КАПИТАЛ И ДОХОД.

Маркс предупреждает, что слово «доход» употребляется в двух смыслах: «во-первых, для обозначения прибавочной стоимости как продукта, периодически возникающего из капитала; во-вторых, для обозначения части этого продукта, периодически потребляемой капиталистом или присоединяемой им к своему потребительному фонду». Здесь, в данном разрезе, слово «доход» употребляется во втором смысле—доход как одна часть прибавочной стоимости противопоставляется другой, капитализирующейся. И степень накопления зависит от того,—если прибавочная стоимость дана,—в какой мере она делится на указанные две части.

Отсюда следует: 1) что доход и капитал (т. е. капитализирующаяся часть прибавочной стоимости) изменяются в противоположном направлении: чем больше дохода, тем меньше капитала, и обратно; 2) что «капитал, применяемый в известной стране, представляет величину не постоянную, а переменную,—ту постоянно изменяющуюся долю наличного богатства, которая может функционировать как капитал»¹. Второй тезис нам нужно запомнить: он пригодится при рассмотрении теории рабочего фонда. Здесь важно подчеркнуть лишь то, что историческая «миссия» капиталиста—в накоплении, в превращении большей части прибавочной стоимости в капитал, но отнюдь не в потреблении. «Лишь постольку, поскольку капиталист есть воплощенный капитал, он имеет историческую ценность и историческое право на существование...»².

На обстоятельствах, определяющих деление прибавочной стоимости на капитал и доход, Маркс, как он сам замечает, не может останавливаться. Он принципиально рисует драму, которая переживается капиталистом,—борьбу между страстью к накоплениям и страстью к наслаждениям. Капиталист, как воплощение капитала и знающий только одну заповедь: «накопляйте и накапливайте»,—приходит в столкновение с капиталистом, которому не чуждо все человеческое. С дальнейшим развитием капитализма борьба эта разрешается тем, что рост прибавочной стоимости настолько велик, что хватает и на «приличный» доход и на не менее «приличное» накопление. Тем более, что «на известной ступени развития определенный обычный уровень расточительности, являясь выставкой богатства и следовательно гарантией кредитоспособности, стано-

¹ «Капитал», т. I, стр. 433.

² Там же.

вится даже деловой необходимостью для «несчастливого» капиталиста»¹. История манчестерской промышленности дает наглядное подтверждение сказанного—она пережила четыре периода, и в последний период борьба между страстью к накоплению и страстью к наслаждениям находит полное примирение: манчестерские фабриканты стали и много накапливать и много тратить на свое личное потребление. «Роскошь входит,—каждый из них мог сказать,—в издержки представительства капитала». И предложение Мальтуса—разделить функции между капиталистами и землевладельцами: первые пусть накапливают, а вторые—наслаждаются (практически этого можно было достигнуть путем повышения земельной ренты)—выразители интересов капиталистов, рикардianцы, самым резким образом отвергли.

Мы уже знаем, что накопление капитала не следует смешивать с собиранием сокровищ и приготовлением запасов, но его также не следует смешивать с расширенным воспроизводством вообще: без воспроизводства в расширенном масштабе нет накопления капитала, но не всякое расширенное воспроизводство является накоплением капитала, оно им становится лишь в определенную историческую эпоху, когда накаплиющиеся средства производства и потребления противостоят производителю как враждебная ему и эксплуатирующая его сила.

Теория воздержания, провозглашенная уже известным нам Сениором, во-первых, смешивает накопление капитала с расширенным воспроизводством, имеющим место во всяком обществе. Вообще же производит не только предметы потребления, но и средства производства. Рост производительных сил общества находит свое выражение в том, что производство средств производства растет относительно быстрее, чем производство предметов потребления. Если это называть воздержанием—общество воздерживается от производства предметов потребления с целью расширить производство средств производства,—то оно все-таки ничего общего не имеет с накоплением капитала, так как это воздержание не объясняет, почему средства производства принимают форму капитала и почему их увеличение является накоплением капитала.

Во-вторых, эта теория смешивает капитализацию прибавочной стоимости с производством ее: капиталист превращает и может превратить своим «воздержанием» в капитал лишь то что произведено неоплаченным трудом,—и только.

В-третьих, если вначале «воздержание» у капиталиста выражается в том, что страсть к накоплению берет верх над страстью к наслаждениям, то с дальнейшим развитием капитализма и это «воздержание» становится излишним: рыцарь накопления уснезает и по части удовлетворения всех своих прихотей. Капиталист зато заставляет «воздерживаться» рабочего, лишая его возможности удовлетворить насущнейшие потребности.

Более того, капиталистические отношения даже мешают накоплению: во-первых, потому что капиталисты как раз не склонны к воздержанию, во-вторых, именно капиталистическое производство со своей анархией, конкуренцией, кризисами обуславливает массу непроизводительных затрат. Правда, накопление при капитализме стало развиваться гораз-

¹ Там же, стр. 488.

до быстрее, чем, скажем, при феодализме, но оно незначительно в сравнении с накопленным при социализме. Об этом свидетельствуют невиданные для капиталистических стран темпы накопления у нас, в СССР.

IV. ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА НАКОПЛЕНИЕ.

В предыдущем параграфе величина прибавочной стоимости рассматривалась как данная, и накопление обуславливалось той пропорцией, которой она (прибавочная стоимость) делится на капитал и доход. Теперь, наоборот, пропорция эта принимается, за данную, а прибавочная стоимость—за величину переменную. Отсюда ясно, что все факторы, влияющие на изменение величины прибавочной стоимости, влияют и на накопление. А это значит, что законы абсолютной прибавочной стоимости—зависимость последней от удлинения рабочего дня, законы относительной прибавочной стоимости, зависимость ее от производительности и интенсивности труда—являются в то же время и законами накопления.

Если же Маркс вновь ставит вопрос о влиянии этих же факторов на накопление, то это потому, что здесь они рассматриваются под новым углом зрения.

Она находит свое выражение в норме прибавочной стоимости и следовательно влияет на накопление. Но степень эксплуатации. влияет на накопление еще и с другого, так сказать, конца. При исследовании прибавочной стоимости и нормы ее Маркс исходит из того, что заработная плата по величине совпадает со стоимостью рабочей силы. И это диктовалось условиями поставленной задачи, которая может быть сформулирована так: даны законы товарообращения (эквиваленты обмениваются на эквиваленты),—как объяснить на основе этих законов прибавочную стоимость и капитал. Таким образом прибавочную стоимость нельзя было вывести из недоплаты стоимости рабочей силы, а, наоборот, нужно было показать, как она возникает и при полной оплате последней. Иное дело теперь, при исследовании фактов, влияющих на накопление: здесь уже нет надобности исходить только из теоретических предпосылок,—ведь исследуется не возможность накопления, а факторы, влияющие на него,—следовательно необходимо учесть и фактическое положение вещей. «Однако на практике,—говорит Маркс,—насильственное понижение заработной платы ниже этой стоимости (стоимости рабочей силы.—P.) играет слишком важную роль для того, чтобы хотя вкратце не остановиться на нем. В известных границах оно фактически превращает необходимый фонд потребления рабочих в фонд накопления капитала»¹. Маркс иллюстрирует на целом ряде примеров, как в сокращении фонда потребления рабочих искали источника для накопления капитала. Заветной мечтой было снижение заработной платы английских рабочих до заработной платы китайских.

Итак накопление капитала есть не только результат неоплаченного труда, но в известных пределах и фактической недоплаты стоимости рабочей силы. Что касается интенсивности и экстенсивности труда, то помимо увеличения ими прибавочной стоимости (это уже было исследовано),—следовательно и увеличения той ее части, которая капитали-

¹ «Капитал», т. I, стр. 473.

зируется,—их влияние на накопление выражается еще в том, что возросшее вследствие роста интенсивности и экстенсивности труда количество труда не требует соответствующего увеличения капитала. Удлинение рабочего дня или интенсификации его не требуют в такой же мере, как при приеме добавочных рабочих, увеличения числа машин, инструментов и т. д. Необходимо увеличить капитал почти только на сырье. И поэтому в добывающей промышленности, где нет расхода на сырье, это дает себя еще сильнее чувствовать. Словом, с наименьшими затратами удастся благодаря росту интенсивности и экстенсивности труда усилить темп самовозрастания уже имеющегося капитала.

Производительная сила труда.

Что повышение производительной силы труда увеличивает прибавочную стоимость и что вследствие этого увеличивается и капитализирующаяся часть прибавочной стоимости,—не требует, как подчеркнуто было раньше, особых исследований: первое уже было исследовано, а второе непосредственно вытекает из первого. Здесь Маркс имеет в виду другое: показать, как рост производительности труда увеличивает вещественные элементы капитала и этим самым ускоряет накопление его и по стоимости.

Рост производительности труда выражается, как известно, в росте продукции в единицу времени. Увеличиваются средства производства и средства потребления, произведенные рабочими в течение года или другого промежутка времени. Если даже увеличится и реальная заработная плата, то все же не в такой мере, в какой увеличиваются средства производства и потребления. Следовательно в руках капиталистов (речь о всем классе капиталистов) очутятся добавочные орудия труда и излишек средств потребления (раз последние не поглощаются повышенной реальной зарплатой), который служит средством существования для добавочных рабочих, производящих при помощи добавочных средств производства новую прибавочную стоимость и новый капитал. Это—во-первых. Во-вторых, благодаря повышению производительности труда рабочие гораздо полнее используют орудия труда и перерабатывают большие массы сырья, т. е. переносят гораздо больше их стоимости на вновь произведенный продукт. Какое это имеет большое значение, показывает следующий факт, приводимый Энгельсом в его книге «Положение рабочего класса в Англии» и цитируемый Марксом на стр. 479: «В 1782 г. весь сбор шерсти за последние три года (в Англии) лежал необработанным из-за недостатка рабочих, да и так должен был остаться необработанным, если бы не выступили на помощь вновь изобретенные машины, давшие возможность выпрясть его... Труд, овеществленный,—добавляет Маркс,—в форме машины, не создал конечно ни одного нового рабочего, но он дал возможность небольшому числу рабочих с небольшой сравнительно затратой дополнительного живого труда производительно потребить шерсть, присоединить к ней новую стоимость и сохранить ее старую стоимость в форме пряжи и т. д. Тем самым он создал средства и импульс к расширенному воспроизводству».

Рост применяемо- го капитала по сравнению с потребляемым.

Орудия труда, как уже было выяснено, участвуют целиком в процессе производства потребительных стоимостей и лишь частично—в процессе образования стоимости. С развитием капитализма разница между применяемым капиталом и потребляемым, т. е. той части всего применяемого капитала, которая износится в процессе

производства, становится все значительнее. Но какое это имеет отношение к накоплению?

Ответ Маркса гласит: «Поскольку эти средства труда, участвуя в созидании продукта, не присоединяют к нему новой стоимости, т. е. поскольку они применяются целиком, а потребляются лишь частями, поскольку они, как мы уже упоминали выше, оказывают даровые услуги, подобно силам природы... Эти даровые услуги прошлого труда, охваченные и воодушевленные живым трудом, накаплиются с увеличением масштаба накопления¹. Таким образом с развитием капитализма накапливаются мощные орудия труда и гигантские сооружения, участие которых в производстве потребительных стоимостей личного не стоит капиталисту, его расход составляет лишь изнашиваемая часть, являющаяся сравнительно незначительной.

Буржуазные экономисты ставят эту даровую услугу в актив капиталу и на этом строят разные теории, восхваляющие капитализм, но они смешивают вещественного носителя капитала, его вещную оболочку, с социально-экономической сущностью его. Орудия труда как особо полезные продукты прошлого труда оказывают даровую услугу вследствие их специфической полезности, специфической потребительной их стоимости. А капиталистическая их форма выражается только в том, что этой услугой пользуется капиталист для усиления эксплуатации труда.

Чем больше авансированного капитала, тем больше и быстрее он растет и накапливается. Это в особых Величина авансированного капитала. пояснениях не нуждается, стоит только принять в соображение, что все факторы, ускоряющие накопление, на стороне большего капитала. Отсюда и следует: так как с развитием капитализма растут размеры авансированных капиталов, то также прогрессируют темп и размеры накопления.

V. ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ РАБОЧИЙ ФОНД.

В 30—40-х годах прошлого века среди английских экономистов получила большое распространение теория фонда заработной платы, или рабочего фонда. Фаусет, цитируемый Марксом, так ее излагает: «Оборотный капитал страны есть ее рабочий фонд. Следовательно, чтобы узнать среднюю денежную плату, получаемую каждым рабочим, надо просто разделить этот капитал на число рабочего населения»². Прежде всего приходится отметить одну ошибку, которую разделял и Рикардо (Марксом это разоблачено в другом месте), будто оборотный капитал состоит только из заработной платы; мы знаем, что последняя составляет лишь часть оборотного капитала. Но вопрос теперь не в том, а в той неверной предпосылке, которая лежит в основе указанной теории. Ее предпосылка—это то, что фонд заработной платы есть величина постоянная.

Прежде всего, чем определяется сам «фонд», чем определяется его величина? Его можно определить,—что фактически и делается,—как сумму выплаченных отдельным рабочим зарплат, но тогда получается явная бессмыслица: «фонд» зависит от отдельных зарплат, а отдельные зарплат — от «фонда». С одной стороны, чем больше заработная

¹ «Капитал», т. I, стр. 481.

² Там же, стр. 484.

плата отдельного рабочего, тем больше должен быть фонд заработной платы всех рабочих, а с другой—нас уверяют, что величина заработной платы каждого рабочего зависит от величины всего «фонда». Но к определению последнего можно подойти и иначе: капитал, предназначенный для оплаты труда, есть часть всего общественного капитала, поэтому, если предположить, что весь капитал есть величина данная, что данной является также и та часть капитала, которая заключена в средствах производства, то действительно можно утверждать, что для зарплаты существует определенный фонд, который не может быть увеличен. Но в том-то и дело, что такого рода предположение не только ни на чем не основано, а противоречит фактам: как раз капитал любой страны в высшей степени эластичен: он то расширяется, то сжимается. Об этом свидетельствуют промышленные циклы, про которые мы говорили выше. «С точки зрения догмы, согласно которой,—говорит Маркс,—общественный капитал во всякий данный момент есть величина постоянная, совершенно непостижимы самые обыкновенные явления процесса производства, например его внезапные расширения и сокращения и даже самый факт накопления»¹.

В каждой капиталистической стране рядом с действующим капиталом, занятым в производстве, существует и бездействующий капитал, который обычно привлекается в момент промышленного подъема. Но и действующий капитал используется то более интенсивно, то менее интенсивно.

Несостоятельность этой теории также легко обнаружить, если подвергнуть ее теоретическому обстрелу. Капитал есть не что иное, как капитализированная прибавочная стоимость (т. е. превращение последней в новый капитал). Но не вся прибавочная стоимость капитализируется, часть ее капиталист превращает в свой личный «фонд» для собственного потребления. Следовательно величина капитала зависит, с одной стороны, от величины прибавочной стоимости, а с другой—от той пропорции, в которой последняя делится на доход (личное потребление капиталиста) и на капитал. А это значит, что капитал всегда может быть увеличен за счет непроизводительного потребления—потребления капиталиста и всех тех, которые кормятся на его счет. Здесь еще не могут быть учтены факторы обращения, которые в свою очередь делают капитал эластичным. В капиталистических странах непроизводительно пожирается львиная доля прибавочной стоимости, создающейся рабочим классом. Но сторонники теории «фонда» именно это и скрывают,—они скрывают возможность увеличения капитала за счет непроизводительного потребления, к которому следует отнести и значительную часть «национального дохода», которая забирается буржуазным государством при помощи налогов и займов и в своей массе используется непроизводительно—на вооружение, содержание громадного чиновничьего аппарата и т. д.

Апологетический характер этой теории еще ярче выступает, если припомним к тем практическим выводам, которые вытекают из нее и которые делались ее сторонниками. Во-первых, из этой теории вытекает бесполезность борьбы рабочего класса за повыше́ние зарплаты: раз фонд зарплаты—величина постоянная, то он очевидно не поддается увеличению. Более того, забастовки даже вредны самим рабочим: заба-

¹ «Капитал», т. I, стр. 623.

ставки задерживают лишь рост накопления капитала и, стало быть, возможность увеличения зарплаты. Во-вторых, из этой же теории вытекает и солидарность—«гармония интересов»—рабочих и капиталистов: и те, и другие заинтересованы в развитии и росте капитала.

Несоответствие теории «фонда» с фактами начало смущать и буржуазных экономистов (наиболее серьезных). Известный английский экономист и философ Джон Стюарт Милль, бывший одно время горячим сторонником этой теории, впоследствии от нее открыто отказался. На помощь теории фонда выступил Мальтус: он «углубил» и более солидно «обосновал» теорию «фонда». Он не отрицает, что номинальная заработная плата может быть повышена, он не поддерживает тезиса, что капитал есть величина постоянная, но отрицает возможность роста реальной заработной платы. Аргументация Мальтуса построена на его «законе» народонаселения. Рост населения, утверждает Мальтус, обгоняет рост средств существования, поэтому последних нехватает для полного удовлетворения всех потребностей. Отсюда вывод: если номинальная заработная плата и повысится, то рабочий все равно не сможет на свою повышенную зарплату приобрести больше средств существования, чем раньше, так как рост денежной зарплаты не может, само собой разумеется, вызвать соответствующий рост хлеба, мяса и т. д. Единственным результатом повышения номинальной заработной платы может быть лишь соответствующее повышение цен на предметы потребления широких масс, так как увеличивается их платежный спрос при прежнем предложении.

Все мальтусовское здание, как это легко обнаружить, воздвигнуто на гнилом фундаменте: его «законе» народонаселения.

На мальтусовском законе Маркс останавливается в следующей главе; здесь важно пока отметить, что факты, получившие превратное освещение в этой теории, таковы: 1) в делении прибавочной стоимости на капитал и доход рабочий не участвует—это дело капиталиста; 2) фонд заработной платы действительно ограничен, но ограничен доходом класса капиталистов, и увеличить первый за счет второго удастся чрезвычайно редко—и то в результате ожесточенной борьбы.

Примечания к двадцать второй главе.

1. В этой главе еще ярче выступает различие между рассмотрением «отдельного рабочего и отдельного капиталиста» и рассмотрением «класса рабочих и класса капиталистов». Только под вторым углом зрения—как это вполне ясно из исследований настоящей главы—легко открыть «превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения». Усвоение этого пункта часто удается с трудом, но если ни на минуту не упустить из виду, что здесь исследуется капиталистическое производство «в его течении и в его общественном объеме» (см. примечания к предыдущей главе), то эти трудности исчезают. С точки зрения классовых отношений капиталист нанимает рабочего на переменный капитал, произведенный самим рабочим.

2. Не следует впадать в другую ошибку, будто раньше, до седьмого отдела, капиталистическое производство рассматривалось Марксом не с классовой точки зрения. Само собой разумеется, что последняя—единственная точка зрения, с которой Маркс рассматривает буржуазный способ производства. Но этот способ производства выступает как частное и индивидуальное производство, так как и производственные отношения выступают как отношения между отдельными индивидуумами, а не между классами. И Маркс вначале их анализирует так, как они производятся, т. е. исследует классовые отношения в форме отношений между отдельными индивидуумами (отдельным рабочим и отдельным

капиталистом). А в настоящем отделе подход к этим отношениям с точки зрения воспроизводства снимает с них, если можно так выразиться, их маски, и классовая их сущность полностью обнажается.

3. С развитием капитализма накопление растет, но растут и непродоводительные затраты, т. е. растут и факторы, противодействующие накоплению. Связано это в первую очередь с ростом затруднений в сбыте товаров. Армия например, коммивояжеров, рысущих по всему свету в погоне за покупателями, все увеличивается; колоссально растут размеры рекламного дела, поглощающего массу средств. Зомбарт в своей книге «Современный капитализм» приводит ряд цифровых данных о расходах на рекламы и всякого рода коммерческие объявления и информации. Сведения относятся к САСШ. «В 1922 г.,—сообщает он,—затраты на объявления (не считая объявлений местного характера) составляли 600 млн. долл.». «Самое крупное американское агентство по сбору объявлений имеет годовой оборот в 15 млн. долл.». Что касается рекламы, то Зомбартом сообщается следующее: «Хороший знаток этого дела (Линкольн) оценивает общую сумму расходов на рекламу в САСШ в 1—1,2 млрд. долл. в год». И дальше: «Расходы на рекламы составляют приблизительно от 1 до 5% продажной цены товаров и от 10 до 40% общей суммы накладных расходов».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ.

Предмет исследования.

Мы уже знаем, что рабочий производит не только прибавочную стоимость, но и капитал, притом—все в расширяющихся размерах; что воспроизводится—и тоже в расширяющемся масштабе—капиталистические отношения, т. е. накопление капитала означает и рост пролетариата. Но еще не исследовано, как рост рабочего класса происходит, как он регулируется и в каком соответствии он находится с ростом капитала. Ответы на эти вопросы дает настоящая глава, предмет исследования которой Маркс сам определяет так: «В этой главе мы рассматриваем то влияние, которое увеличение капитала оказывает на судьбу рабочего класса. Важнейшие факторы этого исследования—состав капитала и те изменения, которые претерпевает он в ходе процесса накопления»¹.

В этой цитате намечено также и направление, в котором исследование должно вестись: должны быть подвергнуты анализу состав капитала и его изменения в ходе процесса накопления. Стало быть этим самым более полную характеристику получает и сам процесс накопления: если до сих пор он представлялся лишь как количественный рост капитала, то теперь он выступает и со своими качественными изменениями, изменениями состава капитала. И рост пролетариата выступит не только с количественной стороны, но тоже и со своего рода качественной стороны—будет показано, что растет не только армия работающих и производящих капитал, но растет армия безработных, также нужных в качестве резерва для производства капитала.

В этой главе Марксом вводится новая категория, играющая решающую роль во всей его системе. Мы говорим об органическом составе или строении капитала. В изменениях его, как в фокусе, отражаются изменения производительных сил буржуазного общества и соответствующие им изменения производственных отношений и—что особенно важно—обострение противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Рост органического состава капитала,

¹ «Капитал», т. I, стр. 465.

выражая (как выяснено будет ниже) собою рост технического состава капитала, являющегося следствием развития производительных сил, в то же время означает ухудшение положения рабочего класса вследствие относительного уменьшения (иногда и абсолютного) переменного капитала, т. е. обострение противоречия между трудом и капиталом.

Таким образом в настоящей главе Маркс подошел,—в порядке «восхождения от абстрактного к конкретному»,—к центральному вопросу всей политической экономии—к противоречию между производительными силами и их капиталистической формой в ходе увеличения капитала, в ходе его накопления. Исследование же основного противоречия капитализма в динамике приводит к раскрытию основных тенденций его развития, к раскрытию общего закона капиталистического накопления.

Порядок исследования.

Прежде всего Маркс выясняет «влияние, которое увеличение капитала оказывает на судьбу рабочего класса при неизменности состава капитала. Иными словами, оставаясь верным своему методу, Маркс берет вначале явление, подлежащее исследованию, в наиболее упрощенной, так сказать, форме: рассматривает накопление только как количественный рост капитала, не сопровождаемый пока изменениями в составе его, а затем уже вводит в исследование поздний момент, являющийся типичным для капитализма, а именно—«относительное уменьшение переменной части капитала с прогрессом накопления и сопровождающей его централизацией».

Все же не следует думать, что накопление без изменения состава капитала есть лишь абстракция, теоретическое упрощение изучаемого явления,—на самом деле накопление происходит и при прежнем техническом и организационном уровне и тогда, т. е. при неизменности его состава накопление обычно выражается исключительно в количественном росте капитала. Но не это характеризует и выражает особенности динамики капиталистического способа производства: «прогресс» накопления (и это подчеркивается Марксом в приведенном заголовке)—именно в относительном уменьшении переменной части капитала.

Исследование этого центрального вопроса всей главы приводит к тому, что капиталистическое расширенное воспроизводство есть в то же время и «возрастающее производство относительного перенаселения, или промышленной резервной армии», которое исследуется Марксом особо, в третьем параграфе.

Выяснив таким образом сущность перенаселения, причины его возникновения, Маркс переходит к рассмотрению «различных форм относительного перенаселения». И теоретическое исследование заканчивается формулировкой всеобщего закона капиталистического накопления.

Остальная часть главы ставит своей задачей подтвердить теоретические выводы фактами, взятыми из английской действительности, и имеет общий заголовок: «Иллюстрация всеобщего закона капиталистического накопления».

О составе капитала.

Глава начинается с определения тех категорий, которые до сих пор еще не были известны, но без которых дальнейшее исследование невозможно. Мы уже знаем, что капитал состоит из двух частей, играющих различные роли в капиталистическом производстве, знаем также и то, что постоянный капитал растет быстрее переменного. Этот более быстрый

рост постоянного капитала лежит в основе производства относительной прибавочной стоимости: повышение производительности труда именно в том и выражается, что то же количество рабочих приводит в движение большую массу средств производства. Но само отношение этих двух частей капитала еще не исследовалось и потому не фиксировалось в понятии. Только при анализе накопления капитала не только с количественной стороны, но и со стороны изменения отношений между переменным и постоянным капиталом отношение это становится в центре исследования и должно быть выражено в определенных понятиях.

Их три: 1) состав капитала по стоимости, 2) технический состав капитала, 3) органический состав капитала. Состав капитала по стоимости выражает отношение стоимости средств производства, т. е. постоянного капитала, к стоимости рабочей силы, к переменному капиталу. Технический состав капитала выражает отношение между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения,—с другой». Изменения состава капитала по стоимости обычно вызываются изменениями технического состава. Но, во-первых, эти изменения не пропорциональны—«масса сырого материала, средств труда и т. д., которую в настоящее время,—говорит Маркс,—производительно потребляет определенное количество прядильного труда, во много сотен раз больше, чем была соответствующая масса в начале XVIII в.»¹. А состав капитала по стоимости изменился всего, как заявляет Маркс, в семь раз. Это объясняется тем, что вследствие роста производительности труда падает стоимость средств производства и поэтому, хотя последняя и растет в отношении стоимости рабочей силы, но не в такой пропорции, в которой растет масса этих средств производства к живому труду. Во-вторых, по той же причине изменения технического состава капитала могут совсем не сопровождаться изменениями в составе его по стоимости. И наконец, в-третьих, стоимостное отношение постоянного капитала к переменному может измениться и без изменения технического состава, может измениться вследствие повышения или понижения цен на сырье, топливо и др. Все же более или менее значительные изменения в составе капитала по стоимости являются выражением изменений именно технического состава его. Вот этот момент—взаимоотношение между техническим составом капитала и составом по стоимости—выражает понятие: органический состав капитала. Когда говорят, что изменился органический состав капитала, то имеют в виду, что изменилось стоимостное отношение обеих частей капитала вследствие изменения их технического отношения.

1. УВЕЛИЧЕНИЕ СПРОСА НА ТРУД ПАРАЛЛЕЛЬНО НАКОПЛЕНИЮ ПРИ НЕИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ СОСТАВЕ КАПИТАЛА.

**Возможность
роста заработной
платы.**

Раз состав капитала остается неизменным, то «спрос на труд и фонд существования рабочих очевидно растут пропорционально возрастанию капитала и увеличиваются тем быстрее, чем быстрее растет капитал»². А потому может наступить такой момент, когда спрос на труд

¹ «Капитал», т. I, стр. 495.

² Там же, стр. 485.

будет превышать предложение его—и результатом будет повышение заработной платы. Маркс констатирует, что жалобы на это действительно раздавались в течение XV и первой половины XVIII в.

Писатели того времени, как об этом свидетельствуют приводимые Марксом цитаты, во-первых, вполне понимали «механику» производства прибавочной стоимости. Во-вторых,—что еще интереснее,—они не считали нужным скрывать это, а с полной открытостью говорили что «не владение землей и деньгами, а господство над трудом—вот что отличает богатых от работающей части общества», или что «интерес всех богатых наций заключается в том, чтобы большая часть бедных никогда не оставалась без дела и чтобы они постоянно целиком расходовали все, что они получают...»¹. Здесь и в следующих цитатах выставляется «теория» умеренной заработной платы, которая не позволяла бы рабочим сделать сбережения и не освободила бы их от положения наемного рабочего.

На заре капитализма вещи еще назывались своими именами, выдумывать разные псевдонимы стали гораздо позже. Лишь революционные выступления рабочих, их организация и сличение для классовой борьбы заставили придумывать всевозможные теории в целях сокрытия эксплуатационной сущности капиталистического способа производства.

Предел роста зароботной платы.

Но вернемся к анализу Маркса, к тому, как им исследуются те границы, в которые поставлен рост заработной платы даже при таком благоприятном для рабочих допущении, что спрос на труд растет па-

раллельно возрастанию капитала.

Границы эти даны самим накоплением, которое «предполагает,—как говорит Маркс,—следующую альтернативу: или цена труда продолжает повышаться, потому что ее повышение не препятствует процессу накопления...или—и это другая сторона альтернативы—накопление вследствие повышения цены труда ослабевает, потому что этим притупляется стимулирующее действие прибыли. Накопление уменьшается»². Дело в том, что повышение «цены труда» может происходить одновременно (как выяснено было в XVIII гл.) с повышением степени эксплуатации, следовательно с ростом нормы и массы прибавочной стоимости. Это, во-первых; во-вторых, накопление усиливается вследствие роста числа эксплуатируемых. Отдельный рабочий может получить больше, потому что власть капитала стала распространяться на большее число пролетариев, которые и сильнее эксплуатируются. Следовательно повышение зарплаты не только не угрожает власти капитала, но и свидетельствует о его распространении, свидетельствует о росте прибавочного продукта и массы прибавочной стоимости.

Второй случай возможен тогда, когда вызванное повышением зарплаты понижение нормы прибавочной стоимости настолько значительно, что не может больше компенсироваться массой прибавочной стоимости. Но этот угрожающий для капитализма случай включает в себе и его, так сказать, спасение: приостанавливается накопление, приостанавливается спрос на труд,—и «цена труда снова понижается до уровня, соответствующего потребностям возрастания капитала»³.

¹ «Капитал», т. I, стр. 487—488.

² Там же, стр. 491.

³ Там же, стр. 491.

**Видимость
и сущность
явлений.**

Анализ этот раскрывает настоящую причинную связь между ростом капитала и ростом заработной платы. «Употребляя математическое выражение, величина накопления, — резюмирует Маркс, — есть независимая переменная, а величина заработной платы — зависимая, а не наоборот»¹. То есть зарплата определяется величиной накопления, от нее зависит, а не наоборот. Но представляется дело как раз наоборот, — и здесь видимость явления не совпадает с его сущностью. Колебания заработной платы вверх и вниз представляются как результат колебаний спроса и предложения на рынке труда. А так как величину капитала принимают, как мы уже знаем, за данную, то колебания на рынке труда в свою очередь представляются обусловленными движением рабочего населения: если последнее растет быстрее капитала, заработная плата падает; растет оно медленнее, — поднимается зарплата.

В предыдущей главе разоблачалась предпосылка, что капитал есть величина данная, и доказывался противоположный тезис, гласящий, что капитал — величина переменная. Дальнейшие исследования в настоящей главе показывают, что все дело в темпе роста накопления или, — что в конечном счете одно и то же, — в отношении между оплаченным и неоплаченным трудом. «Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накапливаемого классом капиталистов, возрастает настолько быстро, что оно может превращаться в капитал лишь при чрезвычайном увеличении добавочного оплаченного труда, то заработная плата повышается, и при прочих равных условиях неоплаченный труд относительно уменьшается. Но если это уменьшение доходит до пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестает предлагаться в нормальном количестве, то наступает реакция: та часть дохода, которая подвергается капитализации, уменьшается, накопление ослабевает, и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением»².

II. ОТНОСИТЕЛЬНОЕ УМЕНЬШЕНИЕ ПЕРЕМЕННОЙ ЧАСТИ КАПИТАЛА С ПРОГРЕССОМ НАКОПЛЕНИЯ И СОПРОВОЖДАЮЩЕЙ ЕЕ КОНЦЕНТРАЦИЕЙ.

**Повышение
органического
состава капитала.**

Мы уже говорили, что это есть явление типичное для капиталистического способа производства, взятого в динамике. Рост производительных сил общества, развитие техники, новые формы организации производства, замена индивидуального труда коллективным — все это при капиталистических отношениях, с одной стороны, является факторами (как уже было исследовано) производства относительной прибавочной стоимости и накопления капитала, а с другой — находит свое выражение в относительном уменьшении переменного капитала или, что то же самое, принимает форму повышения органического состава капитала. Непосредственный вывод отсюда — спрос на труд непропорционален накоплению. Наоборот: чем значительнее повышение органического состава капитала, т. е. чем быстрее растет постоянный капитал в отношении переменного, тем меньше спроса на добавочный труд.

¹ «Капитал», т. I, стр. 492.

² Там же, стр. 292.

Более того, те же причины, которые повышают органический состав добавочного капитала, капитализированной прибавочной стоимости, повышают органический состав и прежнего капитала, по мере того как он изнашивается и вновь восстанавливается. И первоначально авансированный капитал распределяется уже в иной пропорции: большая, чем раньше, часть его идет на приобретение средств производства, а меньшая — на покупку рабочей силы.

Особенно это дает себя сильно чувствовать при значительных технических изобретениях и усовершенствованиях уже имеющихся орудий труда, т. е. когда имеет место и моральный износ капитала.

Таким образом накопление капитала одновременно и притягивает и отталкивает рабочую силу: добавочный капитал, хотя и с повышенным органическим составом, все же предъявляет спрос на добавочный труд, — зато первоначально авансированный капитал уменьшает (вследствие изменения своего органического состава) свой прежний спрос на труд. Правда, общий итог может выразиться и обычно выражается в росте числа занятых рабочих, но далеко не соответственно с ростом капитала, так как переменный капитал относительно уменьшился.

**Количественный
рост и качествен-
ное изменение
состава капитала.**

В предыдущем параграфе накопление рассматривалось с количественной стороны как прирост капитала; теперь, в настоящем параграфе, оно рассматривается и с качественной стороны — со стороны изменения состава капитала. Между количественной и качественной сторонами существует не просто фактическое, так сказать, совпадение, но внутренняя, органическая связь. Количество переходит в качество: переход от низшего строения капитала к высшему предполагает известный прирост его, предполагает добавочный капитал, так как всякое улучшение — и техническое и организационное — требует предварительных добавочных затрат. «Поэтому некоторое накопление капитала в руках индивидуальных товаропроизводителей служит предпосылкой современной промышленности, того сочетания общественных связей и технических приемов, которое мы называем особым капиталистическим видом производства или специфически капиталистическим способом производства»¹. Но это верно, как Маркс выясняет дальше, не только для эпохи возникновения современной промышленности, но и для последующих стадий ее развития: каждый раз при переходе к более сложным общественным сочетаниям и техническим приемам (а повышение органического состава капитала именно это и выражает) предпосылкой служит «некоторое накопление капитала», но уже не в руках индивидуальных простых товаропроизводителей, а в руках индивидуальных капиталистов.

Качество также переходит в количество: повышение органического состава капитала, являясь результатом увеличения капитала, в свою очередь дает сильный толчок к ускоренному росту капитала. Раз изменился состав капитала и технически, то палицо все факторы, ускоряющие накопление капитала, проанализированные еще в предыдущей главе.

Количественный рост капитала и качественное его изменение таким образом друг друга обуславливают, идут, как говорится, рука об

¹ «Капитал», т. I, стр. 496.

руку с первого момента зарождения капитализма. Накопление стоимостей в товарной и денежной форме (т. е. исключительно количественное накопление) есть предпосылка капиталистического производства, предпосылка «нового качества», «скачка» от ремесленного производства к крупной современной промышленности. Капиталистическое производство, постоянно превращая прибавочную стоимость в капитал, т. е. количественно увеличивая его, также постоянно меняет его органический состав. В этом и сущность движения капиталистического производства, его динамики. Это движение это является диалектическим—оно является движением через противоречия, притом не только через противоречия между рабочим классом и капиталистами, но и через противоречия внутри самих капиталистов. Общественный капитал состоит из индивидуальных капиталов: его рост, его накопление означают рост и накопление последних, но это происходит не без борьбы между ними, не без увеличения одних за счет других.

Концентрация и централизация.

Анализ конкурентной борьбы между капиталистами и ее последствий выходит за пределы I тома «Капитала», но она—борьба эта—все время предполагается. Маркс исследует так называемый классический капитализм, капитализм свободной конкуренции, а потому последняя—пока лишь как факт, как один из существеннейших признаков капиталистического производства—должна учитываться и при характеристике накопления. Сущность его—это, как мы уже знаем, превращение прибавочной стоимости в капитал, но, поскольку оно выражается в накоплении отдельных индивидуальных капиталов и в борьбе между ними, весь процесс сопровождается концентрацией и централизацией. Первая означает капитализацию прибавочной стоимости отдельными капиталистами, превращение ее в индивидуальные капиталы. Вторая—соединение или поглощение многих капиталов одним капиталом. Концентрация—первичный процесс, централизация—вторичный. Централизоваться могут уже концентрированные, накопленные капиталы. Если же подойти к этим двум процессам с точки зрения производственных отношений, скрывающихся за ними, то концентрация непосредственно выражает производственные отношения между рабочим классом и классом капиталистов,—рост господства последних над первыми. Централизация означает уже отношения между самими капиталистами, но на основе отношения между ними, взятыми как класс, и рабочим классом.

Иными словами, и централизация выражает основное классовое отношение буржуазного общества, но не непосредственно: непрерывная экспроприация пролетариата, постоянное присвоение неоплаченного труда, основана здесь экспроприацией одних эксплуататоров другими.

Как концентрация не есть только количественный рост индивидуального капитала, а знаменует собой и изменение его органического состава, так и централизация не есть простое соединение капиталов, но служит исходным моментом для крупных организационных и технических изменений. Поэтому действие централизации на рабочий класс часто еще более разрушительное, чем концентрации: укрупненный капитал, получающийся в результате поглощения и соединения средних и мелких капиталов, предъявляет сравнительно меньший спрос на труд, т. е. усиливает общую тенденцию накопления—относительно уменьшать переменный капитал.

Противоположность и единство концентрации и централизации.

Концентрация и централизация, взятые в отдельности,—явления не только разные, но даже противоположного порядка. В первую очередь под этим углом зрения рассмотрим вопрос о централизации. «Рост концентрации общественных средств производства в руках индивидуальных капиталистов, при прочих равных условиях, ограничен степенью возрастания общественного богатства»¹. Но это ограничение не существует для централизации: «хотя относительная широта и энергия движения к централизации до известной степени определяются достигнутой уже величиной капиталистического богатства... однако прогресс централизации отнюдь не зависит от положительного увеличения общественного капитала»². При равной степени возрастания общественного капитала возможны разные степени централизации. Основные факторы последней—конкуренция, орудием которой является удешевление товаров, и кредит; как в отношении конкуренции, так и в отношении кредита позиция крупного капитала значительно более сильная. Крупный капиталист может и дешевле продавать и ему более доступен кредит. Следует обратить внимание на характеристику Марксом кредита: «...вначале он потаенно прокрадывается как скромный пособник накопления... но вскоре он становится страшным орудием... и в конце концов превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов»³. Здесь мы имеем настоящее научное предвидение, предвидение роли банков в эпоху финансового капитала. А теперь рассмотрим вопрос о концентрации: «...накопление и сопровождающая его концентрация не только раздробляются по многочисленным пунктам, но и возрастание функционирующих капиталов пересекается с образованием новых и расщеплением старых капиталов. Поэтому накопление, выступая перед нами, с одной стороны, как возрастающая концентрация средств производства и господства над трудом, является, с другой стороны, взаимным отталкиванием многих индивидуальных капиталов»⁴. Централизация же означает взаимное притяжение индивидуальных капиталов и противостоит тенденциям к взаимному их отталкиванию. Происходит это взаимное притяжение в двух формах: насильственной—в результате конкурентной борьбы, и мирной—путем объединения в акционерные общества. Предел централизации был бы достигнут тогда, «когда весь общественный капитал оказался бы соединенным в руках одного единственного капиталиста или одного единственного общества капиталистов»⁵.

И здесь имеем научное предвидение организации трестов и синдикатов, что и было отмечено еще Энгельсом⁶.

Но концентрация и централизация представляются явлениями противоположного порядка лишь тогда, когда они, как сказано, берутся отдельно, друг от друга изолированно и следовательно абстрактно.

¹ «Капитал», т. I, стр. 497.

² Там же, стр. 498.

³ Там же, стр. 493.

⁴ Там же, стр. 497.

⁵ Там же, стр. 499.

⁶ Там же, прим. 77f.

В ходе же капиталистического накопления, развивающегося диалектически, они друг друга дополняют и даже обуславливают. Без концентрации невозможна, как выяснено было раньше, централизация, а последняя становится «мощным рычагом общественного накопления, следовательно и индивидуального накопления», т. е. концентрации. Они оба являются моментами накопления, и «под накоплением молчаливо понимают и действие централизации»¹.

III. ВОЗРАСТАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ ИЛИ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕЗЕРВНОЙ АРМИИ.

Избыточное рабочее население — необходимый продукт накопления.

Это непосредственный вывод из предыдущего. Действительно Маркс вначале резюмирует достигнутые в предыдущем параграфе результаты. Припомним их: 1) рост капитала ведет к относительному уменьшению переменной его части, а промежутки времени, в течение которых накопление происходит на прежнем техническом уровне, все сокращаются; 2) изменяется органический состав не только добавочного капитала, но и первоначального (по мере его изнашивания и воспроизводства); 3) накопление идет рука об руку с централизацией, — и укрупненный капитал предъявляет меньший спрос на рабочую силу, чем слившиеся в него или поглощенные им отдельные капиталы; 4) вследствие перечисленных моментов рост спроса на труд, идущего от добавочного капитала, сопровождается уменьшением спроса со стороны прежних капиталов, т. е. притяжение новой рабочей силы сопровождается отталкиванием старой. А потому возможны три случая: 1) притяжение рабочих равно отталкиванию их; 2) притяжение рабочих меньше отталкивания их; 3) притяжение рабочих больше отталкивания их. Эти три случая действительно имеют место в разные времена и даже одновременно, но в разных отраслях промышленности: в одних число занятых рабочих остается прежним, в других оно даже уменьшается, а в третьих происходит прирост.

Как бы то ни было, процесс, повышающий органический состав прежних капиталов (как при воспроизводстве первоначального капитала на новом техническом уровне, так и при централизации), вызывает волну сокращения рабочей силы. Притягивание новых рабочих, обуславливаемое появлением новых капиталов, если даже и противодействует сокращению, то нигде не следует, что притягиваются именно те рабочие, которые были сокращены. Напомним, что этот вопрос Марксом детально рассмотрен еще в XIII главе в связи с действием машины на рабочего, и общий вывод таков: «Таким образом рабочие непрерывно притягиваются и отталкиваются, перебрасываются из стороны в сторону, и это сопровождается постоянными изменениями в поле, возрасте и искусстве вербуемых рабочих»². Результат всех этих изменений — образование избыточного рабочего населения, промышленной резервной армии, которая то увеличивается, то уменьшается, но никогда не прекращается.

¹ «Капитал», т. I, прим. 77^а

² Там же, стр. 351.

**Избыточное рабо-
чее население —
необходимое
условие
накопления.**

Промышленная резервная армия не только продукт, результат накопления, но и условие его. Это вытекает из того, что накопление, капиталистическое воспроизводство, происходит циклообразно: высокий подъем сменяется кризисом и депрессией. Учение о цикле и кризисе не может быть дано в I томе «Капитала»: нет еще анализа обращения капитала, вообще не исследован еще целый ряд явлений капиталистического производства, взятого в целом. И только на основе такого всестороннего исследования могут быть поняты кризисы. Но как ни объясни их, от каких бы причин они ни зависели, — они существуют, регулярно, периодически происходят. И это дает Марксу право аргументировать, так сказать, от кризисов, от фактов, против которых, как известно, спорить нельзя.

Теория же кризисов у Маркса разворачивается, если можно так выразиться, по мере того как разворачивается общая теория капиталистического способа производства, по мере «восхождения от абстрактного к конкретному» — от анализа производства капитала (I том «Капитала»), за которым следует анализ обращения капитала (II том «Капитала»), к анализу капиталистического производства в целом (III том «Капитала»). Каждый раз он подходит к проблеме кризисов и выясняет ту ее сторону, которая диктуется данной стадией теоретического «восхождения». В разрезе настоящей главы, предмета ее исследования, им выясняется роль кризисов в накоплении, как ими обуславливается движение промышленной резервной армии.

А теперь продолжим наше изложение взаимоотношения между кризисами и избыточным рабочим населением. Наличие периодических кризисов и промышленных циклов означает, что производство то расширяется, то суживается, следовательно и рабочие то массами притягиваются, то массами выбрасываются. Но притягиваться массами они могут потому, что они массами имеются в резерве, — не будь последнего, производство не могло бы внезапно расширяться.

Таким образом капиталу принадлежат и нужны не только занятые в производстве рабочие, создающие прибавочную стоимость и капитал, но принадлежат и нужны рабочие резервные, ждущие своей очереди производить прибавочную стоимость на случай расширения производства.

Вопрос о соотношении между накоплением и величиной заработной платы выяснен в предыдущих параграфах: он исследован и при условиях отсутствия изменения в организационном составе капитала и при наличии изменения его. Заработная плата, как мы уже знаем, определяется не количеством и ростом рабочего населения, а также не отношением между ростом рабочего населения и ростом капитала, так как рост рабочего населения — величина зависимая, т. е. сама определяется количественными и качественными изменениями капитала. Последними и определяется динамика заработной платы.

Все это, повторяем, в достаточной мере исследовано в предыдущих параграфах. Если же Маркс вновь ставит вопрос о заработной плате и накоплении, то это потому, что теперь, в связи с выяснением роли промышленных циклов и кризисов в накоплении и производстве избыточного населения, динамика заработной платы получает еще более конкретные очертания.

**Накопление,
промышленные
циклы и зарабо-
тная плата.**

Сказывается, что «в общем и целом широкое колебание заработной платы регулируется исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла. Следовательно они определяются не движением абсолютного числа рабочего населения, а тем изменяющимся отношением, в котором рабочий класс распадается на активную армию и резервную армию, увеличением или уменьшением относительных размеров перенаселения, степенно, в которой оно то поглощается, то снова освобождается»¹.

Положение, что границы роста заработной платы даны самим накоплением, получает таким образом дальнейшее развитие и уточнение в том смысле, что и зигзаги в движении зарплаты следуют в общем и целом за зигзагами промышленного цикла, которые определяют отношение, «в котором рабочий класс распадается на активную и резервную армию». Этот тезис Марксом подкрепляется фактическим материалом, взятым из некоторых отраслей промышленности и сельского хозяйства, — тут так же сводятся им последние счета с теорией, ставящей заработную плату в причинную связь с ростом рабочего населения и с теорией «компенсации».

Первая из указанных теорий известна еще под названием «железного закона заработной платы». Название это принадлежит Лассалю, но сама теория в основном развита была еще знаменитым физиократом Тюрго. Он пишет: «Имея выбор между значительным количеством работников, наниматель предпочитает того, кто соглашается работать за самую низкую цену. Работники должны поэтому друг перед другом понижать цену за свой труд. При таком положении вещей во всех родах труда должен установиться и в действительности устанавливается такой порядок, что заработная плата работника ограничивается лишь минимумом, необходимым для существования»².

Из приведенной цитаты видно, что решающим моментом для этой теории является то, что у нанимателя есть «выбор», т. е. на рынке труда недостатка в рабочих руках нет, и что следовательно между рабочими происходит конкуренция, доводящая цену труда до указанного минимума. Почему же на рынке труда всегда предложение превышает спрос, — Тюрго еще ответа не дает. Позднейшие сторонники этой теории, опираясь на уже известный нам «закон» народонаселения Мальтуса, указанный «пробел» заполняют. Но послушаем на этот счет Лассалья, который свой «железный закон» фактически (как сейчас будет показано) обосновывает «законом» Мальтуса. «Заработная плата, — говорит Лассаль, — не может надолго подняться выше этого среднего размера, потому что тогда, вследствие улучшения положения рабочих, браки между ними стали бы чаще, усиливалось бы размножение, рабочее население умножилось бы, и таким образом увеличилось бы предложение рук, что низвело бы рабочую плату к прежнему размеру или еще ниже. Но заработная плата не может долго продержаться и ниже размера, безусловно необходимого для существования, потому что наступают выселение, безбрачие, воздержание от деторождения и наконец уменьшение числа рабочих посредством нищеты, что ослаб-

¹ «Капитал», т. I, стр. 507—508.

² Цитировано по «Хрестоматии по политэкономии», т. II, составлена Ф. Дингельштадтом и С. Хориным, стр. 257, изд. 1927 г.

ляет предложение рабочих и потому повышает заработную плату прежнего размера»¹.

Критика учения о „железной законе заработной платы“ и теории компенсации.

Связь заработной платы с накоплением, согласно названной теории, может быть сформулирована следующим образом: 1) накопление капитала повышает заработную плату; 2) высокая зарплата вызывает рост рабочего населения (лучшие материальные условия увеличивают число браков среди рабочих и уменьшают смертность рабочих детей); 3) рост рабочего населения повышает предложение труда над спросом и понижает зарплату; 4) низкая же зарплата, уменьшая число браков и увеличивая детскую смертность, а также содействуя накоплению капитала за счет недоплаты рабочим, приводит к уменьшению предложения труда (вследствие уменьшения рабочего населения) и к повышению спроса на него (ведь растет накопление); 5) зарплата повышается,—и вновь начинается сказка про белого бычка.

Основные пороки этой теории следующие:

Во-первых, она не исследует действия накопления на зарплату, не анализирует границ, которые ставятся накоплением росту зарплат при неизменяющемся и изменяющемся составе капитала.

Во-вторых, что особенно важно, она ставит все вверх ногами: движение капитала ставит в зависимость от абсолютного движения рабочего населения. Если в период низкой заработной платы происходят абсолютное уменьшение рабочего населения и накопление капитала, то совершенно непонятно, как происходит расширенное воспроизводство—ведь с последним пришлось бы подождать, пока не начнется усиленное размножение рабочего населения. «Прежде чем, вследствие повышения заработной платы, могло бы наступить какое-нибудь положительное увеличение действительно работоспособного населения, при этих условиях несколько раз успел бы миновать тот срок, в течение которого необходимо произвести промышленную кампанию и дать решительную битву»². А между тем у капитала есть более действительные средства для удовлетворения спроса на труд—повышение производительности труда уже занятых рабочих вследствие введения машин, а также увеличение интенсивности и экстенсивности их труда. Таким образом предложение труда может расти без соответствующего роста рабочего населения, т. е. первое не тождественно со вторым.

В-третьих, эта теория не заметила такого «пустяка», как существование промышленной резервной армии, которая в основном выполняет три функции: 1) она дает возможность капиталу внезапно, конвульсивно расширяться в ходе движения промышленного цикла (ждать абсолютного прироста рабочего населения незначем); 2) «обуздывает аппетиты» рабочих во время промышленного подъема, так как окончательно резерв не иссякает и тогда; 3) усиливает давление на зарплату в период депрессии и кризиса. В последний период действительно усиливается накопление капитала, потому что усиливается степень эксплуатации—падает заработная плата, растет прибавочный труд еще вследствие увеличения интенсивности и экстенсивности рабочего дня: безработица

¹ «Хрестоматия по политэкономии», т. II, составлена Ф. Дингельштадтом и С. Хоринным, стр. 308 изд. 1927 г.

² «Капитал», т. I, стр. 508.

одних заставляет интенсивнее и экстенсивнее работать других. Но мы уже знаем, что более ускоренное накопление еще не означает и более ускоренного спроса на труд: ведь рост капитала сопровождается повышением органического состава капитала, т. е. уменьшением переменной его части.

В-четвертых, наблюдения, положенные в основу этой теории, неправильно истолковываются ее сторонниками. Наблюдая, как в отдельных отраслях промышленности при благоприятной конъюнктуре привлекается добавочный капитал, который, вызывая спрос на труд и повышая зарплату, притягивает и добавочных рабочих, а до удовлетворения спроса начинается обратная волна—понижается зарплата и начинается отлив рабочих, т. е. наблюдая, как колебания в зарплате в отдельных сферах приложения капитала вызывают соответствующие колебания в приливе и отливе рабочей силы,—они без дальнейшего анализа переносят это и на общественный капитал в целом. Они не понимают, что «относительное перенаселение есть тот фон, на котором зиждется закон спроса и предложения труда. Оно вписывает размах этого закона в границы, абсолютно согласные с каждой эксплуатацией...»¹.

Наконец, в-пятых, эта теория зиждется, как сказано, на гнилом фундаменте—на «законе» народонаселения Мальтуса. На этом гнилом фундаменте она зиждется и у Лассалья.

Правда, Лассаль не требует от рабочих воздержания, подобно Мальтусу, он не сваливает вину за низкую заработную плату на рабочих, он, наоборот, делает революционные выводы, требуя уничтожения системы зарплаты. Объективно однако из его аргументации вытекает, что низкая заработная плата есть результат размножения рабочего класса. Если бы среди рабочих не увеличилось число браков и период повышенной зарплаты или если бы они принимали предохранительные меры против «излишнего» деторождения, то—это с «железной логикой» вытекает из лассальянской аргументации—они удержали бы свою заработную плату от падения. Отсюда напрашивается вывод: у рабочих имеется верное средство удержаться и даже повысить заработную плату, необходимо лишь воздержание. Повторяем, Лассаль сам подобных выводов никогда не делал, но это дела несколько не меняет: речь идет не о революционности Лассалья, не об его субъективных хороших намерениях, а о плохой, насквозь буржуазной его теории заработной платы.

Это и дает Марксу право заявлять в «Критике Готской программы» следующее: «Но если я принимаю закон с лассальянским клеймом, то я должен принять и лассальянское обоснование его. А каково оно? Как показал Ланге вскоре после смерти Лассалья,—мальтусовская теория населения». Как видно из этого, Маркс считает, что «железный закон заработной платы» Лассалья имеет своим основанием учение Мальтуса, по которому низкая заработная плата обуславливается несоответствием между быстрым ростом населения и гораздо более медленным ростом средств существования. Несоответствие же это может быть исправлено тем, что рабочие будут «обуздывать» свои инстинкты и сократят свое размножение.

Что касается теории «компенсации», то весь марксов анализ, данный в настоящей главе, а также разоблачение «железного закона заработ-

¹ «Капитал», т. I, стр. 568.

ной платы» дают возможность «по достоинству оценить бесстыдство апологета», утверждающего, что рабочие, вытесненные машиной в одной отрасли труда, находят работу в других. Вытесненные рабочие попадают в промышленную резервную армию и выполняют перечисленные выше три функции.

IV. РАЗНЫЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ. ОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ.

Текучая, скрытая и застойная формы. «Восхождение к конкретному» достигает здесь наивысшего, так сказать, пункта. Выяснив сущность относительного перенаселения, неизбежность и необходимость его, роль его в накоплении и движении заработной платы,—Маркс переходит к исследованию конкретных форм проявления избыточного населения. Хотя каждая форма имеет свои специфические особенности, и непосредственные причины одной из них отличаются от непосредственных факторов образования другой,—но взятые вместе они представляют единое целое, «многообразие в единстве». Все они—условия и продукт капиталистического накопления.

Текучая форма перенаселения непосредственно выражает нормальное движение капиталистического производства и воспроизводства,—промышленные кризисы с их опустошительными действиями в расчет не берутся. Текучесть обеих частей рабочего класса, активной и резервной его армий, есть не что иное, как другое выражение текучести обычной промышленной жизни любой капиталистической страны. Сегодня занятый рабочий—кандидат в завтрашние безработные, а сейчас безработный питает надежду после получить работу. Поставщиком же скрытого перенаселения является преимущественно сельское хозяйство. «Когда капиталистическое производство овладевает земледелием... спрос на сельское рабочее население параллельно накоплению функционирующего здесь капитала абсолютно уменьшается; отталкивание рабочего населения не дополняется здесь большим притяжением... Поэтому часть сельского населения постоянно готова перейти в ряды городского или мануфактурного пролетариата и выжидает условий, благоприятных для этого превращения...» ¹.

Застойное перенаселение «образует часть активной рабочей армии, но характеризуется крайней нерегулярностью занятий» ². Вследствие этого и указанная группа рабочих выполняет все функции промышленной резервной армии,—она используется при расширенном воспроизводстве, она своим существованием давит на зарплату, так как потребности ее крайне низки, и работает она (когда занята) в плохо оплачиваемых и сильно эксплуатируемых отраслях производства (как например капиталистическая домашняя промышленность). Низшим слоем рабочего класса вообще, а описанной группы в частности, являются уже настоящие пауперы. Они, как Маркс указывает, состоят из трех категорий: 1) работоспособных, но попавших в нищету вследствие длитель-

¹ «Капитал», т. I, стр. 512.

² Там же.

ного отсутствия работы, 2) сирот и детей нищих, 3) уже неработоспособных или не умеющих приспособляться к новым условиям производства.

Пауперы влиять на рабочий рынок и выполнять функции промышленной резервной армии, правда, уже не могут (за исключением первой категории, которая во время оживления промышленности втягивается в работу), но зато «представляют инвалидный дом активной рабочей армии и балласт промышленной резервной армии»¹.

**Абсолютный
всеобщий закон
капиталистичес-
кого накопления.**

Что на одном полюсе буржуазного общества имеются богатство и роскошь, а на другом—крайняя нужда и нищета, что большое богатство одних сопровождается отсутствием самого необходимого у других, — все это было известно и до Маркса. Это констатируется и буржуазными писателями: одни говорят об этом с сожалением, а другие—с холодным цинизмом, как например цитируемый Марксом протестантский монах. Блестящая характеристика капиталистического общества как общества антагонистического со своими крайними полюсами дана также в произведениях социалистов-утопистов, Маркс же объяснил все эти факты. Более того—он их превратил, если можно так выразиться, в категории политической экономии. Его анализ капиталистического производства, начиная с товара, «экономической клеточки буржуазного общества», и кончая расширенным воспроизводством,—открыл: 1) что в капиталистическом обществе производятся не только товары, не только прибавочная стоимость, не только капитал, но и относительное перенаселение; 2) что товарное производство развивается в производство прибавочной стоимости и капитала, а последнее обусловливает производство относительного перенаселения и им обуславливается; 3) что относительное перенаселение—такая же социально-историческая категория, как и все другие категории политической экономии; 4) что наконец развитие капитализма ведет не к сглаживанию, притуплению его противоречий, а, наоборот, к их обострению. Отсюда и следует, «что по мере того как капитал накаплиется, положение рабочего должно ухудшаться, как бы ни была высока или низка его оплата»².

И вывод Маркса такой: «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше относительное перенаселение, или промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается в силу тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно относительная величина промышленной резервной армии возрастает параллельно возрастанию сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее упрочившееся постоянное перенаселение, нищета которого пропорциональна мукам его труда. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. Это—абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления».

¹ «Капитал», т. I, стр. 512.

² Там же, стр. 515.

**„Закон“ народо-
населения
Мальтуса**

Его можно формулировать следующим образом: 1) население обнаруживает тенденцию к очень быстрому размножению, 2) возрастание количества средств существования происходит гораздо медленнее, 3) современная бедность широких масс есть результат несоответствия между количеством средств существования и числом населения, 4) бедность наряду с пороками и вырождением является и средством к уничтожению этого несоответствия. Первым двум положениям Мальтус пытался даже придать для большей убедительности математическую формулировку.

Рост населения он характеризует рядом цифр: 1, 2, 4, 8, 16, 32 и т. д. (это в математике называется геометрической прогрессией), а рост средств существования он изображает уже в таком ряде цифр: 1, 2, 3, 4, 5, 6, т. е. средства существования растут лишь по арифметической прогрессии.

Этот «закон» Мальтус считает краеугольным камнем всей политической экономии (как он строит свою теорию заработной платы на этом законе,—мы показали раньше). Но наиболее «оригинальным» является его решение проблемы бедности: оно дано в 3-м и 4-м тезисах его закона.

Проблему бедности Мальтус превращает в проблему, так сказать, естественного порядка. Бедность, перенаселение—результат несоответствия между размножением людей и производством пищи: первое происходит,—как он уверяет,—по геометрической прогрессии, второе—по арифметической прогрессии. Отсюда и практический вывод, что решение проблемы бедности в приспособлении роста населения к производству пищи. И Мальтус и его сторонники стали проповедывать рабочим воздержание. Они даже требовали прекращения благотворительности, так как последнее способствует размножению бедняков.

Мальтус безусловно переборщил даже с точки зрения буржуазии: беднота, т. е. выражаясь экономически, промышленная резервная армия, очень и очень нужна буржуазии, она в буржуазном обществе вовсе не лишний элемент, а выполняет весьма важные функции. Промышленный цикл с его внезапными расширениями и увеличением спроса на труд был бы немыслим, если бы не было в резерве избыточного населения откуда можно черпать необходимые добавочные рабочие силы. Резерв этот кроме того, как мы уже знаем, давит на заработную плату, не позволяя слишком «зарваться» занятым рабочим в своих требованиях даже во время промышленных подъемов.

Этого не учел защитник феодальных классов Мальтус, но это инстинктивно поняла буржуазия (она во времена Мальтуса была еще в полном, что называется, расцвете своих сил) и построила целый ряд благотворительных учреждений для «поддержания» бедноты. Социалисты-утописты видели решение проблемы бедности в реорганизации буржуазного общества в социалистическое, следовательно они вполне правильно поняли, что бедность не искоренима только в пределах буржуазного общества, что исчезнет она лишь при социализме.

Но они воспринимали это больше, как говорится, чутьем: научно объяснить—почему «накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на

стороне класса, который производит свой продукт как капитал», — они не могли.

Маркс же не только научно объяснил эти явления, но и доказал, что они являются абсолютным, всеобщим законом капиталистического накопления, что бедность в капиталистическом обществе совершенно не та, что в докапиталистическую эпоху, что капитализму присуща особая форма бедности, как ему присущ особый закон народонаселения.

Но именно последнего не признает Мальтус — и в этом основной методологический порок его «закона»: он выводит одинаковый закон для разных эпох, т. е. для разных способов производства. Этим смазывается своеобразие отдельных эпох, их историческая обусловленность. Правда, это и нужно было Мальтусу; особенно ему нужно было смазывать своеобразие капитализма, но это совершенно недопустимо с точки зрения научной методологии. Также недопустимо социологический закон, а таковым является закон народонаселения, превратить в закон природы, т. е. социологию подменять природоведением.

Что касается фактического положения вещей, то закон Мальтуса не выдерживает критики и с этой стороны. Маркс это доказывает в следующем параграфе. Уже тот факт, что доходы растут быстрее населения (стр. 577—578), показывает, что объяснить бедность чрезмерным размножением населения не приходится. Но особенно убийственным для мальтусовского закона являются факты, имевшие место в Ирландии, которая «...менее чем в двадцать лет... потеряла $\frac{5}{16}$ своего населения»¹. С точки зрения теории Мальтуса, после того уменьшения народонаселения должно было наступить улучшение, но ничего подобного не было. А получилось совсем другое, как раз по Марксу, но отнюдь не по Мальтусу. Произошла централизация земельной собственности, значительная часть пахотной земли превратилась в луга — скотоводство, снабжающее английский рынок мясом, стало выгоднее земледелия — и при абсолютном уменьшении населения все же образовалось и росло также относительное перенаселение.

Цифры Мальтуса взяты «с потолка», они совершенно не выражают собою фактического положения вещей. Нельзя абстрактно говорить о тенденции роста населения, эти тенденции должны изучаться конкретно: при различных общественных условиях существуют различные тенденции. Во Франции например население за последнее десятилетие почти не увеличивалось. В различных странах рост населения не одинаков, не одинаков он также и среди различных слоев населения. Что касается роста средств существования, то технический прогресс, в частности развитие сельскохозяйственной техники, агрономии и органической химии, значительно увеличил даже при капиталистическом строе, ставящем определенные границы развитию производительных сил, количество средств существования. А в социалистическом обществе они будут расти неизмеримо быстрее.

¹ «Капитал», т. I, стр. 558—559.

V. ИЛЛЮСТРАЦИЯ ВСЕОБЩЕГО ЗАКОНА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ.

Абстрактное и конкретное.

Всеобщий закон капиталистического накопления с методологической стороны есть завершение—это уже подчеркнуто было в предыдущем параграфе—анализа производства капитала (предмет исследования I тома «Капитала»), анализа, начатого с простейшей формы—с товара. Без теории стоимости нет теории прибавочной стоимости, а без теории прибавочной стоимости нет теории накопления и следовательно всеобщего закона этого накопления. А с другой стороны, теория прибавочной стоимости и накопления есть дальнейшее развитие теории стоимости, примененной к капиталистическим отношениям. Теория трудовой стоимости классиков потерпела крушение в первую очередь из-за отсутствия у них теории прибавочной стоимости и правильной теории накопления, т. е. из-за неумения развивать ее дальше и применить ее к капиталистическому хозяйству. Она застряла у них на первой стадии научной абстракции, на анализе товара, отношений товаропроизводителей. А. Смит открыто заявил, что закон стоимости в капиталистическом обществе не действует, а имеет силу в «первобытном состоянии», т. е. в простом товарном хозяйстве. Рикардо полагал, что закон стоимости действует и в капиталистическом хозяйстве, но фактически и у него он казался неприменимым к последнему, поскольку им четко не объяснены на основании этого закона прибавочная стоимость и накопление капитала.

Только Маркс превратил теорию стоимости в теорию капитализма, завершающуюся наивысшим обобщением—всеобщим законом капиталистического накопления. Но эта гигантская работа мысли не совершалась в юдних абстракциях,—Маркс никогда не покидает почвы фактов. Конечно исходным моментом являются два основных признака капитализма: превращение продуктов труда в товар и превращение в товар рабочей силы. Но анализ этих решающих моментов,—вставлен, так сказать, в исторические рамки и обогащается не просто конкретными фактами, а большей частью фактами в их последовательном историческом развитии. Систематическое изучение «Капитала», главы за главой, не оставляет на этот счет ни малейшего сомнения. Особенно стоит припомнить такие отделы, как «Производство абсолютной прибавочной стоимости» (глава о «рабочем дне»), «Производство относительной прибавочной стоимости», настоящий отдел, начиная с главы XXII.

Утверждение, что Маркс изучает «абстрактный капитализм», или «чистый капитализм», верно лишь в том смысле, что им предполагается, что капиталистический способ производства стал всеобщим, окончательно вытеснил все другие способы производства. От последних он действительно абстрагируется, но сам капиталистический способ производства прослеживается *in concreto*, шаг за шагом, начиная простой кооперацией и кончая машинным производством. Перед нами разворачивается не только теория капитализма, но и история капитализма. В IV главе капиталист—этот «персонафицированный капитал»—выступает еще в очень скромной форме—в форме владельца денег, ищущего товара, рабочей силы, а в XIII главе он уже фигурирует как владелец крупных фабрик, как властелин науки и техники. И высшее достижение I тома «Капитала» — всеобщий закон капиталистического накопления, хотя и полу-

чено не одним, как сказано, абстрактным путем, все же еще раз иллюстрируется на фактах и цифрах. В сущности этот закон не нуждается больше в фактической проверке или фактическом доказательстве—раз абстрактный анализ, открывший его, все время не отрывался от фактов. И здесь действительно речь идет только об иллюстрации, т. е. о выражении этого закона языком фактов и цифр. Маркс как бы отходит в сторону и предоставляет говорить взятым им из официальных источников таблицам и отчетам. Они на своем конкретнейшем языке повторяют то, что Маркс выразил в абстрактной форме.

Но нужно помнить, что язык фактов и цифр без теории (да еще правильной) недоступен, непонятен. Приводимые факты и цифры были известны не только Марксу (правда, многие из них он извлек из пыльных архивов на белый свет для широкой читающей публики), но именно автор «Капитала» дает возможность правильно понимать их.

Значение иллюстраций в настоящем разделе.

Весь фактический материал настоящей главы и значительная часть в предыдущих главах имели в момент появления «Капитала» еще громадное практическое значение. Они рисовали перед рабочим классом их настоящее, они служили громадным агитационным материалом в силу их свежести и злободневности даже для тех, которые и не вникали в глубину, стройность и выдержанность всей теоретической системы в целом. Этого значения указанный материал сейчас не имеет. Но за ним остается и поныне громадное методологическое значение. Если его выбросить, то вся теория Маркса обескровится и станет пожалуй методологически неузнаваемой. Маркс, мы сказали, развертывал теорию капитализма, в то же время изображает возникновение и развитие капитализма: объект исследования вырастает вместе с самим исследованием. Но это получается лишь тогда, когда абстрактный анализ берется вместе с обобщенным, так сказать, его фактическим материалом, т. е. если мы усваиваем марксову теорию так, как он ее строил.

Но фактический материал имеет еще одно важное значение—практическо-методического характера. На нем следует учиться, как увязать абстрактное с конкретным, как найти в конкретном то, что выведено абстрактным путем,—словом, как применить теорию к объяснению фактов. Конечно иллюстрировать всеобщий закон капиталистического накопления в наше время необходимо на свежем, современном материале, но как это сделать—нужно учиться у автора «Капитала», т. е. пристально присмотреться, как он это делает.

Приводимые Марксом таблицы и отчеты иллюстрируют, во-первых, рост богатства на одном полюсе, об этом свидетельствует рост доходов от прибыли; во-вторых, рост нищеты, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе. А для этого Маркс как нельзя лучше использует отчеты о жилищных и других условиях, ярко рисующих домашнюю обстановку, моральную среду и быт. При описании условий одичание и моральная деградация неизбежны. Очень многое в этом отношении дает описание горнорабочих¹ и «банд» земледельческих рабочих².

¹ «Капитал», т. I, стр. 530.

² Там же, стр. 536.

Примечания к двадцать третьей главе.

1. Лучшим пособием к этой главе является работа самого Маркса—«Наемный труд и капитал» с предисловием Энгельса. В брошюре в популярной форме излагается, как и в силу чего происходит повышение органического строения капитализма, а также освещена проблема «обнищания» рабочего класса. Но в этой брошюре Маркс употребляет еще неточную терминологию—он еще говорит о продаже труда, а не рабочей силы.

Эта сторона вопроса выяснена у Энгельса.

2. Также рекомендуем прочесть и другую брошюру Маркса—«Заработная плата, цена и прибыль». Эта брошюра и «Наемный труд и капитал» являются хорошим повторением не только этой главы, но и всего I тома. Но в этих брошюрах вопрос о заработной плате поставлен именно в том разрезе, как в настоящей главе. А потому они имеют большое значение и для настоящей главы.

3. Формулированный Марсом закон всеобщего капиталистического накопления подвергнут был жесточайшим атакам не только со стороны буржуазных экономистов, но и ревизионистов. Бернштейн в своей книге «Предпосылки социализма», являвшейся в свое время евангелием ревизионизма, не оставляет, как он самоуверенно думает, камня на камне во всем этом законе. Он опровергает и концентрацию и централизацию и отрицает, что положение рабочего класса ухудшается с развитием капитализма.

Когда книга Бернштейна появилась (это относится к 90-м годам прошлого века), она оказалась неприемлимой для большинства и социал-демократии. И Каутский выступил с развернутой критикой ревизионизма Бернштейна; Каутский свою книгу, направленную против Бернштейна, назвал даже «Анти-Бернштейн». Но времена меняются: точнее, социал-демократия изменила рабочему классу, превратилась в социал-фашизм, и ее теперешние «теоретики» оставили далеко за собою по части ревизии Маркса старого Бернштейна, отца прежнего поколения ревизионистов. «Теорию обнищания» они—эти новейшие «теоретики»—даже не считают нужным критиковать, постольку она, по их мнению, окончательно обокротилась. И это теперь, при ужасающей нищете и безработице во всех капиталистических странах! Если у Бернштейна была хоть некая видимость аргументации против Маркса,—когда он свою книгу писал, отдельные слои рабочих удалось улучшить свое положение,—то у его теперешних учеников и этой видимости нет. Дальнейшее развитие капитализма пошло именно по тому пути, который предвидел Маркс, а социал-демократия пошла по пути, намеченному Бернштейном. По этому пути покатился и старший ренегат Каутский.

Необходимо отметить, что даже в свое время Каутский в своей критике Бернштейна был половинчат, нерешителен и по существу уже стал на путь ревизии Маркса. Особенно это ярко выступает в его защите тезиса Маркса об ухудшении положения рабочего класса. Каутский выдвигает как бы на выбор два варианта интерпретации этого тезиса. Во-первых, последний может быть понят как тенденция, т. е. только тенденция к ухудшению положения рабочего класса, но эта тенденция побеждается другими тенденциями, противоположного порядка. Во-вторых ухудшение положения рабочего класса является относительным, а не абсолютным; или, как Каутский выражается, обнищание рабочего класса является социальным а не физическим. Положение рабочего класса ухудшается: 1) в сравнении с положением буржуазии, 2) в сравнении с возросшими культурными потребностями, но не ухудшается абсолютно. Абсолютно оно улучшается.

И в первом и во втором варианте Каутский и методологически и по существу сдал позиции Бернштейну. Маркс везде и всюду говорит о рабочем классе в целом, а Бернштейн и вслед за ним Каутский говорят об отдельных слоях рабочего класса. А разве Маркс отрицал—да это и не вытекает из всеобщего закона капиталистического накопления,—что отдельные слои рабочих в определенные промежутки времени могут улучшить свое положение. Рабочий класс в целом состоит из двух частей: из действующей и бездействующей, т. е. одна часть работает, а другая находится в резерве. С развитием капитализма численно растет вся рабочая масса, но еще сильнее растет армия безработных, которые, как уже было выяснено, дают и из работающих. Поэтому положение рабочего класса в целом ухудшается: 1) ухудшается действительно, а не имеет только тенденцию к ухудшению, 2) ухудшается абсолютно, а не только относитель-
но.

Каутский про единство рабочего класса «забыл» и методологически с самого начала сдал позицию Бернштейну, для которого как истого ревизиониста и реформиста единство рабочего класса, никакого практического значения не имело. Оставив принципиальную позицию, Каутский стал хвататься за разные варианты, которые по существу не опровергали Бернштейна, а лишь вносили некие поправки в его... ревизионизм. От этих поправок теперешние «теоретики» социал-демократии тоже отказались.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ.

Предмет исследования.

Ссылаться на эту главу приходилось уже неоднократно, так как неоднократно вставали те вопросы, которые находят свое решение в настоящей главе. Еще в IV главе, когда выяснилось, что деньги становятся капиталом лишь потому, что часть их превращается в рабочую силу, отчужденную от средств производства и продаваемую свободным (в юридическом смысле) рабочим,—встал вопрос, откуда такая рабочая сила взялась. Из предшествовавшего анализа—из отдела «Товар и деньги»—это совсем не вытекало, наоборот, там все время предполагалось, что противостоят друг другу товарпроизводители, т. е. владельцы средств производства, а потому и собственники продуктов своего труда. А дальнейшее исследование, показавшее, что не всякая сумма денег может превратиться в капитал, что «минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превосходит средневековый максимум», т. е. максимум денег, которые нужны были для ведения дела цеховому мастеру средних веков, поставило вопрос: каким образом, какими путями у отдельных лиц суммы денег, превышающие «средневековый максимум», накапливались?

Если оба вопроса соединить, то получим следующий, более общий вопрос: каким образом произошло отчуждение средств производства у одних и присвоение их другими, вследствие чего первые стали пролетариями, а вторые—капиталистами? Анализ капиталистического способа производства ответа на этот вопрос не даст,—наоборот, он его лишь предполагает. «Между тем,—говорит Маркс,—накопление капитала предполагает прибавочную стоимость, прибавочная стоимость—капиталистическое производство, а это последнее—наличие значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей. Таким образом все это движение повидимому вращается в порочном кругу, из которого мы не можем выбраться иначе, как предположив, что капиталистическому накоплению предшествовало накопление «первоначальное... являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом»¹.

Следовательно, настоящая глава вводит нас в докапиталистический мир, в докапиталистические отношения, но исследуются они постольку, поскольку они подготавливают капиталистические отношения, являясь их прологом. В этом смысле проблема первоначального накопления является проблемой политической экономии в узком смысле, т. е. изучающей капиталистическую систему в ее возникновении, развитии и исчезновении. Более того: она—проблема первоначального накопления—входит именно в круг проблем I тома «Капитала», примыкая непо-

¹ «Капитал», т. I, стр. 571—572.

средственно к вопросам, трактуемым в настоящем, седьмом, разделе— «Процесс накопления капитала». Этот процесс здесь понимается в двух смыслах: во-первых, как процесс, происходящий уже на основе капиталистического способа производства; во-вторых, как процесс, подготовляющий предпосылки этого способа производства. Но предпосылки капитализма и сам капитализм друг от друга неотделимы: их связь нельзя понимать чисто механически, а с самого начала идет диалектическое перерастание методов первоначального накопления в методы капиталистического накопления.

Роза Люксембург утверждает, что процесс первоначального накопления продолжается все время и что даже без последнего капитализм существовать не может. Капитализм постоянно разрушает свое некапиталистическое окружение и этим создает рынок для реализации прибавочного продукта. Что процесс первоначального накопления продолжается все время,—это верно. Но что капитализм не может без этого существовать,—это неверно. Насильственное разрушение натурального и полунатурального хозяйства продолжается и при развитии капитализма, по мере того как он завоевывает новые страны; но неверно то, что без этого капитализм существовать не может. Мы здесь на этом останавливаться не можем, так как это связано с критикой неверной ее теории рынка. Здесь достаточно лишь подчеркнуть, что если бы Роза Люксембург была права, то нельзя было бы исследовать капитализм в чистом виде, т. е. предполагать, что существует только капиталистический способ производства, раз это невозможно, раз это включает в себе внутреннее противоречие. А между тем Маркс исследует именно чистый капитализм, и в этой главе речь идет только о первоначальном накоплении, в смысле подготовки предпосылок капиталистического накопления, а не о процессе, идущем параллельно последнему и питающем его.

«Следовательно так называемое первоначальное накопление,—говорит Маркс,—есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предисторию капитала и соответствующего ему способа производства»¹. Но, повторяем, «предистория» капитала диалектически с самого начала начинает перерастать в «историю» капитала; когда первая достигает известной силы и мощности, капитал становится, что называется, на собственные ноги и начинает развиваться согласно присущим ему имманентным законам. Иногда высказывается мнение, что исследование первоначального накопления Маркс должен был предпослать анализу капиталистического производства, т. е. анализу капитала; он должен был предпослать «предисторию» его. Но это ошибочно: именно при свете анализа капитала и капиталистических отношений настоящая глава приобретает теоретическое значение, так как можно провести принципиальное различие между капиталистическим накоплением и «первоначальным накоплением» (см. ниже). До этого исследования эта глава имела бы лишь значение исторического очерка.

Порядок исследования.

Проблема первоначального накопления в свою очередь разбивается на целый ряд вопросов. Во-первых, вопрос об историческом образовании кадров наемных рабочих, для чего нужно было: 1) производителя освободить

¹ «Капитал», т. I, стр. 573.

от феодальной зависимости, сделать его юридически свободным; 2) освободить его и от средств производства, а при тогдашних условиях—как будет показано дальше—это означало «освободить» его от земли; 3) дисциплинировать вновь созданных пролетариев, заставить их работать на выгодных для возраждающегося капитала условиях. Этому вопросу Маркс посвящает 2-й и 3-й параграфы—«Экспроприация земли у сельского населения Англии» и «Кровавое законодательство против экспроприованных».

Во-вторых, вопрос о создании кадра капиталистов-предпринимателей, прежде всего в земледелии, в качестве фермеров. Этот вопрос рассматривается в 4-м параграфе—«Возникновение капиталистических фермеров».

В-третьих, о создании рынка для капиталистической промышленности и возникновение самих этих промышленников-капиталистов. Это Марксом рассматривается в 5-м и 6-м параграфах.

Перечисленными исследованиями разоблачается «Тайна первоначального накопления», которую Маркс наметил в 1-м параграфе, являющаяся таким образом введением ко всей главе. А в последнем—7-м—параграфе подводятся итоги и делается обобщение не только исследований настоящей главы, но в известном смысле и всего I тома «Капитала», так как и сама глава—как уже отмечено—является логическим и политико-экономическим завершением всей книги.

1. ТАЙНА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ.

Мы уже говорили, что в этом параграфе Маркс дает целевую установку всей главы. Буржуазные экономисты, считающие капитал вообще результатом сбережения и «воздержания», таковым считают и первоначальное накопление. Более того, согласно их концепции, их пониманию капитала, категория «первоначальное накопление» совершенно бессодержательна и стало быть излишня. Раз капитал всегда и везде—результат сбережения, то различие между разными историческими периодами сводится лишь к количественным моментам: в одни эпохи капитал накапливается больше, в другие—меньше. Только для Маркса, раскрывшего истинную сущность капитала и капиталистического накопления, первоначальное накопление является качественно отличным от накопления, совершающегося уже на основе капиталистического способа производства. Для Маркса оно приобретает значение новой категории. Если капиталистическое накопление есть не что иное, как непрерывно совершающаяся экспроприация наемных рабочих, присвоение их неоплаченного труда, но экспроприация замаскированная, скрытая за отношением вещей, происходящая согласно законам товарообращения,—то первоначальное накопление есть экспроприация средств производства у производителей с целью превратить их в наемных рабочих, экспроприация, не прикрытая вещными отношениями, совершающаяся вне законов товарообращения, являющаяся, как принято выражаться, неэкономическим фактором.

«В действительности методы первоначального накопления—все, что угодно, но только не идиллия»¹. Вот этот тезис Марксом выдвигается в настоящем параграфе, и обосновывается он в следующих параграфах.

¹ «Капитал», т. стр. 573.

А в дальнейшем, по приведении в большом обилии фактов, подтверждающих указанный тезис, он получает более резкую формулировку: «... новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»¹.

II. ЭКСПРОПРИАЦИЯ ЗЕМЛИ У СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

Капиталистическому хозяйству реально предшествует не простое товарное хозяйство—последнее как самостоятельная система, как определенная историческая и экономическая формация, никогда не существовало,—а «экономическая структура... капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»². Экономическая же структура феодализма в деревне представляла в значительной мере еще замкнутое натуральное и полунатуральное хозяйство. Производственно-техническим базисом этого хозяйства является соединение земледелия с промышленностью, домашней промышленностью, притом сельскохозяйственное производство, как общее правило, было мелким. «Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством леннозависимых крестьян»³. В городах же господствовало ремесло, организованное в цехи и являвшееся, правда, по своей экономической характеристике простым товарным производством. Но средневековые города представляли сравнительно небольшие оазисы в безбрежном море деревень. Основную массу населения составляли сельские жители. Отсюда ясно, что будущая промышленная армия могла рекрутироваться именно в деревне, а не в городе, т. е. предками современного пролетариата в своей подавляющей массе были не городские товаропроизводители-ремесленники, а крестьяне, жившие до перехода их в пролетарские ряды, в условиях натурального и полунатурального хозяйства. К тому же успешной пролетаризации городских ремесленников долгое время мешали сильные в то время цеховые организации. Этим мы не хотим умалять значение цеховых мастеров и подмастерьев в первых капиталистически организованных производствах, особенно мануфактурах. Но городской ремесленник образовал лишь верхний слой—квалифицированную часть образовавшегося пролетариата,—основная же масса создавалась в деревне.

Вот почему исследование процесса образования масс пролетариата Маркс начинает с изложения экспроприации земли у сельского населения, так как «экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянина, составляет основу всего процесса»⁴.

«Обезземеление крестьянина составляет основу всего процесса», но не исчерпывает его полностью. Роспуск феодальных дружин и расхищение монастырского имущества, вследствие чего громадные массы людей лишались хлеба и крова, расширили и углубили указанную основу. Но поскольку «основу» все же составляет обезземеление крестьян, то Маркс главное свое внимание сосредоточивает на этом процессе и описывает его с большой полнотой и большой яркостью и выпуклостью. Материал

¹ «Капитал», т. I, стр. 611.

² Там же, стр. 573.

³ Там же, стр. 568.

⁴ Там же, стр. 574.

взят из истории Англии, но только «в качестве примера». В разных странах процесс этот имеет разную окраску,—например у нас в России обезземеление крестьянства являлось второй, так сказать, стороной медали, именуемой «освобождением» крестьян (в 1861 г.). Но везде и всюду он является «прологом», «предисторией» капитала.

Массовое изгнание крестьян с насиженных мест начинается в Англии в XV в. и заканчивается в первой половине XIX в. Длительность этого процесса, продолжавшегося в течение многих веков и совершавшегося при разных исторических условиях, свидетельствует о его закономерности,—о том, что он был продиктован могучими интересами зарождавшегося и укрепившегося нового буржуазного общества. И действительно по мере развития и укрепления экономических начал нового общества обезземеление крестьян принимает все более решительный характер, а главное—легализируется. Если вначале правительство еще борется (правда, безуспешно) против уничтожения мелких крестьянских хозяйств, то потом само законодательство его санкционирует. Об этом свидетельствуют законы (в XVIII в.) об огораживании общинной земли, т. е. о расхищении ее крупными землевладельцами и экспроприации мелких собственников, и закон под именем «чистка имений», имевший место в XIX в.

Первый толчок к лишению крестьян земли был дан развитием шерстяной промышленности и поднятием цен на шерсть,—и в Англии отношение между пашней и пастбищем резко меняется: если вначале один акр пастбища приходится на 3—4 акра пашни, то в XVIII в. уже 3 акра пастбища приходится на один акр пашни. Земледелие становится более интенсивным, требующим больше капитала и меньше труда. Меньше труда требует и пастбище, пришедшее на смену пашне. Недаром еще Томас Мор в своей «Утопии» заявил, что «овцы пожирали людей». Если в других странах процесс обезземеления крестьян и вытеснения мелкого хозяйства крупным совершался не так быстро и не так радикально, то все же образование пролетариата, массовое превращение рабочей силы в товар,—словом, «предистория» капитала в основном, как подчеркнуто раньше, протекали так, как в Англии. В последней все это совершается лишь в «классической форме»¹.

III. КРОВАВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРОТИВ ЭКСПЛУАТИРУЕМЫХ.

Формально кровавое законодательство направлялось против бродяг и нищих, но в последних как раз превращены были экспроприированные. Кровавые законодатели дополняли работу не менее кровавых экспроприаторов: если вторые освободили людской материал, из которого можно было формировать кадры наемных рабочих, то первые непосредственно участвовали в этом формировании. Своим жесточайшим преследованием «шатающихся бездельников» они заставляли их работать на любых условиях. Помимо того ими нормировался, как мы уже знаем, рабочий день и регулировалась заработная плата. Устанавливался не минимум зарплаты, а максимум, выше которого запрещалось платить.

Выше цитировались мнения писателей того времени, которые создали особую «теорию» заработной платы. Согласно этой теории высокая зара-

¹ «Капитал», т. I, стр. 574.

ботная плата портит работника, делает его ленивым, так как заработка 3—4 дней хватает на существование, а потому остальное время недели он гуляет. Таким образом и низкая заработная плата должна была служить стимулом к усиленной работе. Били дубьем, били рублем, но всегда, что называется, в одну точку: нужно было покорить производителя, превратить его в орудие производства прибавочной стоимости.

С этой целью преследовались и коалиции (объединения) рабочих; жестокие законы против них в Англии—родные тред-юнионов (профсоюзов)—отменены были в 1825 г. И «французская буржуазия в самом начале революционной бури решила отнять у рабочих только что завоеванное право ассоциаций. Законом от 14 июня 1791 г. она объявила, что все рабочие коалиции—«преступление против свободы человека и декларации прав человека... Даже правительство террора оставило его (закон) «неприкосновенным»¹.

Такими насильственными методами заложены были основы капиталистического способа производства. Насилие совершалось в частном, так сказать, порядке, отдельными лицами и группами, насилие совершалось и в законодательном порядке,—буржуазия еще не могла обойтись без помощи государственной власти. И буржуазный строй вылился из феодального при могущественном содействии государственной власти. Но—что важно подчеркнуть—насилие само по себе не создает и создавать не может новых экономических формаций: при одних экономических условиях оно дает одни результаты, а при других—другие. Насилием крестьяне были прикреплены к земле (крепостничество), насилием они были «освобождены» от нее. «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция»². Государственная власть, столь сильно ускорившая роды буржуазного общества, сама создана была теми производительными силами, которые и создали капитализм.

IV. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФЕРМЕРОВ.

Земля, отнятая у крестьян, досталась крупному землевладельцу, но последний не годился в предприниматели. Исторической «миссией» феодальной знати не было накопление. Из всех страстей она менее всего подвержена страсти накопления. Для выполнения последнего нужен был новый класс, каким и являются капиталистические фермеры. Они вербуются из наиболее зажиточных крестьян и из тех высших должностных лиц, которые и раньше управляли барскими именьями.

Правда, постепенно и сами дворяне приспособляются к новым условиям, становятся «образцовыми» хозяевами, превращаясь, особенно на континенте, в аграриев. Но вначале они были дезорганизованы, и немало дворянских имений, сколоченных вышеописанными путями, попало в руки обогативших мещан и крестьян. В Англии, где капитализм стал развиваться раньше и быстрее, прежде чем сами лендлорды опомнились, освоились с новой обстановкой,—сложился крепкий стой капиталистических фермеров. Маркс перечисляет целый ряд факторов, благоприятствовавших возвышению и обогащению фермеров. К ним отно-

¹ «Капитал», т. I, стр. 595.

² Там же, стр. 603.

сятся: 1) низкая заработная плата и большая интенсивность труда, т. е. высокая степень эксплуатации сельскохозяйственных рабочих; 2) непрерывное падение стоимости благородных металлов, следовательно и денег, а так как арендные договоры заключались на длительные сроки (нередко и на 99 лет), то от удешевления денег выигрывали только фермеры: они свои арендные платы вносили все уменьшающейся суммой стоимости; 3) вздорожание сельскохозяйственных продуктов,—и опять-таки вследствие продолжительности арендных договоров вся выгода от этих высоких цен досталась только фермерам.

Все эти моменты хорошо переданы в беседе между рыцарем и доктором, цитируемой Марксом¹.

У. ОБРАТНОЕ ВЛИЯНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Первоначальное накопление, создающее основную предпосылку капиталистического способа производства, отделение средств производства от производителя прежде всего происходит, как мы уже знаем, в сельском хозяйстве. Но начало это движение берет в городе, а не в деревне,—развитие городских промыслов, в частности шерстяной, как мы видели, промышленности, вызывает переворот в сельском хозяйстве. Вообще переворот этот обусловлен был переходом натурального хозяйства в товарное, а начало товарного хозяйства кладется образованием городов и городских производств.

Но совершившийся под влиянием города переворот в деревне в свою очередь обратно воздействует на промышленность, и весь процесс диалектически представляется так: промышленность, сводившаяся вначале к городским ремеслам, достигшая известной ступени развития и начавшая работать на более или менее обширные рынки, вызывает переворот в сельском хозяйстве. Иными словами, развитие промышленности является причиной, а переворот в сельском хозяйстве—следствием. Но следствие становится причиной—революция земледельческая создает элементы нового строя и ускоряет промышленную революцию. Это-то обратное влияние революции в сельском хозяйстве на промышленность и изучается Марксом в данном параграфе. А так как основным следствием земельной революции—помимо уже исследованного процесса образования наемных рабочих и для промышленности—было создание для той же промышленности рынка, то все исследование превращается в исследование генезиса достаточного по своей емкости рынка, являющегося предпосылкой капиталистического производства. При этом речь идет о внутреннем рынке, возникающем и развивающемся вместе с возникновением и развитием товарно-капиталистических начал в сельском хозяйстве. Эта тема особенно развита у Ленина в его книге «Развитие капитализма в России», где прослеживается шаг за шагом, как разложение натурального крестьянского хозяйства, значительно ускорившееся с «освобождением» крестьянства, создало рынок для русской промышленности.

Обезземеление крестьян, отделение средств производства от производителей, превращая последних в продавцов рабочей силы, превращает их в покупателей средств существования,—рабочие покупают средства существования на всю сумму, равную переменному капиталу. «Таким образом вместе с освобождением части сельского населения освобо-

¹ «Капитал» т. 1, стр. 597, прим. 228.

ждаются и его прежние средства существования. Они превращаются теперь в вещественный элемент переменного капитала»¹. И дальше: «Те самые события, которые превращают мелких крестьян в наемных рабочих, а средства их существования и труда—в вещественные элементы промышленного капитала, создают в то же время для этого последнего внутренний рынок»². А Ленин по этому вопросу пишет следующее: «Забывают, что для рынка важно вовсе не благосостояние производителя, а наличность у него денежных средств; упадок благосостояния патриархального крестьянина, ведшего ранее преимущественно натуральное хозяйство, вполне совместим с увеличением в его руках количества денежных средств, ибо чем больше разоряется такой крестьянин, тем более вынужден он прибегать к продаже своей рабочей силы, тем большую часть своих... средств существования он должен приобретать на рынке»³.

Но это одна сторона процесса. Другая сторона его заключается в том, что обезземеление крестьян и превращение их в наемных рабочих означает также отделение промышленности от сельского хозяйства, уничтожение связанной с последним домашней промышленности. Сырье, которое раньше обрабатывалось в мелких крестьянских хозяйствах, теперь продается, и рынком для него является мануфактура. А готовые ткани, которые раньше ткали и пряли для собственного потребления, «превратились теперь в мануфактурные изделия, рынок для сбыта которых образуют как раз земледельческие округа». Даже уцелевшие крестьянские хозяйства или вновь восстановленные,—Маркс констатирует, что в Англии мелкое крестьянское хозяйство то исчезало, то вновь появлялось в зависимости от того, развивалось ли скотоводство или хлебопашество,—уже не являются больше прежними замкнутыми хозяйствами, они уже превратились в товарные хозяйства, доставляющие промышленности сырье и хлеб и покупающие ее изделия.

Более того, часть таких хозяйств занимается земледелием лишь как побочным делом: основным их занятием являются разные кустарные промыслы, которые находятся в зависимости либо от торгового капитала, либо от промышленного.

VI. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛА.

Промышленный капитал понимается здесь не в резком смысле, не в смысле капитала, помещенного только в промышленности. Здесь речь идет о промышленном капитале, господствующем над всем общественным производством, опирающемся на широко разветвленную систему торговли и кредита и подчиняющем себе государственную власть (превращающем ее в «комитет» по управлению своими делами). Словом, речь идет о промышленном капитале, возникновение которого означает возникновение новой системы. Торговый и ростовщический капиталы «достигают зрелости в совершенно различных общественно-экономических формациях»⁴. Но промышленный капитал возвещает новую общественно-экономическую формацию—капитализм. Между тем из описа-

¹ «Капитал», т. I, стр. 598.

² Там же, стр. 600.

³ В. И. Ленин, т. III, стр. 17.

⁴ Там же.

ных до сих пор процессов еще не видно, как промышленный капиталист, олицетворение промышленного капитала (в указанном нами смысле), возник. Правда, уже известные нам перевороты, имевшие своим исходным моментом революцию в сельском хозяйстве, вызвавшие пролетариев на одном полюсе и фермеров на другом, а также создавшие внутренний рынок, который выделившуюся из сельского хозяйства промышленность вновь объединил с сельским хозяйством в единую систему (раньше они соединены были в пределах каждого отдельного хозяйства),—эти известные уже, говорим мы, перевороты очистили почву и для появления промышленного капиталиста. Им могли стать и часто становились зажиточные ремесленники и даже кое-кто из рабочих, которому «счастье улыбнулось». Из мелких зародышевых капиталистов, благодаря накоплениям из получаемой ими прибавочной стоимости, постепенно вырастали крупные капиталисты. Но такая постепенность и «...медлительность этого метода не соответствовала потребностям нового мирового рынка, созданного великими открытиями конца XV в.»¹.

Значительную роль в первоначальном накоплении играют торговый и ростовщический капиталы, унаследованные еще от средних веков и в значительной своей части превратившиеся в промышленный капитал, по мере того как падал феодализм в деревне и стало возможным перенести промышленные предприятия в сельские местности, вне контроля цехов, долгое время вообще мешавших развитию промышленного капитала. Все же исследования Маркса в этом параграфе сосредоточены не на превращении старомодных торговцев и ростовщиков в современных промышленных капиталистов, а на тех переворотах, ареной которых являлся уже весь земной шар, но не только «национальная» территория. Параллельно ограблению «своих» крестьян и образованию внутреннего рынка совершались колоссальнейшие грабежи в колониях и во вновь открытых странах—и создавался мировой рынок. Все это сказочно ускорило процесс первоначального накопления и играло решающую роль в выдвигании промышленного капитала.

Колониальная система, государственный кредит, налоги, протекционизм, торговые войны—вот отдельные звенья единой цепи, сотканной из грабежей и убийств, совершенных во всех частях света, и всевозможных видов экспроприации широких слоев трудящихся. Каждое из перечисленных звеньев вносит свою, что называется, «лепту» в общий фонд первоначального накопления, послужившего широким основанием, на котором воздвигнуто было здание промышленного капитализма.

Вновь открытые страны и завоевание колоний доставили громадные количества благородных металлов, развили мореходство, поставили на широкую ногу торговлю колониальным товаром, сделали обильным источником обогащения торговлю рабами, создали наконец обширные рынки в мировом масштабе для начавшегося развиваться капиталистического производства. Государственный кредит тесно связан с колониальной системой: последняя требовала громадных расходов, которые покрывались из государственных займов. Выгоды от колониальной системы получала возвышающаяся буржуазия, а расходы по этой системе несла вся нация, платившая (не считая других жертв) проценты по заключенным займам. «Единственная часть так называемого национального

¹ «Капитал», т. I, стр. 612.

богатства, которая действительно находится в общем владении современных народов,—это их государственные долги»¹. И Маркс тут же иронически добавляет: «Вполне последовательна поэтому современная доктрина, что народ тем богаче, чем сильнее его задолженность»².

Государственные займы, с одной стороны, повлекли за собой налоговую систему, которая «возникла как необходимое дополнение системы национального кредита»³. Налоги являлись тем источником, из которого платили проценты по займам. С другой стороны, «создали... акционерные общества, торговлю всякого рода ценными бумагами, отчаянную спекуляцию, ажиотаж,—одним словом, биржевую игру и современную банкократию»⁴ (господство банков). Кредиторами государства вначале были частные группы спекулянтов-финансистов, которые (группы) скоро превращаются в национальные банки, получающие право эмиссии банкнот. Этими банкнотами ссужалось и правительство, т. е. фактически не банки оказывали кредит правительству, а публика, бравшая банкноты (ведь правительство пустило их в оборот), но банки получали проценты (Маркс иллюстрирует это на Английском банке, возникшем в 1694 г.).

Протекционизм ставил своей задачей «фабриковать фабрикантов»⁵. Затруднялся при помощи высоких пошлин, а иногда совсем запрещался ввоз готовых изделий, но всячески поощрялся вывоз их путем экспортных премий. Разрушалась промышленность в колониях, этим путем избавляя «национальную» промышленность от конкурентов. Протекционизм и колониальная система вели к торговым войнам, из которых Англия, точнее—английская буржуазия, выходила победительницей и наследницей награбленных Испанией, Португалией, Голландией колоссальных богатств, т. е. к собственным грабегам присоединяла плоды грабежей и этих стран.

Все пути вели к одному: к отделению средств производства от производителей и стало быть к превращению последнего в пролетариев, а их средств производства—в капитал.

VII. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ.

Здесь, как мы уже говорили, Маркс подводит итоги не только исследованиям настоящей главы, но и всего I тома «Капитала». Итоги эти гласят: «Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а потому и капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде»⁶. Это вытекает из анализа капиталистического производства как производства прибавочной стоимости, и из анализа капиталистического накопления как процесса капитализации прибавочной стоимости. В XXII главе посвящается специальный параграф, как мы уже знаем, изображению «превращения за-

¹ «Капитал», т. I, стр. 605—606.

² Там же, стр. 606.

³ Там же, стр. 607.

⁴ Там же, стр. 606.

⁵ Там же, стр. 608.

⁶ Там же, стр. 613.

конов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения.

Это «превращение», или—что то же самое—отрицание частной собственности, основанной на труде, капиталистической собственностью, совершается вначале методами первоначального накопления, а затем уже самим механизмом капиталистического способа производства, в полном соответствии с законами товарного обращения. Но капиталистическая частная собственность не только постоянно возобновляется, воспроизводится как отрицание частной трудовой собственности, а первоначально возникла, как сказано, в результате этого отрицания (экспроприации мелких собственников). Это показало исследование первоначального накопления. Таким образом формулированное Марксом в приведенной цитате положение есть краткое резюме исследования сущности капитала, капиталистического накопления и первоначального накопления.

Второе положение, следующее за первым, сформулировано так: «Но капиталистическое производство с неизбежностью процесса природы порождает отрицание самого себя. Это отрицание отрицания»¹. На смену капиталистической собственности идет коллективная собственность. Вновь соединяются средства производства с производителями, но не на капиталистической основе, а «на основе завоеваний капиталистической эры, т. е. на основе кооперации и общего владения землей и другими средствами производства, которые произведены самим же трудом»².

И это положение является обобщением результатов анализа динамики капиталистического производства, непрерывного роста обострения противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ.

Значение этой главы.

Маркс на протяжении всего «Капитала», строя свою теорию, строя новую политическую экономию, тут же дает критику буржуазной политической экономии, которую он делит на классическую и вульгарную. Критика идеологического отражения буржуазного способа производства, отражения его в головах буржуазных экономистов, дается им параллельно критическому исследованию этого способа производства. Этому соответствует двойной заголовок книги Маркса: «Капитал»—«Критика политической экономии». И если исследование «процесса производства капитала»—тема I тома «Капитала»—завершено в предыдущей главе, а в последнем параграфе подведены были, как мы видели, общие итоги и сделаны заключительные выводы, то в настоящей главе завершается «Критика политической экономии», завершается конечно в пределах тех проблем, которые в I томе рассматриваются.

Маркс показывает, как одна буржуазная теория разоблачает другие, как теория колонизации раскрывает фальшь теории капитала, накопления и др. Заслугу автора теории колонизации Маркс видит «не в том, что он сказал нечто новое о колониях, а в том, что в колониях

¹ «Капитал», т. I, стр. 613.

² Там же.

он раскрыл истину о капиталистических отношениях в метрополии¹. Он эту истину раскрыл конечно не преднамеренно, не сознательно, а она открылась теорией колонизации, которая (теория эта) в отношении колоний «разбалтывает» то, что так тщательно скрывается в отношении метрополии.

В колониях—речь идет о колониях, в которых каждый иммигрант свободно получает участок земли и сам его обрабатывает,—«капиталистический режим на каждом шагу наталкивается... на препятствия со стороны производителя, который, будучи сам владельцем условий своего труда, своим трудом обогащает самого себя, а не капиталиста»². И теория колонизации сводилась к следующему: 1) правительство должно было назначить высокую цену на свободную землю; 2) высокая цена заставляла бы нового поселенца долгое время работать по найму, пока он не накопит нужных средств для приобретения участка земли и не станет самостоятельным производителем; 3) вырученные от продажи земли деньги должны были израсходоваться на иммиграцию новых переселенцев, т. е. на ввоз новых «голиков», которые должны были заменить тех, кто из рядов наемных рабочих ушел в ряды самостоятельных производителей.

Теорию эту Маркс называет теорией по «фабрикации наемных рабочих в колониях». Но эта же теория, как Маркс показывает, тем самым раскрывает истинную сущность капитала—капитал без наемного труда невозможен, т. е. капитал не вещь, как утверждает буржуазная политическая экономия, а овеществленное общественное отношение. Но она—теория эта—также раскрывает несовместимость капиталистической частной собственности с частной собственностью, основанной на личном труде: пока в колониях легко достать землю, т. е. возможно приобрести собственность своим трудом, не легко, очень не легко внедряется капиталистическая собственность. А между тем буржуазная политическая экономия не только не различает между этими двумя диаметрально противоположными формами частной собственности, но всегда капиталистическую собственность выдает за трудовую: первую защищает аргументами, которые могут быть выдвинуты лишь в пользу второй.

И наконец в отношении метрополий, т. е. стран с уже господствующими капиталистическими отношениями, критикуемая Марксом политическая экономия всячески защищает свободную игру экономических сил, в частности свободное выявление спроса и предложения на рынке труда,—в отношении колоний она в лице теоретика колонизации требует вмешательства государственной власти, ограничения действия закона спроса и предложения, так как в тех колониях, о которых речь идет у Маркса, не заработная плата ограничивалась накоплением капитала, а, наоборот, высокая заработная плата мешала, как жалуются неоднократно цитируемый Марксом теоретик колонизации, накоплению.

¹ «Капитал», т. I, стр. 614.

² Там же.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹.

**Братские сведения об авторах (преимущественно экономистах), цитируемых
Е. Марксом в I—XXV главах I тома «Капитала».**

Андерсон Адам (1692—1765)—английский экономист, автор «Исторического и хронологического трактата о торговле». Упоминается Марксом на стр. 593 в связи с вопросом экспроприации земли у сельского населения Англии. Затем—на стр. 610 в связи с вопросом работорговли Англии как одного из методов первоначального накопления капитала.

Андерсон Джимс (1739—1808)—крупный шотландский фермер и экономист, писавший по вопросам сельского хозяйства. В своих сочинениях, написанных в защиту интересов фермеров и землевладельцев, Андерсон развил теорию дифференциальной ренты, которую впоследствии заимствовал Мальтус и развил дальше Рикардо. Последний связал ее с теорией стоимости. На стр. 393, прим. 324 Маркс, упоминая Андерсона, определяет место последнего в истории теории ренты. Затем цитирует его на стр. 338, 582, 585.

Аристотель (381—322 до нашей эры)—крупнейший философ древней Греции, исследователь формальной и диалектической логики, психологии, естествоведения и прародец политэкономии. Богатство, по Аристотелю,—предметы, полезные для государства и домоводства. Способы его приобретения таковы: 1) присвоение естественных продуктов земли, 2) искусственное создание благ при помощи обмена.

Маркс цитирует Аристотеля по вопросу стоимости в связи с анализом особенностей эквивалентной формы стоимости (стр. 21); в связи с разграничением понятий потребительной и меновой стоимости (стр. 42); в связи с анализом движения капитала—по вопросу о разграничении хрематистики и экономики (стр. 98); в связи с анализом формы движения ростовщического капитала (стр. 108).

Барбон Николай (1640—1698)—английский медик, с успехом занимавшийся, как говорит Маркс на стр. 489, политэкономией. Барбон считал, что ни один товар не имеет точно определенной стоимости. Стоимость товаров происходит из их потребительной стоимости или способности удовлетворять желания людей. Величина стоимости изменяется с изменением последних. Взгляд Барбона на потребительную стоимость Маркс приводит на стр. 1, на внутреннюю стоимость—на стр. 2 и на меновую стоимость—на стр. 3. Затем Барбон не признавал внутренней стоимости металлических денег. Монета, по его мнению,—ценность, созданная законом и не зависящая от ее металлического содержания. Количество последнего правительства поэтому в праве уменьшать. Он цитируется на стр. 73, 77, 78, 91.

Бартон Джон—английский экономист классической школы политэкономии. Заслугой Бартона в политэкономии является то, что он «первые отметил, что различные органические составные части капитала не растут соответственно накоплению и развитию производительных сил, что, наоборот, в процессе возрастания капитала та часть капитала, которая выражается в заработной плате, относительно уменьшается в сравнении с той частью, которая растет очень заметно, но лишь незначительно увеличивает спрос на труд; эту последнюю часть он называет основным капиталом» (К. Маркс, Теория прибавочной ценности, т. II, ч. 2, стр. 232. изд. «Прибой»). В «Капитале» он цитируется на стр. 502, 503, 538.

Бастия Фредерик (1801—1850)—французский экономист, страстный апологет капитализма, последователь и вульгаризатор классической школы политэкономии. Стоимость, по Бастия, определяется не трудом, затраченным производителем, а величиною услуги, получаемой покупателем при покупке товара. Прибыль, по Ба-

¹ Именной указатель составлен по «Капиталу», изд. 1928 г.

ствия,—вознаграждение капиталиста за оказываемые им «услуги». В связи с понятием «услуги», доставляемой капиталистом рабочему, Маркс и упоминает Бастиа на стр. 131 и 132. Далее Бастиа учил, что по мере прогресса техники доля зарплаты растет абсолютно и относительно, а интересы рабочих и интересы капиталистов при наличии свободной конкуренции стремятся к гармонии. Бастиа упоминается еще на стр. 39, 311, 441.

Беллерс Джон (1654—1725)—английский филантроп и «истинный феномен в истории политэкономии» (Маркс, стр. 379). В противоположность меркантилистам Беллерс учил, что не деньги, а земля и труд являются основами народного благосостояния, что поднятие последнего достижимо не путем умножения денег в стране, а путем увеличения производительности труда и преобразования существующей системы производства. Взгляды Беллерса на деньги Маркс и приводит на стр. 79, 86 и 92 и на стр. 328. Беллерс много занимался вопросом растущей нищеты рабочего класса. Причину этого явления он видел в несовершенстве капиталистического строя (в связи с этим Маркс цитирует Беллерса на стр. 372), при котором рабочие обогащают своим трудом богатых. Количество последних увеличивается с ростом первых. По этому вопросу Маркс цитирует Беллерса в главе, посвященной всеобщему закону капиталистического накопления (см. стр. 487). Капиталистический строй, по мнению Беллерса, должен быть заменен таким, в котором рабочий осуществляет свое право на полный продукт, где все трудятся, где даже обучение детей связывается с трудом. Последний взгляд Беллерса Маркс приводит на стр. 379, в связи с вопросом о введении технологического обучения при социализме. В заключение нужно сказать, что Беллерс считается одним из предшественников современного социализма.

Бланки Адольф Жером (1798—1854), брат знаменитого революционера Луи Огюста Бланки,—французский экономист, примыкавший к учению Сэн. Бланки много занимался изучением положения рабочего. Работу Бланки о положении рабочего класса Франции Маркс цитирует в главе о рабочем дне на стр. 201. Затем другую работу—на стр. 253 по вопросу о провозглашении мануфактуры.

Брэй Джон-Фрэнсис (1811—1884)—английский социалист, последователь Оуэна. Считая, что рабочий имеет право на полный продукт, но не может его осуществить из-за несправедливости денежного обмена, Брэй для устранения последней создал учение о переходе к системе трудовых денег. На этих деньгах обозначается право работника на определенное количество продуктов труда. Обмен происходит на местных базарах и т. д. Впоследствии эта утопия трудовых денег была повторена Прудоном. Об этом Маркс и упоминает на стр. 23, в связи с анализом всеобщей формы стоимости и всеобщего эквивалента.

Буа-Гильбер Пьер (1646—1714)—французский экономист, предшественник физиократов. Буа-Гильбер описал нищенское положение крестьянства Франции своего времени и дал резкую критику меркантилистической политики опосредованного покровительства промышленности, понижения цен на хлеб и обременения крестьянства налогами. В противоположность меркантилистам Буа-Гильбер видел богатство не в деньгах, а в продуктах сельского хозяйства. Маркс цитирует Буа-Гильбера на стр. 78 и 88.

Бэйли Самуэль (1791—1870)—английский экономист эпохи разложения классической школы и критики последней. Критикуя теорию трудовой стоимости Рикардо, Бэйли отрицал понятие абсолютной стоимости и признавал стоимость только как количественное отношение товаров, обмениваемых друг на друга. Всякое изменение этого отношения, по Бэйли, есть изменение стоимости обоих товаров. Маркс цитирует Бэйли на стр. 13, 18 и 24.

Бьюкенен (Буханан) Давид (1779—1848)—английский журналист и экономист. В 1814 г. он издал «Богатство народов» А. Смита, снабдив их своими примечаниями. Устанавливая то положение, что количество средств существования, в которых реализуется цена рабочей силы, может испытывать изменения, независимые или отличные от колебаний этой цены, Маркс цитирует Бьюкенена на стр. 437. Затем—по вопросу об экспроприации земли у сельского населения Шотландии—на стр. 585 и на стр. 75 другую работу—по вопросу о разменной монете.

Вандерлинт Яков (умер в 1740 г.)—английский экономист. Вандерлинт считал, что цены товаров возрастают с увеличением в стране золота и серебра и падают с уменьшением количества последних. Этот взгляд Вандерлинта впоследствии был заимствован Юмом и приведен Марксом на стр. 73 и 79 в связи с вопросом возникновения иллюзии, что товарные цены определяются массой средств обращения. Деньги, по мнению Вандерлинта, распределяются между на-

цями сообразно потребности в них последних. Это положение Вандерлинта Маркс приводит на стр. 92, в связи с вопросом о движении золога и серебра на мировом рынке.

Верри Пьетро (1728—1797)—итальянский экономист, меркантилист, считавший основным вопросом всех мер, предлагаемых политэкономией, увеличение возможно большего числа продавцов при уменьшении числа покупателей. Маркс цитирует Верри на стр. 8, 46, 81.

Вильсон Джемс (1805—1860)—английский экономист, противник законодательства о сокращении рабочего дня, вульгарный последователь Рикардо, сторонник учения о «последнем часе» Сениора. См. стр. 160.

Галиани Фернандо (1728—1787)—итальянский аббат и экономист, противник физиократов и запоздалый меркантилист. В теории стоимости Галиани—последователь Барбона. На стоимость он смотрел как на отношение между двумя лицами. Приводя этот взгляд Галиани на стр. 83, Маркс добавляет: «скрытое под вещной оболочкой». Он цитируется на стр. 45, 46, 54, 99, 103, 324, 345, 513. Наконец Маркс цитирует Галиани и на стр. 121, упоминая его полемику против физиократов.

Ганиль Шарль (1758—1836)—французский экономист, вернувшийся по вопросам производительного труда, богатства и ценности к меркантилистам. Труд без обмена, по Ганилю, не создает богатства и ценности. Богатство—деньги. Только обмен или торговля дают вещам ценности. Цитируется Ганиль на стр. 22, 39, 115, 116, 121, 346.

Гарнье Жозеф (1813—1881)—французский сенатор времени первой империи, экономист, преподаватель политэкономии и коммерческих наук, сторонник вульгарной школы Сая и Бастиа. Гарнье переведено на французский язык «Богатство народов» А. Смита и сделаны примечания к этому сочинению. В последних Гарнье полемизирует по ряду вопросов с А. Смитом. Между прочим он возражает против предложения А. Смита об организации народного образования для ремесленников и рабочих. Последнее, по Гарнье, противоречит закону разделения труда. Этот взгляд Гарнье и приводит на стр. 274—275.

Годскин Томас (1787—1869)—английский экономист, сочинения которого Маркс считает важнейшими произведениями политэкономии. Годскин—сторонник трудовой стоимости. Труд, по его мнению,—мерило стоимости и создатель богатства; сам же труд не является товаром (см. стр. 419). В работах Годскина имеются зачатки теории прибавочной ценности. На возникновение промышленного капитализма Годскин смотрел как на результат революции в праве собственности (см. стр. 602). По своим взглядам Годскин принадлежит к мелкобуржуазным критикам капитализма. Считая капиталистический строй несовершенным, Годскин желал заменить его строем ремесленников и крестьян.

Голкинс Томас—английский экономист первой половины XIX в., писавший преимущественно по вопросам распределения доходов. В связи с вопросом об измерении богатства при капитализме не абсолютной величиной продукта, а относительной величиной прибавочного продукта, Маркс и приводит возражение Голкинса против склонности некоторых экономистов изображать чистый доход выгодным для рабочего класса (стр. 162).

Грэй Джон (1798—1850)—английский экономист и социалист-утопист, последователь Оуэна. «Грэм,—говорит Маркс,—систематически было развито учение о рабочем времени как непосредственной единице денежной меры. Он предлагает национальному Центральному банку... определить количество рабочего времени, употребляемого на производство различных товаров. Взамен товара производитель получает... банковые билеты в 1 неделю, 1 день и т. д., служащие ассигновками на эквивалент, выраженный в каком-нибудь из товаров, сложенных в банковских складах» («К критике политической экономии», стр. 71). На этой теории зиждется утопия Голкинса о построении планомерной организации обмена при сохранении неорганизованного частного производства. Впоследствии учение Голкинса было повторено Прудоном. В связи с анализом всеобщей относительной и эквивалентной формы стоимости Маркс и напоминает о нелепости утопии рабочих денег Голкинса (см. стр. 28).

Дженовези Антонио (1712—1769)—итальянский профессор политэкономии, сторонник учения меркантилистов. Маркс цитирует Дженовези в связи с определением непосредственной цели, преследуемой капитализмом. Эта цель—не получение единичной прибыли, но ее неустанный движенье. Дженовези аналогично этому говорит следующее: «Купец ни во что не ценит уже полученную прибыль, но всегда стремится к новой» (стр. 99).

Джонс Ричард (1790—1855)—английский экономист. Среди английских экономистов,—говорит Маркс,—Джонс выделяется пониманием исторического различия способов производства. Капиталистический способ производства Джонс рассматривал как переходящую базу в развитии общественного производства. Благодаря этому воззрению Джонс отделил определенное отношение, выражающееся в капитале. Труд, по Джонсу, превращается в капитал, с другой стороны, капитал покупает труд для получения прибыли. Капитал—часть, сбереженная из дохода и употребленная для получения прибыли. Этот взгляд Джонса на капитал Маркс приводит в связи с анализом превращения прибавочной стоимости в капитал (стр. 462). В связи с другими вопросами он цитируется на стр. 246, 229, 239, 250, 446, 472, 503.

Кантильон Ричард (умер в 1734 г.)—английский экономист, талантливый предшественник физиократов и классиков. Кантильон считал, что «земля—источник и материал, из которого извлекаются богатства, труд же человека придает ему форму». В общем источник богатства Кантильон полагал в производстве, и главным образом сельскохозяйственном производстве. Маркс цитирует Кантильона на стр. 434 и 489.

Кенэ Франсуа (1694—1774)—знаменитый французский экономист, основатель и глава школы физиократов. Прибавочный продукт, по Кенэ, создается только в земледелии, ибо только в последнем природа доставляет человеку излишек материи сверх издержек производства и средств существования земледельца. Этот излишек в виде ренты поступает землевладельцу и образует богатства нации. Поэтому производителен труд только в земледелии. В торговле и промышленности он непроизводителен, ибо доставляет не излишки, а только расходы. Таким образом Кенэ, в противоположность меркантилистам, источник прибыли видел не в торговле, а в производстве; богатство—не в деньгах, а в продуктах. На основе этих положений Кенэ представил затем в своем сочинении «Экономическая таблица» общественный процесс производства, обращения, распределения и потребления как единое целое. Маркс цитирует и упоминает Кенэ на стр. 61, 239, 434, 489.

Кольбер Жан Батист (1619—1683)—французский министр, проводивший меркантилистическую политику одностороннего развития промышленности и торговли мерами государственной власти. Кольбер содействовал насаждению во Франции мануфактур путем предоставления владельцам их различных льгот, подчинял промышленность государственной регламентации и ограничивал свободную конкуренцию.

Кондильяк Этьен Бонно (1715—1780)—известный французский философ. Как экономист, Кондильяк был противником физиократов, однако находился под их влиянием. В области теории стоимости Кондильяк развивал положение Борбона о том, что стоимость товаров простекает из полезности товаров, смешивая меновую стоимость с потребительной и подменяя общество с развитым производством таким, при котором обменивается только избыток продукта, остающийся по удовлетворении собственных потребностей. Маркс цитирует Кондильяка на стр. 103—104.

Кэри Генри Шарль (1793—1879)—американский экономист и социолог, апологет, критик классической школы, противник теории ренты Рикардо. Основной идеей произведений Кэри является то, что в человеческом обществе, как и вообще в мире, существует полная гармония (см. упоминание об этом Маркса на стр. 151 и 415).

Летрон Гильон Франсуа (1728—1870)—французский экономист, принадлежавший к школе физиократов, популяризатор и пропагандист учения физиократов. Произведения Летрона считаются одними из лучших изложений учения физиократов. Стоимость Летрон определяет как отношение.

Локк Джон (1632—1704)—английский философ. Как экономист, Локк, разделяя учение меркантилистов о богатстве, примыкал по другим вопросам к критикам последних. Локк имел большое влияние на политэкономию, о чем Маркс и говорит на стр. 296. Меновую стоимость Локк определял законом спроса и предложения. Источником стоимости Локк считал труд, но под стоимостью понимал потребительную стоимость. Определение последней Локком Маркс и цитирует на стр. 2 в связи с анализом потребительной стоимости. Стоимость денег, по Локку, существует в воображении, ибо она придана деньгам путем соглашения людей; внутренняя стоимость денег, по Локку, есть не что иное, как количество. Эти взгляды Локка Маркс приводит в качестве иллюстрации анализа ошибочных учений о деньгах на стр. 46 и 74. Затем Маркс упоминает о Локке на стр. 55 и 97 и наконец на стр. 489 в связи с общей характеристикой своих предшественников-экономистов.

Лоу Джон (1671—1729)—родом англичанин, автор известной финансовой системы, учил, что в целях обогащения народа необходимо вместо дорогой металлической монеты выпускать бумажные деньги, умножая последние по произволу. С разрешения правительства Франции Лоу в 1716 г. открыл банк, пользовавшийся правом выпуска банковых билетов в неограниченном размере. Вскоре банк Лоу обанкротился. Взгляд Лоу на стоимость металлических денег Маркс и цитирует на стр. 46 и 47. Затем Маркс упоминает Лоу на стр. 489 в связи с общей характеристикой своих предшественников-экономистов.

Лютер Мартин (1489—1546)—представитель буржуазно-дворянской коалиции в революционном движении, связанном с так называемой реформацией, и основатель лютеранского вероисповедания, распространившегося в Германии, Дании и других странах. Лютер жил, говорит Маркс, в эпоху разложения феодального общества и знал капитал в двух формах: купеческий и ростовщический. Лютер списал возникновение ростовщического капитала, боролся против него и понимал его сущность, по выражению Маркса, лучше Прудона. Лютер упоминается на стр. 83, 131, 320, 467, 605.

Мак-Келлок (Куллох) Джон (1789—1864)—английский экономист, «вульгаризатор рикардовской экономики и в то же время самый жалкий представитель ее,—вульгаризатор не только Рикардо, но и Джемса Милля» (К. Маркс, Теория прибавочной ценности, т. III, стр. 142, «Прибой», 1924 г.). В I томе «Капитала» Маркс упоминает Мак-Келлока на стр. 96, 97, 98, 240, 336, 340, 481, 483, 582, 691.

Мальтус Томас Роберт (1766—1834)—английский поп и экономист, которого Маркс характеризует профессиональным плагиатором и «сикофантом земледельческой аристократии». Мальтус прославился своим законом народонаселения, который, по свидетельству Маркса, он буквально списал у многих своих предшественников. Согласно закону населения Мальтуса выходит, что причиной нищеты в капиталистическом обществе являются не недостатки последнего, а естественное и вечное противоречие между безграничным стремлением к размножению и ограниченным ростом средств существования. Поэтому рабочие и вообще бедные,—делает вывод Мальтус,—могут устранить свою нищету и бедствия не путем социализма, а путем задержки размножения, воздержания от ранних браков и т. п. Маркс упоминает, критикует и характеризует этот вечный и естественный закон народонаселения Мальтуса на стр. 266, 488, 505, 516, 564, 568, 411. Кроме заимствования закона населения, Мальтус заимствовал у своих предшественников закон убывающего плодородия, который служит ему одной из подпорок закона населения, и Мальтус определяет стоимость издержками производства. Во и безжание перепроизводства и кризисов Мальтус отстаивает непроизводительное потребление землевладельцев, церкви и т. п. Об этом отчасти Маркс упоминает на стр. 106, в связи с теорией воздержания—на стр. 469, и наконец на стр. 480.

Милль Джемс (1775—1836)—английский экономист, наиболее значительный, по выражению Маркса, последователь учения Рикардо, изложивший последнее в систематической форме. Милль приблизился к вульгарной политэкономии, а поэтому с него начинается разложение школы Рикардо. Маркс цитирует Милля на стр. 65, 74, 100, 126, 136, 445, 448, 450 83.

Милль Джон Стюарт (1806—1875), сын Джемса Милля,—английский экономист, стремившийся примирить учение классиков с социализмом и остановившийся на подлороге от либерализма к социализму. В основу главного своего труда «Основания политэкономии» Милль положил учение Рикардо, но в свою систему включил также учение Мальтуса о народонаселении* Сэя—о кризисах, Джемса Милля—о фонде зарплат, теорию трудовой стоимости превратить в теорию издержек производства. В общем Милль—не оригинальный мыслитель. Он не был апологетом капитализма, но процесс вульгаризации классической школы имел на него влияние. Имя Милля знаменует закат классической школы. Кроме экономических работ Милль писал по философским вопросам, например «Система логики». Маркс упоминает о Милле на стр. 74, 82, 280, 370, 376, 393, 401, 402, 464, 465, 473, 484.

Мирабо Виктор Рикетти (1715—1789), Мирабо Старший,—французский экономист, принадлежавший к школе физиократов, деятельный популяризатор и пропагандист учения физиократов. Маркс упоминает Мирабо на стр. 489 и 614.

Молинари Густав (1819)—бельгийский политико-экономист, сторонник свободы торговли, состоявший с конца 1850 г. постоянным сотрудником «Русского вестника», и представитель вульгарной политэкономии. Маркс цитирует Молинари в связи с современной теорией колонизации (стр. 618).

Монтескье Шарль (1689—1755)—известный французский писатель. В своем

сочинении «Дух законов» Монтескье, критикуя абсолютизм, считает идеальной формой государства конституционную монархию с разделением власти. Маркс цитирует эту работу Монтескье на стр. 607, затем упоминает о нем на стр. 488 и 592. В области политэкономии Монтескье является родоначальником того взгляда, что деньги—знак и представитель вещи и что цены товаров определяются соотношением между совокупностью товаров и общей массой денежных знаков. Маркс цитирует Монтескье в связи с анализом ошибок в области теории денег (см. стр. 46—47 и 73—74).

Мор Томас (1478—1535)—английский социалист-утопист, написавший сочинение «Утопия», в котором изображен фантастический остров Утопия (по-гречески—несуществующий), где люди не знают частной собственности и все трудятся. Маркс упоминает Мора в связи с общей характеристикой своих предшественников, писавших по экономическим вопросам (стр. 489), затем упоминает его работу в связи с экспроприацией земли у сельского населения Англии и наконец цитирует в связи с кровавым законодательством против экспроприированных с конца XV в. По этим вопросам в «Утопии» Мора имеется хороший и богатый материал.

Мэн Томас (1571—1641)—английский купец и автор сочинения «Богатство Англии через внешнюю торговлю», которое считается основным эпохи расцвета меркантилизма. Мэн хотя и считает богатством деньги, но в отличие от ранних меркантилистов стоит за привлечение их в страну не принудительными государственными мерами, а политикой активного торгового баланса: развитие вывозной торговли, судоходства и промышленности, работающей на вывоз. В общем Мэн—представитель окрепшего торгового капитала, стремящегося к расширению внешнего рынка и вывоза. Маркс цитирует работу Мэна (стр. 399) в связи с установлением того, что родиной капитала был умеренный пояс.

Норз Додлей (1641—1692)—английский купец и экономист эпохи разложения меркантилизма, защищавший в противоположность меркантилистам идею свободной торговли. Норз отличал деньги как сокровище от капитала, в деньгах видел меновую стоимость товара и количество средств обращения ставил в зависимость от товарного обращения. Маркс цитирует Норза на стр. 71, 74, 82, 269, 489.

Оверстон Самуил Лойд (1796—1883)—английский банкир, последователь теории денег Рикардо. Оверстон полагал, что с умножением в стране количества банкнот курс денег понижается, а цены товаров повышаются. Последнее увеличивает ввоз и сокращает вывоз и приводит к отливу благородных металлов за границу. На основании этого он требовал или полного покрытия благородным металлом или установления предельной нормы выпускаемых банкнот. Это учение, начало которого положил Рикардо, легло в основу банкового законодательства (1844—1845 гг.) Англии. Маркс упоминает Оверстона в связи с анализом ошибок количественной теории, называя Оверстона в этом отношении последователем теории Рикардо (стр. 74) и в связи с историей теории денег на стр. 91.

Ортез Джаммария (1713—1790)—итальянский монах и экономист, один из предшественников новейшей политэкономии, сторонник свободы торговли, видевший в деньгах не богатство, а только знак. Ортез формулировал точно и подробно закон народонаселения, заимствованный у него впоследствии Мальтусом. Кроме того Ортесом установлено наличие антагонизма капиталистического производства, наличие богатства у немногих при отсутствии необходимого у большинства, под которым он понимает в данном случае трудящихся. Этот антагонизм Ортез считал всеобщим и естественным законом общественного богатства. Маркс упоминает Ортеза на стр. 186, 489, 515.

Оуэн Роберт (1771—1858)—английский социал-утопист, называвший себя коммунистом. Оуэн является первым пропагандистом «рабочего законодательства» и идеи объединения рабочих в национальное профессиональное объединение, первым борцом за сокращение рабочего дня и инициатором этого сокращения, первым организатором «рабочих базаров», где можно было получать продукты не за деньги, а за «трудовые квитанции». В 1826 г. Оуэн на свои средства организовал в Америке коммунистическую колонию. Маркс и Энгельс причисляли Оуэна к великим утопистам. В I томе «Капитала» Маркс упоминает Оуэна на стр. 49, 306, 320, 375, 390, 470.

Петти Вильям (1632—1687)—английский экономист—отец политической экономии и в некотором роде изобретатель статистики (Маркс). Петти считается родоначальником теории трудовой стоимости. Основной формой прибавочной стоимости Петти считал ренту и изображал ее как излишек, созданный трудом. См. о Петти стр. 8, 14, 39, 48, 72, 89, 92, 113, 233, 257, 262, 276, 330, 434, 489.

Прудон Пьер Жозеф (1809—1865)—французский мелкобуржуазный социалист, отрицающий собственность крупной буржуазии и нападающий на пролетарский социализм и коммунизм. Идеал Прудона—мелкие собственники, не эксплуатирующие и не эксплуатируемые. Этот идеал вечной справедливости почерпнут Прудоном из юридических отношений, соответствующих товарному производству (стр. 41—42). Соответствующим своему идеалу Прудон и хотел преобразовать действительное товарное производство, уничтожив капиталистическую собственность, в простое—товарное, покоящееся на законах собственности такового. О нелепости этих идей Прудона Маркс говорит в связи с анализом процесса перехода законов собственности, свойственных товарному производству, в законы капиталистического присвоения (стр. 462, а также 41—42). Считая необходимым обеспечить мелким товаропроизводителям право на полный продукт, Прудон выдвинул теорию денег, повторяющую в основном систему Грея и Брея, а также в 1849 г. пытался, но безуспешно, организовать «обменный банк» о «даровым кредитом» (стр. 28).

Равенстон Перси—английский экономист, мелкобуржуазный критик капитализма послерикардовской эпохи. По мнению Равенстона, если бы труд каждого человека был достаточен для производства его собственного пропитания, то собственность не могла бы существовать (стр. 397). Это положение Равенстон цитирует на стр. 397, в связи с вопросом о том, что пока производительность труда не достигает определенного уровня, в распоряжении рабочего нет избыточного времени, прибавочный продукт не создается и существование эксплуататоров невозможно. Далее Равенстон считал, что с развитием производительности труда создается капитал, или собственность, и прибавочный продукт, который тунелюды получают благодаря собственности на богатство и землю. В общем, исходя из трудовой стоимости Рикардо, Равенстон приходит к отрицанию капитализма и необходимости замены его строем ремесленников и крестьян. Кроме вышеуказанной цитаты Маркс приводит на стр. 330 взгляд Равенстона на условия полезного применения машин.

Рикардо Давид (1772—1823)—великий английский экономист, имя которого знаменует расцвет и завершение классической политической экономии. Рикардо освободил теорию трудовой стоимости А. Смита от тех противоречий, которыми она у него страдала, и положил ее в основу своей экономической системы. Противоречия, в которые в свою очередь уперлась система Рикардо, определяются методологией классической школы, изучавшей экономические явления не как исторически обусловленные, а считавшей капиталистическую форму хозяйства вечной. Эти противоречия были преодолены К. Марксом. Характеристике Рикардо см. в работах: К. Маркс, Теория прибавочной ценности, т. II, ч. 1 и 2; И. Розенберг, Теория стоимости у Рикардо и у Маркса. В I томе «Капитала» Маркс цитирует Рикардо в связи с наиболее важными проблемами политической экономии на стр. 17—18, 24, 35, 37—38, 41, 73—74, 90, 109, 127, 141, 160, 161, 227—228, 294, 298—299, 310, 331, 336, 393, 401, 404—405, 406, 411, 417, 441, 450, 464, 473, 479, 487, 502—503.

Родбертус-Ягцов Карл (1805—1875)—известный немецкий экономист, учение которого буржуазные экономисты ставят не только на одну доску, но и выше учения К. Маркса, считая, что последний очень многое заимствовал у Родбертуса. Впрочем последнее утверждал и сам Родбертус. Плеханов в работе «Экономическая теория Родбертуса» на стр. 189 (изд. «Буревестник» 1924 г.) по этому вопросу говорит: «Верный последователь Смита и Рикардо, он (Родбертус) был бесконечно выше современных ему вульгаризаторов... но смешно ставить его учение не только выше учения Маркса и Энгельса, но и на одну доску с этим последним». В области теории стоимости Родбертус—последователь классиков. Исходя из последней, Родбертус создал теорию прибавочной стоимости. Отзыв о Родбертуса Маркса и Энгельса см. на стр. 413 (прим. 17).

Роджерс Джеймс (1823—1890)—английский филантропически настроенный экономист, профессор политэкономии Оксфордского университета. Роджерс писал по вопросам истории народного хозяйства, истории земледелия и цен Англии. К классической школе он относился критически, источник капитала видел в сбережении и сочувственно относился к потребительской кооперации рабочих и фабричному законодательству. Маркс цитирует исторические работы Роджерса на стр. 538, 542, 579, 601.

Росси Пеллерино Луиджи (1787—1848)—итальянский профессор политэкономии, последователь Сэя. Вместе с Сэем Росси определяет политэкономии как науку о производстве и распределении. В теории ренты Росси последователь Рикардо, в теории народонаселения—Мальтуса. Понятие производительного труда,

в отличие от А. Смита, Росси распространял и на невещественный духовный труд. Об этом Маркс замечает на стр. 449 в связи с вопросом двойного рода потребления рабочего. Затем Росси упоминается на стр. 115.

Рошер Вильгельм (1817—1894)—известный немецкий экономист, родоначальник исторической школы буржуазной политэкономии. В «Теории прибавочной ценности» (стр. 390, т. III, изд. «Прибой» 1924 г.) Маркс Рошеру дает следующую характеристику: «Последняя форма (апологетики капитализма у вульгарных экономистов.—А. Ч.)—это профессорская форма, которая приступает к делу историческим и с мудрой умеренностью собирает везде «лучшее»: дело не в противоречиях, а в полноте. Все системы обездушены; во всех системах отломано острие, — и они мирно уживаются в коллекционной тетради. Пыл апологии здесь умеряется ученостью, которая благосклонно смотрит вниз на превращение экономических мыслителей и лишь в виде курсов позволяет им плавать в своей умеренной размазне. Так как подобного рода труды появляются также лишь тогда, когда политэкономия как наука уже закончила свой путь, то они являются в то же время могилой этой науки... «Такого рода мастером является господин профессор Рошер...» Маркс упоминает Рошера на стр. 43, 103, 142, 151, 242, 275—276, 486.

Садлер Михаил Томас (1780—1835)—английский экономист, противник мальтусовской теории народонаселения. По Садлеру умножение населения обратно пропорционально его плотности, так как с возрастанием количества населения плодovitость ослабевает. Садлер цитируется и упоминается Марксом на стр. 246—247, 539, 564.

Сениор Вильям Нассау (1790—1864)—английский вульгарный экономист и апологет капитализма. Принимая учение Сэя о трех факторах производства: труд, природа, капитал, Сениор заменяет последний «воздержанием» капиталиста. Накопление капитала по Сениору произошло путем воздержания трудолюбивых людей от потребления. Прибыль или процент—вознаграждение поэтому за жертвы капиталистов. Далее Сениор учил, что с вытеснением машинами рабочих освобождается капитал, который последним дает работу. От своего учения, что прибыль получается от «последнего часа» труда рабочих, Сениор впоследствии отказался. Маркс цитирует и упоминает Сениора на стр. 156—160, 239, 240, 309, 336, 375, 382, 383, 470, 471, 481, 571, 586.

Сен-Симон Анри де-Ревуа (1760—1825)—великий французский утопист. Сен-Симон смотрел на историю человеческого общества как на закономерный процесс постепенного развития разума и нравственного совершенствования людей. Существующий общественный порядок с господством родовой аристократии должен, по Сен-Симону, уступить место «промышленному режиму». Руководящим общественным органом здесь является коллегия ученых. Государство превращается в хозяйственный орган, регулирующий производство, охраняющий интересы производителей и подчиняющийся интересам производительного большинства. Управление людьми заменяется управлением вещами. Управление народным хозяйством вручается руководителям промышленности. Доходы, основанные на привилегиях и правах происхождения, уничтожаются. Остаются только доходы, основанные на личных заслугах. Предпринимательская прибыль как не противоречащая последним тоже остается. О сен-симонизме—учении Сен-Симона, распространенном во Франции в первую половину XIX в.,—Маркс упоминает на стр. 470 в связи с анализом причин появления вульгарной политэкономии.

Смит Адам (1723—1790)—великий английский экономист, один из основателей классической школы. Смитом написана сделавшая эпоху книга «Исследование о природе и причинах богатства народов». В отличие от физиократов, считавших производительным трудом только труд земледельцев, Смит считал таковым всякий труд, создающий потребительную и меновую стоимости. Затем Смит развил теорию трудовой стоимости. Последняя у него страдает рядом противоречий, например рядом с определением стоимости затраченным трудом он ее определяет и покупаемым трудом. Закон стоимости действителен только для простого товарного хозяйства. В капиталистическом—стоимость есть результат сложения доходов (зарплаты, прибыли и ренты), первичных по отношению к стоимости и самостоятельным по отношению друг к другу. Противоречия системы Смита были впоследствии использованы вульгарной политэкономией и сделали его одним из родоначальников не только классической, но и вульгарной школы политэкономии. Маркс цитирует Смита на стр. 10—11, 38—39, 72, 74, 109, 198, 262, 267, 274, 276, 294, 312, 323, 405, 416, 432, 434, 433, 446, 464, 465, 469, 480, 484, 487, 488, 489, 490, 491, 493, 496.

Сисмонди Симон де (1773—1842)—швейцарский мелкобуржуазный эконо-

мист и критику классиков. На классиков Сисмонди напал за то, что они стояли за безграничное расширение производства, свободную конкуренцию и невмешательство государства и приходили к выводу о гармонии интересов классов. Свобода конкуренции, отделяя собственность от труда, губя мелких производителей, приводит, по Сисмонди, к концентрации собственности и распадению общества на два класса: богатей (собственников) и бедняков (работающих), недопотреблению последних и кризисам. Заслугой Сисмонди в политэкономии является постановка проблемы кризисов. Марксом Сисмонди цитируется и упоминается на стр. 100, 115, 324, 418, 444, 454, 457, 460, 469, 483, 484, 505, 517, 612.

Стаффорд Вильям (1554—1612)—англичанин. Стаффорд один из первых формулировал меркантилистическую теорию денежного баланса. Маркс упоминает Стаффорда на стр. 597.

Стюарт Джеймс (1712—1780)—английский экономист, выработавший, по словам Маркса, общую систему буржуазной экономики и научно воспродизведший учение меркантилистов. Стюарт различает положительную и отрицательную прибыль. Под первой он понимал общее возрастание потребительных ценностей в результате роста производительности труда и независимое от прибыли отдельных капиталистов. Под второй—надбавку к ценности товаров. Ценность Стюарт определял издержками производства. Деньги Стюарт считал идеальным масштабом с разными делениями. Маркс упоминает Стюарта на стр. 91, 95, 120, 249, 266, 329, 434, 488—516, 576, 585, 598.

Сэй Жан-Батист (1767—1822)—французский экономист, популяризатор и вульгаризатор учения А. Смита, страстный апологет капитализма и крайний враг рабочего движения и социализма. Являясь отцом вульгарной политэкономии, Сэй отрицал теорию трудовой стоимости. Стоимость, по Сэю, создается услугами труда, капитала и природы и составляется из зарплаты, прибыли и ренты. Причем зарплата—порождение труда, прибыль—капитала, рента—земли. Маркс упоминает Сэя на стр. 38, 65, 99, 100, 131, 142, 274, 294, 339, 405, 419, 469, 479.

Томпсон Вильям (1785—1833)—английский социалист-утопист, ученик Оуэна. Исходя из теории трудовой стоимости Рикардо, Томпсон развил учение о прибавочной стоимости, создаваемой трудом рабочего и присваиваемой капиталистами в виде прибыли, и требовал справедливого распределения продуктов. Буржуазные экономисты считают, что Маркс много заимствовал у Томпсона. Не говоря уже о том, что это не верно, следует сказать, что в его сочинениях много пережитков мелкобуржуазных идеалов. Маркс цитирует Томпсона в связи с анализом процесса отделения науки от рабочего (стр. 273).

Торнтон Вильям Томас (1813—1880)—английский экономист, критик учения о фонде заработной платы, автор книги «О труде» (1869), которая настолько подорвала авторитет теории фонда, что Джон Стюарт Милль отказался от нее. Маркс упоминает Торнтона на стр. 113, 194—195, 576.

Торренс Роберт (1780—1864)—английский экономист эпохи разложения классической школы и критику теории трудовой стоимости Рикардо. Закон трудовой стоимости для цивилизованных времен (капитализм), по Торренсу, не действителен. В последних господствует закон издержек производства. Начало капитала Торренс видит в камне и палке дикаря. Прибыль Торренс выводит из обмена. Маркс упоминает Торренса на стр. 105, 114, 125, 308, 336.

Тук Томас (1774—1858)—английский экономист, статистик и участник крупных торговых и промышленных предприятий. Тук является противником банковского законодательства 1844—1845 гг. Англии, ставившего жесткие границы эмиссии банкнот. При разменности банкнот, говорит Тук, банк не выпускает билетов больше, чем имеется на них спрос. Увеличение количества банкнот не повышает цен и не вызывает падения вексельного курса и отлива благородных металлов за границу. Кроме того Тук произвел исследование товарных цен Англии с 1793 по 1856 г. и влияние их на местную и мировую торговлю, кредит, ренту, процент и зарплату. О Туке и его работе Маркс упоминает на стр. 217.

Тукер Джеймс (1711—1799)—английский экономист, один из предшественников А. Смита в учении, что источник народного богатства—труд и что оно увеличивается благодаря разделению труда, так как последний становится более производительным. Тукера Маркс упоминает на стр. 199 и 489.

Тюнен Иоганн Генрих (1783—1850)—немецкий практический сельский хозяин и экономист, автор «Уединенного государства», в котором изложил учение о влиянии на ренту расстояния от рынка. Маркс цитирует Тюнена на стр. 493.

Тюрго Анн Роберт Жан (1727—1782)—известный французский государственный деятель и экономист, примыкавший к физиократам и наиболее самосто-

тельный и выдающийся мыслитель после Кенэ. В отличие от физиократов Тюрго считает, что всякая затрата капитала не только в земледелии, но и в промышленности и торговле доставляет прибыль. К делению физиократами общества на землевладельцев, земледельцев и промышленников присоединяет деление последних на капиталистов и рабочих. Тюрго определил капитал как совокупность средств производства, дал систематическую теорию прибыли и последовательную формулировку «Железного закона заработной платы». Марко цитирует Тюрго на стр. 121, 233, 415.

Уоллес Роберт (1697—1771)—английский публицист, писавший по вопросам народонаселения, выводы которого присвоил, по свидетельству Маркса, Мальтус (например геометрическая прогрессия размножения человека и др.).

Ур (Юр) Андрей (1778—1857)—английский профессор химии и писатель по вопросам технологии. Уром написана «Философия мануфактуры», в которой он прославляет машинную технику, позволяющую взрослых рабочих-мужчин заменять женщинами и детьми, обученных—чернорабочими, повысить независимость хозяина от рабочих и ввести дисциплину среди последних, чего нет в мануфактуре. В общем Ур апологет капитализма, противник рабочего законодательства и сторонник удлинения рабочего дня. Маркс упоминает и цитирует Ура в связи с вопросами: о рабочем дне (стр. 197, 220); о мануфактуре (стр. 263, 264, 279); о машинах и крупной промышленности (стр. 287, 293, 307, 320, 321, 322, 325, 331—336, 238—240); в связи с заработной платой (стр. 432, 436, 439).

Уэксфильд Эдуард (1796—1862)—английский экономист эпохи разложения школы Рикардо, считавший невозможным возникновение прибыли при условии покупки труда по ценности и определявший ценность труда (рабочей силы) законом спроса и предложения. Уэксфильд—автор теории колонизации, сущность которой—насаждение наемных рабочих в колониях. Маркс разбирает и критикует эту теорию на стр. 614—616. Затем Маркс цитирует Уэксфильда на стр. 194, 243, 458 и 539.

Уэст (Вест) Эдуард (1782—1828)—английский экономист, предшественник Рикардо, Маркс цитирует и упоминает Уэста на стр. 393, 411, 424.

Франклин Бенжамин (1706—1790)—знаменитый североамериканский государственный деятель, боровшийся за независимость САСШ, и ученый (изобретатель громоотвода и т. д.). Рассматривая отдельные вопросы политической экономии Франклин определял стоимость трудом. Труд Франклин фактически представлял как абстрактный, но понятие последнего, говорит Маркс, не развил и влияния на экономическую науку не имел. Франклина Маркс цитирует и упоминает на стр. 1, 37, 107, 121, 244, 489.

Фуллартон Джон (1780—1849)—английский экономист, писавший главным образом по вопросам кредита и денежного обращения. Фуллартон был противником учения Овертона (см. выше) и утверждал, что при правильной эмиссии банкнот объем банкнотного обращения регулируется законом спроса и предложения и что при соблюдении разменности банкнот банк не в состоянии выпустить последних больше, чем в них есть потребность. Всякий избыток банкнот возвращается обратно в банк. Таким образом увеличение количества банкнот никакого влияния на повышение цен не оказывает, а наоборот: увеличение количества первых есть следствие роста последних. Маркс цитирует Фуллартона на стр. 77, 88 и 91.

Фурье Шарль (1772—1837)—французский социалист-утопист, считающийся одним из великих утопистов. Фурье дал блестящую критику капитализма, его бессмысленности, расточения сил и средств, вызываемого существованием частных хозяйств и конкуренций. Затем Фурье нарисовал яркую картину будущего общества, покоящегося на коллективистической организации хозяйств и устраивающего благодаря этому все недостатки капитализма. Фурье надеялся, что его сочинения воздействуют на богатей и они явятся к нему со своими капиталами для осуществления плана организации нового общества. Маркс упоминает Фурье на стр. 212, 290, 327, 345, 470 и 556.

Чомерс Томас—английский поп и экономист первой половины XIX в. «Одним из фанатичных мальтузианцев является его преподобие Т. Чомерс, по мнению которого нет другого средства от всякого рода социальных неустойчив, кроме религиозного воспитания трудящегося класса, под который он понимает христиански-подобающую, позовски-назидательную проповедь мальтусовской теории народонаселения». Защитник «всех злоупотреблений, государственных расходов, крупных окладов для попов и безумной расточительности богатых»... он высказывается за многоисчисленные налоги и поборы для «высших и непроизводительных

рабочих, попов и т. д.» (Маркс, Теории прибавочной ценности, т. I, стр. 265, изд. «Прибой», 1923 г.). Маркс упоминает Чомерса на стр. 489 и цитирует на стр. 98—99, 105.

Шербулье Антуан (1777—1868) — швейцарский экономист, последователь Сисмонди и критик капиталистического строя. Маркс упоминает и цитирует Шербулье на стр. 126, 459 и 517.

Шторх Генрих Фридрих (1766—1835) — прибалтийский немец, преподаватель политэкономии в Петербурге. В своих работах Шторх многое заимствовал у Смита и Сэя. Оригинальным учением Шторха является учение о «невещественных благах», под которыми он понимал цивилизацию, и о производительном труде, в понятие которого он включал невещественный труд учителя, врача и т. д. Маркс цитирует и упоминает Шторха на стр. 116, 123, 273 и 516.

Шульце-Делич Герман (1808—1883) — немецкий экономист, сторонник учения Сэя и Бастиа о гармонии интересов труда и капитала и мелкобуржуазный политический деятель. Шульце-Делич — основатель кредитных товариществ и касс для ссуд на случай болезни и смерти для ремесленников и рабочих Германии. Маркс упоминает Шульце-Делича на стр. 160.

Эден Фредерик Мортон (1766—1809) — английский филантроп и экономист, ученик А. Смита и автор известной работы «Положение бедных или история рабочего класса в Англии». Эту работу Эдена Маркс цитирует на стр. 474, 488, 539, 579, 581, 584, 608.

Юнг Артур (1741—1820) — английский писатель, писавший по вопросам истории, сельского хозяйства и экономики. Путешествуя по Франции перед Великой революцией, Юнг написал путевые заметки, давшие яркую картину упадка сельского хозяйства и разорения крестьянства Франции. В теории денег Юнг — последователь Юма. Маркс цитирует и упоминает Юнга на стр. 72, 161—162, 538, 544, 545.

Юм Давид (1711—1776) — известный английский философ и экономист эпохи разложения меркантилизма, предшественник классической школы в защите свободной торговли. Критикуя меркантилизм, Юм считал, что высота процента зависит не от обилия денег в стране, а от спроса и предложения капиталов. Далее, в противоположность меркантилистам, Юм считал, что увеличение количества денег в стране не увеличивает богатства, ибо увеличение их, по Юму, приводит только к увеличению цен. Маркс цитирует и упоминает Юма на стр. 72, 73, 400, 489.

Сдана в производство 31 мая 1931 г.
Подписана к печати 13 сентября 1931 г.
Редактор И. Колосов-Соколовский.
Техредактор Вас. Макаров.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАССОВОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПАРТИЙНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ» И «ПРИБОЙ»**

УЧЕБНИКИ И ПРОГРАММЫ ДЛЯ СЕТИ ПАРТИЙНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

У Ч Е Б Н И К И

**Для начальных
школ:**

Покровский — «Русская история в самом сжатом очерке». 1—2 ч. Стр. 320. Ц. 1 руб. Вып. 1—3 ч. 398 стр. Ц. 75 к.

Бочаров и Ионисани — «История классовой борьбы», вып. I. 5-е изд. 184 стр., 55 коп.

Бочаров и Ионисани — «История классовой борьбы». Вып. II. 175 стр. Ц. 70 к.

Бочаров и Ионисани — «История классовой борьбы». Вып. III. 214 стр. Ц. 90 к. (Для совпартшкол).

Гуковский и Трахтенберг — Очерк истории докапиталистического общества и происхождения капитализма. (Для совпартшкол). Изд. 5-е вновь перер. и дополн., 424 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Авторск. коллектив под редакцией Булата — «Теория советского хозяйства». (Для совпартшкол).

Розенберг — «Комментарии к третьему тому «Капитала» К. Маркса». (Для совпартшкол). Вып. I. 192 стр. Ц. 1 р., пер. 25 к.

Авторск. коллектив под редакц. Кофмана — «Политэкономия». Вып. I.

Авторск. коллектив под редакц. Кофмана — «Политэкономия». Вып. II. (Для совпартшкол).

Полянский — Основоположники марксизма-ленинизма и ВКП (б) о коллективизации сельского хозяйства. (Для совпартшкол).

**ПРОДАЖА ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ И МАГАЗИНАХ
КНИГОЦЕНТРА В КООПЕРНИКАХ И ПОТРЕБКООПЕРАЦИЯХ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАССОВОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПАРТИЙНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ» И «ПРИБОЙ»**

**УЧЕБНИКИ И ПРОГРАММЫ ДЛЯ СЕТИ ПАРТИЙНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
НА 1931/1932 УЧЕБНЫЙ ГОД**

УЧЕБНИКИ

**Для начальных
школ**

**Для совпартшкол,
вечерних совпарт-
школ и марксистско-
ленинских кружков:**

Ольховый—Азбука ленинизма. Пособие для деревен. партшкол. 4-е издание. 256 стр. 50 коп.

Ланидус и Островитянов—Полит-экономика. Вып. I (для совпартшкол и марксистско-ленинских кружков), 6-е изд., вновь перераб. и дополи. 288 стр. 80 к., перепл. 30 к.

Бохановский, Гинзбург, Еочешков, Роми, Тюльпанов—Экономическая политика СССР. (Для вечерних совпартшкол).

Бурдянский—Основы рационализации производства. 2-е изд. пер. и доп., 383 стр. 1 р. 10 к., перепл. 30 к.

Вольфсон и Гак—Очерки исторического материализма. (Для совпартшкол). 232 стр. 90 коп.

Адоратский—Диалектический материализм. (Хрестоматия по Ленину) (для совпартшкол) 342 стр. 1 р. 75 к., переплет 35 к.

Айзенберг, Егорова, Жив, Седиков, Тимянский, Янковский—Диалектический материализм. (Под редакцией Айзенберга Тимянского, Широкова) (для совпартшкол).

Леонидов, Мишин, Рудник, Тюшевский под редакцией Быстрицкого—Учебная книга по ленинизму. (Для совпартшкол и вечерних совпартшкол) 448 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Попов, Н. Н.—Очерки истории ВКП (б). Вып. I, стр. 240, ц. 60 к., и вып. II, стр. 224, ц. 55 к. (для совпартшкол).

**ПРОДАЖА ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ И МАГАЗИНАХ
КНИГОЦЕНТРА В КООПНИГАХ И ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАССОВОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПАРТИЙНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ» И «ПРИБОЙ»

УЧЕБНИКИ И ПРОГРАММЫ ДЛЯ СЕТИ ПАРТИЙНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

ПРОГРАММЫ

Для совпартшкол и
нижних звеньев се-
ти партийного про-
свещения:

Для совпартшкол и
средних звеньев се-
ти партийного про-
свещения:

Для комвузов и выс-
ших звеньев сети
партийного просве-
щения:

Программы летней подготовки и переподго-
товки партактива с приложением программы «Орга-
низация и методика партпросвещения». 64 стр. Ц. 15 к.

Основы рационализации производства. 8 стр.
Ц. 5 к.

История ВКП (б).

Основы рационализации производства. 8 стр.
Ц. 3 к.

Советское строительство. 24 стр. Ц. 6 к.

Истмат. 47 стр. Ц. 12 к.

История ВКП (б). 48 стр. Ц. 10 к.

Партстроительство. 64 стр. Ц. 15 к.

Основы рационализации производства.

Диамат.

История народов СССР.

**ПРОДАЖА ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ И МАГАЗИНАХ
КНИГОЦЕНТРА, В КООПКНИГАХ И ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ**

